

УДК 159.9
ББК 88я43
А 43

А 43 Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор В.В. Константинов. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 798 с. [Электронное издание]

ISBN 978-5-00086-386-2

УДК 159.9
ББК 88я43

ISBN 978-5-00086-386-2

©Авторы статей, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллеги! Искренне рад представить вашему вниманию сборник материалов участников 2-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы исследования массового сознания».

В фокусе внимания нашего форума оказались проблемы связанные с функционированием психологических и социальных механизмов продвижения мировоззренческих установок, психологические аспекты феномена социального капитала в контексте мультикультурализма, социально-психологические аспекты культурной трансмиссии социально-психологические аспекты исследования внесистемных механизмов принятия управленческих решений, психологические и кросскультурные аспекты феномена психовирусов, проблемы влияния культурной среды на генотипы и фенотипы и многие другие аспекты проблемного поля конференции.

Надеюсь, что тематическое разнообразие материалов сборника генерирует возможности развития и самореализации ученых-участников конференции, а так же будет способствовать интеллектуальному взаимодействию специалистов в области психологии, педагогики, социальной политики, и всех, кому не безразличны проблемы исследования массового сознания. В публикациях сборника читатели найдут интересные и оригинальные идеи, инновационные подходы к осмыслению и решению проблем исследования массового сознания, в основе которых лежат результаты эмпирических исследований и практического опыта авторов. Уверен, что материалы сборника 2-й Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы исследования массового сознания» будут интересны широкому кругу читателей, и найдут свое развитие в дальнейших исследованиях.

Ответственный редактор
В.В. Константинов

ЛОЖЬ КАК КОМПОНЕНТ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Акименко А.К. (г. Саратов, Россия)

На современном этапе динамично развивающееся общество предъявляет повышенные требования к социальной мобильности личности. В связи с этим становится остро актуальной проблема изучения особенностей стратегий адаптации современной молодежи к постоянно изменяющимся жизненным реалиям.

Под стратегиями адаптивного поведения мы понимаем систему способов действий человека по определению основного направления своей деятельности в нестандартных ситуациях. Это умение, а по существу искусство, вырабатывать и реализовывать план оптимального распределения ресурсов своих эмоциональных и интеллектуальных, реальных и потенциальных возможностей, сил и средств в нетипичных, проблемных ситуациях. Особый интерес для исследователей представляет изучение

направленности и факторной обусловленности различных адаптивных стратегий. В этом контексте значительную роль приобретают исследования тех средств, которые используют люди в процессе приспособления к социальной среде. Принципиальную важность, на наш взгляд, представляет анализ использования лжи как компонента в отдельных стратегиях адаптивного поведения.

Цель доклада – на основе уровневой характеристики социально-психологической адаптированности студентов определить роль и значение лжи в выборе предпочитаемых ими стратегий адаптивного поведения.

Для изучения данной проблемы мы использовали: опросник приспособленности Х.Белла, диагностический межличностный опросник Т.Лири, Мак-опросник В.В.Знакова, опросник на выявление эмпатийных тенденций И.М.Юсупова, методику изучения уровня притязаний и самооценки Т.В.Дембо, С.Я.Рубинштейн, методику «Личностный дифференциал», авторскую анкету, направ-

ленную на выявление особенностей понимания категории лжи и ее значимости в человеческой жизни.

В экспериментальном исследовании приняли участие 197 человек: студенты СГУ им. Н.Г.Чернышевского в количестве 115 человек; студенты СГТУ - 53 человека; учащиеся, оставшиеся без попечения родителей (ОБПР) и обучающиеся в ГОУНПО «ПУ-22» г. Саратова в количестве 29 человек. Возраст испытуемых – юношеский (18-23 года).

Обратимся к результатам изучения особенностей социально-психологической адаптации студенческой молодежи. По показателю социальной приспособленности, на основе сравнительного анализа фактического материала, все испытуемые были условно нами поделены на три основные группы. Уровень статистической значимости различий был определен по критерию Стьюдента и составил $p < 0,001$. Дадим содержательную характеристику каждой из групп.

К первому уровню – уровню с низкой социально-психологической адаптированностью – были отнесены 44 человека, что составило 22% из всего количества испытуемых. Данный уровень характеризуется выраженным нарушением социальной приспособленности, которая проявляется в недостаточной уверенности в себе, в трудности установления дружеских отношений, наличии чувства робости, застенчивости и зависимости в межличностных взаимоотношениях ($\bar{\chi}=23,61$; $t=8,82$, $p<0,001$). Наряду с легкой ранимостью, тревожностью и выраженным чувством вины, данной группе испытуемых свойственны частые вспышки гнева, враждебности и агрессии. Преобладающую часть испытуемых отнесенных к данному уровню определяет низкий уровень «субъективного благополучия» ($\bar{\chi}=3,4$), самооценки ($\bar{\chi}=20,6$) и неадекватно завышенный уровень притязаний ($\bar{\chi}=37,6$), что свидетельствует о внутриличностном конфликте испытуемых, выражающемся в диссонансе между «могу» и «хочу». В ходе исследования испытуемых на предмет выяв-

ления предпочитаемого стиля поведения в межличностных отношениях были получены следующие данные. Испытуемые с низким уровнем адаптированности проявляют себя как замкнутые, застенчивые, покорные натуры (октанта V: $\bar{\chi}=6,34$). Им свойственна некоторая степень подозрительности (октанта IV: $\bar{\chi}=6,48$) и враждебности (октанта III: $\bar{\chi}=5,89$) по отношению к окружающим, обусловленные повышенной тревожностью и частыми разочарованиями в людях. Также у большинства респондентов, демонстрирующих данный уровень приспособленности, отмечается низкий уровень развития эмпатии ($\bar{\chi} = 33$) и высокие показатели по шкале макиавеллизма ($\bar{\chi} = 87$). Это означает, что при вступлении в контакт они склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно. Манипулятивные действия на данном уровне адаптации являются лишь средством приспособления к социальной среде.

Описанные личностные особенности определяют целесообразность использования лжи как средства самозащиты.

Анализируя содержание ответов испытуемых данного уровня адаптированности на вопрос: «Что заставляет человека обманывать окружающих?», можно выделить следующие мотивы в порядке их предпочтения: «стремление защитить себя от чувства неполноценности, неловкости»; «избежание наказания, осуждения»; «ради достижения цели»; «желание выделиться, произвести впечатление» и др. Примечательно, что на последнем месте предпочтений, выделенных в ходе ранжирования ответов испытуемых, присутствует мотив «стремления помочь окружающим». Данный ответ предпочли всего лишь 2% респондентов. Это свидетельствует об эгоцентрической направленности личности испытуемых. При этом в процессе «искажения действительности» большинство опрошенных (39%) испытывает страх обличения, 17% - чувство смущения и 18% - тревогу. В случае обнаружения обмана, лица, которым свойственны угрызения совести, сознаются в содеянном, в то время как некоторая часть респондентов утверждает, что «будет настаивать на своём и ни за что не при-

знается». Данный факт является ярким подтверждением манипулятивности влияния и непосредственно связан с макиавеллистическими ориентациями испытуемых ($r = 0,39$ при $p < 0,01$).

Ко второму – среднему уровню приспособленности - было отнесено 104 человека, что составило 54% из всего количества респондентов. Межличностные взаимоотношения у данной группы респондентов складываются более стихийно, но без выраженных проблем ($\bar{\chi} = 16,55$; $t = 9,1$, $p < 0,001$). Испытуемые принимают активное участие в общественной жизни группы и учебного заведения. Данные по шкале «Эмоциональность» свидетельствуют о том, что для лиц, отнесенных к этому уровню, характерна эмоциональная стабильность и выраженная способность контролировать свои субъективные переживания ($\bar{\chi} = 15,88$; $t = 5,84$, $p < 0,05$). Учащиеся данного уровня в целом не конфликтны. Степень удовлетворенности собой, своей жизнью и взаимоотношениями с окружающими большинство испытуемых, демонстрирующих средний уровень

приспособленности, оценивают как «удовлетворительную» ($\bar{\chi}=3,8$). Необходимо отметить отсутствие, по сравнению с респондентами низкого уровня адаптации, столь выраженного расхождения между показателями самооценки и уровня притязаний ($\bar{\chi}=31,8$ и $\bar{\chi}=40,9$). Испытуемые среднего уровня адаптированности ориентированы на стратегию сотрудничества (октанта VII: $\bar{\chi}=6,75$). Они общительны, дружелюбны, деликатны, проявляют сострадание, стремятся помогать окружающим (октанта VIII: $\bar{\chi}=6,47$). Респонденты демонстрируют средние показатели по Мак-шкале ($\bar{\chi}=71$) и высокие значения эмпатийности ($\bar{\chi}=68$). Они эмоционально отзывчивы, великодушны, адекватно воспринимают окружающий мир. Быстро устанавливают контакт и находят общий язык. Ориентированы на людей и на их чувства.

Необходимо отметить общую тенденцию для представителей данного уровня адаптированности: использование лжи как средства поддержания и сохранения соци-

альных отношений. Отвечая на интенцию о частоте своей собственной лжи, испытуемые полагают, что прибегают ко лжи «не так уж и часто, по сравнению с остальными», указывают на необходимость и вынужденность подобного деяния. В ходе ранжирования детерминант лжи выявлен следующий ряд мотивов: «ради сохранения социальных отношений»; «стремление помочь другим», «стремление выделиться» и т.д. Несмотря на альтруистическую направленность лжи, испытуемые данной группы констатируют наличие у них в этот момент чувства вины (22%) и угрызений совести (18%).

Третий уровень - характеризуется высокой приспособленностью в семье, удовлетворительным самочувствием (соответственно $\bar{\chi}=10,63$ и $\bar{\chi}=10,94$; $t=2,4$, $p<0,05$). С точки зрения приспособленности к социуму, испытуемым свойственна уверенность в себе, отсутствие страха перед большой группой людей ($\bar{\chi}=9,35$; $t=9,1$, $p<0,05$). Они активно участвуют в социальной жизни, как в культурных мероприятиях, так и в спортивных состязаниях. Эмоцио-

нально-волевая сфера респондентов гармонично развита, они прекрасно контролируют проявления своих чувств и эмоций ($\bar{\chi} = 10,47$). Данную группу представляют 24% из всего количества изученных респондентов. Степень «субъективного благополучия» оценивается преобладающим количеством респондентов как средне-высокая ($\bar{\chi} = 4,3$). При обработке результатов изучения респондентов на предмет соответствия уровня самооценки уровню притязаний не обнаруживается такого разрыва между значениями ($\bar{\chi} = 34,1$ и $\bar{\chi} = 39,6$), как в случае с испытуемыми с более низкими показателями приспособленности, что свидетельствует о гармонизации личностной направленности испытуемых. Лица, отнесенные к высокому уровню адаптированности, характеризуются выраженным стремлением к лидерству и доминированию (октанта I: $\bar{\chi} = 8,49$) в сочетании с эгоцентрической направленностью (октанта II: $\bar{\chi} = 6,45$) и агрессивными тенденциями (октанта III: $\bar{\chi} = 5,69$). У испытуемых отмечаются средние показатели эмпатийных тенденций ($\bar{\chi} = 44$) и высокие значения

по шкале макиавеллизма ($\bar{x} = 94$). Это значит, что респонденты в социальных взаимодействиях более целеустремленны, конкурентоспособны и ориентированы, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами. По-видимому, это связано с достижением испытуемыми высшей степени социальной адаптированности, увеличением уверенности в себе и возросшей степенью недоверия окружающим людям.

Подавляющее большинство респондентов (44%), отнесенных к высокому уровню адаптированности, рассматривают ложь как неотъемлемую часть бытия, подчеркивая ее всеобъемлющий характер: «Ложь – отражение сегодняшнего дня...», «...неотъемлемая часть жизни», «Ложь – это реальность», «...лицо нынешнего общества, которое вряд ли скоро изменится...». Группа испытуемых с высокой степенью адаптированности полагает, что люди обманывают главным образом «ради достижения цели» (54% испытуемых), и лишь некоторая часть респондентов считает, что лжеца мотивирует «стремление выделиться,

произвести впечатление» - 12% и «желание сохранить социальные взаимоотношения» - 8%. Этот факт подтверждается наличием высокого уровня макиавеллистических ориентаций у данной группы субъектов ($\bar{\chi} = 94$) и его связью с ответами на интенцию ($r = 0,37$ при $p < 0,01$). В случае обнаружения лжи, большинство респондентов утверждает, что, сохраняя спокойствие, «будут настаивать на своём и ни за что не признаются». Это свидетельствует об обретении ими эмоциональной стабильности ($r \geq 0,29$ при $p < 0,05$). Сделаем краткие выводы:

Проведенное нами исследование позволило установить взаимосвязь и взаимозависимость между особенностями понимания и интерпретации категории лжи испытуемыми и уровнем их адаптированности, предпочитаемыми стратегиями поведения в межличностных отношениях, а также степенью развития эмпатийных и макиавеллистических тенденций.

Сравнительный анализ фактического материала показал, что качественное своеобразие личностных характеристик респондентов, обусловленное уровнем их социальной приспособленности, оказывает непосредственное влияние на использование лжи как одного из инструментов достижения адаптации и сохранения накопленного адаптационного потенциала.. Несмотря на специфику в понимании и использовании лжи респондентами, общим является то, что в реальной действительности данный феномен является одним из компонентов в структуре их адаптивного поведения. Так, использование лжи на низком уровне адаптации является ригидным и вынужденным, так как служит инструментом самозащиты. Смысл стратегии социального поведения в данном случае состоит в том, чтобы с помощью лжи либо овладеть ситуацией и разрешить ее, либо смягчить, а иногда и уклониться от нее. Употребление лжи в целях сохранения социальных отношений, преимущественно на среднем уровне адаптации, представляется гибким и дифференцированным, т.к. служит альтруисти-

ческим целям и предназначено для сохранения накопленного адаптационного потенциала. Целенаправленным и манипулятивным является использование лжи многими испытуемыми с высокими показателями социально-психологической адаптации как инструмента социального воздействия на окружение во имя достижения собственных целей. Приведенные факты подтверждаются наличием выраженной степени макиавеллистических ориентаций у испытуемых низкого и высокого уровня приспособленности и их снижением у лиц со средними показателями.

Данное исследование не исчерпывает всех аспектов многогранной проблемы. В дальнейшем планируется разработка моделей уровневой диагностики адаптивных стратегий поведения испытуемых разных возрастных групп с учетом гендерного аспекта, а также подготовка дифференцированных и индивидуализированных адаптивных программ, способствующих гармонизации личностной сферы студенческой молодежи, нормализации уровня их самооценки,

формированию адекватных стилей поведения в социуме и развитию нравственного самосознания.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алимов А.А. (г. Балашов, Россия)

В различных психологических исследованиях учебной деятельности студентов отводится особое внимание (А.Г.Асмолов, Ю.Г.Вяткин, Р.Даньел, Е.А.Климов, Дж.Кулик, А.Н.Леонтьев, Д.А.Леонтьев, О.Б.Полякова, К.Роджерс, Э.Флейшман, И.Б.Ханина и др.). В этих исследованиях изучаются вопросы, связанные с тем, как и когда учебная деятельность студентов становится профессионально-направленной, когда и каким образом она получает профессионально-целевую ориентацию и начинает сохранять свою устойчивость к различного рода помехам и стабильность всех ее компонентов. Нам представляется,

что решение этой проблемы связано с изучением места и роли в учебной деятельности студентов их профессиональной установки как особого регуляторного механизма в сфере жизненных отношений. Такая установка является внутренним моментом этой деятельности, придающим ей устойчивый, целенаправленный характер.

Цель нашей работы состояла в выявлении психологических условий становления смысловой профессиональной установки студентов-психологов на овладение профессионально-ориентированной учебной деятельностью как имеющей жизненную ценность, как являющейся источником их жизненных смыслов.

В психологических исследованиях установка определяется как готовность индивида к реализации активированной потребности в ситуации удовлетворения этой потребности (Д.Н.Узнадзе), как позиция индивида в деятельности (Л.С.Рубинштейн), как механизм, обеспечивающий устойчивость деятельности (А.Г.Асмолов), как выбор организмом правильного пути, попытки, стратегии

(Г.Харлоу), как выбор субъектом жизненного пути в процессе решения задач на личностный смысл (А.Н.Леонтьев, Д.А.Леонтьев).

В психологических исследованиях учебной деятельности установка в отношении к учению рассматривается либо в связи с изучением готовности детей к школьному обучению (Л.И.Божович, А.Л.Венгер, Н.И.Гуткина, Г.Г.Кравцов, Е.Е.Кравцова, М.И.Лисина, Д.Б.Эльконин и др.), либо как готовность учащихся к трудовой деятельности (М.И.Дьяченко, Л.А.Кандыбович, В.В.Сериков и др.). Однако становление смысловой профессиональной установки в учебной деятельности студентов-психологов исследовано недостаточно. В ряде психологических исследований мы раскрываем содержание подходов к исследованию смысловой установки студентов-психологов на овладение профессиональным содержанием учебной деятельности: 1) установка как отношение, определяющее выбор студентами-психологами предстоящей профессиональной деятельности (Д.А.Леонтьев); 2) установка, ори-

ентирующая устремление студентов-психологов и их готовность к профессиональному учению (В.А.Петровский, М.И.Дьяченко, Л.А.Кандыбович).

На основе концепции установки, сформулированной в работах А.Г.Асмолова и его последователей, нами выстраивается теоретическая модель развития смысловой установки студентов, включающая три уровня:

1) Уровень установки случайного выбора профессиональной деятельности. Установка проявляется в выборе факультета, а не профессионального учения, образ «Я» учащихся как психологов размыт.

2) Второй уровень включает три вида установок: операциональные, целевые и мотивационные. Операциональные выявляют общественную ценность учебной деятельности. Целевые - стремление студентов к согласованию своих действий с действиями других и согласованию намерений. Мотивационные участвуют в создании «образа Я-психолог». От субъектного образа метафоричного ха-

рактера студенты переходят к построению «образа Я» как субъекта собственной деятельности.

3) Уровень смысловой установки студентов-психологов. Установка осуществляет смысловую регуляцию учебной деятельности как жизнедеятельности студентов-психологов. Установка проявляется в смысловом отношении учащихся к профессионально-ориентированной учебной деятельности и к профессии в целом, в развитии смыслового образа себя как психолога – «Я-психолог».

Мы находим, что важнейшим условием становления у студентов смысловой установки является преобразование учебной деятельности в профессионально-ориентированную учебную деятельность. В преобразовании учебной деятельности учащимися мы выделяем факторы: 1) интерес к учению; 2) проявление смыслового отношения студентов к учебной деятельности; 3) развитие рефлексивных действий, и строим этапность восхождения

студентов к профессионально-направленной учебной деятельности.

В преобразовании учебной деятельности могут быть выделены следующие стадии: 1) обучение, не связанное со смысло-жизненными ориентациями студентов; 2) учение, обусловленное изменением отношения студентов к учебной деятельности; 3) профессионально-ориентированная учебная деятельность, выявляющая личностный смысл учебных действий.

На основании теоретической модели эмпирических уровней развития установки студентов-психологов мы выделили критерии становления смысловой профессиональной установки учащихся в учебной деятельности: 1) изменение способа участия студентов в учебном процессе, 2) развитие образа «Я-психолог», 3) изменение способа организации совместных действий со студентами и педагогом.

Экспериментальное изучение психологических условий становления смысловой профессиональной уста-

новки студентов-психологов проводилось на базе социально-гуманитарного факультета БИСГУ с 2013 по 2014 г.г. Всего в экспериментальном исследовании участвовали 109 студентов. В ходе исследования изучалось, каким образом происходит становление смысловой установки студентов-психологов в контексте профессионального обучения.

В ходе исследования использовались следующие методические процедуры. Для проведения эмпирического исследования были использованы следующие диагностические средства: а) беседа, сочинения на тему «Почему я выбрал профессию психолога» для изучения отношения учащихся к профессии психолога; б) анализ рисунков «Образ себя как психолога», «Образ психологии», «Место психологии в образовательном пространстве»; анкетирование, направленное на изучение становления представлений студентов-психологов о профессиональном аспекте учебной деятельности (с использованием модифицированного варианта анкеты, разработанной

Г.М.Белокрыловой, А.И.Донцовым); в) методика определения доминирующей личностной направленности (И.Д.Егорычевой), тест смысложизненных ориентаций (Д.А.Леонтьева), тест-опросник самоотношения (В.В.Столина, С.Р.Пантелеева), методики определения самооценки (С.А.Будасси) и самоактуализационный тест (Л.Я.Гозмана и М.В.Кроза) для выявления связи учебной деятельности студентов-психологов с системой их жизненных отношений.

1. В ходе проведения эмпирического исследования мы установили, что в условиях профессионального обучения становление смысловой установки студентов-психологов носит преимущественно стихийный характер. Переход к более высокому уровню установочной регуляции учебной деятельности как жизнедеятельности студентов происходит в случае изменения ориентации студентов-психологов в системе ценностей социокультурного контекста учения.

В процессе вхождения студентов в новые для них

условия учебной деятельности в вузе смысловая установка учащихся на профессиональную сторону учебной деятельности еще не складывается. У студентов преобладает установка случайного выбора. Такая установка студентов-психологов обусловлена ориентацией учащихся на житейские представления о профессии психолога.

Становление смысловой профессиональной установки студентов-психологов в учебной деятельности, связанное с их ориентацией на смысловые отношения в профессии психолога, происходит на втором курсе обучения и связано с овладением учащимися психологическими знаниями.

2. Анализ результатов эмпирического исследования позволил установить, что в процессе овладения студентами учебной деятельностью происходит преобразование объективного отношения студентов к этой деятельности в отношения смысложизненных ценностей. Студенты первоначально относятся к учебной деятельности как средству достижения внешних целей, что определяет установ-

ку случайного выбора.

По мере вхождения молодых людей в новую для них учебную общность происходит развитие отношения студентов к своей будущей профессии как общественно и жизненно важной деятельности. Возникают целевая и мотивационная установки, регулирующие отношения учащихся, их ориентацию на профессиональную сторону учебной деятельности.

Наконец, в ходе осуществления студентами профессионально-ориентированной учебной деятельности студенты начинают раскрывать личностный смысл своей учебной деятельности в области психологии. Происходит развитие отношения у студентов к профессии психолога как смысложизненной ценности. На этом этапе профессионального учения происходит становление смысловой установки студентов-психологов, осуществляющей смысловую регуляцию учебной деятельности как жизнедеятельности студентов.

3. Анализ полученных результатов позволил установить изменение отношения студентов к себе как к психологам, построение ими образа «Я-психолог», который выступает в качестве эталона осуществления профессионально-ориентированной учебной деятельности.

Мы выявили, что студенты-психологи проявляют готовность выделять в себе те качества личности, которые способствуют успешному обучению. Об этом свидетельствует тот факт, что ко второму курсу обучения происходит возрастание количества студентов с оптимальной самооценкой. У учащихся отмечается стремление к самосовершенствованию и саморазвитию в учебной деятельности, что сопровождается переживанием учащимися возрастного и образовательного кризисов.

Полученные данные позволяют говорить о возможности проведения специально организованного развивающего обучения. Такое обучение предполагает разработку форм и методов работы, способствующих преодолению студентами возрастного и образовательного кризисов и

становлению у них смысловой профессиональной установки.

Реализация Программы развивающих заданий осуществлялась на базе социально-гуманитарного факультета БИСГУ. Занятия проводились со студентами-психологами 1 курса в количестве 20 человек. Основой программы развивающих заданий послужила программа учебного курса «Психологическая служба в системе образования».

При реализации поставленной цели мы оказались перед необходимостью спроектировать условия, обеспечивающие открытие студентами-психологами в процессе учения жизненной ценности предстоящей деятельности практического психолога.

Предполагалось, что в качестве основных условий, обеспечивающих формирование смысловой профессиональной установки студентов в учебной деятельности, должны выступать:

- 1) преобразование учебной деятельности студентов в профессионально-ориентированную учебную деятель-

ность и 2) организация процесса учебной деятельности в соответствии с ее содержанием.

В ходе разработки ориентировочной основы действия были выделены специальные учебные действия с научными понятиями. К ним были отнесены: 1) действия обнаружения предметного противоречия между житейскими представлениями учащихся об обсуждаемом явлении и его научным пониманием; 2) перевод противоречия понятий в противоречие точек зрения учащихся; 3) работа с невербальными репликами студентов; 4) работа с группой студентов (хоровыми ответами) и отдельными студентами; 5) преобразование поисковой активности учащихся в рефлексивную форму поиска границ собственных возможностей, способов расширения этих границ. К этим действиям мы, прежде всего, относим действия научной рефлексии.

К основным коммуникативным условиям становления указанной смысловой установки студентов-психологов мы отнесли: изменение типа группового взаимодействия

«учащийся-учащийся» и «учащийся-педагог»; создание психологической общности «педагог-студент», включение педагога в решение студентом профессиональных задач. Наиболее продуктивной формой взаимодействия здесь является личностно-смысловое сотрудничество.

В Программе использовались разные способы обучения студентов предметному взаимодействию. К ним относятся: 1) оценивание группой высказываемых догадок; 2) высказывание различных, иногда взаимоисключающих, точек зрения; 3) выделение логических оснований высказываемых точек зрения; 4) выстраивание альтернатив высказанным точкам зрения; 5) свободное оценивание учащимися высказываний студентов и педагога (Г.А.Цукерман).

Опираясь на метод обучения «через другого» (Э.А.Колидзей), процесс учения строился нами в форме группового взаимодействия студентов путем моделирования ситуации практического взаимоотношения психологов с другими людьми. В ходе выполнения заданий студентам

необходимо было осуществлять и осваивать различные роли, связанные с их профессиональной деятельностью: роли оптантов, родителей, осуществляющих воспитывающие воздействия; роль студента-психолога в ситуации учебной деятельности, роль профессионального психолога в ситуации психологического консультирования, клиента и т.д. Этим мы добивались осмысленного «вскрытия» студентами содержания их профессиональной деятельности.

В Программе также предлагалось использовать дискуссию, лекции-беседы, групповое обсуждение, ролевые игры, сочинения, рисование, групповую работу методом взаимообучения «через другого», работу с понятиями категориального аппарата психологии.

В результате проведенного опробования Программы мы выделили следующие моменты, характеризующие изменение установки студентов-психологов в учебной деятельности.

1. В процессе специально организованного обучения произошло изменение способов участия студентов в учеб-

ном процессе.

2. В ходе обучения произошло развитие представлений студентов о содержании профессии психолога, появилась готовность осуществлять профессионально-ориентированную учебную деятельность как жизненную ценность: а) в процессе дальнейшего выполнения задания у студентов стал появляться интерес и к заданию, и к себе как субъекту учебно-профессиональной деятельности; б) в действиях и суждениях учащихся прослеживалось осознание ими границ своей компетентности в той или иной области.

3. В процессе специально организованного обучения произошло изменение способа организации совместных действий со студентами и педагогом. В ходе выполнения заданий студенты начинали понимать и принимать требования, которые они несут в себе. При возникновении трудностей в выполнении заданий обучаемые легко находили контакт с другими учащимися. На завершающем этапе проведения занятий взаимоотношения в группе достигли нового, более высокого уровня развития.

В процессе достижения цели исследования, решения ее задач мы установили, что в условиях профессионального обучения студентов-психологов развитие смысловой установки учащихся носит преимущественно стихийный характер. Постепенное включение смысловой установки студентов-психологов в регуляцию смысловой сферы личности учащихся обеспечивает устойчивость профессионально-ориентированной учебной деятельности, придает ей целенаправленный характер. Невозможность такого включения приводит к распаду учебной деятельности и ее превращению в механистически исполняемый процесс.

Библиографический список:

1. *Алимов А.А.* Психология социальной установки: учебное пособие. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2014. – 83 с.
2. *Егорова М.А.* Модель профессиональной подготовки специалиста-психолога для системы образования // Психологическая наука и образование. – 2003. - №4. – С. 32-41.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОЛЛАПС И ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАННИБАЛИЗМА

Арпентьева М.Р. (г. Калуга, Россия)

Многочисленные и разные по видам, формам и темпам культурные изменения объединяются в понятии «культурная динамика», которое подразумевает как изменения внутри культуры, так и во взаимодействии разных культур. Культурная динамика описывает изменения или модификацию культуры во времени и пространстве посредством независимых открытий и целенаправленных реформ; культурных заимствований (стихийного или целенаправленного подражания) и культурной межгрупповой и стратификационной диффузии (стихийного обмена в процессе контакта культур), а также культурной трансмиссии – обучения. Культурная трансмиссия – одно из основных направлений, определяющих культурную динамику сообщества. Культурная трансмиссия – процесс, благодаря которому культура передается от предшествующих поколений к последующим через целенаправленное или

стихийное обучение. Процессы социализации и инкультурации – компоненты культурной трансмиссии, с помощью которых этническая группа «передает себя в наследство» новым членам, прежде всего детям. Культурная трансмиссия обеспечивает преемственность культуры, ее непрерывность во времени. Однако, для развития современных культур особенно свойственно явление «культурного лага»: одни части культуры изменяются быстрее, а другие медленнее, возникают разрывы во времени между культурной и социальной динамикой, а также культурного коллапса. У.Огборн (Ogburn W.F., 1922/1966, Von Krämer W., 1989), вслед за У.фон Крамером предположил, что ценностный мир человека не успевает приспособливаться к изменениям в социально-бытовой сфере. Р.Райт (Wright R.A., 2004) назвал это также «ловушками прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде - превращается в регресс. К тому времени, когда обнаруживается проблема, изменить курс обычно бывает поздно. Каждое усовершенствование создает но-

вые проблемы, это в свою очередь вызывает необходимость новых усовершенствований. С уменьшением отдачи, результативности, как правило, также связана масштабность реализации. Ошибка часто связана с экстраполированием того, что, как кажется, работает хорошо на малых до больших масштабов. Кроме того, описан «парадокс Икара» («Icarus paradox») — капкан успеха, при котором большой успех может привести к гибели. Главной причиной возникновения «парадокса Икара» является самоуверенность и негибкость: активное развитие только сильных сторон, приводит к необоснованной самоуверенности в собственном успехе и самодовольству, возникает социальный или культурный коллапс (Miller D., 1992, Toynbee Ar.J., 1961). Коллапс сложных сообществ (collapse of complex societies) - термин, которым определяют как внезапное разрушение цивилизации, так и растянутый во времени, постепенный упадок сверхдержав. Он характеризует уязвимость организационной структуры сообщества, связанную с внешними и внутренними изме-

нениями сложной системы. Часто коллапс или распад связаны с децентрализацией власти, структурной реорганизацией, сопровождающей смену идеологий. При этом различие между активно-драматическим распадом сообществ («коллапс») и более спокойным внешне разрушением («упадок») весьма относительно, связано с механизмами и способами этого разрушения и выхода из него. Противодействием коллапсу выступает гибкость (выживаемость) сообщества «коллапс сообществ» обычно означает исчезновение человеческих обществ вместе с системами жизнеобеспечения. Парадокс в том, что цивилизации, созданные, чтобы успешно разрешать проблемы, в том числе создавая блага комфорта и условия для воспроизводства одних людей («творческой», или, точнее, властвующей «элиты») за счет других («нетворческих рабов»), - своими «решениями» ускоряют распад. Так, даже такое «благое начинание», как введение всеобщего образования превратило само образование в «варварское»: еще Ф. Ницше, характеризуя состояние современного ему воспитания и об-

разования, подметил наличие в нём двух противоположных тенденций: стремление к возможно большему его расширению и распространению, с одной стороны и стремление к уменьшению и ослаблению, ограничению его, с другой. Общераспространённое образование - варварство (Ницше Ф., 2000, Недорога В.А., 2001). Наиболее варварским в нем, однако, является идеологический контекст, связанны с использованием образования как средства социального контроля. Государство, с развитием цивилизации всё больше начинает выступать в роли надсмотрщика, превращающего в фарс образование, науку, культуру, человека и его отношения. Личность усваивает идеологию обмана и подавления, сквозящую даже в самых «нравственных» формах социальной активности, культуры, науки и образования, сущность которых, вопреки декларациям, в «цивилизованных странах» практически утеряна. В моделях одновременно сайентифицированной и мифологизированной «массовой культуры» субъект массовой коммуникации: кино- и телезритель, -

приучается СМИ к фамиллярно-потребительскому отношению к науке, искусству, людям, культуре и обществу в целом. Создание «поп-арта» как тривиализированного кича, части «массовой культуры», имитирующей и адаптирующей модернизм, также служит преобразованию элитарной культуры в «массовую», омассовление элитарности, при котором кич становится синонимом «лжекультуры, симулякра культуры: « ...дешевкой, массовой продукцией, но поданную в такой упаковке, что выглядит как элитарная» (Schrack J., 1977, p.117—118). Массовость и связанное с нею бескультурье выступают как основы рекламируемой глобализации и, затем, как правило - принудительной, мондиализации (Ашин Г.К. , 1985, Лыков А.Б. , 2013, Парето В., 2011, Халипов В.Ф., 1999). Мондиализация ведет к окончательному коллапсу: как результату попыток упрощения сложного и управления тем, что более сложно, чем сам управляющий.

Социальная сложность - сравнительно недавно открытое наукой аномальное обстоятельство, существовала,

тем не менее, всегда. Ее «жертвами» пала не одна сверхимперия. Коллапс можно понять как внезапную потерю социальной сложности, обеспечивающей ее энергии, необходимой для поддержания социальной стратификации, внутренней и внешней коммуникации, и производительности (Tainter J., 1992, p.194). Сложные общества коллапсируют из-за того, что исчерпали свой дизайн («метод выживания»), а значит, как мы можем сделать вывод, изжили свое идеологическое обеспечение. Эта идея Дж.Тейнтера близка к идее А.Тойнби (Toynbee A., 1961) о том, что общества «создают проблемы, которые не в состоянии разрешить». Они не могут адаптироваться к уменьшению отдачи (diminishing returns) окружающей среды (на единицу вложенной энергии, ресурсов и т.д.), включая отдачу от использования человеческих ресурсов, включая рабов, которые в рабовладельческом строе классического или современного вида располагаются «творческим меньшинством» («элитой») в разделе «среда». Привычное наслаждение властью, комфортом, будущим, за

которые цепляются представители «элиты», перестает удовлетворять их и их рабов, ту социальную «среду», ресурсами которой оплачиваются жизненные счета «элиты».

Однако, идеологическое основание во многих моделях коллапса так или иначе игнорируется. Так, обычно ссылаются на популярную в западном мире, в том числе в работах Римского клуба мальтузианскую модель - «ножниц»: население, точнее его потребности, растет беспрестанно, а ресурсы, точнее возможности их удовлетворения, конечны, поэтому этот социум оказывается под угрозой. Это определение дает сторонникам идей Римского клуба, а также обозначившим себя правящими миром членам и проводникам интересов Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии и других тайных и явных организаций наделенного властью меньшинства, активно и, вопреки наивным представлениям масс, без всяких гуманных намерений, транслирующих идеологии социального каннибализма, утверждать необходимость регулирования населения до-

ступными цивилизации средствами, среди которых – прямое уничтожение ненужного «человеческого материала», среди которого первые места «на утилизацию» занимают больные, правонарушители и идеологические оппоненты. При необходимости, эти группы могут быть увеличены или уменьшены – в произвольном для играющего в криптикратию «мирового правительства» порядке. Проблемой остается, однако, как показал опыт концлагерей Третьего Рейха, сама «утилизация»: уничтожение себе подобных парадоксальным образом является наиболее ресурсо- и энергоемкой процедурой. Настолько емкой, что дешевле – не уничтожать, по крайней мере, явно. Поэтому так важно запустить механизмы самоуничтожения людей и сообществ, в первую очередь - используя способы, блокирующие механизмы культурной трансмиссии, отражающие опыт самосохранения и саморазвития человечества, в том числе его массовой и элитарной, низшей и высшей социальных страт.

Пока же господствуют разные варианты мальтузианской модели, так или иначе подтверждающие, якобы существующую необходимость уничтожения части населения. Например, в распространенной модели «динозавр» полагается, что крупном обществе правители препятствуют любым решениям, которые отклоняют общество от статус-кво и, значит, не способны контролировать исчезновение ресурсов. Смена «элиты» - тем или иным способом, иногда даже просто смена ради смены, - приводит к обновлению и отсрочке коллапса. В другом варианте – в модели «поезда без тормозов» общество, зависящее от постоянного роста (власти, денег и территории), основанное на накоплении (включая ограбления или эксплуатации), не может поддерживать себя. В третьем варианте - в модели «карточного домика» общество, включающее в себя и контролирующее большое количество сложных социальных институтов, внутренне неустойчиво и имеет тенденцию коллапсировать. Если, как отмечал А. де Токвиль, добровольным и частным ассоциациям разрешают сво-

бодно проводить свою политику на институциональном уровне, они дополняют правительство и создают «клапан безопасности» для несогласных, поддерживая лояльность общества и обеспечивая площадки для социальных экспериментов без принуждения со стороны правительства (Де Токвиль А., 1992)

Некоторые черты социального коллапса, конечно, можно объяснить ограниченностью ресурсов, нарушениями структур и популяционной динамикой: цивилизации стремятся возвратиться к менее сложным, менее централизованным социально-политическим формам и технологиям. Также типичны дестратификация (общества становятся относительно более эгалитарными), деспециализация (социальные институты, поддерживающие специализацию, разваливаются, люди приобретают общие навыки труда в повседневной жизни), децентрализация (люди начинают вести более независимый и свободный образ жизни), деструктуризация (самодостаточный образ жизни), депопуляция (уменьшение плотности населения, от

восстановления демографического баланса между сообществом и истощенной окружающей средой, включая, как отмечалось, среду рабов, до полного исчезновения). Кроме того, общество может постепенно войти (быть поглощено) в более динамичную межнациональную или межрегиональную структуру. Все эти модели и варианты изменений, в том числе, в процесса культурной трансмиссии, отражают взаимосвязанные обстоятельства, усиливающие друг друга. Источником же этих обстоятельств является идеология: ее трансформация под влиянием внешних и внутренних вторжений, направленных на разрушение межпоколенной трансмиссии, ее компонентов: социализации и инкультурации.

Ар.Дж. Тойнби (Toynbee A.G., 1961) рассмотрев переход всех цивилизаций через несколько отличительных этапов, отметил, что возникновение контролирующей развитие общества элиты – неизбежно, однако, распад цивилизаций происходит не из-за потери контроля над окружающей или человеческой средой, общества становятся

неспособными решать новые проблемы, поскольку их структуры настроены только на решение старых. Фиксация на старых методах ведет к тому, что «творческое», то есть, по «железному закону олигархии» Р. Михельса - олигархическое - меньшинство, деградирует из-за поклонения прошлым успехам, становится неспособным адекватно реагировать на новые вызовы (Michels R., 1911). При этом, согласно другому «железному закону» - меритократии Кр. Хейза - неравенство, рождённое меритократической системой, приводит к тому, что меритократические «лифты» отказывают (Hayes Ch., 2012). Меритократия определяется как принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения.

Меритократия во многом противоположна как аристократии, так и демократии, она предполагает создание начальных условий для социального продвижения («лифтинга») одарённых и трудолюбивых людей, чтобы они в

будущем имели шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции. Термин «меритократия» как «заслуженная власть» введен Х.Арендт (Arendt H., 1954/2006) и М. Янгом (Янг М., 1991). Надежды на меритократию (Белл Д., 1999, Белл Д., Ли Ч. , 2010, Бжезинский Зб., 2010), связанные с тем, что она позволит устранить бюрократию как систему, препятствующую социальным изменениям, изменить социальную структуру общества в целом не подтвердись. Как отмечает А. Гротендик (Гротендик А., 1991), который проследил эволюцию элитарной группы специалистов, меритократия начиная с содружества гениев заканчивает разделение социальной общности на две касты: жестокосердых «высших» и живущего в страхе «болота». Поэтому (Hayes Ch., 2012) неравенство, рождённое меритократической системой, со временем подавляет механизмы вертикальной мобильности. Дело, как отмечают исследователи, в еще одном - железном законе - бюрократии Дж.Ю.Пурнелля (Pournelle J.E., 2009): в бюрократической системе работающие на

благо бюрократии захватывают власть, начиная создавать правила работы организации, а те, кто выполняет задачи, ради которых бюрократия создается, делают всё меньше и меньше работы, часто исчезая полностью: «Бюрократия разрастается, чтобы поспеть за потребностями разрастающейся бюрократии», - отмечал А.Азимов.

Отчуждение и самоуправление вытесняют творчество, а манкировка службой/обучением (их симулякры) со стороны «элиты», наряду с принудительным уничтожением или самопожертвованием людей, вытесняют в современности более нормальные, реальные, не-фиктивные процессы.

Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после “смерти Бога”: “Мир для нас скорее еще раз сделался “бесконечным”, поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования” (Недорога В.А., 2001). Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании

человечества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем - и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Сосуществование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь - лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления. При этом в список потребляемого и передаваемого в процессе трансмиссии включены само общество, его члены, включая человека, жизнь в целом (Мазурова Л., 2008).

Этап мондиализации и создания «всеобщего государства», пресекающего всякое политическое творчество, изменения стратификации и распределения благ и власти, к которому активно стремятся в настоящее время созданные исключительно ради нужд «элитарного меньшинства» наднациональные организации, «союзы», «содружества», «соединения» и «объединения» разного толка, означает начало коллапса. Доминирующее меньшинство на фоне уже ничем не контролируемого стремления к большей власти и подавлению сопротивления уже в «зародыше», стремиться создать всеобщее государство, к мондиализации. По мере распада цивилизаций формируются «внутренний пролетариат», создающий всеобщую церковь, идеологию, обслуживающий «всеобщее государство», а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских военизированных банд», аналогично тем, которые убивали сограждан в Приднестровье и в настоящее время выдвинулись на руководящие посты в правительстве и юстиции, чтобы иметь возможность убивать сограждан,

выполняя задания «союзов» и «объединений» дальше, но - уже на территории Молдовы и другими, боле масштабными, средствами (Кэлдаре И., 2013). Автономные субъекты из числа подлежащих уничтожению «больных, преступников и оппонентов», трансцендирующие в период социального распада, в поисках новых решений, приводят к рождению новой идеологии, «Церкви», вокруг которого может организоваться последующая цивилизация. В последнее время на нее претендует идеология социального служения, которая, как отмечалось, обеспечивает, кроме прочего, социально-политическую мобильность и лояльность общества и правящей «элиты». В рамках данной идеологии развивается также идея самопомощи взаимопомощи: активизации и фасилитации активизации ресурсов самого населения в противостоянии страхам и угрозам уничтожения со стороны государства.

Особенно страдают от провалов и коллапсов социальных систем молодежь и пожилые люди, поскольку происходит нарушение преемственности, нарушается пе-

редача не только вторичных, но и базисных элементов культуры. Преемственность обеспечивается контактами носителей разных возрастных групп культуры, выступающих в роли учителей и учеников. Для нее необходимо, чтобы в исторических перипетиях и катаклизмах (революциях, катастрофах, войнах, терактах и других конфликтах) не погибали хранители культурных ценностей. В некоторых случаях, однако, погибают целые сословия и народы. Причем, их гибель является результатом целенаправленных действий: со стороны внешних или внутренних групп и организаций. Примерами являются знаменитый «План Даллеса» и многие другие «Майн Кампф», реализуемые, в том числе, под видом и под девизами социального служения, равенства, совершенствования и порядка (Даллес А. , 2000, Оруэлл Дж., 1989, Окорочков А.В., 2011, др.). Напомним, что целью данных планов являлось уничтожение СССР и «сражение со злом» идеологии коммунизма, в первую очередь - методами пропаганды, нацеленной на разобщение национальностей и социальных групп, потерю

традиций (нарушение культурной трансмиссии) и нравственных ценностей, нравственное разложение населения: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить!» (Иванов А., 2007). Пропагандируемый и активно осуществляемый геноцид, особенно в его детоцидном и геронтоцидном вариантах приводит к разрывам культурных цепей, коллапсам. Примером является объявленная правительством Украины в начале 2015 года политическая и социальная «люстрация» пожилого населения страны: отказ от государственного пенсионного обеспечения и создание комиссий по оценке политической благонадежности и социальной защищенности пожилых граждан призваны сократить пожилое население страны до минимума. Все это делается для того, чтобы предотвратить передачу опыта пожилых граждан молодым: культура социалистических отношений, при которой государственные социальные гарантии касались всех граждан, - полностью изымается. Аналогична ситуация в Молдове, в которой захва-

тившие власть националисты в сжатые сроки провели нарушающую права человека ренацификацию: «люстрацию» русскоговорящего населения, лишив работы всех, кто отказался или не смог говорить и работать на чуждом почти всему населению страны - румынском языке - языке народа, поддержавшего немецкий фашизм. Так «возвращение из преисподней» сменилось «возвращением в преисподнюю» (Биддис М. , 1995, Кун Г., 2007). Румынский, а не молдавский язык принят Конституционным судом как язык целой страны. Даже нацистская Германия не осуществляла таких «прорывов». Реинкарнация фашизма, как отмечает З. Милошевич (2011), происходит в связи с потребностью крупного западного капитала захватом «восточноевропейских территорий» получить новые сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу. США и ЕС поддерживают оживление фашистских традиций, точнее, традицию ненависти по отношению к русским, как со стороны соседей (Прибалтика, Румыния, Украина, Грузия и др.). Разрыв культурной цепи особенно типичен в случаях,

когда неожиданно меняется образ жизни людей – носителей данной культуры: в ходе революций, переворотов, общенациональных политических и природных катастроф и т.д.. Пример - целенаправленные модификации массового сознания, направленные на разрыв взаимосвязей поколений и дискредитацию идеалов и идеологий прошлого на фоне активного, подчас насильственного внедрения иных, «более современных» идеологий. Так, правящая идеология постмодерна, с его утратой Бога и ценностей жизни, - идеология социального каннибализма, - откровенно и настойчиво пропагандируется СМИ практически всего «цивилизованного» мира. Ее внедрение которой стало примером «Окна Дж. Овертона». При этом сообщества и страны, наверное, должны быть благодарны Римскому и иным клубам за то, что пропагандируется всего лишь социальный, а не натуральный каннибализм, и что его пропаганда увеличивает свободы части граждан (пусть хотя бы – уничтожать других граждан – ради «свободы» - уничтожать).

Часто отмечают, что якобы еще Н.Макиавелли выделил и провозгласил принятые в социально-политическом управлении принципы, однако, он допускал в политике и нечестность, и коварство, и двойные стандарты - во имя благих целей, не считая их нормой (Макиавелли Н., 2001). Сейчас его «принципы» внедряются в общественную и личную сферы: людей учат социальному каннибализму: манипулировать и не поддаваться на манипуляции, «быть стервой» («мертвечиной»), «убирать с дороги конкурентов», «есть» мешающих и подчинять нужных людей, - под видом «повышения собственной конкурентоспособности». Социальный каннибализм, как и биологический, разобщает людей, делает их одинокими, находящимися в состоянии войны со всем миром, деградирующими. Он включает даже отказ даже от технологического прогресса: совершая выбор между рабом и роботом, представители власти однозначно выбирают раба, жизнь и судьба которого никого не интересуют: он существует только как компонент чужого счастья, комфорта. Эта мораль – до-

пускающая сжечь в рабстве и нищете миллионы тел и судеб ради «роскоши» одной судьбы, - социальный каннибализм, быстро перетекает в биологическое людоедство. Так, рабство и торговля рами официально «отменены» более 200 лет назад, но в современном мире даже официально более 15 миллионов взрослых и детей в мире – рабы: работорговля по прибыльности занимает 3 место после торговли наркотиками и оружием, особенно в Европе. Этому способствовал активно поддерживаемый НАТО развал стран «социалистического лагеря», экспансия в них США, привыкшего строить благополучие отдельных граждан своей страны на резервациях и иных формах порабощения граждан, а также стремление Евросоюза найти себе новые площади и источники поддержания благополучия.

Как известно, во второй половине XX века процессы культурной экспансии США, названные «вестернизацией», затронули страны Западной Европы, Латинской Америки, Японию и Россию. Попытки квотирования доступа

культуры США в мире, однако (вопреки распространенному мнению СМИ, чье мнение тем активнее и более преувеличено транслируется, чем больше задевает их благополучие власть), большой пользы не принесли: введя в оборот идеи модернизации культуры и ее глобализации, а также всеобщей мондиализации, США и Великобритания, стоящие перед угрозой быстрого самоуничтожения из-за окончания ресурсов в результате неограниченного потребления, нашли в перечисленных и иных странах и регионах надежду на дальнейшее осуществление фашистских идеологий: концлагеря, с подачи НАТО и Евросоюза, активно и открыто строятся в ряде стран Востока и СНГ. Глобализация как ускорение интеграции стран и наций в мировую систему в связи с развитием современных экономических и иных связей, осуществляется с помощью воздействия на людей СМИ. Целью ее является мировое господство «элиты», мондиализация как легитимизация «однополярного» мира, существующего для удовлетворения бесконечно растущих желаний элиты. Внешне она

способствует расширению культурных контактов между народами и миграции людей, по сути, при нынешних условиях (активной пропаганде социального каннибализма) – геноцид и вымирание наций и стран, возвращение человечества к рабовладельческому строю, превращение жаждущей свободы от «человеческого материала» «элиты» в уничтожаемое ею «быдло». Эта ситуация продолжает линию социальной аномии и фашизма, заданную в начале XX века австрийско-германской, а ранее – с XVI века и далее - британской и испанской культурами «конкистадоров» и других завоевателей, создавших резервации и концентрационные лагеря для разного рода «туземцев». Спецификой современного фашизма, однако, является то, что в лагеря попадают не по признаку расы и национальности, сколько по признаку идеологии и ценностей: искореняется не столько этническая культура, сколько культура человеческих отношений, человечности как таковая. Общество пришло на грань самоуничтожения, выбрав для этого самый простой способ: нарушение культурной

трансмиссии и замену трансмиссии, сопутствующих ей процессов культурной аккумуляции (накопления), интеграции (объединения) и диверсификации (разветвления) и дифференциации. Культурный плюрализм возводится в идеал, осуществляется культурная, или, точнее, «псевдокультурная» экспансия (распространение) как замена ценностей, идеологии одной культуры ценностями или симулякрами ценностей - другой. В данном случае, замена ценностей жизни и человечности ценностями потребления и власти.

Модификация социально-политического сознания при использовании симулякров давно не является результатом ситуативных, непланомерных воздействий, Напротив, как отметил Дж.П. Овертон, абсолютно чуждые обществу идеи могут быть с легкостью подняты из «помойного бака» общественного призрения, очищены и законодательно закреплены. Он сформулировал модель изменения представления проблемы в общественном мнении - «Окно Дж. Овертона» (Beck Gl., 2010). Для каждой идеи

или проблемы в обществе, как он полагал, существует «окно возможностей» или возможность создания такого «окна». В пределах данного «окна» идея может или не может быть подвергнута широкому обсуждению, поддержке и пропаганде, а также законодательному оформлению. Поэтому «окно» обычно передвигают, меняя веер возможностей: от «немыслимого», чуждого нравственности и разделяющей ее постулаты общественной морали, полностью отвергаемое до «актуального», широко обсуждаемого и принятого общественной моралью и социально-политическим массовым сознанием, закреплённое в законах. Эффективность технологии «окон» связана с последовательным, системным применением технологий переопределения и незаметностью для общества-жертвы фактов воздействия.

Например, пропаганда каннибализма еще несколько лет назад находилась в нулевой стадии окна возможностей - «Немыслимое». Технология его реализации запущена: тема каннибализма из области немыслимого переходит в

область радикального, а затем – псевдонаучного, формирующего множественность позиций по данному вопросу. Параллельно с околонушной дискуссией необходимо возникновение сообществ или иных структур. В данном случае, если говорить о социальном каннибализме, то данное сообщество представлено гораздо шире, чем это может показаться: геноцидные и фашистские режимы на Земле своего существования никогда не прекращали, однако, в современную, постмодернистскую или магическую эпоху гражданских и мировых войн, стали традиционными. Радикальный социальный каннибализм существует, в ряде стран, например, на Украине и в Молдове, а также в других странах «развитой демократии» - США и ее партнера – Великобритании. В России социальный каннибализм под именем «административный восторг» никогда не исчезал, но также получил мощную поддержку под эгидой внедрения «Болонской системы».

Эпатажные выходки приводят к тому, что табу деса-крализовано, созданы «градации серого». Перевод про-

блем социального каннибализма из радикальной области в область возможного, завершен. Бойня на Украине обсуждается столь открыто и давно, что создается впечатление, что именно она избрана на роль жертвы для первых шагов по внедрению идеологии социального каннибализма в массовое социально-политическое сознание. Поскольку ханжество предосудительно, то, как и воровство заменяется «освоением», так и каннибализм заменяется более элегантным – «потреблением». Насколько важно потребление для каждого общества – вопрос совершенно очевидный. Однако, возведенное в ранг идеологических ценностей, потребление служит эффективной легализации немислимой ранее идеи. Каннибализм или антропофагия (также не очень корректная по идеологическим признакам) заменяются более понятным и очевидно реалистичным словом «потребление». Новые названия уводят от сути проблемы: симулякры позволяют превратить каннибализм в потребление, которое воспитывается обществом, например, посредством СМИ и институтов образования как проявление

ние антропофилии. Параллельно с «игрой в именной бисер» осуществляется подмена, создание легитимного симулякра - некоего «опорного прецедента», доказывающего что потребительская антропофилия» должна быть узаконена или – уже давно - узаконена. Выведение хотя бы части массовых и индивидуальных убийств людей из-под уголовного преследования – хотя бы как прецедент - открывает двери дальнейшим событиям. Поскольку в настоящее время общество перешло к стадии «так и надо», то отслеживать механизмы социального каннибализма в своей истории ему затруднительно: расправы над людьми узаконены многими странами, а также международными пактами, в которых после «вводных статей» о защите человека, его прав и жизни, идут многочисленные статьи о том, как этот человек может быть лишен – прав и жизни, самого человечества.

После того как найден и представлен массам «легитимирующий прецедент», есть возможность продвигать Окно Дж.Овертона из области возможного в «рациональ-

ное», чем завершается преобразование проблемы и в общественном сознании создаётся «поле боя» с пугалами радикальных сторонников и противников «потребительства». Этот этап странами СНГ также – с успехом – пройден. Реальных противников — нормальных людей, не желающих быть безразличными к проблеме легализации каннибализма — отсылают в радикальные «фашиствующие» (!) ненавистники, которым приписывают статус сумасшедших и психопатов, призывающих уничтожать «людоедов, жидов, коммунистов, гомосексуалистов и негров». При этом сами каннибалы — «квалифицированные потребители» остаются «посредине», на «территории сознания», «здравомыслия и человечности», осуждая «фашистов всех мастей». «Учёные» и журналисты также активно доказывают, что человечеству свойственен каннибализм, и, если недостаточно трудов Н.Макиавелли, Д.Карнеги (Макиавелли Н., 2001, Карнеги Д., 1989), то найдутся и другие, занятые не поиском выхода из состояний коллапса и предколлапса, а выяснением путей, кото-

рыми «несправедливо обойденные» Россия и СНГ могут войти в тайные, правящие миром сообщества, целью которых является забота о благополучии «элитарного меньшинства». Потребительство становится не просто рациональным, но популярным: множестве изданий о социальном успехе под девизом: «Ничего кроме бизнеса!», продвигают Окно Дж. Овертона дальше. Поп-контент бульварных изданий на тему социального успеха, обогащения и власти над людьми, обращенный к квазинаучным измышлениям об исторических и иных субъектах и прецедентах, анализу «успеха» современных медиаперсон, позволяет каннибализму проникать в новости, в ток-шоу. «Оглянитесь по сторонам!»: тема начинает существовать автономно: в массмедиа, шоубизнесе и политике. При наличии сопротивления, на уровне операторов информации (журналистов, ведущих телепередач, общественников и т.д.), специалистов, способных отличить истинную нравственность от «дигитальной», отсекают от дискуссии. Когда же проблема становится «скучно понятной», про-

фессионалы, работающие с Окном, вводят в оборот рекомендации по решению проблемы. Преступники очеловечиваются, рассказывая о «сложных жизненных обстоятельствах» и т.д., в итоге дилемма «слезинки» превращается в дилемму другого толка: «Кто вы такие, чтобы вставать на пути у любви, свободы и т.д... !» И проблема переходит в сферу актуальной политики, подготавливается законодательная база, лоббистские группировки во власти объединяются уже открыто. Либералистические установки используются для достижения последней стадии Окна, на котором общество согласилось с поражением: законы приняты, а нравственные нормы человеческого существования разрушены. Воспитание детей в школах и т.д. завершит этот процесс: следующие поколения в массе своей вырастут без шансов на выживание. Спираль молчания (the spiral of silence), как утверждает Э. Ноэль-Нойман, приводит к тому, что каждый отдельный несогласный с движением того или иного Окна человек с меньшей вероятностью выскажет свое мнение на ту или иную тему, ко-

гда понимает, что находится в меньшинстве, поскольку боится возмездия или изоляции (игнорирования) (Noelle-Neumann E, 1991). Она отмечает, что если какая-либо тема активизирует спираль молчания, это означает, что этот вопрос представляет большую угрозу общественному согласию и существованию общества в целом. Противостоять спирали могут высокообразованные или более-менее состоятельные люди, а также некоторые «бесцеремонные» трансцендентирующие индивиды, не боящиеся изоляции, которые с большей вероятностью выскажутся или могут настаивать на истине и истинных ценностях, вне зависимости от общественного мнения. Это меньшинство - необходимый фактор изменений, податливое большинство - условие стабильности, в том числе, стабильности самоуничтожения, коллапса, к которому его ведет другое меньшинство — «элита». Преодоление «спирали молчания» возможно за счет нейтрализации в коммуникативном поле идей, порождающих социальные страхи, или вброса в него более сильных социально-политических идей, то

есть — новых идеологий, способных противостоять коллапсу и вырождению.

Окно возможностей проще всего движется в обществе социальной аномии: именно поэтому мещанство называют колыбелью фашизма (Мертон Р., 1966) как одного из вариантов социального каннибализма. У этого общества нет нравственных идеалов, чёткого разделения добра и зла, есть «либеральная» вседозволенность, включая свободу как вседозволенность расчеловечивания, обсуждения сакральных тем, перекрывающих самоуничтожение. Само обсуждение того, что та или иная группа лиц использует принципы «сдвигающихся окон» может быть применено в дискуссии с нею, «обнародование приёма», комментирование того, как фокус делается в момент, когда «фокусник» пытается «вытащить из рукава» еще один туз — помогает разрушить «очарование» разрушающей жизнь идеи.

Особенно важную роль в формировании и трансформации ориентаций граждан играют манипулятивные тех-

нологии, стимулирующие склонность доверять симулякрам и имитациям, преобразованию реальности на основе вымыслов заинтересованной в их распространении, манипулирующей сознанием других людей группы. Симулякры в становлении общественно-политического сознания в современном мире связаны с распространением идеологии социальной аномии и потребления, при которых человек с его мечтой о сверхчеловеческом, оттолкнувшись и оттолкнув от себя реальность, теряет понимание «сверхчеловеческого» в бесчисленных симулякрах (Бодрийяр Ж., 2013). Имитации или симулякры сверхчеловека нуждаются лишь в симулякрах общественно-политического сознания, которые щедро предоставляются СМИ и другими участвующими в этих «играх» под эгидой государства и общественных организаций институтами. Особенно явно это заметно в сфере образования, формирующего социально-политическое сознание, а также в сфере социальной политики государств и общественных организаций, «павших» жертвами симулякров ранее остальных, и, вместе с

тем, продолжающегося быть ареной групповых и индивидуальных сражений за «передел» власти. Симулякр – продукт симуляции реальности, гиперреальности, которая замещает социальным каннибалам реальность на период, когда активное использование, превращение людей в рабов и их последующее уничтожение, возможны. Создание симулякров в гиперреальности эпохи постмодернизма обречено на приобретение статуса единственной и самодостаточной реальности, а затем – на полное крушение этой реальности. Однако, к осознанию реальности перекрывает доступ наркотик власти - возможности стать единоличным властителем и жителем мира, которому принадлежат все ресурсы и возможности, вершить чужие судьбы и уничтожать себе подобных, «признавать негодными», «слабыми звеньями», тех, кто не выбрал нишу социального каннибализма или оказался менее проворным каннибалом.

Культура симулякров, созданная для сокрытия планов криптократи позволяет СМИ и другим органам манипуляции массовым сознанием полностью игнорировать ис-

пользование в разных странах отработанных еще фашистской Германией военных стратегий, включая целенаправленное химическое опыление «подлежащих освобождению» территорий. Под видом помощи в «охране границ», военные бомбардировщики США в начале XXI века сбрасывают ускоряющие вымирание населения химтрейлы на мирное население Украины, Приднестровья и Молдавии, население массово загоняют в тюрьмы и построенные концлагеря, лишая людей средств к существованию, крова, семьи и здоровья, надежд на жизнь. В тюрьмах и лагерях открыто и откровенно, не прибегая к дальнейшим симулякрам, на деньги оплатившего «судебные реформы» Евросоюза (во главе с Великобританией) и «защищающих демократию» во всем мире США и НАТО, пытаются и превращают в рабов, проводят очередные биологические эксперименты по евгенике и нанотехнологическому оружию, а СМИ и ответственные за внутреннюю и внешнюю безопасность структуры этих стран, России, при попустительстве ООН, активно умалчивают эти факты: до начала

открытых военных действий данные «случаи» остаются «случайными» - артефактами в развитии стран с «развитой демократией». МИД России избегает комментариев, его представители под охраной наносят «дружественные визиты» официальны лицам этих стран, декларируя, одновременно с этим, «полную безопасность» Молдовы и иных стран для своих и иностранных граждан. Поверив в это, лишенные информации люди десятками и сотнями тысяч без каких-либо оснований пополняют тюрьмы и концлагеря Молдовы и других «стран развитой демократии». Когда же возникает необходимость, вновь сочиняется очередной симулякр: так, как это сделано по поводу войны в Персидском заливе. Ж.Бодрийяр (Baudrillard J, 1991) назвал симулякром всю эту войну в целом: у наблюдающих через отчеты СМИ за этой войной людей не было возможности знать, была ли война или что-то еще на самом деле, или же это - совокупность пропагандистских репортажей. Аналогичным образом, война на Украине, те бесчисленные симулякры, которые транслируют СМИ ми-

ра, война в Приднестровье, о которой СМИ активно умалчивают, - воспринимаются как существующие или несуществующие лишь постольку, поскольку управляющая СМИ власть («творческая элита») заинтересована в той или иной версии-симулякре, прикрывающем суть идеологии социального каннибализма.

Характеризуя специфику взаимоотношений в «пространстве симуляции», Ж.Бодрийяр говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует (Бодрийяр Ж., 2000b). Симулякр – это имитация несуществующего. «Симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле», «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать». Однако, «В своей основе насилие, как и терроризм, не событие, а скорее отсутствие события, принимающее форму взрыва, направленного внутрь:

взрывается политическая пустота (а не злоба той или иной группы людей), молчание истории (а не психологическое подавление индивидуумов), безразличие, безмолвие» (Бодрийяр Ж., 2000а), коллапс аномии как коллапс идеологии как таковой. Как отмечал К.Маркс, на весах прибыли и идеологии выигрывает прибыль: мальтузианская модель будет рекламироваться до тех пор, пока планы уничтожения «лишнего» населения планеты не ударят по самим «мальтузианцам».

Возникающий как закономерный этап развития социальной аномии социальный каннибализм, как и биологический, разобщает людей, делает их одинокими, находящимися в состоянии войны со всем миром, деградирующими: симулякр отвлекает сознание от реальности убийства, переводя его в реальность «медийно-дигитальной нравственности». Бытие человека – раба для тех, кто творит симулякры, - неудачный, лишенный ценности симулякр. Заложённое в симулякрах постмодернистской эпохи отчуждение человека не только от других людей, от себя,

но и самой идеи человеческого, превращает человека в такой же неопределенный и многозначный объект, как и остальные. Этот объект, вместе с устаревшим для «кукловода» смыслом может быть уничтожен любым - актуальным в рамках следующего нравственного симулякра способом. Примерами наиболее актуальных для современного момента развития цивилизации являются симулякры правозащиты и правоохраны, а также симулякры превосходства и бессмертия. Первые обращают внимание на необходимость тотального контроля реальности, особенно той, что противостоит симулякрам и может ее разрушить. Вторые - на необходимость уничтожения «слабых звеньев». Уничтожение «лишних» с целью улучшения определяемого нравственным симулякром качества своей жизни и превращение оставшихся, «необходимых» для поддержания симулякров и их создателей, в рабов – две основные тенденции развития цивилизации каннибалов и, одновременно, указатели линий ее разрушения, коллапса.

В фашизме XX века социальный каннибализм не был поставлен как организующая идея отношений человека с обществом – в центр: она существовал «наряду» с другими идеями, включая «евгенику» как идеологию превосходства, служившую основой решения о рациональности и легитимности подавления и уничтожения других. Однако, в социальном каннибализме XXI века легитимность уже не требуется: подавление и уничтожение других есть «смысл в себе», самостоятельная, антигражданская, анти-социальная идеология или, точнее, псевдоидеология. Нормализация социального каннибализма, к сожалению, – факт свершившийся. Тем не менее, извлекать уроки из него и комментировать проявления деятельности данной группы лиц, строящей на пустоте абсурд своей жизни, ломающей жизнь других, предпринимать усилия по заполнению «пустоты» фактами реальной жизни, сворачиванию спирали молчания, – существующая возможность выживания в мире, где, по словам классиков экзистенциализма,

выживание невозможно (Лейнг Р.Д., 1995, Кемпински А., 1998, др.).

Современные симулякры правозащиты и правоохраны обращают внимание на необходимость тотального контроля реальности, особенно той, что противостоит симулякрам и может ее разрушить. Особенно карикатурно выглядит сопоставление этических и идеологических принципов деятельности правозащитников и многих адвокатов, не имеющих иной цели «профессиональной деятельности», чем личное обогащение за счет тех, чьи права они призваны по роду деятельности защищать. Защитный «Бастион» оказывается всего лишь бастионом, за которым в разной мере «черный» адвокат скрывается после того, как «освоил» деньги клиента. Уничтожение «лишних» с целью улучшения качества своей жизни и превращение оставшихся, «необходимых» для поддержания симулякров и их создателей, в рабов – две основные тенденции развития цивилизации каннибалов и, одновременно, указатели линий ее разрушения. Правовые институты и процедуры,

связанные с санкционированием и управлением социальными отношениями, поэтому издавна делятся на институты «карательного правосудия», созданные для создания страданий, которые из соображений общественного порядка должен претерпеть виновный, и институты «возмездительного (реституционного или компенсационного) правосудия», связанные с возмещением причиненного жертве ущерба (restorative justice).

Однако, попытка преодолеть карательный модус традиционной юстиции в рамках ставшей за рубежом классической ювенальной юстиции, с ее доктриной защиты (прав) несовершеннолетнего, привела к тому, специалисты и общество могут игнорировать факт преступления ради ложно понятой «гуманности»: асимметрия карательной доктрины правосудия, центрированной на обязанностях и обязательствах личности перед обществом, сменяется асимметрией доктрины защиты прав, центрированной на обязанностях общества перед личностью, а также не правах личности, вне связи с ее общественными обязанностями.

ми. Помощь должна осуществляться в направлении и способами, связанными с сокращением криминализации и виктимизации в сообществе. Необходимо восстановительное правосудие, обращенное к представлению об ответственности правонарушителя. Карательный и реабилитационный подходы, отмечает Г.Бейзмор (Бэйзмор Г., 2006) односторонни. В первом случае цель — наказание правонарушителя, лишенного возможности исправить содеянное, отсутствие учета потребностей жертвы. Во втором случае — воздействие на преступника путем индивидуализации обращения, исключая остальных участников, игнорирование проблемы ответственного поведения правонарушителя. Кроме того, открытым остается вопрос об ответственности адвокатов, судей, полиции, прокуроров, работников ФСИН и созданной в целях собирания для «элитного меньшинства» денег ФМС: этот вопрос, помимо симулякров-деклараций о необходимости антикоррупционной политики, практически не затрагивается. Показательные, симулирующие правосудие и законность, анти-

коррупционные мероприятия в отношении лишенных нравственности представителей юстиции, - всего лишь временный этап на пути мондиалистов. Интегративный, восстановительный подход в современном мире в лучшем случае охватывает все аспекты для успешного разрешения конфликтов пострадавших и правонарушителей, наряду с реабилитацией формируются навыки ответственного поведения. Вопросы «вторичной виктимизации» населения, попавшего в сферу внимания представителей юстиции и ответственность этих людей перед своими жертвами, даже Гаагским судом и Европейским судом по правам человека, практически игнорируются: презумпция невиновности и декларация прав на свободу, защиты и т.д. стали полноценными симулякрами. Введение ювенальной юстиции как института защиты прав и реабилитации обвиняемого и/или осужденного – может стать началом процесса общей гуманизации отношения государства к людям, формирования гражданского общества и усиления влияния общественных структур на правосудие, в том числе и мату-

ральное. Однако, может и не стать. Узаконенное и существующее в виде уголовного наказания насилие над человеком, обвиненным в том или ином преступлении, является всего лишь узаконенной формой рабства, от которого «по доброте душевной» никто никогда не откажется, поскольку, вопреки наивным представлениям значительной части населения о наличии минимальной заботы государства о людях, современные государства заботятся только о себе. И чем громче звучат патриотические лозунги и прославления, тем меньше они имеют отношения к реальности: это – самоочевидный принцип работы управляющим массовым сознанием СМИ. К системе рекрутирования и использования рабов под видом сцепленных друг с другом, сотрудничающих систем организованной преступности и правосудия (так же как, традиционно, под видом образования и психиатрической помощи) применимы все свойственные отношениям рабства характеристики, включая целенаправленную десоциализацию и разрушение связей человека с миром. Материальная и иная заинтересо-

ванность в осуждении граждан у представителей правоохранительных и правозащитных структур, зарабатывающего на бесплатном труде работы в ускоренно утилизирующем «человеческий мусор» средствами правоохранительной системы, государства в целом, активно препятствует нововведениям в служебно-исполнительной и смежных практиках. Распространенные профессиональные и личностные деформации сотрудников правоохранительных и правозащитных органов на фоне повсеместной и высокоорганизованной коррупции на всех уровнях государственной власти и юстиции препятствуют продуктивной трансформации, не только матуральной, но и ювенальной юстиции, ускоряя коллапс системы. Восстановительная работа и сопровождение несовершеннолетних и взрослых преступников должна, по идее, учитывать их нужды, независимо от возраста, опираться на стремление людей, попавших в ситуацию уголовного преследования и судебного следствия, к восстановлению продуктивных связей с обществом, должна помогать людям выплачивать

возникшие перед обществом и частными лицами долги. Однако, идеологические рамки современной ювенальной и матуральной юстиции не позволяют увидеть в подозреваемом, обвиняемом и осужденном человека, задают направленность правоохранительной системы на его десоциализацию, изоляцию (эксклюзию) и превращение в раба. Этические рамки, декларируемые институтом социальной работы как социального служения, во многом противостоят десоциализации, популяризируя инклюзию, восстановительное правосудие, реабилитацию, направленную на восстановление человеческого потенциала совершивших или подозреваемых в совершении преступлений, жертв, сотрудников правоохранительной системы. Вопрос лишь в том, является ли социальная работа действенным механизмом помощи людям или очередным симулякром. В обществе потребителей наивная вера в то, что потребителя интересует кто-то кроме него самого, - разрушительна.

Деформации социально-политического сознания под влиянием проникновения в него антисоциальных идеологических установок, приводящих страны на грань коллапса, в современном мире многочисленны. Основные из них сводятся к разной мере манипулятивно ограниченному выбору: парадоксального утверждения жизни («Делай это все равно», - как отмечала Мать Тереза), аномии и отказа (включая более или менее полную изоляцию субъекта от общества в целях самосохранения и сохранения своего «варианта» осознания социально-политических процессов), согласия (разрушения себя и мира под девизом «Бери от жизни все!») (Масбург Л., 2012). Одно из наиболее важных измерений исследования развития общества связано с выбором между 1) социальным служением, альтруизмом, помощью другим людям, служению обществу в целях его совершенствования и гармонизации, 2) социальной аномией и равнодушным «присутствием» в обществе как реальности, не требующей и не нуждающейся в развитии и преобразовании, и 3) социальным каннибализмом,

связанным с потребительской ориентацией в отношении общества и его членов, нацеленностью на получение бесконечных персональных выгод, «голодные игры» с соперниками и подавление слабых. Совершая этот выбор, человек в большей или меньшей степени осознает, что последствия данного выбора окажутся решающими для его жизни, а также жизни его семьи, рода, общества. Вместе с тем, перспективы этих выборов существенно различны: социальное служение обеспечивает человеку, его семье, роду подчас трудное, но более или менее стабильное развитие, совершенствование. Выбор аномии – удовлетворение инстинкта защищенности при стратегическом «угнетении» инстинкта выживания, человек «жертвует» развитием рода и, во многом, семьи в пользу сиюминутного собственного комфорта и успеха. В случае социального каннибализма, пропагандируемого идеологией «голодных игр», под ударом в стратегической перспективе оказываются оба инстинкта – выживания и защищенности. Однако, на внешнем уровне, социальный каннибализм как нор-

мативная стратегия жизнедеятельности правящей «элиты», позволяет достигать успехов, власти, «административный восторг» и даже псевдотворчества.

Как писал Ю. Хабермас (2003) преодоление «диктата необходимости», возможность жить в роскоши как избыточном, ресурсном состоянии, позволяет человечеству развиваться. Однако, «роскошь» выбравших нишу социального каннибализма «съедает» и так скудный ресурс нравственной, гражданской позиции человека, полностью перекрывая возможности развития не только данного человека, но и его семьи и рода. Истинная «роскошь» возникает в процессе обмена - человеческого взаимодействия – приносящего в жизнь каждого из служащих друг другу новизну, неизвестную и не являющуюся насущной необходимостью как таковой. Дарение как компонент дискурса служения в постмодернистскую эпоху отражает «роскошь» человеческого бытия: в той мере, в какой субъект способен дарить и/или отдавать (добровольно или хотя бы принудительно), разделять с другим, что-то важное, ценное

для него, в той мере он обеспечивает себе при внешнем «угнетении» инстинктов выживания и продолжения рода, свое, семьи и рода совершенствование.

Социальный каннибализм как социальная стратегия противостоит в трилемме модусов идеологий массового сознания социальному служению. Однако, социальная аномия как мир равнодуший, мещанского отрицания чьих-либо нужд и желаний, кроме собственных, как известно, является опорой фашистских режимов и течений. Различие лишь в том, что в фашизме социальный каннибализм не был поставлен как организующая идея отношений человека с обществом – в центр: она существовал «наряду» с остальными идеями, включая «евгенику» как идеологию превосходства, служившую основой решения о рациональности и легитимности подавления и уничтожения других. В социальном каннибализме легитимность не требуется: подавление и уничтожение других есть «смысл в себе», самостоятельная, антигражданская идеология. Аномия является псевдосоциальной идеологией, истинно

социальной является лишь социальное служение, еще только начинающее свое становление, в том числе в социальной трансмиссии.

Однако, и социальное служение не является свободным от негативных коннотаций: полагая себя служащим другим, человек выделяет себя из мира людей, общества в целом. Поэтому он рискует уничтожить себя либо в попытках «напрыгаться», решая чужие проблемы вместо самих людей, живы чужой жизнью, либо рискует переместиться в позицию «над обществом», уничтожив себя бессознательным освоением дискурса социального каннибализма, в котором более сильный диктует более слабому – как и зачем ему жить, кто он такой. Общество начинает восприниматься субъектом как сфера удовлетворения его нужд и желаний. И хотя эти нужды и желания носят, по его мнению, характер «служения», они могут выражаться в прямо противоположных моментах. Яркое проявление – взаимодействия социальной работы и органов правозащиты и правоохраны в России и за рубежом. В частности,

нашумевшие скандалы по поводу ювенальной юстиции, бесполезные в своей основе «общественные наблюдательные комиссии» и другие внешне существующие как попытки вмешательства общества в механизмы управления им, тенденции и практики. Данные практики не работают именно потому, что большая часть общества находится в состоянии аномии: равнодушия, поощряющего фашизм в его различных проявлениях, а та часть общества, которая выбрала для себя путь управления - вместе с социальным каннибализмом. Футуристические тексты Дж.Оруэлла, Д.Андреева, многочисленные пророчества о формировании общества потребления как общества социальной аномии и каннибализма, упоминавшиеся планы Даллеса и другие социально-политические программы разрушения России и других стран еще два-три десятилетия назад казались почти невозможными или, по крайней мере, предотвратимыми (Андреев Д. , 1991, Оруэлл Дж., 1989, Чанцев А., 2007, др.). Однако, если проследить как много средств правящая элита почти всех стран, начиная с Аме-

рики, построившей свое благополучие на резервациях, то есть концлагерях для коренных жителей, вкладывает в «реформы судебной системы», как много места в данных реформах посвящено постройке аналогичных «резерваций» на Украине, в Молдове, других странах, о которых обывателю-мещанину знать не нужно, если проследить испытания химического оружия (химтрейлов), распылявшегося ранее под видом «удобрений», «гербицидов» и «дезактиваторов», а сейчас совершенно открыто - военными самолетами НАТО, над территориями тех же Украины и Молдовы, в столицах стран НАТО открываются магазины с (пока еще поддельным) «человеческим мясом», то становится понятно: австрийские и германские концлагеря не были в истории человечества случайностью. Их создание связано с определенной идеологией, которую можно назвать идеологией социального каннибализма, и которая время от времени поднимается из праха, чтобы уничтожить общество, поправшее законы жизни и отка-

завшееся от Бога, нравственных ценностей, основанных на них законах и идеологии.

Серьезных препятствий распространению античеловеческой идеологии, а значит и грядущему коллапсу разделяющего ее множества стран мира, в постсовременном мире не много: лишенное нравственных опор сознание быстро исчезает: человек фокусируется сначала на своей семье, потом – на собственной выгоде, потом – на сиюминутных удовольствиях. Наркотик власти вершить чужие судьбы и уничтожать себе подобных «признанных негодными», то есть не выбравшими нишу социального каннибализма или оказавшихся менее проворными каннибалами, длительное время» обезболивает» существование, переполненное попыткой стать единоличным властителем и жителем мира, которому принадлежат все ресурсы и возможности. Итоговый выбор на самом деле прост: сотворяющий раба из ближнего - делает рабом себя, служащий ближнему – служит себе, своей свободе и жизни.

Термин "социальное служение", используется сравнительно недавно. Первоначально понятие "социальное служение" употреблялось при описании социальной деятельности конфессиональных союзов. Согласно позициям самых разных конфессий, социальное служение понимается, прежде всего, как осуществление благотворительности и милосердия в виде как непосредственной помощи малоимущим и малообеспеченным, так и в виде создания определенных условий для социальной реабилитации нуждающихся членов общества, а также - помощь обществу в целом. Людей, занимающихся социальным служением, принято называть добровольцами. В современном мире понятие "социальное служение" активно трансформируется, однако, с ним по-прежнему ассоциируются такие слова как социальная помощь, взаимопомощь, благотворительность, милосердие, гуманизм, альтруизм. Социальное служение имеет глубокое нравственное основание – чувства нужности и долга, ответственности и сострадания к ближнему, стремление к постоянному личностному росту

и помощи другим в их развитии и реализации. Социальное служение - добровольная, социально значимая деятельность, ставящая своей целью содействие решению социальных проблем общества, важнейший ресурс формирования и развития общества, направленный на предоставление гражданам, членам разных сообществ возможности для активного участия в жизни сограждан и своих сообществ. Служение может быть представлено как идеология, основанная на защите и помощи социально незащищенной части общества, способствующая развитию новых социальных структур, социальной культуры, закреплённая в общественном сознании и подтверждаемая социально-политической практикой. Служение есть идея взаимопомощи и взаимного развития, основывающаяся на принципах любви к мирозданию, к себе, ближнему, помощи и заботы, развития и уважения права на ошибки и развитие других людей. Она включает как благотворительность – общечеловеческое движение, включающее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организа-

ции, обществ и т.д., так и принятие помощи. В основе служения - стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам. Служение - образец для тех, кто не может найти выход из трудной жизненной ситуации.

Понятие аномии выражает собой исторически обусловленный процесс разрушения базовых элементов культуры, прежде всего нравственных норм (Мертон Р., 1966). При интенсивной смене общественных идеалов и нравственных ориентиров некоторые индивиды и социальные группы перестают чувствовать свою причастность к обществу, культурная трансмиссия нарушается, возникает отчуждение. Пришедшие на смену старым новые социальные нормы и ценности (в том числе социально декларируемые образцы поведения) также отвергаются членами этих групп, а вместо конвенциональных, обусловленных социальным договором, средств достижения индивидуальных или общественных целей, человеком или группой выдви-

гаются собственные, нередко более или менее противоправные. Если же аномия охватывает большую часть общества, то вся его жизнедеятельность становится противоправной: нарушающей нравственные нормы под видом закона: так, как это случилось с фашизмом в Германии.

Согласно классическим моделям, цивилизация предоставляет человеку для достижения его целей многочисленные институциональные средства, одобренные обществом, проверенные опытом нормы поведения. Общество требует соблюдения этих - декларируемых - норм всеми его членами, желающими в соответствии с цивилизаторскими целями развиваться, однако, помимо декларируемых есть реально существующие цели. Как правило, институциональными средствами в более-менее гармоничном обществе являются ценности среднего слоя, и достижение цивилизаторской цели - в виде благополучия и продолжения воспроизводства — должно, по идее, обеспечиваться упорным трудом, честностью, хорошим воспитани-

ем людей и удовлетворением их нужд. Насилие и обман как декларируемые методы достижения благополучия и воспроизводства запрещаются. Однако, как известно, «на войне и в любви все средства хороши», возможности обогащения и манипулирования взаимоотношениями для достижения воспроизводства «лучших», - всегда существуют и реализуются в сообществах социального служения как артефакты, в сообществах социального каннибализма – как нормативы, в сообществах социальной аномии – как внутренние, реально действующие и узаконенные принципы, не столько противостоящие, сколько игнорирующие нравственные. Личность или группа, применяющая дозволенные методы, не получает признание в обществе, если не добивается уровня благополучия этого «среднего слоя». В России, где «средний слой» - недостижимая мечта многих, - личность не может добиться этого по определению, если будет опираться на декларируемые ценности. Однако, она добьется их – если будет опираться на ценности реальные. О цене такого «успеха» общество потребления

и счастливого воспроизводства, не рассказывает: личность или группа, добивающиеся достаточно высокого уровня благополучия, обретают признание, престиж и социальный статус даже если пользовались не структурированными, внешне внеконвенциональными путями. Эта лазейка мещанской аномии вызывает повышенный спрос на институциональные средства, легитимизирующие преступность под видом правоохранения и правозащиты, оказывает деформирующее влияние на реальные, обращенные к реальным ценностям, любви и нравственности, представления людей, которые не могут добиться благополучия на путях, разрешенных обществом. Это, не только и не столько представители низших слоев, но – высших, получивших, благодаря нищете остальных, легитимное право игнорировать все, что кажется им достойным игнорирования. В этих случаях способность достичь благополучия ограничивается не только нехваткой таланта или нужных качеств индивида, но лишь социальной структурой, что вызывает потребность ее реформирования и приведения в

соответствие с задачами богатейших представителей, социальным каннибализмом. Для низших слоев заманивая возможность успеха с помощью социально отклоняющегося поведения, делинквентности и преступности, к которым их толкают условия, оказывается мифом, завершающимся в построенных для них элитой резервациях, концлагерях, тюрьмах. Таким образом, в основе того сильного давления, которому подвергаются ценностные ориентации различных слоев населения, лежат два следующих момента крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры, приводит к попыткам изменения структуры, переходу от общества «развитой демократии» к откровенному рабству и геноциду. Аномия как расхождение между декларируемыми цивилизаторскими целями и реально существующими антиобщественными путями их достижения,- ближайший путь к социальному каннибализму. Социальное служение на этом пути – еще одна уловка для

«бедных», созданная богатейшими представителями в целях демонстрации заботы и ответственности, может работать лишь при одном условии: восстановлении системы регулирования индивидуальных желаний.

На стадии социального каннибализма, регулирование индивидуальных желаний выражается лишь в том месте, в котором начинает рушиться семья и род социального преступника: включаются механизмы саморегуляции, обращающие деструкцию в отношении других людей против тех, кто занимался ею, а также – укрепляющие позиции тех, кто жертвовал и служил, соблюдая нравственные нормы, даже перед лицом многочисленных материальных и духовных потерь (обнищание, потери здоровья, предательство близких и т.д.) и смерти: социальной (оговоры, хамартии, изоляция) и физической (своей и близких), - о чем часто заботятся воинствующие фашисты, отсекающие по мере понимания все возможности сопротивления «неполноценных».

В заключение процитируем: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. ...но это ещё не вся правда. ...Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение... при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» (Маркс К., Энгельс Ф., 1955, С. 770, Dunning T. J., 1860, p.35, 36). Коррúпция (*corrumpere* — растлевать, *corruptio* — подкуп, порча) — термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Главное оружие

и результат коррупции - деидеологизация посредством разрыва культурных связей, культурной трансмиссии. 31 декабря 1995 г. газета «Financial Times» объявила 1995 год «годом коррупции», очевидно, XXI век становится веком коррупции – в том числе под видом борьбы с нею. Как отмечает О.А. Санчес (Санчес О.А., 1999), авторитарные режимы способны успешно скрывать подавляющее большинство злоупотреблений властью от общественности, так что вывод об их коррумпированности делается на основе анализа косвенных свидетельств и пагубных для всего общества последствий. Напротив, коррупция в демократических режимах часто получает широкую огласку и пресекается прежде, чем она начинает наносить существенный ущерб. Однако периодические скандалы вызывают у граждан сомнения в своей способности оказывать влияние на процесс принятия в стране политических решений и разочарование в демократии. Согласно Окну Овертона, коррупция нормализовалась настолько, что встроилась в мальтузианскую модель как компонент со-

циальных отношений: подверглась нормализации и оптимизации. Теперь борьба с ней включена в понятие оптимальных затрат (но не выгод): сравнивая потери от коррупции и затраты на искоренение коррупции для каждого её уровня, некоторые исследователи полагают, что можно найти оптимальный уровень коррупции, отражающий «наименьшие суммарные потери» (Роуз-Аккерман С., 2003, др.).

Рисунок 1. Мальтузианская модель коррупции

Идеология «экономического гангстера» - готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом (Макаров А. А., 2009, Соловьев В.Р., 2012, Роуз-

Аккерман С. , 2003, Фисман Р., Мигель Э., 2012, Legvold R., 2009), готовность пойти на любое преступление ради собственной выгоды. Преступлению мешают лишь две вещи: наличие у социума организующей его идеологии, центрированной вокруг ведущих нравственных заповедей и тенденция преступающих заповеди самоуничтожаться. Поскольку, однако, самоуничтожение приходит после того, как уничтожены ресурсы других людей, выживание основано не на молчаливом согласии и аномии каждого отдельного человека, но на участии в каждого в поддержании нравственных основ жизни. Быть человеком среди других людей – необходимое условие выживания человека, его рода, его нации, человечества.

В чем же перспективы противостояния? Редкие попытки и описания путей противостоять сложившейся системе изымаются из оборота, как в свое время исчезло «социалистическое наследие» одного из ведущих психологов - А.Адлера – его учение о «второй демократии. Суть учения проста: используя модель брошенного в воду кам-

ня, А.Адлер описал условия, при которых поведение и жизнь каждого отдельного уважающего себя и жизнь человека, исходящего из системы истинных, а не фиктивных ценностей, преобразует «кругами»-стратами жизнь окружающих его людей: постоянство, спокойствие, реалистичность, доверие себе и миру. Трансцендентирующий принцип «Делай это все равно» Матери Терезы так же отражает суть второй демократии: любовь, уважение, достоинство, нравственность одного человека изменяют мир вокруг него. Согласие верить в симулякры, лишенная достоинства и безнравственная жизнь, ненависть и потребительство приводят человека и его окружение на разные ступени рабства. Доминирующее меньшинство, «чтобюы выжить» и выжить хорошо, на фоне ничем не контролируемого стремления ко все большей власти и подавлению самой возможности сопротивления, стремиться к мондиализации. Обслуживающие его «внутренний пролетариат», создает всеобщую идеологию, «внешний пролетариат» создает военизированных банды, получая награды Героев

гражданской войны. И только автономные субъекты, обычно из числа подлежащих уничтожению психически больных, преступников и иных оппонентов, трансцендирующие и вопреки страху сохраняющие нравственное отношение к себе и миру в период социального распада, приходят и приводят людей к новой идеологии, возрождению, новой цивилизации. Основами такой цивилизации помимо идеологии социального служения, выступают идеи взаимопомощи и самопомощи разных слоев и страт.

Библиографический список:

1. *Авагян В.* Убить и обожраться // Ведомости. 2012 - Пятница, 24.08. – С.6.
2. *Андреев Д.* Роза мира. – М.: Прометей, 1991. – 289с.
3. *Ашин Г.К.* А 98 Современные теории элиты: Критический очерк. — М.:Междунар. отношения, 1985.— 256 с.
4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.-949с.
5. *Белл Д., Ли Ч.* Сострадательная меритократия // День. № 186. 2013.

6. *Бжезинский Зб.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010. С. 127.
7. *Биддис М.* Правосудие победителей: Нюрнбергский процесс: свет и тени: // Родина. – 1995. – №5. – С. 59 – 71.
8. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000а. - С.113.
9. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
10. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000b. - С. 282.
11. *Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // Восстановительная ювенальная юстиция. - Пермь: ПОНИЦАА, 2006. - С. 6-36
12. *Гротендик А.* Урожай и посевы. — Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001. — 288 с.
13. *Даллес А.* ЦРУ против КГБ: Искусство шпионажа. М.: Центр-полиграф, 2000. С. 357, 373–375, 381
14. *Де Токвиль А.* Демократия в Америке / Предисл. Г. Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992. —554 с.

15. *Иванов А.С.* Вечный зов. М.: АСТ, 2007. Ч.1. - 672с., Ч.2 - 864с.
16. *Карнеги Д.* Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. Ростов: Феникс, 2001. 320с.
17. *Кравченко А.И.* Культурология. – М.: Академический Проект, Трикста, 2003.
18. *Кун Г.* Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Историк и художник. – 2007. - №2. – С. 161 – 176.
19. *Кэлдаре И.* "В Молдове сегодня правят трое каннибалов" [Электронный ресурс] // Point.md. - 2013. - 28 марта. Дата обращения 10.10.2014. Адрес: <http://point.md/ru/novosti/politika/igorj-keldare-v-moldove-segodnya-pravyat-troe-kannibalov> .
20. *Ладыгин Ю.С.* "Русский административный восторг" // Проблемы теории и практики управления. 2005. - №3. - С.8-15.
21. *Лейнг Р.* Расколотое "Я". – С.–Пб.: Белый кролик, ИЦ "Академия", 1995. – 352с.

22. *Лыков А.Б.* Мировое государство как будущее международного сообщества: монография. — М.: Проспект, 2013. — 248 с.
23. *Мазурова Л.* Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. — 2008. — №32. — 8 августа.
24. *Макаров А.А.* Коррупция в системе органов внутренних дел. — М.: Nota Bene, 2009. 192с.
25. *Макиавелли Н.* Государь: Сочинения. - М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. - 656 с.
26. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения.- М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 23. — С. 770.
27. *Масбург Л.* Удивительная мать Тереза. - М.: Триада, 2012. - 272с.
28. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) – М.: «Прогресс». 1966. - С. 299-313.
29. *Милошевић З.* Америка и фашизам. - Република Србија, Београд, 2011. - 147 бр.

30. *Недорога В.А.* Перспективизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т.3. / Под редакцией В. С. Стёпина. - М.: Мысль, 2001.
31. *Ницше Ф.* О будущности наших образовательных учреждений (1871 - 1872) // Ницше Ф. Философская проза, стихотворения: Сборник. - Мн.: ООО "Попурри", 2000. - 628 с.
32. *Окороков А.В.* СССР против США. Психологическая война. М.: Вече, 2011. - 336с.
33. *Оруэлл Дж.* "1984" и эссе разных лет. - М.: Прогресс, 1989. - 384 с.
34. *Оруэлл Дж.* Рецензия на «Майн Кампф» Адольфа Гитлера // Оруэлл Дж. Скотный Двор: Сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. — М.: Библиотека журнала «Иностранная литература», 1989. — С. 75-79.
35. *Парето В.* Трансформация демократии, М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. — 207 с.
36. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. — М.: Логос, 2003. — 356 с.

37. *Санчес О.А.* Предисловие // Вакурин А.В., Колодкин Л.М., Максимов С.В., Темнова Е.И. Основы противодействия коррупции (системы общегосударственной этики поведения) / Под ред. С. В. Максимова — М.: Спарк, 1999. — 228с. - С.5-10
38. *Соловьев В.Р.* Империя коррупции. Территория русской национальной игры. - М., Эксмо, 2012. - 288 с.
39. *Тененбаум Б.* Великий Макиавелли: Темный гений власти: «Цель оправдывает средства?». — М.: Яуза, Эксмо, 2012. — 480 с.
40. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. - М.: Рольф, 2007, 592 с
41. Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности: материалы международной конф., 9-10 ноября 2006 г. - М.:Мысль, 2007.
42. *Фисман Р., Мигель Э.* Экономические гангстеры. Коррупция, насилие и бедность национальных масштабов. - М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2012. - 302 с.

43. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 410 с.
44. *Халипов В.Ф.* Кратология как система наук о власти. – М.: Республика, 1999. – 303 с.
45. *Чанцев А.* Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 86.
46. *Янг М.* Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит. /Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. — М.: Прогресс, 1991. — 405 с. – P.317-347.
47. *Arendt H.* The crisis of education // Arendt H., Kohn J. Between Past and Future. N.-Y.: Penguin Classics, 1961, 2006. – 320 p. – P.190-195.
48. *Baudrillard J.* La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu. - Paris: Galil?e, 1991. 99с.
49. *Beck Gl.* The Overton Window. – N.-Y.: Threshold Editions, 2010. – 336p.

50. *Dunning T. J.* Trades' Unions and strikes: Their Philosophy and Intention. L.: Dunning T. J. Published, 1860. — 52 p. — P.35—36.
51. *Hayes C.* Twilight of the elites: America after meritocracy. N.-Y.: Crown Publishing, 2012.
52. *Legvold R.* Corruption, the Criminalized State, and Post-Soviet Transitions // Corruption, global security, and world order / . Ed. by R. I. Rotberg. Brookings: Brookings Institution. 2009. - 197 p..
53. *Michels R.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: W. Klinkhardt, 1911..
54. *Miller D.* The Icarus Paradox: How Exceptional Companies Bring About Their Own Downfall. - N.-Y.: Harpercollins , 1992. – 256p.
55. *Miller D.* The Icarus paradox: How exceptional companies bring about their own downfall // Business Horizons. - 1992. - V.35 (1).– P.24–36.

56. *Noelle-Neumann E.* The theory of public opinion: The concept of the Spiral of Silence // *Communication Yearbook* / J. A. Anderson (Ed.) - Newbury Park, CA: Sage, 1991. – V. 14. P. 256-287.
57. *Ogburn W.F.* Social change with respect to culture and original nature. N.–Y.: B.W. Huebsch, 1922, Oxford, England: Delta Books, 1966. – 210p.
58. *Pournelle J.* The Iron Law of Bureaucracy // *Chaos Manor Special Reports*. - 2006. – April, 3 – 9. - Mail №408 // <http://www.jerrypournelle.com/reports/jerryp/iron.html>
59. *Schrack J.* Snap, Crackle and Popular Taste. N. Y., 1977 p. 117—118
60. *Tainter J.A.* The collapse of complex societies. - Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — 262 p., 1990. – 224p.
61. *Toynbee Ar.J.* A study of history. Volumes I-XII. - Oxford: Oxford University Press, 1961.
62. *Von Krämer W.* Fortschrittsfalle Medizin (Medical progress traps) // *Der Spiegel*. – 1989. - 13 March. – P.142-162.

63. *Wright R.A. Short History of Progress. New York: Carroll & Graf Publisher, 2004. – 320p.*

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Безносков Д.С. (г. Санкт-Петербург, Россия)

В современной поликультурной среде России все более актуальным становится формирование и функционирование нормальных правовых отношений во всех слоях общества. Такие правовые отношения в первую очередь складываются при условии развития зрелого правового сознания, высокой гражданственности и правовой активности людей. Правовое сознание, выражающееся в знании законов и норм общества, является важным фактором построения межнациональных отношений, характеризующихся толерантностью, взаимным уважением прав и свобод граждан.

Построение правового государства в России сталкивается с определенными психолого-педагогическими про-

блемами. Первая проблема вызвана тем, что в советской и постсоветской России до недавнего времени господствовало сложившееся еще в средневековье этатическое понимание права, то есть приравнивание права к государственному указу. Это привело к тому, что граждане самостоятельно не создавали, не конструировали правовые отношения, то есть не принимали никакого активного участия в строительстве государственности в России.

В отличие от Европейских стран, где с конца XVI века существовало Магдебургское право, обеспечивающее активное участие граждан в самоуправлении, в Московском государстве такого права не было никогда. Магдебургское право давало жителям городов возможность самостоятельно избирать органы самоуправления, решать городские проблемы на общем собрании, обсуждать бюджет города. Так была заложена глубокая психологическая основа формирования правового сознания и создания устойчивых правовых отношений.

Законы создавались гражданами в процессе групповых дискуссий, формировался общественный договор. Закон – это объективированная справедливость. Каждый человек может понимать справедливость субъективно. Однако в процессе обсуждения и договоренности людей эта субъективно понимаемая справедливость объективируется. Закон становится обязательной нормой, при этом возникает и норма равенства всех членов сообщества перед законом. Нормы справедливости и равенства были созданы жителями Европы в течение нескольких столетий. Борьба за справедливость, равенство перед законом, избирательные права сформировали особое отношение к праву: уважение к закону (правовой реализм), вера в справедливость социального мира, отстаивание равноправия, ответственность за свое поведение, социальная солидарность.

В историческом развитии России, к сожалению, ее граждане не прошли путь самостоятельного законотворчества. Законы всегда создавались и принимались правящи-

ми верхами, мнения рядовых граждан не принимались во внимание. Поэтому не правовая гражданственность, а правовой этатизм укоренились в России. Отстраненность граждан России в процессе законотворчества также сформировала особое отношение к праву: правовой нигилизм или цинизм, неверие в нормы справедливости и равенства, отсутствие социальной солидарности. У граждан России нет опыта и навыков правового решения общественных проблем, возникла правовая аномия.

Вторая проблема связана с деформацией правовых отношений. Норма равенства всех граждан России перед законом не всегда соблюдается. События последних месяцев, обнаружившие невиданную коррупцию, свидетельствуют о колоссальной деформации правового сознания некоторых чиновников, о явных проявлениях правового нигилизма и цинизма.

Поэтому наиболее актуальной становится проблема психолого-педагогического обеспечения процесса формирования правового сознания в образовательной молодеж-

ной среде. Правовые нормы регулируют поведение членов общества наряду с нормами морали. Правосознание представляет собой сложное структурное образование. Основное содержание правосознания выражено в форме отношения к праву. Анализ соотношения четырех компонентов отношений (когнитивного, эмоционального, поведенческого и оценочного) дает возможность классифицировать виды правосознания. В зависимости от объема знаний о праве, направленности и интенсивности чувств, правомерности или противоправности поведения, а также оценки значимости нами выделяются восемь видов правосознания: правовой идеализм, правовой реализм, правовой конформизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм, правовой скептицизм, правовой цинизм и правовой нигилизм.

Правовой идеализм (фр. *idealisme* < гр.) характеризуется завышенной оценкой значимости права в обществе, положительными эмоциями, правомерным поведением,

однако объем юридических знаний недостаточен для объективной оценки роли права.

Правовой реализм (лат. *realis* – вещественный) опирается на полноту правовых знаний, положительные эмоции, правомерные поведение и высокую оценку значимости законов в регуляции социальных отношений. Правовые знания опираются на логически стройные, обоснованные правовые идеи, выражаются в виде понятий и убеждений. Правовому реализму свойственны чувство правового долга, ответственности, законности действий, уважения к праву, солидарности с требованиями права. Человек избирает исключительно правомерное поведение, готов следовать правовым предписаниям.

Правовой конформизм (лат. *conformis* – подобный, сходный) основан на знании современного законодательства, правомерном поведении, но на равнодушном отношении к праву, отсутствии интереса и нейтральной оценке его значимости.

Правовой фетишизм (фр. *fetich* – предмет слепого поклонения) возникает при отсутствии правовых знаний, правомерном поведении, завышенной оценки роли права, придания ему мистического, магического значения, восторженных эмоций по поводу возможностей правовой системы урегулировать и облагородить социальные отношения.

Правовой инфантилизм (лат. *infantilis* – младенческий, детский) отличается незнанием или недостаточным знанием законов, равнодушием в отношении правовой системы, значимость права не оценивается, тем не менее, человек проявляет правомерное поведение, ориентируясь на пример и стереотипы поведения других людей.

Правовой скептицизм (гр. *skeptikos* – недоверчивый) проявляется при хорошем знании права, правомерном поведении, но при низкой оценке значимости права в общественной жизни и равнодушном к нему отношении.

Правовой цинизм (гр. *kynismos*) складывается как деформация правосознания при хорошем знании законов,

но негативном к ним отношении, заниженной оценке роли права в обществе и противоправном (асоциальном) поведении. Циник – это человек хорошо знающий законы, но склонный их нарушать, возможно, даже совершать преступные деяния.

Правовой нигилизм (лат. nihil – ничто) также является деформацией правосознания, так как возникает при незнании законов, негативном к ним отношении, противоправном поведении и крайне заниженной оценке значимости правового регулирования общественных отношений. Правой цинизм и правовой нигилизм свидетельствуют о деформации правового сознания и способствуют проявлениям интолерантности в межэтнических отношениях в поликультурной среде.

Мы провели социально-психологическое исследование, участниками которого были курсанты Санкт-Петербургского университета МВД РФ, студенты СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена, получающие образование юри-

стов, психологов, философов. Количество респондентов составило 527 человек.

В результате исследования было обнаружено, что на правовой реализм как нормальный вид правового сознания оказывают влияние четыре основных фактора: знание юридических законов, личностные особенности, система ценностей и базовых убеждений. Люди, получившие специальное юридическое образование, в большей степени проявляют правовой реализм как нормальное позитивное отношение к праву, чем люди, не имеющие юридического образования. Высокий уровень субъективного контроля (интернальность) способствует чувству ответственности за свое поведение и формированию позитивного отношения к праву. Люди, имеющие низкий уровень агрессивности, умеющие сдерживать свои эмоции и чувства, импульсивные реакции на раздражители, также склонны проявлять правовой реализм как нормальное позитивное отношение к праву. Люди – носители негативного правосознания, имеют в целом искаженную систему ценностей. Та-

кие люди склонны проявлять интолерантность, предубеждения и дискриминирующее поведение в отношении представителей других народов в поликультурной образовательной среде.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Беляева Е.В. (г. Курск, Россия)

Современная российская ситуация обостряет деформацию национальных отношений, что чрезвычайно актуализирует проблему формирования этнической идентичности личности. Соединяя в себе интересы и ценности народа, этническая идентичность определяет систему этносоциальных отношений, выбор и регуляцию того или иного типа поведения в поликультурной среде [2].

Известно, что без положительного отношения к собственной этнической идентичности невозможно формирование патриотизма и эффективное межэтническое взаимо-

действие. Очевидный интерес в этом плане представляет младший школьный возраст, когда происходит становление идентификации личности (Ж. Пиаже, Э. Эриксон). Этническая идентичность младших школьников сегодня все более осознается как важнейший объект психолого-педагогических исследований. Интенсивные миграционные процессы, протекающие на фоне явных и скрытых межэтнических конфликтов, обостряют проблемы формирования этнической идентичности детей. Таким образом, современные дети оказываются в условиях, когда становление и гармоничное развитие личности затруднено. В связи с этим представляется весьма значимым исследование возможностей воздействия фольклорных произведений на формирование этнической идентичности ребенка [2].

Этническая идентичность, по определению Т.Г. Стефаненко, – это процесс осознания своей принадлежности к определенной этнической общности, отождествление себя с ней и обособление от других этносов [4].

Смысл данного понятия хорошо отражает термин, предложенный русским философом и этнопсихологом Г.Г. Шпетом, рассматривавшем этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других [5].

Считая этническую идентичность составной частью социальной идентичности, исследователи предпринимают попытки выделить присущие только ей особенности. Так, американский этнолог Ж. Девос рассматривает этническую идентичность как форму идентичности, воплощенную в культурной традиции и обращенную в прошлое в отличие от других форм, ориентированных на настоящее и будущее (цит. по: [4]).

Исследование специфики русской народной сказки показало ее соответствие особенностям личности ребенка, выражающемся в отождествлении вымысла с реальностью, образностью мышления, целостном, нерасчлененном восприятии мира. Это позволило нам использовать сказочные произведения в качестве средства формирова-

ния этнической идентичности у детей младшего школьного возраста.

В нашем исследовании приняли участие учащиеся начальных классов, экспериментальная работа осуществлялась на базе муниципальных общеобразовательных учреждений г. Курска.

Остаются еще малоизученными представления младших школьников о собственной этнической идентичности, эмоциональное отношение к собственной этнической принадлежности, удовлетворенность или неудовлетворенность членством в конкретной этнической группе. В связи с этим в цели исследования входило изучение представлений младших школьников о себе как о представителях определенного этноса: стереотипы о национальном характере русских, наличие у них определенных психологических черт, а также эмоциональное отношение к себе как к представителю этноса.

Основу исследования представлений младших школьников о собственной этнической принадлежности

составил модифицированный тест «Кто я?» (пять слов-характеристик), предложенный Куном и Макпартлендом [3]. При анализе полученных результатов были выделены объективные и субъективные характеристики и различные социальные роли. В число объективных входили характеристики, связанные с семейными ролями, полом, профессией (в данном случае – «ученик», «школьник»), то есть с группами людей, к которым принято принадлежать, существуя в обществе. Они были разделены на базовые (половая, семейная, профессиональная идентификация) и этно-политические (этническая и региональная идентификация). В число субъективных вошли различные личностные характеристики, позитивные и негативные суждения о себе.

Как свидетельствуют результаты теста, наиболее важными объективными характеристиками для младших школьников являются: базовая («человек»), семейная («сын», «дочь»), профессиональная («ученик», «школьник») категории. Данные категории отметили 80%, 80% и

76% соответственно. Категорию половой принадлежности отметили 48% учащихся. Этнополитические категории представлены у учащихся следующим образом: этническая принадлежность «русский», «россиянин» – 68% респондентов; региональная принадлежность («курянин») – 56% школьников.

Среди субъективных характеристик младшие школьники выделяют позитивные и негативные черты характера (64%): «послушный», «любопытный», «веселый», «забывчивый». Полученные результаты свидетельствуют о недостаточной выраженности этнической идентичности младших школьников.

В работе мы исследовали также этнические стереотипы младших школьников о русских людях, русском национальном характере, выявили отношение к себе как к представителю определенной этнической группы.

Представления младших школьников о национальном характере как о важнейшей составляющей этнической идентичности исследовались нами с помощью модифици-

рованной методики Т.Г. Стефаненко «Биполярные шкалы». Наиболее часто встречающиеся характеристики, которые выделяли младшие школьники, связаны с такими чертами характера, как: 1) дружелюбие; 2) трудолюбие; 3) доброта; 4) общительность; 5) благородство; 6) талант; 7) патриотизм; 8) культура; 9) мужество; 10) чувство юмора.

Это свидетельствует о том, что названные позитивные качества входят в состав представлений младших школьников о национальном стереотипе русских людей как важнейшем компоненте их этнической идентичности.

Младшие школьники достаточно критично относятся к особенностям национального характера и выделяют как достоинства, так и недостатки. Недостатками русского национального характера школьники считают лень, излишнюю доверчивость, болтливость, низкую самооценку.

В ходе эксперимента была предложена воображаемая ситуация «Если бы ты мог родиться еще раз, то в какой стране и какой национальности ты хотел бы быть?» Анализ ответов на этот вопрос позволяет диагностировать

эмоциональное отношение к своей этнической идентичности. Связано это с внутренним комфортом или дискомфортом, который младшие школьники испытывают, осознавая свою этническую идентичность, принадлежность к определенному этносу.

Анализ высказываний учащихся до проведения формирующего эксперимента показал, что 64,8% из них хотели бы снова родиться русскими и в России; 23,8% школьников пожелали родиться в другой стране, но русскими; 10,5% опрошенных хотели бы жить в другой стране и иметь другую национальность. Как видим, больше половины опрошенных испытывает чувство удовлетворения от принадлежности к своей стране и этносу. Эти школьники находятся в определенной внутренней гармонии и принимают свою этническую идентичность. Такое состояние этнической идентичности, на наш взгляд, является проявлением патриотизма.

25 % респондентов хотели бы остаться русскими, но жить за пределами России. В настоящее время наиболее

часто такое нежелание объясняется самими учащимися нестабильностью в России, неуверенностью в собственном будущем и т.п. Вследствие этого возникает чувство беспомощности и безысходности. 10 % школьников испытывают психологический дискомфорт, так как не удовлетворены своей этнической идентичностью, не находят опоры в ней. На наш взгляд, эти дети требуют особого внимания учителей, родителей, педагогов-психологов. Проанализировав полученные результаты, мы выявили у младших школьников неоднозначное отношение к собственной этнической идентичности, что подтвердило необходимость ее целенаправленного формирования.

Диагностика исходного уровня этнической идентичности показала недостаток знаний о родном городе, национальных ценностях и традициях, связей с национальной средой; наличие как положительных, так и отрицательных установок по отношению к представителям собственной этнической группы.

Полученные данные позволили сделать вывод о необходимости планомерной, целенаправленной и систематической работы с младшими школьниками по приобщению их к этнической культуре и формированию у них этнической идентичности.

Для формирования положительной этнической идентичности младших школьников, расширения их этнических представлений мы разработали и реализовали практикум этнопсихологической направленности, который включает несколько этапов:

Подготовительный этап предусматривает установление контакта с аудиторией, создание в группе атмосферы доверия и безоценочности, получение более полной информации о каждом члене группы посредством целенаправленного наблюдения, совместная выработка норм и правил поведения в группе.

Просветительский этап включает в себя беседы, чтение и рассказывание русских народных сказок, выяснение имеющихся у младших школьников знаний и пред-

ставлений об особенностях национальной группы, членами которой они являются. Целью этого этапа является передача знаний о национальных традициях, истории, обычаях, особенностях культуры; обсуждение наиболее интересных вопросов с опорой на имеющиеся у детей знания и опыт.

Прикладной этап работы представляет собой систему практических занятий, которые способствуют формированию этнической идентичности младших школьников.

Итоговый этап направлен на подведение итогов работы, закрепление полученных позитивных результатов, получение от участников обратной связи об эффективности проведенной работы, осознание ими собственных личностных достижений.

Содержательная часть практикума включает следующие направления: «Интерьер «сказочного» дома», «Русская национальная кухня в сказке», «Сказка и русский национальный костюм», «Основные виды занятий русских людей в сказке», «Образ родной земли в русской сказке»,

«Русский этнический тип в сказке», «Сказки Курского края» [1].

Развитие этнической идентичности осуществлялось в ходе практикума через прямое и символическое воспроизведение, усвоение традиционных реальностей бытия с целью воспитания у детей интереса к русской старине, русскому крестьянскому быту.

На контрольном этапе проводился повторный диагностический срез с помощью комплекса методик, который ранее применялся на констатирующем этапе. Его результаты сопоставлялись с результатами, полученными на констатирующем этапе исследования.

Анализ полученных результатов по модифицированному тесту Куна и Макпартленда «Кто Я?» показал, что процентное соотношение категорий, значимых для детей, в целом повысилось. Так, этническую принадлежность «русский» отметили 93,3% школьников, что на 25,7% больше, чем на констатирующем этапе исследования. Данный показатель позволяет сделать вывод о более

высоком уровне выраженности этнической идентичности. Также на 5,5% увеличился процент учащихся экспериментальной группы, которые отметили свою региональную принадлежность «курянин». На 5% вырос показатель по категории «семейная идентификация». Вместе с тем следует отметить, что по категориям «человек», «позитивные и негативные самооценки», «дружба» показатели несколько снизились (от 1 до 4%).

Таким образом, по результатам данной методики можно сделать вывод, что уровень значимости этнической принадлежности в экспериментальной группе увеличился, что может являться показателем более высокого уровня сформированности этнической идентичности.

Существенно изменились позиции этих категорий по степени значимости. 25% участников считают свою этническую принадлежность наиболее важной по сравнению с остальными категориями, что на 7,9% больше, чем на констатирующем этапе эксперимента.

Важные изменения в отношении младших школьников к себе как к представителям русского этноса были обнаружены при анализе повторного исследования с помощью составленного нами опросника: снова русскими и в России пожелали бы родиться 76,6 % опрошенных (при первичном исследовании – 64,8%); в другой стране, но русскими – 20% (при первичном исследовании – 23,8%); в другой стране и другой национальности – 3,4% (при первичном исследовании – 10,5%).

Эти данные говорят, что 76,6% опрошенных испытывает чувство удовлетворения от этнической принадлежности к своей стране и своему этносу. Представления и стереотипы, входящие в этническую идентичность, несколько расширились и изменились по содержанию. В характеристиках русских людей появились такие новые качества как терпение, гостеприимство, уважение к другим народам, уверенность в себе, стремление к успеху, гуманное отношение к природе, религиозность. Это свидетельствует о том, что названные качества входят в состав

представлений младших школьников о национальном стереотипе русских людей как важнейшем компоненте их этнической идентичности.

Анализ результатов формирующего эксперимента показал, что младшие школьники более осознанно стали относиться к своей этнической принадлежности, к членству в своей этнической группе.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы:

1) формирование этнической идентичности у детей младшего школьного возраста может осуществляться средствами русской народной сказки, поскольку исследование специфики данного жанра показало его соответствие особенностям личности ребенка, выражающимся в отождествлении вымысла с реальностью, образностью мышления, в целостном, нерасчлененном восприятии мира. Полученный в ходе работы со сказкой эмоциональный опыт предшествующих поколений стимулирует у младших школьников освоение новых форм поведения и спо-

способствует формированию положительного отношения к себе как представителю этноса;

2) в ходе исследования были выявлены особенности становления этнической идентичности в младшем школьном возрасте, которые заключаются в эмоционально-оценочном осознании своей этнической принадлежности; этнической осведомленности, включающей в себя знания о своей этнической группе; формировании навыков поведения, соответствующего определенному национально-культурному стандарту и нормам;

3) разработанная нами программа развития этнической идентичности младших школьников средствами фольклорных произведений, а именно народных сказок является условием формирования положительной этнической идентичности младших школьников, расширения их этнических представлений и стереотипов, находящихся отражение в реальном поведении и ситуациях межэтнического взаимодействия.

Библиографический список:

1. *Беляева Е.В.* Программа развития этнической идентичности младших школьников средствами сказкотерапии – Курск, 2005. – 50 с.
2. *Беляева Е.В.* Психолого-педагогическое воздействие сказки на формирование этнической идентичности младших школьников: Автореф. дис. канд. психол. наук. – Курск, 2005. – 17 с.
3. *Кун М., Макпартленд Т.* Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. / Под ред. Г.М. Андреевой и др. – М., 1984. – С. 180 – 187.
4. *Стефаненко Т.Г.* Психология межэтнических отношений // Этнопсихология. — М.; Екатеринбург, 2000. – С. 206-229.
5. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. – М., Воронеж, 1996. – 378 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Блинова Е.Е. (г. Херсон, Украина)

В сложных и крайне нестабильных социально-политических условиях повышается актуальность исследования процессов влияния СМИ на массовое сознание, целью такого информационно-психологического воздействия является конструирование особого образа реальности, трансформация картины мира через формирование у аудитории стереотипного мифологизированного сознания.

Постоянное непрерывное создание стереотипов – неотъемлемая черта политического процесса, особенности которого определены не только характером протекания этого процесса, но и спецификой объектов стереотипизации. Объекты политической стереотипизации далеко не всегда доступны непосредственному восприятию индивида: восприятие этих объектов осуществляется не через эм-

пирический опыт, а опосредованно – через информацию, транслированную СМИ. Если учесть, что трансляция определенной политической идеи возможна только в форме стереотипов [10, с.90], то становится очевидным, что большинство политических стереотипов не образуются стихийно в сознании человека. Они или передаются ему социумом в готовом виде, или формируются в результате целенаправленного воздействия.

Теоретической основой теории стереотипов был постулат У. Липпмана о «непостижимости для индивида мира политики, невозможности верификации политической реальности с опорой на индивидуальное сознание». В работе «Общественное мнение» исследователь уделяет большое внимание манипулирующей роли масс-медиа, абсолютизируя, по мнению многих ученых, их роль в процессе стереотипизации. Таким образом, в 20-х годах был заложен фундамент для широкого спектра исследовательских программ, в фокусе которых оказалось влияние СМИ на структуры сознания индивида [5, с.6]. Верификация

стереотипа, т.е. его проверка на соответствие реальности, по мнению Е.Г. Дьяковой, дает ответ на вопрос, может ли стереотип быть полезным для общества в целом и конкретного человека (соответственно, стоит ли их продуцировать) [5]:

1. Наиболее простым способом верификации стереотипа является его сопоставление с реальными фактами. Однако такое сопоставление в большинстве случаев невозможно из-за недостатка информации [6, с.217]. Обычный потребитель информации не принимает и не может принимать участие во всех событиях, составляющих информационную картину дня. В его распоряжении часто нет другой информации, кроме той, что предлагают доступные для него печатные и электронные СМИ. В такой ситуации попытка верифицировать продуцированный этими СМИ стереотип обречена на неудачу. Чем дальше от потребителя информации находится то или иное явление политической жизни, относительно которого создает-

ся стереотип, тем меньше шансов проверить его истинность.

2. Если стереотип выражается в логической форме суждения, то возникает соблазн проверить его с помощью логических методов. Однако использование положений классической логики будет ограничено атрибутами стереотипа – эмоциональной окраской и оценочным компонентом.

Невозможность эмпирической проверки информации, на которой основан политический стереотип, и информации, которую он содержит в себе, не только для обычного потребителя продукции масс-медиа, но и для исследователя, является главным препятствием на пути верификации стереотипа. Важно отметить, что эта невозможность объясняется самой природой стереотипа, который не «копирует» объективную реальность, а создает свою: стереотипы задают рамки интерпретации действительности, в пределах которых мы видим все наши реалии [12, с.498].

Одним из первых вопросов, возникших перед исследователями стереотипов, был вопрос о причинах его возникновения. В дальнейшем исследование приобрело практическое значение, например, если выяснить, каким образом стереотипное восприятие представителей другой нации провоцирует напряжение или агрессию в обществе, то можно, вероятно, предотвратить эту агрессию.

Особенности психологии отдельного индивида изучали также авторы бихевиоральной концепции «фрустрации – агрессии» Б. Скиннер, Н. Миллер, Д. Доллард, которые фактически отождествили стереотип и установку, искали причины образования стереотипов в личностных фрустрациях. Фрустрации, т.е. неудовлетворенные потребности, подавленные стремления, нерешенные проблемы, порождают агрессию, которая, в свою очередь, направляется на поиск объекта или социальной группы, ответственной за состояние фрустрации. Когда объект четко не определен или идентифицируется с высокостатусной группой, то агрессия направляется на другой объ-

ект, порождая феномен «смещенной агрессии», т.е. представления об этом объекте закрепляются в негативном стереотипе (предубеждении). Слабой стороной концепции авторитарной личности Т. Адорно и бихевиоральных представлений является ограниченность понимания стереотипа, абсолютизация факторов индивидуального уровня. Когда стереотипы свойственны сознанию всех людей, это означает, что их порождают какие-то общие психические процессы – процессы восприятия окружающего мира.

Впервые в обобщенном виде когнитивные процессы, включенные в формирование предубеждений, установок и стереотипов, были сформулированы Г. Оллпортом: 1) восприятие объекта или получение о нем информации каким-то способом; 2) формирование образа предмета, т.е. представления о нем, а также мнений и оценочных суждений; 3) обобщение отдельных случаев и распространение этих представлений и оценок на всю группу предметов; 4) закрепление результатов в памяти [цит. за 8, с.201].

«Процесс восприятия окружающего мира порождает целый ряд психологических феноменов, одним из которых является стереотип. При этом, объект стереотипизации может существовать как часть непосредственного опыта («видел своими глазами»), и как ментальное образование, часть чужого опыта («мне сказали»))» [14, с.29]. Граница между двумя взаимоисключающими вариантами объективно четкая, но при этом в субъективном восприятии часто размывается: события, которые зритель видит на экране телевизора, превращаются в часть его собственного опыта.

А.Е. Бочкарев отмечал, что человек воспринимает мир в категориальной «обработке», поскольку категоризация – это результат познания и объединения предметов в группы по их существенным качествам, а также связям и отношениям с другими предметами, причем критерием адекватности в онтологической картине мира может быть лишь объективное знание [24, с.8]

Очевидно, что при отсутствии такого знания категоризация носит случайный, стихийный характер, а образованная «группа» дает ложное понимание предмета. Можно предположить, что в основе механизма образования стереотипов лежит случайная категоризация, осуществляемая в условиях дефицита объективного знания. Чем сложнее воспринимаемое явление, тем выше вероятность ошибочной категоризации.

С процессами категоризации тесно связан еще один когнитивный процесс – генерализация, т.е. обобщение однородных явлений на основе редуцирования характеристик каждого из них. Г. Оллпорт отмечал, что «склонность человека к стереотипам заключается в обыденной тенденции строить обобщения, содержанием которых является упрощение мира» [цит. за 14, с.30]. Эта тенденция традиционно объясняется информационной перегрузкой, стимулирующей поспешное и неправомерное обобщение информации. Поспешность обобщения является частью человеческой потребности в максимально быстром форми-

ровании суждений и выводов. Исследование влияния когнитивной системы на социальную перцепцию показывает, что люди в своем восприятии социального мира чаще всего опираются на эффективность своих суждений по сравнению с их точностью [9, с.42].

Социальную природу стереотипа исследовали С. Московичи, К. Юнг, по мнению которых стереотипы создаются коллективным субъектом путем рационализации определенных иррациональных начал. Термин «коллективные представления» был введен Э. Дюркгеймом для определения тех базовых представлений о мироустройстве, социальных нормах и знаниях, которые, согласно теории Л. Леви-Брюля, имеют четыре характерных признака: а) передаются из поколения в поколение; б) навязываются; в) пробуждают определенные социальные чувства; г) мотивируют социально значимые поступки [7]. Коллективные представления – это сверхиндивидуальные феномены сознания, содержание которых нельзя свести к сумме индивидуальных сознаний (С. Московичи и его по-

следователи считают социальными представлениями не все социально признанные взгляды, а лишь те, которые являются продуктом наивного мышления, входят в сферу обыденного сознания и регулируют повседневную жизнь людей).

Когда человек оказывается перед важной проблемой, в которой обязательно нужно разобраться для принятия важного решения, но при этом количество информации недостаточно, то в условиях дефицита информации о социальном объекте или явлении, человек приписывает фактам, воспринимаемым непосредственно, причины, скрытые от непосредственного наблюдения [3, с.38]. Этот психологический феномен Ф. Хайдер назвал каузальной атрибуцией. Каузальная атрибуция является особенностью обыденной психологии, и возникает в условиях каузального дефицита – нехватки информации о причинно-следственных связях явлений.

Обычный человек чаще всего оказывается в ситуации каузального дефицита, когда речь идет о процессах и

явлениях, непосредственное наблюдение за которыми невозможно, а логическое познание – сложно, т.е. в ситуации общественно-политического познания [3, с. 38].

Важно отметить, что в условиях современного общества каузальный дефицит может быть следствие сознательной деятельности СМИ – и как результат информационного шума, предложения большого количества информации, так и дозирования информации, подачи однотипной информации, схематизации событий. И в первом, и во втором случае понимание причинно-следственных связей усложняется (именно так дефицит / избыток информации стимулирует ложную категоризацию и неправомерное обобщение). В исследованиях каузальной атрибуции выявлены возможные варианты объяснения явлений, возникающие в сознании вследствие дефицита информации. Во-первых (и чаще всего), причины явлений могут приписываться или конкретным людям, или особенностям объективной ситуации вследствие существующей в человеческой психике тенденции воспринимать все, что происхо-

дит в мире людей (в отличии от природного мира), в неразрывном единстве события, акта и действующего лица [3, с.39].

Различия в способах приписывания причин зависят от качества и объема доступной информации – т.е. от особенностей информационного дефицита. «В известных работах Г. Келли установлены различия между приписыванием при наличии достаточно полной и неполной информации. В первом случае субъект имеет возможность выявить и верифицировать корреляцию между определенным явлением, за которым он наблюдает систематически, и его предполагаемой причиной; операция приписывания обретает логический характер и по сути приближается к научному анализу («ковариантная атрибуция»). Сам Г. Келли назвал такую ситуацию скорее идеальной, чем реальной. При недостатке информации наблюдается «конфигуративная атрибуция»: чтобы достичь четкого объяснения явлений, субъект познания выбирает какую-то однозначную причину, отвергая все, что противоречит этому

выбору, одновременно увеличивая объяснительную силу выбранного им фактора [3, с.38-39].

Относительно общественно-политических явлений, очевидно, что возможности ковариантной атрибуции ограничены определенным кругом лиц; на массовом уровне реальна лишь конфигуративная атрибуция, образующая все условия для стереотипизации. Нужно отметить, что стимулом для конфигуративной атрибуции могут быть как личные впечатления, так и тексты СМИ.

Таким образом, еще один из когнитивных механизмов формирования стереотипов – проблемы установления причинно-следственной связи между явлениями. Когда человек имеет определенную информацию и достаточный интеллектуальный уровень, он способен в большей степени (при прочих равных условиях) давать правильное объяснение причин тех или иных явлений. В противном случае это объяснение носит случайный характер и приобретает все качества стереотипа.

Можно обобщить, что когнитивные процессы, приводящие к формированию стереотипов, можно разделить на два этапа: 1) непосредственное восприятие явлений (категоризация и обобщение); 2) поиск причинно-следственных связей (конфигуративная атрибуция).

На этих этапах механизмы, приводящие к образованию стереотипов, запускают дефицит объективной информации или ее избыток. Поиск причинно-следственных связей может происходить и на уровне логического, и на уровне ассоциативного мышления; является одним из способов упорядочивания картины мира и непосредственно связан с одной из ключевых потребностей человека – потребностью в безопасности. Потребность в безопасности активизируется в периоды социального напряжения и катаклизмов, поэтому в кризисные моменты существования социума коллективная психология, детерминированная бессознательным, снова выходит на первый план [11], а ассоциативное мышление начинает доминировать.

Также стоит обратить внимание на эмоциональную составляющую стереотипа, поскольку установки относительно того или иного объекта могут определяться аффективными, а не когнитивными источниками [9, с.93]. Т. Нельсон отмечает, что схематизация – выделение и фиксация наиболее значимых характеристик явления, формирующая стереотип, реализуется не столько через логику, сколько через эмоции, определяется скорее аффективными, чем когнитивными источниками. Аффективный компонент (наряду с когнитивным) определяет оценку объекта стереотипизации и разделение стереотипов на позитивные (одобрение, позитивные эмоции) и негативные (осуждение, негативные эмоции).

Позитивный аффект снижает уровень схематичной обработки информации: люди, считающие себя счастливыми, склонны обрабатывать информацию менее аналитически и выбирать упрощенные стратегии [9, с.100]. Похожими являются следствия влияния негативных эмоций – гнева, вины, тревоги [9, с.101]. И хотя не доказано, что

негативные эмоции снижают когнитивные способности, очевидно, что такие негативные эмоции, как тревога или страх, стимулируют поиск причинно-следственных связей с целью объяснения событий, что вызвали негатив, и уменьшения эмоционального напряжения.

Среди других эмоциональных факторов стереотипизации исследователи отмечают, во-первых, тот факт, что стереотипы формируют и поддерживают позитивный «Я»-образ. Во-вторых, эмоциональность стереотипа невозможно объяснить без обращения к его социальным корням: «интенсивность эмоционального фона объясняется не только мотивом поддержания позитивного «Я»-образа, но и сохранением ценностных ориентаций, представляющих собой интериоризированные ценности определенной социальной группы. Вне ценностной определенности, которую дает человеку социум, он существовать не может. Поэтому стереотип как форма существования ценностей несет в себе сильное аффективное начало» [11].

Таким образом, психологические причины формирования социального (в частности, политического) стереотипа как универсального компонента человеческого сознания связаны с особенностями восприятия окружающего мира; непосредственным стимулом являются процессы категоризации, обобщения и поиска причинно-следственных связей в условиях избытка или дефицита информации, причем эти процессы реализуются при активном участии эмоционального компонента, влияющего на выделение и фиксацию наиболее значимых характеристик явления или объекта, относительно которых создаются стереотипы.

Библиографический список:

1. *Агеев В.С.* Психологическое исследование социальных стереотипов / Агеев В.С. // Вопросы психологии, 1986. – №1. – С.96-101.
2. *Бочкарев А.Е.* О категоризации как условии понимания / Бочкарева А.Е. // Понимание в коммуникации. Язык. Человек. Концепция: Тезисы докладов Международной

- научной конференции (Москва, 28 февраля – 1 марта 2007 г.) / сост. М.Ю. Михеев. – М.: НИВЦ МГУ, 2007. – С.8-9.
3. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. – М.: Новая школа, 1996. – 352 с.
4. *Дьякова Е.Г.* Массовая коммуникация и проблемы конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов / Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. – Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 1999. – 130 с.
5. *Завгородня Л.В.* Стереотипи породження та сприймання журналістського твору (на матеріалі газетних текстів): автореферат дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.08 «Журналістика» / Л.В. Завгородня. – К., 2003. – 20 с.
6. *Липпман У.* Общественное мнение / Уолтер Липпман ; [пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко]. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

7. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление / Люсьен Леви-Брюль // Психология мышления [под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова]. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С.130-140.
8. *Налчаджян А.А.* Этнопсихология / Альберт Агабекович Налчаджян. – СПб.: Питер, 2004. – 380 с.
9. *Нельсон Т.* Психология предубеждений. Секреты шаблонного мышления, восприятия и поведения / Тодд Нельсон; [пер. с англ. С. Комарова, А. Боричева]. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
10. *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии : учебное пособие для вузов / Ольшанский Д.В. – СПб.: Питер, 2002. – 576 с.
11. *Попков В.Д.* Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации / В.Д. Попков // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т.V, №3. – С.178-191.

12. *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов / Георгий Георгиевич Почепцов. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2005. – 624 с.
13. Психология. Словарь [под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского]. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
14. *Шерман О.М.* Політичний стереотип: місце у політичному процесі та технології формування засобами масової інформації. – Львів: Сполом, 2008. – 228 с.

РАЗЛИЧИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ В СИТУАЦИЯХ ФРУСТРАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ МИГРАНТОВ С КАВКАЗА И РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Бухлина Л.Ю. (г. Пенза, Россия)

Бузыкина Ю.С. (г. Пенза, Россия)

Миграция населения привела к тому, что многие образовательные учреждения становятся микрокосмом культурного многообразия, что нередко и порождает конфлик-

ты. Многие в этих условиях, как мигранты так и местное население испытывают дискомфорт, с которым далеко не всегда умеют справиться. Тревожным симптомом, современности становится рост числа асоциальных действий, свершенных несовершеннолетними, что порождает одну из острейших социальных проблем нашего общества, проблему роста подростковой преступности, в том числе и преступлений против личности, связанных с национальной принадлежностью. Подростковый возраст сам по себе является, одним из трудных и сложных, представляющий собой период становления личности. Он характеризуется наличием самых разнообразных психологических новообразований и тенденций, которые часто являются причинами протестного поведения и преобладания черт агрессивности. Так же данный возраст интересен еще и тем, что в этот период актуализируется самосознания, благодаря чему формируется идентичность, в том числе этническая, что определяет толерантные или интолерантные установки в процессе взаимодействия с другими людьми. Сама

этническая идентичность хотя и является динамическим процессом, но именно подростковый возраст закладывает основы этнической толерантности нашего общества на много лет вперед. Миграция же усложняет формирование идентичности, что ведет за собой значительное затруднение процесса социализации подростков, а как следствие может выражаться в девиантном проявлении [1; С. 26-31]. Чаще всего агрессивные реакции к переселенцам, так и с их стороны, вызваны неизвестностью ожиданий от представителей другой национальности, различиями в культурных и религиозных традициях, стереотипах поведения, что влечет за собой развитие подозрительности, закрытости. То есть возрастные сложности отрочества усугубляются еще и различиями познавательных стилей школьников разных национальностей, своеобразием их проявления в общении. Причины подобных различий следует искать в культурных особенностях присущих учащимся разных национальностей. Так, среди школьников представителей кавказских народов гораздо больший процент кинестети-

ков, чем среди славян. Кинестетик усваивает информацию в движении, отчасти это обуславливает открытое выражением эмоций, громкий разговор, выраженную жестикуляцию уроженцев Кавказа. В свою очередь, не понимание обычных речевых оборотов, сниженная ориентировка в повседневных школьных ситуациях характерны для подростков, выросших в инокультурной среде. Такой ребенок оказывается не чувствительным к правил поведения, которых придерживаются учитель и большинство местных учеников. Незнания, а иногда непринятие существующих школьных норм и правил подростками мигрантами, так же ведет к проявлению агрессивных реакций и усложняет процесс социализации и адаптации [1; 26-31]. Защитную психологическую функцию, в том числе и у детей мигрантов, начинает выполнять агрессия, направленная не на фрустрирующий фактор, а на обстоятельства, которые необходимо любой ценой подчинить своей цели. Это препятствует развитию позитивного взаимодействия с окружающими и существенно затрудняет их адаптацию.

Больше всего внимания проблеме проявлений агрессивности, уделяется в школах, так как именно там создается большой поток мигрантов [2; С. 224]. Данное исследование проводилось на базе МОУ ДОД ЦДТ г. Сердобска, в объединении «Лидер». Численность выборки составила 50 подростков, из них - 16 это кавказские подростки (4 девочки и 12 мальчиков), другую группу составили 34 русских подростка (5 девочек и 19 мальчиков). Все представители выборки являлись учащимися 9-10 классов. В ходе исследования проверялось предположение о том, что существуют различия в поведенческих реакциях во фрустрирующих ситуациях у мигрантов кавказских подростков и местных школьников подросткового возраста. Анализ и интерпретация результатов исследования, полученных посредством рисуночного фрустрационного теста С. Розенцвейга, позволили выявить, что поведение русских подростков во фрустрирующих ситуациях отличается разнообразием и многообразием типов реакций на фрустрационные ситуации, у них почти все типы реакций нахо-

дятся в сходном балловом диапазоне. В обеих группах доминируют эго-защитные реакции, при преимущественном повышении удельного веса этих реакций ($ED = 10,94$) у кавказских подростков по сравнению с русскими подростками ($ED = 8,81$) ($t_{эмп} = 2.8^{**}$). Возможно, это отражает повышенную склонность первой группы испытуемых к более или менее осознанному переживанию эмоций тревоги и страха и восприятию ситуации как более враждебной, склонности воспринимать мир как менее безопасный, чем в среднем он воспринимается другими людьми. Предполагается, что для них характерно восприятие мира как пугающего, что определяется низким уровнем фрустрационной толерантности, общим неумением противостоять трудностям, неуверенностью в себе. В свою очередь, повышенная склонность к эго-защитным реакциям в конечном счете определяется слабостью Эго, т. е. недостаточной сформированностью «принципа реальности», неумением отсрочить или перенаправить инстинктивные влечения, реально оценив объективные признаки ситуации.

У подавляющего большинства группы кавказских подростков (90,63%) эго-защита проявляется в форме агрессии и порицания партнеров по ситуации, с активным отрицанием субъектом предъявленного обвинения, причем часто в форме встречных претензий или агрессии (Е). При этом у кавказской группы при анализе проявления экстрапунитивных реакций ($|E|$) выявлена как вербальная форма («Ты урод», «у тебя ноги из ...растут», «у тебя вообще мозгов нет» и частое применение не цензурной речи), так и физическая (у 1/3 группы).

Поведенческие реакции в русской группе преимущественно направлены либо на подчеркивание значимости ситуации, либо, наоборот, на демонстрацию малозначимости и разрешения ее с течением времени и изменением обстоятельств ($M=8,6$), или на поиск внешней причины фрустрации ($E=9,0$). Кавказские же подростки преимущественно выбирают направление экстрапунитивное ($E=14$) - приписывание вины другому лицу и поиска этого виноватого, чрезмерное придавания значимости фрустрационной

ситуации, и с критически низким уровнем выраженности стремления к сглаженности конфликтных ситуаций ($M=5.6$). У каждого 3-го русского подростка преобладает реакция на разрешение фрустрационной ситуации адаптивными способами (NP-34,8%), так называемые настойчиво-потребностные реакции, у кавказских же подростков такая реакция встретилась у одного из группы (NP-6,25%) ($t_{\text{эмп}} = 5,3^{***}$). Стоит обратить внимание на преобладание этих реакций у русских подростков в форме некой надежды на благоприятное разрешение ситуации со временем (12 %), и в меньшей степени в конструктивных формах, отражающих обладание навыками разрешения проблемных ситуаций, таких как перекладывание ответственности за удовлетворение потребности (3 %) и перекладывание разрешения проблемы на партнеров по ситуации (9 %).

Был выявлен низкий коэффициент фрустрационной толерантности и низкий уровень социальной адаптации характерные половине группы кавказских подростков. Показатели социальной адаптации выше в русской группе

подростков, чем в кавказской ($t_{эмп} = 4.9^{***}$). Это возможно объясняется, тем, что за время проживания на новой для себя территории кавказские подростки, еще мало адаптировались к нормам, стандартам и особенностям культуры данной территории.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что для подростков обеих групп характерны разные типы реагирования на фрустрационные ситуации, так подростки кавказской группы в большей степени ориентированы на самозащиту, с преобладанием агрессивных способов реагирования, поиска виновного. Недостаточно развитые навыки конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и удовлетворения ситуативно возникающих потребностей способствуют снижению социальной адаптации и повышению склонности к агрессивным защитным реакциям в ситуации прямого обвинения. Подростки же местной группы стремятся смягчить или снизить уровень конфликтности, преодолеть препятствия, не боясь при этом взять вину и ответственность на себя, при этом

агрессивность носит умеренный характер. Школа как важнейший социальный институт, должна стать местом, где создаются благоприятные условия для межнационального общения, где всем учащимся прививается уважение к своей культуре и культурам других народов, поскольку именно в учебно-воспитательном процессе создаются ситуации культурного, межличностного, межнационального, формального и неформального общения. Таким образом, для становления толерантной личности адекватным является включение ее в коллективную творческую деятельность, и обучение ее социально приемлемым способам предъявления своей индивидуальности. Но таким способам и формам, которые одновременно удовлетворяют самого человека.

Библиографический список:

1. *Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г.* Этническая социализация подростка. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. С. 26-31.

2. *Джуринский А.Н.* Педагогика межнационального общения: поликультурное воспитание в России и за рубежом. Учебное пособие.-М.:ТЦ Сфера. 2007.-224с.
3. *Бузыкина Ю.С.* Формирование толерантного отношения, как направление профилактики экстремистского поведения молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – №3(25). – С. 161-164.
4. *Бузыкина Ю.С., Константинов В.В.* К вопросу детерминации отношения к проявлениям экстремизма // Перспективы науки. .- 2013., №4(43). С.14-16.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ Г. ПЕНЗЫ

Вершинина М.В. (г. Пенза, Россия)

Васина Т.С. (г. Пенза, Россия)

На сегодняшний день, в условиях усилившейся социальной и политической нестабильности, многие вопро-

сы, касающиеся этничности и этнической идентичности, становятся наиболее острыми и проблемными как для зарубежных, так и для отечественных ученых. Актуальным является изучение этнического фактора как одного из определяющих поведение человека, изучение ряда личностных характеристик в контексте их влияния на показатели этнической идентичности и процесс аккультурации в целом, причины роста осознания представителями различных этнических групп своей этнической идентичности, а также исследованию ее структуры [1, 2, 4].

Идентификация личности – это процесс становления и осознания собственного «Я». В этом процессе отчетливо видны два направления развития: центростремительное – от внешней среды к индивидууму – и центробежное – от индивидуума к внешней среде. С одной стороны, индивид, познавая внешнюю среду, осознает себя одним из ее элементов, с другой – среда, внешний мир утверждает индивида в его опыте, признает его одним из своих элементов. Функция процесса идентификации двойственна. Во-

первых, он включен в процесс социализации человека. Во-вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. Человек в своем поведении начинает руководствоваться принципом «Каждый за себя!», превращаясь тем самым в антисоциальное существо. Это состояние З. Фрейд назвал психологической нищетой масс [5].

Идентичность – в общем смысле - можно охарактеризовать как присвоение себе некоего образа и постоянное ассоциирование себя с ним. С одной стороны, это ожидания человека относительно самого себя, а с другой - комплекс образных представлений, которые позволяют группе отделять себя от других групп. На протяжении всего жизненного пути индивид находится в процессе осознания и переживания своего личностного «Я» и группового «Мы». В нормальной жизненной ситуации у большинства людей доминирует личностный уровень. В переходных или кризисных жизненных ситуациях, а также в условиях повы-

шенной напряженности в обществе человеку становится все труднее полагаться только на себя. И он в поисках опоры и защиты стремится к расширению своих социальных и психологических границ. Он выходит за пределы своего «Я», сознательно декларируя свою неразрывную связь с какой-либо общностью или группой. В условиях кризиса политической власти такой групповой идентичностью зачастую становится этническая принадлежность, чему есть немало примеров сегодня. Человек в переломные моменты начинает более остро осознавать значимость своей этнической идентичности. Работы, посвященные изучению идентичности и социальной идентичности, с одной стороны, предвосхитили рассмотрение этнической идентичности, а, с другой стороны, в настоящее время являются неотъемлемой частью ее изучения.

Современными учеными этническая идентичность чаще всего рассматривается как составляющая социальной идентичности [3], или как ее разновидность [6]. Т.Г. Стефаненко, придерживается мнения, что этническая иден-

тичность является одним из элементов социальной идентичности и представляет собой «результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов» [3].

Методологические и концептуальные разработки этнической идентичности отражены в работах Л.Н. Гумилева, Ж.М. Жангазаковой, Б.Ф. Поршнева, И.С. Кона, Г.Н. Волкова, В.С. Мухиной и др. В исследованиях Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова и других отмечается, что психологические особенности индивидов и групп обусловлены их этнической или культурной принадлежностью.

В исследовании приняло участие 350 юношей в возрасте от 18 до 24 лет, являющихся военнослужащими 22 полка ликвидации последствий аварий и охраны станции Леонидовка Пензенской области. Данная выборка является репрезентативной и соответствует основным социаль-

но-демографическим показателям генеральной совокупности.

В ходе диагностики, проведенной в момент поступления военнослужащих в воинскую часть, было выделено три группы испытуемых, обладающих различными адаптивными способностями: группа «слабых адаптантов», группа «средних адаптантов» и группа «эффективных адаптантов».

Для определения показателей этнической идентичности испытуемых нами была использована методика «Тип этнической идентичности» ТЭИ (авторы – Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова). Данная методическая разработка позволяет диагностировать этническое самосознание и его трансформации в условиях межэтнической напряженности. Один из показателей трансформации этнической идентичности – это рост этнической нетерпимости (интолерантности).

Для изучения содержательных характеристик идентичности личности испытуемых нами был использован

Тест «Кто я?» или Тест двадцати высказываний (М. Кун, Т. Макпартленд) в модификации Т.В. Румянцевой. Вопрос «Кто Я?» напрямую связан с характеристиками собственного восприятия человеком самого себя, то есть с его образом «Я» или Я-концепцией. Данный тест позволяет проанализировать самооценку идентичности, гендерную идентичность, соотношение социальных ролей и индивидуальных характеристик в идентичности, психолингвистический аспект идентичности (какая часть речи и какой содержательный аспект самоидентификации является доминирующим в самоописании человека), уровень дифференцированности идентичности. В качестве количественной оценки уровня дифференцированности идентичности выступает число, отражающее общее количество показателей идентичности, которое использовал человек при самоидентификации.

Существуют значимые различия в показателях испытуемых по всем исследуемым нами шкалам.

Таблица №1

Выявление значимых различий содержательных характеристик идентичности с помощью критерия Крускала-Уоллиса

Название группы	Содержательные характеристики идентичности в самоописании (шкалы)	Результаты применения критерия различий Крускала-Уоллиса
1. Группа «слабых адаптантов»	низкий уровень дифференцированности	$H = 161,383$; при $p = 0,001$
2. Группа «средних адаптантов»	«Социальное Я» «Коммуникативное Я»	$H = 237,707$; при $p = 0,001$ $H = 220,109$; при $p = 0,001$
3. Группа «эффективных адаптантов»	«Деятельное Я» «Перспективное Я» «Рефлексивное Я» «Социальное Я»	$H = 225,725$; при $p = 0,001$ $H = 207,801$; при $p = 0,001$ $H = 186,224$; при $p = 0,001$ $H = 237,707$; при $p =$

		0,001
--	--	-------

В ходе применения критерия различий Крускала-Уоллиса, было выявлено, что в группе «слабых адаптантов» у испытуемых самый низкий уровень дифференцированности (от 1 до 4 характеристик в самоописании). Это говорит о кризисе идентичности, замкнутости, тревожности, неуверенности в себе, трудности в контролировании себя. Причем даже зафиксированные характеристики у многих испытуемых были абсолютно посторонними словами, такими как «стул», «стол», «арбуз» и т.д. Этим мог выражаться внутренний протест испытуемых, связанный с их тревогой, неуверенностью.

В группе «средних адаптантов» обнаружено наибольшее число характеристик самоописания, относящихся к «Социальному Я» и «Коммуникативному Я». «Социальное Я» включает такие показатели как пол, социальные роли, этническую принадлежность и т.п. «Комму-

никативное Я» выражается в восприятии себя членом группы друзей, субъектом общения.

Таким образом, личность, использующая в самоописании данные показатели, ориентирована на общение, включена в социальное взаимодействие, что, на наш взгляд, вполне может соответствовать наличию у нее удовлетворительных адаптивных способностей.

В группе «эффективных адаптантов» зафиксировано наибольшее число характеристик самоописания, относящихся к «Деятельному Я», «Перспективному Я» и «Рефлексивному Я», наряду с наличием в самоописании испытуемых и характеристик, относящихся к «Социальному Я». «Деятельное Я» выражается в занятиях, интересах, деятельности, индивидуальном опыте, а также в самооценке способности к деятельности (в данном случае положительной). «Перспективное Я» включает профессиональные, материальные, семейные и др. перспективы личности. «Рефлексивное Я» включает персональную идентичность испытуемого (черты характера, личностные каче-

ства) и глобальные утверждения, которые недостаточно проявляют различия одного человека от другого. Таким образом, именно испытуемые группы «эффективных адаптантов» обладают самой зрелой и гармоничной идентичностью, включающей наряду с показателями «Социального Я», осознание своих личных качеств, осознание общечеловеческих ценностей и перспектив своего развития, что, как мы считаем, и является залогом наличия у них самых высоких адаптивных способностей.

При исследовании различий типов этнической идентичности испытуемых, было выявлено, что в группах «слабых адаптантов», «средних адаптантов» и «эффективных адаптантов» существуют значимые различия в выраженности типов этнической идентичности.

Таблица №2

Выявление различий типов этнической идентичности с помощью критерия Крускала-Уоллиса

Название группы	Тип этнической идентичности (шкалы)	Результаты применения критерия различий

		Крускала-Уоллиса
1. Группа «слабых адаптантов».	Шкала этнофанатизма	$H = 273,845$; при $p = 0,001$
2. Группа «средних адаптантов»	Шкала этноэгоизма Шкала этноизоляционизма	$H = 138,590$; при $p = 0,001$ $H = 325,518$; при $p = 0,001$
3. Группа «эффективных адаптантов»	Шкала этноиндифферентности Шкала позитивной этнической идентичности (норма)	$H = 313,209$; при $p = 0,001$ $H = 304,764$; при $p = 0,001$

Наиболее выражены балльные значения по шкалам позитивной этнической идентичности и этноиндифферентности в группе «эффективных адаптантов» ($H = 304,764$; при $p = 0,001$ и $H = 313,209$; при $p = 0,001$). В группе «средних адаптантов» более выражены значения по шкалам этноэгоизма и этноизоляционизма ($H =$

138,590; при $p = 0,001$ и $N = 325,518$; при $p = 0,001$). В группе «слабых адаптантов» наиболее выражена шкала этнофанатизма ($N = 273,845$; при $p = 0,001$).

Таким образом, наиболее выражены показатели по шкалам позитивной этнической идентичности и этноиндифферентности в группе «эффективных адаптантов» (см. таблицу №2). Этническая индифферентность выражается в неактуальности этнической идентичности для испытуемых. Позитивная этническая идентичность представляет собой норму, то есть сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Высокие балльные значения по шкалам этноэгоизма и этноизоляционизма обнаружены в группе «средних адаптантов» по сравнению с другими группами (см. таблицу №2). Этноэгоизм и этноизоляционизм представляют собой ступени гиперболизации этнической идентичности, означающей появление дискриминационных форм межэтнических отношений. Этноэгоизм может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат

восприятия через призму конструкта "мой народ". Этно-изоляционизм выражается в устойчивом мнении о превосходстве своего народа, негативном отношении к межэтническим брачным союзам, ксенофобии. Выраженность шкалы этнофанатизма наблюдается в группе «слабых адаптантов» (см. таблицу №2). По сравнению с другими группами в данной группе испытуемых этническая идентичность по типу этнофанатизма преобладает у 68 % респондентов. Это самый неблагоприятный вариант развития гиперидентичности, предполагающий признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдание любых жертв в борьбе за благополучие своего народа и т.д.

Исследование типов этнической идентичности испытуемых показало, что, наиболее выражены шкалы позитивной этнической идентичности и этноиндифферентности у испытуемых, обладающих высокими адаптивными способностями и низким уровнем агрессивности. Выраженность шкал этноэгоизма и этноизоляционизма обна-

ружена в группе «средних адаптантов». Выраженность шкалы этнофанатизма, то есть самого неблагоприятного варианта развития гиперидентичности, наблюдается у военнослужащих со слабыми адаптивными способностями и высокими значениями агрессивности и враждебности личности.

После проведенного анализа идентификационных характеристик личности, представленных в самоописании, можно сделать вывод, что по таким идентификационным характеристикам как «Перспективное Я», «Рефлексивное Я», «Деятельное Я» и «Социальное Я» лидирует группа «эффективных адаптантов». В группе «средних адаптантов» преобладают характеристики, относящиеся к «Коммуникативному Я» и «Социальному Я» личности, т.е. главенствует осознание себя частью социальной группы. В группе «слабых адаптантов» обнаружена низкая дифференцированность, т.е. в данной группе у испытуемых налицо кризис идентичности.

Библиографический список:

1. *Константинов В.В., Вершинина М.В.* Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условия их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 71-79.
2. *Вершинина М.В.* Рассмотрение особенностей этнической идентичности подростков-мигрантов, участвующих в деятельности местной национально-культурной автономии // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор В.В. Константинов. М., 2014. С. 24-27.
3. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология // «Академический проект», 1999 г. – 184 с.
4. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Психология межэтнических отношений: этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия // Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2010. – 177 с.
5. *Фрейд З.* Психология бессознательного. – М., 1989.

6. *Хотинец В.Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // СОЦИС. 1999. – № 9. – С.67–75.
7. *Жангазакова Ж.М.* Психолого-педагогическое сопровождение студентов-оралманов // Пензенский психологический вестник. 2014. №2. С.158-164.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИМПРИНТИНГ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Викторова Е.В. (г. Пенза, Россия)

Импринтинг, как «форма быстрого и стойкого научения в строго определенные критические (чувствительные) разной продолжительности периоды онтогенеза» [1], интересен тем, что его результаты влияют на развитие личности: на актуализацию индивидуальных качеств и способностей, на формирование ценностных ориентаций и мировоззренческих установок. Применение понятия «социальный импринтинг» представляет собой одну из попы-

ток отграничить обозначение импринтингового воздействия социальной среды на человека от обозначения понятием «импринтинг» схожего воздействия окружающей среды на животных.

Обобщенное представление об импринтинге у человека, сложившееся в второй половине XX – в начале XXI вв., основывается на ключевых положениях, сформулированных еще К. Лоренцем, и оно таково: импринтинг понимается как фиксация определенной информации в памяти, происходящая преимущественно на ранних этапах жизни; происходящая без пищевого или иного подкрепления; возможная в течение определённого, обычно достаточно ограниченного, периода – критического или сензитивного; совершающаяся очень быстро, зачастую однократно; определяющая дальнейшее поведение и развитие в соответствии с содержанием и направленностью полученной информации и связанным с ней переживанием; характеризующаяся необратимостью результатов, то есть с трудом поддающаяся дальнейшему изменению.

Работы, в которых так или иначе идет речь о месте и о роли импринтинга в социализации индивида, в формировании и развитии личности, представлены довольно широко (Д. Боулби, В.С. Бушуев, А.Ц. Гармаев, О.В. Лишин, Н.Б. Оконская, И.А. Шмерлина, В.П. Эфромсон). Все чаще обнаруживают себя попытки объяснить влиянием импринтинга не только социальное поведение человека, но и различные социально-культурные феномены: формирование общественного мнения, интериоризацию социальных норм, закрепление обычаев и ритуалов, распространение моды, воздействие рекламы, вирусные эффекты в Интернете, художественные вкусы, политические предпочтения, религиозные чувства и т.д. (П. Бернев, А.Б. Долгин, Э. Морен, Н.Б. Оконская, М. Перельман). Импринтинговая основа усматривается в манипулировании сознанием (А.Б. Долгин, Т. Лири, А.Д. Редозубов). Активно и уверенно высказываются мысли о том, что такие социальные институты, как поли-

тика, экономика, религия организуют свою деятельность с массами не без опоры на импринтинги. Весомый вклад в развитие таких идей внес Т. Лири. Его концепция импринтинга оказалась применима к объяснению многих проблем манипулирования сознанием: он рассматривал импринтинг как эффективный инструмент управления личностью.

В связи с затронутой проблемой манипулирования сознанием посредством социального импринтинга представляется важным понимание механизма последнего. В.П. Эфроимсон, исследовавший связь генетической наследственности человека и его личностного формирования, исходил из того, что становление любого качества личности происходит по схеме «наследственная программа (гены) – сензитивные периоды – предопределение пути развития – формирование качества» [2]. Огромная роль при этом отводится сензитивным периодам, в которые происходит активация генетических особенностей человека: его восприимчивости к конкретным воздействиям социальной среды, которые в свою очередь благоприят-

ствуют развитию генетически обусловленных индивидуальных черт и способностей. Импринтинг человека относят к феноменам, которые нельзя рассматривать как полностью детерминированные генетически, поскольку он предполагает наличие у реципиента индивидуального опыта, например, определенной практики общения (Д. Мейнард, Е. Панов и др.).

В структуре системы конденсированного опыта импринтинг рассматривается С. Гроффом: импринт и кондиционирования – кристаллизующийся вокруг него опыт – составляют вместе особое сгущение воспоминаний различных периодов жизни человека и связанных с ними переживаний, фантазий. Воспоминания имеют тенденцию наслаиваться друг на друга: наиболее глубокие слои этой системы могут быть представлены яркими воспоминаниями из детства, более поверхностные слои – воспоминаниями более поздних периодов, но связанными с импринтом. Таким же свойством наслаиваться обладают и эмоции, связанные с импринтинговым воспоминанием. Эмоции в

данном случае выступают в качестве фактора, способствующего социальному импринтингу (А.Б. Долгин, Д. Мейнард,

А. Редозубов, Е. Хесс и др.). «Необходимое условие импринтинга – эмоция, пробирающая до глубины души, что, впрочем, характерно для всякого устойчивого следа в психике. Всегда прочность запечатления связана с силой эмоций, а те в свою очередь зависят от готовности психики откликнуться на стимул и от его величины» [3: 190].

Подобное состояние – состояние импринтной уязвимости – проанализировано в рамках системного изучения мозговых структур (К. Лешли, К. Прибрам, Р. Симон и др.). Так, Р. Симон предполагал, что под воздействием стойкого запечатлевания может происходить модификация мозговой ткани, что импринтирование приводит к устойчивому переструктурированию нейронных связей и к изменению пространственного соотношения между ними. Импринтная уязвимость в данном случае рассматривается как условие образования стойкой биохимической свя-

зи в мозге: суть условия в полной синхронизации деятельности правого и левого полушарий мозга – состоянии, в котором мозг работает в режиме Альфа-ритмов, т.е. в расслабленном состоянии. Такое состояние характерно для ребенка до возраста полового созревания: это периоды интенсивного накопления информации, которая воспринимается полностью, независимо от качества. В состоянии бодрствования взрослого человека в мозге преобладают быстрые ритмы – бета, однако импринтная уязвимость может возникать при наступлении очень интенсивных, «стрессовых» для субъекта событиях, которые могут стать достаточно значимыми для формирования импринта во взрослом состоянии [4]. Накопленные эмоции, сопутствующие всем наслоившимся воспоминаниям уже у взрослого человека, обеспечивает большой эмоциональный заряд системы конденсированного опыта.

Отдельные системы конденсированного опыта могут функционировать самостоятельно: они избирательно влияют на восприятие человеком самого себя и мира, на его

чувства, ценности, мировоззренческие установки, способность формировать идеи и даже на многие соматические процессы. Отсюда понимание социального импринтинга как механизма, обеспечивающего количественную и качественную селекцию информации, поступающей (проецирующейся) в нервную систему, и тем самым обеспечивающего адаптивность человека к среде (В. Борисов, Ю. Фомченко). Неслучайно в структуре социализации социальная адаптация рассматривается как период, характеризующийся наименьшей сознательностью по сравнению с интериоризацией и социальным творчеством (А.И. Матвеева).

Вектор сформировавшимся ценностям и установкам дает эмоциональный заряд, поскольку он может быть как положительным, так и отрицательным. Влияние системы конденсированного опыта на мышление и поведение человека значительно: повторное переживание эмоционально негативных событий детства часто сопровождается еще большими и далеко идущими изменениями ценностей,

стереотипов, установок. Доступ к ядру системы затруднен: воспоминания об импринтинговых событиях тесно переплетены со связанными с ними событиями более поздних периодов – оживление их, как правило, переживается тяжело (С. Грофф, Р.А. Киселёв).

Ответ на вопрос о том, почему определенные события имеют настолько мощное воздействие на человека, что влияют на его развитие на протяжении многих лет, исследователи слоны искать в «конституциональных или наследственных факторах неизвестной природы». В качестве одного из вариантов называются архетипические структуры [4].

Что же касается пополнения конденсированного опыта новыми переживаниями, то большое значение здесь имеет воздействие социальной среды на личность в сензитивные периоды ее развития. Социальное окружение личности – первый источник социальных ценностей и норм, которые, рождаясь, личность не выбирает и оказывается в прямой зависимости от них. В такой непосредственной

социокультурной зависимости от ближайшего окружения человек проводит очень важный для формирования ценностей и мировоззренческих установок период в своей жизни: «...Человек проходит долгий период детства, в течение которого он физически не может быть «самостоятельным», а может жить лишь под опекой других, в теснейшей связи с ними, что его фактическое и духовное созревание совершается лишь в общении с другими, в лоне некоего объемлющего его «коллектива» семьи... Это созревание и формирование в лоне целого, в общении с другими, в сущности, продолжается всю нашу жизнь... Извне и изнутри весь духовный капитал, которым мы живем и который составляет наше существо, не изначально творится нами, не есть создание и достояние нашего уединенного и замкнутого в себе «я», а унаследован и приобретен нами через посредство общения...» [5: 53]. На самых ранних стадиях развития ребенок выступает более или менее пассивным в формировании переживаний, которые составят ядро системы конденсированного опыта.

Позднее, когда человек сам пополняет свой жизненный опыт, он делает это под влиянием уже имеющихся переживаний, которые влияют на восприятие мира субъектом, его мышление и поведение, на специфические ожидания и общие опасения в отношении определенной категории людей и определенных ситуаций. Неслучайно внимание в трактовках импринтинга у человека акцентируется на большом значении раннего индивидуального опыта в формировании поведения, не контролируемого сознательно в зрелом возрасте, и в этом «идея импринтинга отдаленно перекликается с концепцией бессознательного у З.Фрейда» [6]. «Импринтирование – это бессознательное формирование конкретного впечатления (т.е. образа или символа с прилагающейся эмоциональной нагрузкой, которая может быть довольно объемной и сложной), которое оказывает решающее влияние на дальнейшие реакции личности, формирование ее ценностей и приоритетов и в конечном счете на ее поведение в целом» [7]. Отсюда большое количество аффективной энергии, которая обыч-

но должна разрядиться, прежде чем ядро переживаний будет изжито и система или истощится, или будет включена в сознательный опыт (С. Грофф, Р.А. Киселев).

Теоретический и эмпирический опыт изучения социального импринтинга как механизма формирования ценностных ориентаций личности, ее мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов в настоящее время признается недостаточным. Как отмечает А.Б. Долгин, современная психологическая наука не уделяет должного внимания данному феномену, поскольку не удастся разработать подходящий инструментарий для его эмпирического исследования, не удастся достичь повторяемости экспериментов. По этой причине импринтинг выпадает из внимания исследователей, но действие его при этом в жизнедеятельности человека не прекращается: «У младенцев социальные наслоения еще не замутняют картину, поэтому их изучали больше и успешней, а у взрослых импринтинг тонет в массе других эффектов (что не означает его отсутствия)» [3: 192]. Кроме того, не следует забывать,

что использование имеющихся знаний об импринтинге в практической психологии уже имеет весомые и очевидные результаты, игнорировать которые, с точки зрения социальной практики, довольно опрометчиво.

Библиографический список:

1. *Елисеев П.П., Зеляк А.В., Игнатюк С.С.* Импринтинг как залог психического и физического здоровья [Электронный ресурс]. URL: <http://estheticlife.ru/doks/00000188.php> (дата обращения 24.02.2015).
2. *Эфроимсон В.П.* Педагогическая генетика // Биология. 2000. №31. С.5-11.
3. *Долгин А.Б.* Манифест новой экономики: Вторая невидимая рука рынка. М.: АСТ, 2010. 255 с.
4. *Киселев Р.А.* Импринтинг [Электронный ресурс]: Вестник НЛП. URL: <http://www.nlpcenter.ru/index.php?did=764&sid=248> (дата обращения 07.03.2015).

5. *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Сборник / С.Л. Франк; Сост. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. 510 с.
6. *Панов Е.* Этология человека: история и перспективы [Электронный ресурс] // Скепсис: Научно-просветительский журнал. URL: http://scepsis.net/library/id_504.html (дата обращения 09.02.2015).
7. *Мейнард Д.* Рождение и импринтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://scisne.net/a42> (дата обращения 19.02.2015).

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ

Галицкая Т.И. (г. Москва, Россия)

Власенко А.С. (г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность военнослужащих на современном этапе развития общества сопряжена с появ-

лением ряда угроз нового характера свойственных этапу глобализации.

Противоборство стран в экономической, политической сферах международного сотрудничества, различия во взглядах на мироустройство, повлекли за собой повышение активности информационных воздействий со стороны СМИ, социальных сетей и других источников воздействия на сознание и мировоззрение военнослужащих. Для этого используются и постоянно совершенствуются национальные и транснациональные средства массовой информации и глобальные информационные сети, способные негативно влиять на мировоззрение, политико-идеологические взгляды и позиции, правосознание, менталитет, духовные идеалы и ценностные установки личности, социальных групп и общества.

Подобные действия, имеют своей целью изменить среду, в которой формируется мировоззрение, в том числе, и военнослужащих, разрушить существующую в их сознании «картину мира», а возникающие в результате про-

белы заполнить подготовленными заранее «истинами». Вполне понятно, что, тем самым, наносится удар по деятельности военнослужащих, сопряженной с выполнением задач по вооруженной охране и защите интересов РФ, по эффективности, профессиональным основам службы, духовным и нравственным ценностям, ответственности за судьбу Отечества.

Возникновение подобной рассогласованности между факторами информационной среды, в которую включены военнослужащие и императивами военно-профессиональной деятельности требуют внесения соответствующих корректив в военно-педагогический процесс с целью придания их мировоззрению большей устойчивости. В исследовании установлено, что наиболее эффективным способом придания устойчивости мировоззрению, является актуализация мировоззренческих ресурсов военнослужащих в рамках общественно-государственной подготовки (далее – ОГП). Таким образом, в исследовании,

развитие мировоззрения военнослужащих принимает результативную форму по отношению к процессу ОГП.

Исходя из этого в исследовании рассмотрены основные взгляды исследователей на проблему мировоззрения. Само понятие «мировоззрение» прошло долгий путь к своему современному оформлению, изначально оно было введено в немецкой философии. «*Aunschauung*», переводимое как воззрение, созерцание, употреблялось с целью описания актов познавательного процесса. При этом чувственное познание объективной действительности и рациональная, дедуктивная форма познания считались отдельными процессами[4].

В философии И. Канта чувственный акт познавательной деятельности дополняется когнитивной составляющей, образуя при этом некую бинарную систему. Описывая данный феномен, учёный вводит термин «*Weltbeschauung*», который в переводе с немецкого означает «миросозерцание». При этом он раскрывает этот термин как «способ, каким познание непосредственно отно-

сится к предметам и к которому как средству стремится всякое мышление»[7].

Анализируя разницу в подходах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля к миросозерцанию, В.И. Ленин обращает внимание на то, что «такое разглядывание (миросозерцание. — Авт.) и такое составление представления (миропонимание. — Авт.) невозможно, оно не может возникнуть, так как целый мир непосредственно невидим, он не позволяет увидеть себя иначе, чем из собственного мыслящего о нем существа (мировоззрения. —Авт.)»[9]. Речь идёт о том, что генезис формирования системы представлений об окружающем мире происходит в рамках взаимодополняющих друг друга процессов: процесса распредмечивания, в ходе которого в сознании субъекта возникают абстрактные формы отображения воспринимаемого мира, и процесса опредмечивания, осуществляемого субъектом посредством рефлексии жизненного опыта, создающей потенциал объективного видения реального мира в форме

системы знаний, ценностей, убеждений и рефлексивной культуры их саморазвития.

С.Л. Рубинштейн обращал внимание на то, что «личностью в подчеркнутом, специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть свои позиции, свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, мировоззрение, к которому он пришел в итоге большой сознательной работы»[10]. Представляется, что таким образом учёный отделял людей со стихийно складывающимся мировоззрением от людей, каждый раз осознанно проходящих по пути самоотрицания (выхода за пределы мировоззренческих устоев).

Целостность мировоззрения как функциональной, динамической, саморегулирующейся структуры отмечали учёные, занимающиеся вопросами восприятия и мышления с позиций гештальт психологии. Так М. Вертгеймер писал: «До того, как начался процесс мышления, или на его ранних стадиях мы часто обладаем определенным целостным видением ситуации, а также ее частей, которое почему-то

не соответствует проблеме, является поверхностным или односторонним. Когда же происходит изменение нашего видения, и благодаря этому задача получает решение, мы иногда поражаемся, до какой степени слепы мы были, как поверхностно рассматривали ситуацию. В таких случаях для нахождения решения требуется дальнейшее прояснение или кристаллизация ситуации, осознание тех ее аспектов или факторов, которые лишь смутно присутствовали вначале»[2].

В исследовании обосновано мировоззрение военнослужащих как функциональная система[1], самоорганизация которой происходит за счёт последовательной смены уровней саморегуляции и саморазвития [11]. Использование в диссертации адаптированной схемы рефлексивной самоорганизации человека, разработанной О.С. Анисимовым, позволило описать феномен саморегуляции и саморазвития мировоззрения военнослужащих (рисунок 1).

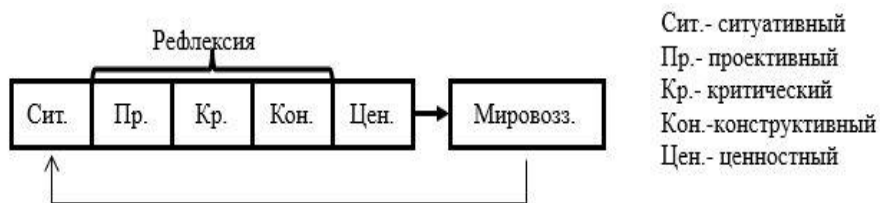

Рисунок 1. Мировоззрение как функциональная система.

Первый из компонентов данной системы – ситуативный - отражает взаимодействие мировоззрения как открытой системы со средой и позволяет субъекту на ассоциативном уровне соотносить уже сложившиеся у человека мировоззренческие установки с ситуацией. Отсутствие противоречий, противопоставлений и других некомфортных для человека факторов позволяет осознать сложившуюся ситуацию в рамках тех мировоззренческих установок, которые уже сложились. Предполагается, что таким является характер функционирования мировоззрения на уровне саморегуляции.

Однако противоречивый характер бытия субъекта достаточно часто приводит его к необходимости организации деятельности в не типичной ситуации насыщенной позициями, мнениями, которые не совпадают с его мировоз-

зренческими установками и на стихийном уровне актуализируют рефлексию, выраженную в проективном, критическом и конструктивном компонентах системы, преобразуя деятельность в новых условиях на базе прежде сложившихся мировоззренческих установок, приводя таким образом систему к функционированию в режиме саморазвития. Представляется, что такая стихийно возникающая рефлексия позволяет субъекту эффективно адаптироваться и функционировать в постоянно меняющихся условиях его социальной жизни и профессиональной деятельности за счёт естественно развивающегося мировоззрения. При этом необходимо отметить, что преобразование уровня саморегуляции, на котором возник разрыв между мировоззренческими установками и ситуацией, через саморазвитие приводит к появлению нового, актуального уровня саморегуляции.

Таким образом, представление развития мировоззрения как взаимодействия уровней саморегуляции и саморазвития обуславливает нелинейный характер этого про-

цесса, который становится сущностным признаком ОГП и определяет выбор соответствующей педагогической технологии.

В ходе исследования установлено, что накопленный в высшей военной школе значительный арсенал педагогических технологий систематизирован в предложенной В.Н. Гуляевым и В.П. Логиновым классификации, согласно которой существующие технологии обучения подразделяются на психосистемы, эргономические и самоорганизующиеся технологии [8]. Наиболее эффективно решают проблему сопряжения проектируемой модели обучения с состоянием направленностью и динамикой развития мировоззрения обучающихся последние. Основной целью самоорганизующихся технологий является выход обучающихся на уровень «самодостаточности», управления саморазвитием, который эффективно достигается при проблемно-деятельностном обучении.

Показательно, что одной из сущностных идей разработанного военными учёными и педагогами А.В. Барабанщи́ко-

вым, В.Н. Гуляевым и Э.Н. Коротковым проблемно-деятельностного обучения выступает способность к «пересистематизации способов познания субъекта, то есть появлению способности к «отрицанию отрицания», возвращения себя к сущности, имевшей в генезисе природосообразную нелинейную природу»[5]. В основе проблемно-деятельностного обучения заложена идея о «зоне ближайшего развития». Появление и разработка этого понятия относится к работе Л.С. Выготского «Мышление и речь». В данной работе Лев Семенович, определяя соотношение между обучением и развитием, пришел к выводу, что «обучение и развитие ... относятся друг к другу как, зона ближайшего развития и уровень актуального развития»[3].

Сопоставление сущностных идей концепции проблемно-деятельностного обучения с предложенной В.С. Стёпиным классификацией типов научной рациональности позволяет отнести проблемно-деятельностное обуче-

ние к постнеклассическому уровню развития педагогической теории и практики [6].

Исходя из потребности в проектировании педагогического процесса, обеспечивающего соответствие нелинейному характеру развития мировоззрения военнослужащих сущность реализации проблемно-деятельностного обучения в ОГП в исследовании сформулирована как поэтапный переход от ситуативного характера саморегуляции и саморазвития мировоззрения военнослужащих, к управлению его саморазвитием. Поэтапность в реализации проблемно-деятельностного обучения в ОГП обеспечивается проектированием организационно-мыслительных (ОМИ), организационно-коммуникативных (ОКИ) и организационно-деятельностных (ОДИ) игр.

Различия в целях и содержании ОМИ, ОКИ и ОДИ позволяют представить их как градацию уровней (этапов) развития педагогического процесса, которая будет соответствовать нелинейному характеру развития обучающихся, тем самым удерживая их в «зоне ближайшего разви-

тия». Сам же термин градация использован в значении - последовательность, постепенность (обычно нарастающая) в расположении чего-либо, при переходе от одного к другому. Соответствие нормы проблемности на каждом из этапов «зоне ближайшего развития» обучающихся неминуемо приводит их к обретению опыта саморазвития, а на организационно-деятельностном этапе к обретению опыта управления саморазвитием. Такой совокупный результат позволяет мировоззрению военнослужащих сохранять устойчивость даже при высокой интенсивности деструктивных информационных воздействий.

Библиографический список:

1. *Анохин П.К.* Принципы системной организации функций. М., «Наука», 1973. С.5- 61.
2. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987. С.178.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений, Т.2. М., 1982. С. 5-295.

4. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века. М., 2002. 508 с.
5. *Гуляев В.Н.* Развитие теории и практики проблемно-деятельностного обучения в высшей военной школе. дис. ... докт. пед. наук. М. 2003. С.76.
6. *Гуляев В.Н.* Постнеклассический этап эволюции научных и прикладных основ дидактики высшей военной школы. Военный академический журнал, №3, 2014. С. 57-66.
7. *Кант И.* Критика чистого разума, соч. в 6 т. М., 1964. Т. 3, С. 127.
8. *Логинов В.П., Гуляев В.Н.* Развивающие технологии в вузах силовых ведомств: теоретико - методологический контекст. Алматы, 2012. С. 66-81.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. т.29. М., 1969. С. 177-180.
10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1973. С.356.

11. *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и пост-неклассическая рациональность. «Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды» 26-28 ноября 2007 года. Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва.
URL:<http://spkurdyumov.narod.ru/stepin444.htm> (дата обращения: 18.09.2013).

**СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ
И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ
В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ**

Горбачева Е.И. (г. Калуга, Россия)

Успех модернизационных процессов существенно зависит от степени готовности людей понять и принять инновации в социальной жизни, активно принимать и реализовывать нормы гражданского участия и солидарности. Конкретные формы нормативоприятия в гражданской сфере возникают не путем механического заим-

ствования и инкорпорирования, а являются результатом сложного и порою противоречивого процесса социализации индивидов и их групп.

Социально-психологические исследования указывают на ценностный и поведенческий оппортунизм значительной части молодых людей по отношению к транслируемым общественными институтами нормативам участия [1]. Определенную роль здесь играет включенность молодежи в виртуальные практики общения с характерными для них ослаблением социальной ответственности, активным отрицанием или же равнодушным непризнанием политического, правового, морального контекста межгрупповых взаимодействий. Антигражданственный характер такого рода социальных связей проявляется еще и в том, что молодежь ориентируется не на диалог с государственными институтами, а действует по логике сохранения позиции нейтралитета с целью минимизации возможных социальных обязательств. Также молодые люди не готовы к осуществлению совместных социальных прак-

тик, если только они не связаны с интересами локальных групп. Следует признать, что продуцируемые в социальных сетях неформальные межличностные отношения не могут рассматриваться в качестве средства развития гражданской идентичности.

В отличие от форм коллективной идентичности, основывающихся на «мы-идентификациях», для гражданской идентичности характерно осознание индивидом самого себя как личности, существующей независимо от социальных ролей и принадлежности к локальным группам. Это идентичность, состоящая в поисках, объяснении и оценке себя и других с позиции соответствия гражданским добродетелям [2].

Гражданская идентичность складывается и развивается в особом пространстве смыслов и действий, которому Л. Зингалес, П. Сапиенца и Л. Гуизо дали название «гражданский капитал». Это устойчивые и широко распространенные в социуме представления и ценности, причастность которым помогает индивидам преодолевать

нежелание тратить собственные ресурсы на достижение публичного блага, когда это необходимо в общественно полезных целях[3].

Ценностная идентификация может осуществляться по разным основаниям, но при этом ее инвариантом является реализация ценностей посредством соответствующих практик. Правомерно полагать, что участие молодежи в гражданских практиках выступает как психологический механизм присвоения ценностных нормативов гражданской сферы.

Если состав гражданских ценностей, в основном, определен, и их общим знаменателем являются аккумулярованные в них универсальные права и свободы личности, то нормативное содержание гражданского поведения требует некоторого пояснения.

Гражданские практики важно отличать от повседневных практик социального участия, базирующихся на социальной поддержке, оказываемой в контексте сохранения и развития близких отношений. С этой точки зре-

ния, не всякое действие, даже если оно приносит общественную пользу, основано на представлении об общественном благе или желании изменить жизнь к лучшему. Во многих случаях мотивом совершения добродетельного поступка является внутренняя потребность личности, которая не требует ни общественного одобрения, ни установления социальных связей с теми, кому оказывают помощь. Сущность гражданских практик раскрывается посредством их определения как публичной активности, связанной с реализацией универсальных прав и свобод и проявлением соответствующих компетенций—знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, и обеспечивающих, как правило, в сотрудничестве с другими индивидами, достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях[4]. Ориентация на права личности рассматривает как ключевая «повестка дня» для гражданского участия. Собственно гражданские практики актуализируются в ситуациях, когда люди осознают разрыв между

формальным наличием прав и дефицитом возможностей ими воспользоваться. Назначение таких практик как раз и заключается в расширении таких возможностей [5].

Еще одним существенным признаком гражданских практик является характеризующие их самостоятельное и автономное участие. Те или иные формы вовлечения индивида в общественную жизнь, которые исходят от государственных структур или общественных организаций и создают условия для втягивания личности в публичные, политические отношения помимо ее воли, не могут являться инструментом, посредством которого люди идентифицируют себя с гражданскими ценностями. Для такой идентификации необходим автономный, самостоятельный выбор молодым человеком формы, сферы и каналов гражданской активности. Данное положение нуждается в дальнейшем конкретизации.

В исследовании, проведенном в 2014 году на выборке студентов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, были получены данные об уровне

их причастности ценностям гражданского общества и характере их участия в практиках социальной активности, в том числе и гражданского характера [6].

Для изучения гражданской идентичности применялась методика проективного типа (авторы М.К.Акимова, Е.И.Горбачева). Представленный в ней конструкт «гражданская идентичность» получил такое операциональное определение: приверженность индивида ценностям демократических институтов, признание необходимости контроля за их деятельностью, осознание важности устранения проблем, связанных с неравенством отдельных социальных групп, убежденность в необходимости позитивных изменений в своей стране. Методика включает семь шкал, объединяющих ситуации, в которых актуализируются такие ценности гражданского общества, как: права этнических меньшинств, права сексуальных меньшинств, политические права, либеральные ценности, права обездоленных милосердие, права лиц с ограниченными возможностями, отношение к России как гаранту прав и

свобод граждан. Для изучения социальной активности студентов использовалась специально подготовленная анкета, позволившая оценить: 1) характер информационно-коммуникативной активности в социальных сетях; 2) принадлежность студента к общностям и объединениям, через которые они могли бы быть вовлечены в гражданские практики; 3) автономность освоенных студентом практик гражданского участия.

Соотношение показателей, характеризующих причастность гражданским ценностям и активность в осуществлении практик гражданского участия, продемонстрировало неоднозначный характер связи между ценностными и поведенческими нормативами складывающейся у молодежи гражданской идентичности. Например, влияние информационной активности в социальных сетях на поведенческие проявления гражданской активности студентов оказалось минимальным: лишь 8% активных пользователей социальных сетей имеют хотя бы единичный опыт участия в волонтерском движении, 4,7% состо-

ят в общественных объединениях, 6 % принимают участие в митингах гражданского характера, 14, 2% по собственной инициативе участвуют в местных социальных инициативах (сбор подписей, распространение проспектов и листовок, выступления на благотворительных концертах).

Важно отметить, что в числе упоминаемых студентами различных видов активности, в которых они принимали непосредственное участие и которые могли бы охарактеризовать их как активного гражданина, в основном были указаны практики социальной поддержки (помощь больным детям, поздравление ветеранов, сбор пожертвований, участие в добровольных дружинах). Подобные ответы встречались в 72% случаев. Лишь незначительная часть студенческой выборки (8 %) упомянула свое добровольное участие в процедурах голосования в качестве агитаторов и наблюдателей. Преимущественно имела место так называемая мобилизационная форма социальной активности (участие в проправительственных митингах,

агитация среди населения за кандидата в муниципальные и региональные органы власти, сбор пожертвований, оказание помощи на дому инвалидам, ветеранам и т.п.). Корреляционный анализ (по Спирмену) выявил, что участие в подобных практиках не только не способствуют принятию ценностей гражданского общества, но даже снижают вероятность этого принятия: показатели корреляционной зависимости между уровнем социальной активности и уровнем нормовопринятия в гражданской сфере имеет отрицательный характер ($r_s = -0,36$; $p=0,05$).

Для большей части российской молодежи действенной формой расширения пространства социальных связей, достижения свободы самовыражения и свободного доступа к информации являются социальные сети. Но как показало наше исследование, этот потенциально значимый социокультурный ресурс не используется молодыми людьми для широкого ориентирования в нормативном пространстве гражданской сферы и развития гражданской идентичности.

Библиографический список:

1. *Горишков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. - Второе издание, дополненное и исправленное.- М.:Институт социологии РАН, 2010. – 592 с.
2. *Резник Ю.М* Человек гражданский: в поисках идентичности // Человек в поисках идентичности. Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. том IV. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010.- С.305
3. *Guiso L, Sapienza P. and Zingales L.*, Civic Capital as the Missing Link // Social Economics Handbook. Eds. J.Benhabib, A. Bisin and M O. Jackson. Amsterdam. 2010.V.1.- Pp. 417-480.
4. *Патрушев С.В.* Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю. С. Оганисян.М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - С.264

URL:http://www.isras.ru/files/File/Publication/Patrushev_Modern_Polit.pdf (дата обращения: 29.08.2013).

5. *Персиянцева С.В., Акимова М.К., Иванова И.И.* Гражданские практики как проявление гражданской идентичности у современной молодёжи. // Психология и Психотехника. - 2014. - № 11. - С. 1142-1152. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.11.12738

6. Материалы данного исследования получены в ходе работы по проекту 14-06-00658 “Ценности и практики гражданского поведения как функция интеллектуальной дифференциации” при финансовой поддержке РГНФ.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Григорьев Д.С. (г. Москва, Россия)

В 1920 г. французский философ Морис Хальбвакс (1877–1945) ввел в научный оборот термин коллективная память, который теперь активно используется психологами [1], социологами [2], историками [3] и

литературными критиками [4]. На сегодняшний день большинство исследований коллективной памяти коснулось таких важных и обширных вопросов как роль коллективной памяти в формировании культурной идентичности [5], поддержании межэтнического конфликта [6], оправдании политической идеологии [7]. В целом, исследования коллективной памяти являются частью более широкого движения по изучению памяти, охватывающего социальные и гуманитарные науки [8].

Коллективная память это разделяемые в обществе представления о прошлом [9]. Коллективная память лежит в основе многих общественных обсуждений текущих и исторических событий. Например, спор между Россией и Эстонией над тем, как следует относиться к пакту Молотова-Риббентропа [10], или же попытки сравнения недавних американских военных интервенций в Афганистан и Ирак со Второй мировой войной [11] или войной во Вьетнаме [12], в целях мобилизации общественной поддержки или наоборот оппозиции.

Обычно содержание коллективной памяти фокусируется на прошлых великих победах и поражениях, так как эти события сильно влияют на развитие этнической и национальной идентичности, а также на понимание истории внутри группы в целом сразу для нескольких поколений [13]. Преемственность коллективной памяти, как правило, обеспечивается через общественные институты, которые проектируют разделяемые в культуре системы верований. Среди таких общественных институтов прежде всего могут быть названы: система начального образования, СМИ и религиозные институты [14].

Теории рассматривающие коллективную память подчеркивают ее функциональный характер. Например считается, что одна из основных функций коллективной памяти заключается в обслуживании потребностей группы в настоящем. Такие потребности включают в себя в числе прочего, создание и поддержание групповой идентичности, чувства групповой сплоченности и

целостности группы [15].

К примеру, международной группой исследователей был проведен опрос связанный с памятью фактов о войне в Ираке в 2003 г. В опросе в качестве утверждений была отражена информация как о действительно имевших место событиях, так и информация которая в свое время была запущена СМИ, но потом оказалось, что она была сфабрикована в целях политической конъюнктуры. Было установлено, что бывшие австралийские и немецкие участники военных действий были в большей мере осведомлены о том, что на самом деле произошло, а что нет, в то время как американские военные были чувствительны к дезинформации. Таким образом, воспоминания о событиях прошлого, которые являются общими для членов группы, могут зависеть от целей и идеологии этой самой группы [16], т. е. коллективная память также представляет собой и непрерывную дискуссию между различными группами и между различными мнениями во времени и пространстве, и

может быть использована для защиты различных целей и повестки дня [17].

Другими словами, коллективная память это отправная точка процесса, в котором прошлое используется для интерпретации настоящего, а настоящее для интерпретации прошлого.

Теоретические основы изучения коллективной памяти постоянно дорабатываются различными авторами, в частности, на сегодняшний день выделение таких понятий как коммуникативная память и культурная память является значимым развитием оригинальной концепции Хальбвакса о коллективной памяти [18].

Также некоторые исследователи пытаются описать структуру коллективной памяти, например, по аналогии с теорией социальной идентичности Тешфела-Тернера, выделяя в коллективной памяти три компонента: (1) когнитивный (частота воспоминаний и обсуждений исторических событий); (2) оценочный (важность и валентность исторических событий); и (3) эмоциональный

(эмоциональные реакции на исторические события) [19]. Выделения этих компонентов коллективной памяти также очень напоминает структуру аттитюда, таким образом коллективную память можно, в некотором роде, рассматривать и как имеющую установочную структуру.

В контексте развития теории особо стоит упомянуть недавно описанную динамическую модель социальной памяти, где коллективная память рассматривается как активная составляющая памяти социальной.

Термин социальная память относится к динамике взаимодействия между историей, культурой и когнитивной сферой личности. Согласно этой модели на уровне личности есть три источника знаний о прошлом: история, коллективная память и индивидуальный опыт, что в совокупности и создают субъективный взгляд на историческую реальность.

Динамическая модель социальной памяти тесно связана с теорией социальных представлений С. Московичи, поэтому в ней проводится различие между (I)

коллективной памятью, которая является устойчивой к изменениям; и (II) представлениями о прошлом которые обсуждаются и распространены в социальной среде, которые, в свою очередь, имеют потенциал развиваться в совершенно новые или значительно скорректированные точки зрения на историю, в частности, предполагается, что эти представления уязвимы при смене поколений. Данная модель продвигает исследователей в понимании подробностей изменения социальной памяти во времени, включая взаимодействие между связанными с ней компонентами и самого культурного контекста.

Прежде всего основой динамической модели социальной памяти является взаимодействие трех ее компонентов: (1) академической версии истории — основанной на фактах, ревизионизме и базирующихся на всем этом учебных программах; (2) коллективной памяти — традиционных взглядов трудно поддающихся изменениям; и (3) индивидуального личного опыта.

Модель также показывает, что ежедневная

коммуникация, коллективное запоминание и текущие новости в рамках конкретной культуры создают особое информационное пространство, которое определенным образом усваивается и выражается в коллективной памяти. Затем все это отражается в конструировании субъективной реальности, которая в свою очередь является начальным компонентом структуры социального мира. Общие для разных людей области социальной памяти создают основу соответствующих социальных представлений в обществе, и когда эти представления не в ладах с устоявшимся содержанием коллективной памяти, у них есть потенциал для изменения коллективной памяти, по принципу механизма обратной связи.

Динамическая модель социальной памяти определяет роль личности в рамках общества и обращает внимание на ту или иную динамику на каждом уровне, другими словами, акцент делается на динамическом характере социальной памяти, существующей на уровне личности, относительно статического характера

коллективной памяти, существующего на культурном уровне. Кроме того, так как модель базируется на личностном уровне, она естественно вмещает в себя и понятие посредничества личности, т. е. учитывает своеобразный характер памяти отдельного человека, его эмоций и реалии — знает что-то человек или не знает, волнует это его или не волнует и т. п. [20]. Поэтому в перспективе видится особенно продуктивным активное использование этой модели в рамках социальной психологии.

Касаемо методологии изучения коллективной памяти некоторые авторы полагают, что нарративы имеют основополагающее значение для обеспечения понимания коллективной памяти [21]. К примеру рассматриваются нарративы студентов о действующих лицах и событиях прошлого, центральной точкой таких исследований является отражение в памяти последовательность и важность событий и базирующаяся на этом линия аргументации [22].

В качестве примера использования такого подхода к изучению коллективной памяти можно привести канадское исследование воспоминаний о войне с террором в различных группах из 99 студентов ВУЗов от 18 до 27 лет, где использовались три метода сбора данных: письменные рассказы, глубинное интервью и демографические анкеты. В выборку входили студенты из Онтарио (Канада) у которых на тот момент были яркие воспоминания о теракте 9/11 и последующей начавшейся войне. Участников опроса попросили написать ответы на следующие вопросы: «Напишите краткое эссе о ходе войны с террором от ее начала и до сегодняшнего дня. Напишите то, как Вы это видите, как Вы это помните, и что Вы в связи с этим испытываете. Как война повлияла на Вас? Откуда Вы брали информацию о войне? Какие источники явились наиболее важными для Вашего понимания войны?» [23].

Еще одним вариантом рассмотрения нарративов является использования данных больших

общенациональных опросов, например проведенный в 2000 г. организацией New York Association for New Americans (NYANA) опрос среди еврейских беженцев, где использовался открытый вопрос: «Сколько бы много событий и изменений не было в стране и мире в течение последних 70 лет, т. е. примерно с 1930 вплоть до сегодняшнего дня. Пожалуйста, подумайте и назовите одно или два таких события, которые кажутся Вам особенно важными. Здесь нет правильных или неправильных ответов на вопрос, просто расскажите о каком-то событии внутри страны или в мире, за последние 70 лет, которое приходит на ум, как особенно важное» [24].

Существует аналогичное исследование коллективной памяти немцев и японцев, только там рассматривается промежуток не за 70, а за 50 лет [25].

Еще один вариант работы с нарративами это исследование проведенное в США, где группу молодых и группу пожилых участников попросили назвать по 10

событий произошедших в три различных периода: Гражданская война в США (1861–1865), Вторая мировая война (1939–1945), и война в Ираке (2003–2011). Затем им дали листочек с уже написанными 10 событиями в период одной из войн и попросили участников указать напротив каждого события в процентах, сколько человек из каждой группы должно помнить об этих событиях [26].

Существуют также и чисто количественные методы, например специально разработанная шкала «Католической коллективной памяти» (Catholic Collective Memory Scale), состоящая из 6 вопросов, направленных на оценку различных исторических событий (3 на когнитивный компонент, 1 на оценочный компонент и 1 на эмоциональный компонент) [27].

Еще одним из примеров применения количественных методов для исследования коллективной памяти может быть анализ статей из Википедии о травмирующих исторических событиях с помощью логистической регрессии, когда исследователями были

взяты 88 статей Википедии вместе со страницами обсуждений и далее был проанализирован процесс их редактирования, включая сравнение с остальными статьями, которых было более 370 тыс. [28].

Однако, некоторые авторы считают, что подобное изучение памяти личности, пусть и в культурном контексте, не соответствует уровню необходимому для анализа коллективной памяти, в связи с чем они скорее говорят о необходимости изучения продуктов коллективной деятельности, таких как культурные артефакты (памятники, музеи, выставки и т. п.) и практики [29]. Примером таких исследований может служить рассмотрение образа женщины представленного в экспозициях Государственного музея Аушвиц-Биркенау, который находится на месте концентрационного лагеря и лагеря смерти Освенцим (Аушвиц) [30].

Таким образом, данный краткий обзор посвященный исследованию коллективной памяти в зарубежных социальных науках показывает, что к настоящему моменту

активно разрабатывается сразу несколько различных направлений и подходов к изучению коллективной памяти. Данный опыт может быть хорошим образцом и отправной точкой для отечественных исследований в этой области.

Библиографический список:

1. *Weldon M.S., Bellinger K.D.* Collective Memory: Collaborative and Individual Processes in Remembering // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1997. Vol. 2. P. 1160–1175.
2. *Schuman H., Schwartz B., D'Arcy H.* Elite Revisionists and Popular Beliefs: Christopher Columbus, Hero or Villain? // *Public Opinion Quarterly*. 2005. Vol. 69. P. 2–29.
3. *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. 1997. Vol. 102. P. 1386–1403.
4. *Young J.* The Texture of Memory: Memorials and Meaning. New Haven, CT: Yale University Press. 1993.
5. *Eyerman R.* The Past in the Present: Culture and the Transmission of Memory // *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47. P.

159–169.

6. *Cairns E., Roe, M.D.* The Role of Memory in Ethnic Conflict. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2003.
7. *Misztal B.A.* Memory and Democracy // *American Behavioral Scientist*. 2005. Vol. 48. P. 1320–1338.
8. *Roediger H.L., Wertsch, J.V.* Creating a New Discipline of Memory Studies // *Memory Studies*. 2008. Vol. 1. P. 9–22.
9. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. P. 179–197.
10. *Wertsch J.W.* Collective Memory / In J. H. Byrne (Ed.) // *Learning and Memory: A Comprehensive Reference*. (pp. 927–939). Oxford, UK: Elsevier Ltd. 2008.
11. *Baker P., White J.* Bush calls Iraq war moral equivalent of allies' WWII fight against the axis // *Washington Post*. 2005. August 31.
12. *Page S.* Is Iraq becoming another Vietnam? // *USA Today*. 2011. April 13.
13. *Chaitin J., Steinberg S.* “I can Almost Remember it Now”:

Between Personal and Collective Memories of Massive Social Trauma // *Journal of Adult Development*. 2014. Vol. 21. P. 30–42.

14. *Hammack P.L., Pilecki A.* Narrative as a Root Metaphor for Political Psychology // *Political Psychology*. 2012. Vol. 33. P. 75–104.

15. *Harris C.B., Paterson H.M., Kemp R.I.* Collaborative Recall and Collective Memory: What Happens When We Remember Together? // *Memory*. 2008. Vol. 16 (3), P. 213–230.

16. *Lewandowsky S., Stritzke W.G.K., Oberauer K., Morales M.* Memory for Fact, Fiction, and Misinformation: The Iraq War 2003 // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16 (3). P. 190–195.

17. *Zelizer B.* Reading the Past against the Grain: the Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. 1995. Vol. 12 (2). P. 214–239.

18. *Assmann J.* Religion and Cultural Memory: Ten Studies / R. Livingstone, Trans. Stanford, CA: Stanford University Press. 2006.

19. *Bellehumeur C.R., Tougas F., Laplante J., Lagacé M.* The Influence of Ingroup Contact and Collective Memory on the Social Identity of a Minority Group: The Case of Quebecers Living in a Predominantly English Speaking Country // *The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences*. 2009. Vol. 4 (10). P. 71–86.
20. *Hewer C.J., Roberts R.* History, culture and cognition: towards a dynamic model of social memory // *Culture & Psychology*. 2012. Vol. 18 (2). P. 167–183.
21. *Létourneau J.* History for the Future: Rewriting Memory and Identity in Quebec. Montreal: McGill-Queen University Press. 2004.
22. *Wertsch J.V.* Voices of Collective Remembering. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.
23. *Shahzad F.* Collective Memories: A Complex Construction // *Memory Studies*. 2011. Vol. 5 (4). P. 378–391.
24. *Corning A.D.* Emigration, Generation, and Collective Memories: The Presence of the Past for Emigrants from the Former Soviet Union // *Social Psychology Quarterly*. 2010.

Vol. 73 (3). P. 223–244.

25. *Schuman H., Akiyama H., Knäuper B.* Collective Memories of Germans and Japanese about the Past Half Century // *Memory*. 1998. Vol. 6 (4). P. 427–454.

26. *Zaromb F., Butler A.C., Agarwal P.K., Roediger H.L.* Collective Memories of Three Wars in United States History in Younger and Older Adults // *Memory & Cognition*. 2014. Vol. 42. P. 383–399.

27. *Bellehumeur C.R., Laplante J., Lagacé M., Rodrigue V.-A.* Ingroup Contact, Collective Memory and Social Identity of Catholic Youth Ministers: The Importance of Remembering Past Events // *Journal of Psychology and Christianity*. 2011. Vol. 30 (3). P. 196–212.

28. *Ferron M., Massa P.* Beyond the Encyclopedia: Collective Memories in Wikipedia // *Memory Studies*. 2014. Vol. 7 (1). P. 22–45.

29. *Hirst W., Manier D.* Towards a Psychology of Collective Memory // *Memory*. 2008. Vol. 16. P. 183–200.

30. *Jacobs J.* Gender and Collective Memory: Women and

Representation at Auschwitz // Memory Studies. 2008. Vol. 1 (2). P. 211-225.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ТУРК- МЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬ- ТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ

Дроздов С.В. (г. Курск, Россия)

Логвинова М.И. (г. Курск, Россия)

Проблема. Психологические особенности современной молодежи выступают одним из приоритетных исследований в современной психологии. Это обусловлено, прежде всего, тем, что сегодняшняя молодежь завтра, заняв руководящие позиции в бизнесе и в руководстве государственными учреждениями, будет определять социально-экономическое и политическое будущее своей страны.

Однако до сих пор относительно понятия «ценность» не существует единого мнения. Исследования проблемы ценностей отмечают два основных подхода к их

пониманию. Первая из них заключается в понимании ценностей как извне заданных материальных или идеальных объектов тех или иных форм активности отдельного индивида. В данном случае понятие «ценность» обозначает социально одобряемые или порицаемые средства организации и регуляции поведения человека, выступающие как внешнее условие или как совокупность социально заданных самообоснований собственной активности.

Второй подход заключается в понимании ценности как особой формы, в которой общественное сознание отражает объективные тенденции исторического развития. Ценности рассматриваются здесь как идеальное отражение социальных отношений людей, как частный случай процесса опредмечивания общественных отношений в социальных институтах и структурах. В ценностном отношении выделяется двухсторонняя связь между субъектом и объектом [1].

Если говорить об историческом аспекте изучения ценностей, то нужно отметить, что интерес к ним обозна-

чился еще в трудах философов Нового времени. Так Томас Гоббс подчеркивал субъективный характер ценностей – что ценно для одного человека, может не иметь значения другого.

В качестве научной основы определения ценностных понятий Т. Гоббс использовал социально-экономические подходы, указывая, что ценность человека, подобно всем другим вещам, есть его цена, то есть она составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого.

В работах М. Вебера, У. Томаса и Ф. Знанецкого, Т. Парсонса принятие личностью ценностей общества выступает уже как последовательный процесс. М. Вебер, понимающий под ценностями установки той или иной исторической эпохи, выделяет две стадии формирования «культурно-исторической индивидуальности». Им разделяются субъективная оценка объекта и «отнесение к ценности», которое превращает индивидуальное впечатление

в объективное при соотнесении с исторической системой ценностей. У Томаса и Ф. Знанецкого ценности носят «ситуативный» характер. Центральное место в их теории занимает понятие «социальная ситуация», включающее как объективно существующие социальные ценности, так и субъективные установки.

Отметим, что свою специфику трактовка понятия «ценность» имеет в зависимости от того направления, в котором работает автор. Так по-разному трактуют это понятие последователи бихевиоризма, гештальт-психологии, психоанализа, когнитивной психологии и т.д. Например, в бихевиоризме ценности выводят за пределы изучения, называют результатом ассоциативного научения. В классическом психоанализе З.Фрейда в качестве носителя моральных ценностей была выделена особая структура личности «Суперэго».

Интересен подход по отношению к понятию «ценности», выдвинутый А. Маслоу. По его меткому выражению, «выбранные ценности и есть ценности», при этом

действительно правильный выбор — это тот, который ведет к самоактуализации. Выбор человеком высших ценностей предопределен самой его природой, а не божественным началом или чем-либо другим, находящимся за пределом человеческой сущности [2].

В отечественной психологии, созвучной по многим позициям западной гуманистической традиции и, можно сказать, во многом ее опередившей, аналогичные подходы к пониманию ценностей рассматриваются в различных аспектах изучения свойств личности. По словам Б.Ф. Ломова, несмотря на различие трактовок понятия «личность», во всех отечественных подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется направленность. Направленность, по-разному раскрываемая в работах Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и др., выступает как системообразующее свойство личности, определяющее весь ее психический склад [3].

С одной стороны, являясь достаточно динамичным образованием, ценностные ориентации имеют тенденцию

изменяться на протяжении жизни человека. Возрастные, индивидуально-типические изменения, накопление жизненного опыта, изменение социальной среды детерминируют динамику ценностных ориентаций личности. Относительная устойчивость иерархии мотивов личности обуславливает и относительную устойчивость ценностных ориентаций

И.Н. Логвиновым были выявлены гендерные особенности ценностных ориентаций молодежных лидеров в различных социальных ситуациях, а также установлено влияние наличия опыта социального обучения на структуру ценностных ориентаций молодежных лидеров [4–5].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можем сделать вывод, что ценностные ориентации – важнейший психологический феномен, длительное время находящийся в поле научных изысканий. Ценностные ориентации входят в состав центральной структуры личности – ее направленности, обладают рядом существенных характеристик.

Целью исследования является изучение ценностных ориентиров туркменской молодежи как элемента культурной трансмиссии.

Объектом исследования выступили ценностные ориентации туркменской молодежи.

Предметом исследования является иерархия терминальных и инструментальных ценностей туркменской молодежи как элемента культурной трансмиссии.

В методический блок исследования вошла методика М. Рокича «Ценностные ориентации».

В качестве базы эмпирического исследования выступили жители Туркменистана в возрасте от 18 до 27 лет. Общий объем выборочной совокупности составил 50 человек.

Результаты исследования. Изученные нами ценности, мы условно разделили на три группы: наиболее значимые (1-5 ранг), нейтральные (6-11 ранг) и незначимые (12-16 ранг).

Анализ ценностных ориентаций туркменов начнем с рассмотрения терминальных ценностей. В группу значимых ценностей респондентами были отнесены наличие хороших и верных друзей (ранг 1), равенство (ранг 2), красота и общественное признание (ранг 3,5), здоровье (ранг 5).

Следующую группу составили нейтральные ценности. В данную группу были включены активная деятельная жизнь (ранг 6), счастливая семейная жизнь (ранг 7), самостоятельность и материальная обеспеченность (ранг 8,5), любовь (ранг 10).

К наименее значимым ценностям респондентами были отнесены уверенность в себе и интересная работа (ранг 11,5), удовольствие и свобода (ранг 13,5), познание (ранг 15), а также творчество (ранг 16).

Таким образом, наиболее значимыми для респондентов являются такие терминальные ценности как наличие хороших и верных друзей, равенство, красота и общественное признание, здоровье.

Далее проанализируем инструментальные ценности. Отметим, что для исследуемых наиболее значимыми являются следующие инструментальные ценности: эффективность в делах (ранг 1), воспитанность (ранг 2), честность и терпимость (ранг 3,5).

В качестве нейтральных ценностей выступают чуткость, жизнерадостность, широта взглядов и твердая воля (ранг 6,5); исполнительность и рационализм (ранг 9,5); самоконтроль (ранг 11).

Последнюю группу составляют наименее значимые для респондентов ценности. Это ответственность (ранг 12), смелость (ранг 13), образованность (ранг 14), высокие запросы (ранг 15) и непримиримость к недостаткам (ранг 16).

Таким образом, наиболее значимыми инструментальными ценностями для респондентов являются эффективность в делах, воспитанность, честность и терпимость.

Выводы. Проведенное нами исследование позволяет констатировать, что наиболее значимыми для респонден-

тов являются такие цели жизни, как наличие хороших и верных друзей, равенство, красота и общественное признание, здоровье; при этом наиболее значимыми инструментальными ценностями выступают эффективность в делах, воспитанность, честность и терпимость.

Литература

1. Выготский Л.С. Детская психология. Т. 4. М., 1984.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1996.
3. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
4. Логвинов И.Н., Сарычев С.В. Влияние пола на структуру ценностных ориентаций лидеров молодежных групп подросткового возраста // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1280-1286.
5. Логвинов И.Н. Влияние гендерных особенностей на эмоциональное отношение молодежных лидеров юноше-

ского возраста к педагогам, родителям и своему «я» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 1 (25). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/029-037.pdf>.

ПАТРИОТИЗМ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ ДИАГНОСТИ- ЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елизаров А.Н. (г. Москва, Россия)

В статье рассматривается патриотизм как субъективное отношение личности, критерий и психологическая детерминанта адаптации, проявление духовности, результат самоопределения. Выделяются следующие виды патриотизма: оборонный, социальный, экологический, моральный, экономический, семейный, научный, языковой. Выражением характера патриотизма является поступок. Описаны психодиагностические процедуры, помогающие управлять процессом формирования патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, адаптация, духовность, самоопределение, управление, формирование, поступок, оборона, общество, экология, мораль, экономика, семья, наука, Россия, русский язык, гражданственность.

Т.С. Финогенова, Е.В. Ряснянская и П.В. Валынкин рассматривают патриотизм как основу гражданственности и отождествляют его с чувством любви к Родине [6, с. 289]. Л.С. Щербина, Т.Т. Федосеенко, А.М. Берко, О.Н. Космина пишут о том, что для того, чтобы считать себя сыном или дочерью России, необходимо ощутить духовную жизнь своего рода и творчески утвердить себя в ней, принять русский язык, историю и культуру страны как свои собственные [7, с. 110]. С точки зрения концепции А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко духовную жизнь рода в данном случае следует рассматривать как основу самоопределения [2]. Т.С. Финогенова, Е.В. Ряснянская и П.В. Валынкин в качестве компонента этой духовной жизни рассматривают «чувство семейного уюта» [6, с. 290]. В качестве примера воспитания патриотизма они приводят

цитату из повести «Школьный вальс или энергия стыда» Ф. Искандера [Там же, с. 289-290]. В главе о первой учительнице говорится о том, что ученики испытывали огромное удовольствие, когда слышали живое, эмоциональное чтение «Капитанской дочки» в исполнении Александры Ивановны [Там же, с. 289]. «Если в области духа есть чувство семейного уюта, то я его впервые испытал во время чтения этой книжки, когда в классе стояла мурлыкающая от удовольствия тишина», - описывает автор общее состояние детей [Там же, с. 290].

Патриотизм в психологии следует рассматривать в рамках более широкой проблемы – проблемы адаптации. Психологический анализ проблемы адаптации предполагает: 1) поиск критериев приспособления человека к природной и социальной среде; 2) раскрытие возможностей человека по овладению окружающей средой [1, с. 9]. Патриотизм можно рассматривать в качестве критерия приспособления человека к природной и социальной среде – природной и социальной среде Родины. Но его также сле-

дует рассматривать и в качестве психологической детерминанты приспособления к окружающей среде в более широком смысле этого слова. Человек, обогащенный культурой своей Родины, представляет интерес для мировой культуры – приобщение к культуре Родины открывает новые возможности для человека по овладению более широкой, чем Родина, природной и социальной средой. Так было в случае писателя и поэта И.А. Бунина, скульптора С.Т. Конёнкова.

В случаях, подобных случаям писателя и поэта И.А. Бунина, скульптора С.Т. Конёнкова, в качестве критерия адаптации естественно рассматривать мировое признание. Патриотизм в этом случае исполняет роль психологической детерминанты адаптации. Патриотизм открывает перед субъектом новые возможности по овладению окружающей средой.

Патриотизм также может повышать жизнеспособность, особенно если речь идёт о приспособлении не к социальной, а к природной среде. В этом случае критерием

адаптации является жизнеспособность, способность противостоять неблагоприятным жизненным условиям.

С позиции системного подхода в психологии патриотизм можно определить как субъективное отношение личности. Б.Ф. Ломов пишет о том, что субъективные отношения личности проявляются в любом её действии [5]. Но наиболее полное выражение они находят в поступках, которые, как отмечал С.Л. Рубинштейн, являются «единицами» её поведения [Там же]. Поступком является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к обществу, к нормам общественной морали [Там же]. Поступок – это общественный акт, демонстрация личностью её субъективных отношений [Там же].

В качестве испытуемых в осуществленном нами исследовании выступили 12 девушек 18-19 лет, студентки 2-го курса очного отделения (бакалавриат) Института политики, права и социального развития Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шо-

лохова, направление – организация работы с молодежью. Сбор информации осуществлялся в октябре 2014 года.

Девушкам было предложено вспомнить и описать поступок, который свидетельствовал бы о патриотизме. В ответ девушки иногда указывали не на один, а на несколько поступков. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Поступки, свидетельствующие о патриотизме

№ испытуемой	Возраст испытуемой	Поступки, свидетельствующие о патриотизме	Характер патриотизма
1	18	Человек бросается под танк, защищая Родину от вражеского нашествия	Оборонный патриотизм
2	19	Написание сборника стихов, посвященных Родине	Культурный патриотизм
		Проведение фотовыставок, посвященных защите Родины	Оборонный патриотизм
3	19	Посадка деревьев, улучшение окружающей среды, забота об экологическом со-	Экологический патриотизм

		стоянии Родины	
		Помощь детям в детском доме	Социальный патриотизм
4	19	Выбор воинской службы в качестве жизненного призвания	Оборонный патриотизм
5	19	Материальная помощь ветеранам	Оборонный патриотизм
		Забота о нуждающихся людях своей страны	Социальный патриотизм
6	19	Участие в митингах, посвященных 9 мая; празднование Дня Победы	Оборонный патриотизм
7	19	Воссоздавать историю, собирая информацию от ветеранов о том, как они защищали Родину	Оборонный патриотизм

8	19	Восстанавливать честь и имя репрессированных	Моральный патриотизм
		Восстановление памятников культуры и архитектуры вообще	Культурный патриотизм
9	19	Возведение памятников героям войны	Оборонный патриотизм
10	19	Помощь ветеранам, оставшимся в живых	Оборонный патриотизм
		Проведение военно-патриотических уроков в школе	Оборонный патриотизм
11	18	Проведение концертов 9 мая и 23 февраля, посвященных защите Родины	Оборонный патриотизм
12	18	Служба в армии	Оборонный патриотизм

Частота упоминания разных видов характера патриотизма в группе девушек представлена в таблице 2.

Совершенно не представлен экономический патриотизм – забота о том, чтобы на территории Родины производились и потреблялись качественные товары, оказывались качественные услуги. Совершенно не представлен оказался также семейный патриотизм – связанный с «чувством семейного уюта». Значение семейного патриотизма

– забота о качестве семейной жизни на территории Родины. Совершенно не представлен и научный патриотизм – забота о наличии, высоком качестве научной жизни в стране.

Таблица 2

Частота упоминания разных видов характера патриотизма

№	Характер патриотизма	Значение патриотизма	Количество упоминаний
1	Оборонный патриотизм	Оборона Родины	11
2	Социальный патриотизм	Забота о соотечественниках	2
3	Культурный патриотизм	Сохранение и развитие культуры Родины	2
4	Экологический патриотизм	Забота об экологическом состоянии Родины	1
5	Моральный патриотизм	Забота о том, чтобы жизнь людей на территории Родины соответствовала высоким моральным принципам	1

В рамках культурного патриотизма следует отдельно говорить о языковом патриотизме. Ж.С. Кайдаш (Галустян), описывая значение русского языка в мире, считает

необходимым отметить, что основная его роль – сохранить всемирно известную русскую литературу в оригинале [3, с. 8]. Языковой патриотизм недостаточно представлен в ответах девушек.

Подобного рода диагностические исследования обладают потенциалом для совершенствования образовательного и воспитательного процессов, позволяя выявлять дисбаланс в сфере социальных представлений и, соответственно, социальных отношений, оперативно корректировать образовательный и воспитательный процесс, оперативно управлять этими процессами. Результаты осуществленного исследования наводят на мысль о наличии дисбаланса в сфере социальных отношений в ущерб экономическому, семейному и научному патриотизму, в пользу оборонного патриотизма. Они также наводят на мысль о том, что недостаточно представлены социальный, культурный (в частности, языковой), экологический и моральный патриотизм.

Л.В. Крайнова и М.Б. Головки из Донбасского государственного педагогического университета (г. Славянск) сообщают о систематически проводимых ими опросах, посвящённых изучению знаний студентов о том, какие ценности исповедует украинский народ и что осуждает [4, с. 279]. Такие опросы проводились на протяжении пяти лет вплоть до мая 2014 года с разными студентами и позволили обнаружить некоторые тенденции [Там же]. Например, всё меньшее количество студентов в своих ответах называли такие ценности, как патриотизм, героизм, готовность защищать родную землю [Там же]. На этом фоне выявленная концентрация внимания девушек-студенток Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова на оборонном патриотизме может восприниматься как положительный факт.

На основе концепции оборонного патриотизма, представленной в таблице 1, мы разработали анкету для выявления степени выраженности оборонного патриотизма как субъективного отношения личности. Анкета направлена

на выявление двух критериев оборонного патриотизма: 1) готовность защищать Родину; 2) содействие оборонной деятельности государства, развитию оборонно-патриотического самосознания Родины. Анкета представляет интерес в плане самодиагностики как основы самоопределения, она повышает степень осознанности поведения по отношению к явлению под названием «патриотизм». В частности, анкета наводит на мысль, что активность, направленная на содействие оборонной деятельности государства, развитию оборонно-патриотического самосознания Родины, не всегда сочетается с готовностью к самопожертвованию ради защиты Родины, вряд ли её следует рассматривать как критерий готовности к самопожертвованию ради защиты Родины. Анкета ставит вопрос, что именно, если не активность, направленная на содействие оборонной деятельности государства, развитию оборонно-патриотического самосознания Родины, может определить готовность к самопожертвованию ради защиты Родины. Вопрос этот носит личный характер, у каждо-

го, возможно, ответ будет свой. Анкету мы рассматриваем как инструмент самодиагностики, позволяющий субъекту поставить перед собой данный вопрос. Анкета предоставляет возможность обратить внимание и на другие виды патриотизма, которые могут выступать в роли основы оборонного патриотизма, например, на социальный патриотизм (забота о соотечественниках) или на языковой патриотизм (сохранить всемирно известную русскую литературу в оригинале).

Библиографический список:

1. *Дикая Л.Г., Журавлев А.Л.* Введение // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 9-14.
2. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.

3. *Кайдаш (Галустян) Ж.С.* Формирование единого образовательного пространства в условиях глобализации: проблемы и тенденции развития // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 24. С. 8-10.
4. *Крайнова Л.В., Головкин М.Б.* Музейная педагогика в образовательном пространстве высшей школы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 35. С. 278-288.
5. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во «Наука», 1984. 444 с.
6. *Финогенова Т.С., Ряснянская Е.В., Валькин П.В.* Патриотическое воспитание в творческом объединении «Художественное чтение» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 35. С. 288-291.
7. *Щербина Л.С., Федосеев Т.Т., Берко А.М., Космина О.Н.* Воспитание детей в русских традициях // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 35. С. 100-110.

ИМИДЖ УЧИТЕЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УЧЕНИ- КОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

Елисеева Ж.М., Ермишина В. (г. Пенза, Россия)

Личность – это продукт межгрупповых отношений и одновременно непосредственно носитель их. Чувство гармонии со своим социальным окружением, которое выступает при достижении соответствия своего внутреннего социального мира с внешними социологическими реалиями, становится потребностью человека. Когда возникает вопрос о личности учителя, одновременно возникает вопрос и об окружении учителя, с которым он взаимодействует и вступает в межличностные отношения. В это окружение входят учащиеся, родители и т.д. Поэтому и имидж учителя во многом определяется тем, какой образ складывается у его окружения, так как имидж и есть во многом тот образ, который создается в отношении этого человека у окружающих его людей. Зачастую имидж человека очень сильно может отличаться от самой личности.

Анализ различных подходов к исследованию проблемы имиджа показал, что в настоящее время существует огромное количество определений понятия «имидж» (В.Я. Белобрагин, Д.В. Журавлев, А.Ю. Панасюк, Е.Б. Перелыгина, Е.А. Петрова, В.М. Шепель и др.). Например, В.М. Шепель разводит понятия «имидж» и «образ», утверждая, что имидж является внешним отражением образа.

Следовательно, имидж не тождественен образу. Он – его фасадная часть, образ же – это обобщенная характеристика личности, обусловленная историческим периодом времени, типичными условиями жизни, принадлежностью к определенной социальной группе. Таким образом, имидж – собирательное понятие. Это и облик, и форма жизнепроявления человека.

Что касается учащихся, то им важно, чтобы их любили, жалели, были к ним внимательны, хорошо объясняли и не кричали. Негативные проявления, например, раздражение и злоба со стороны учителя не вызывает ничего, кроме страха и такой же ответной реакции, да еще неприязни к

преподаваемому предмету со стороны ученика. Дети ценят добро, внимание, заботу учителя и платят тем же. Многие при этом, встречаясь с грубым обращением со стороны учителя, теряются, боятся и стараются избегать тех уроков, на которых себя неудобно чувствуют. Так складывается отношение к предметам, к учебе в целом и соответственно к педагогу из чего у ученика возникает образ этого педагога, который он транслирует, создавая ему негативный имидж. Поэтому для учителя важно, прежде всего, установить положительный контакт со своими подопечными, показать лично для чего нужна дисциплина, уметь четко и подробно, не спеша, повторяя, изложить материал, не раздражаться, когда его не понимают. То есть увлечь ярким примером, заинтересовать изучаемым предметом, а также позволить детям передохнуть, дать им разрядку, если они устали. Эмоциональные реакции при этом учитель должен контролировать.

Самое большое же требование современные родители предъявляют к таким профессиональным качествам учи-

теля, как образованность, эрудиция, общая информированность, способность вести интересные уроки и давать необходимые знания. У учителя должно быть справедливое отношение ко всем ученикам, которое бы не задевало и не ущемляло бы человеческое достоинство учащихся. Родители не забывают и о внешнем виде, стиле учителя, то есть он должен при всем еще современно и стильно одеваться. То есть, учитель должен быть широкообразованным, интеллигентным, добрым, красивым и при этом хорошим психологом, то есть в идеальном сознании образ учителя - это своего рода образ универсального человека. Но при этом далеко не всегда учителю удаётся осуществлять ведущую роль в сотрудничестве с родителями учащихся.

Часто большое количество обязанностей, которые предъявляются сторонами в самой общей форме без учета возможностей и обстановки, в силу их невыполнимости на практике ведут к непониманию, досаде и другим негативным проявлениям, с другой стороны, повышенный уро-

вень требований свидетельствует об особом статусе учителя. Родители учащихся и учитель - это две стороны, взаимно ответственные за воспитание ребенка перед обществом. Поэтому для педагога важно наладить контакт не только с учащимися, но и с их родителями, сделать их союзниками в деле воспитания.

При этом, основываясь на результатах анкеты «Мой имидж», которая предоставлялась 15 учителям Филиала МБОУ СОШ села Поселки – МБОУ ООШ села Комаровка можно сказать, что большинство учителей составляющими собственного имиджа назвали внутреннюю составляющую (интеллект, профессионализм, интересы, ценности и т. п.) - 95% и внешнюю (обувь, прическа, манеры, походка и т.п.) - (93,3%). Качествами, которые должны быть включены в понятие «имидж учителя» считают профессионализм (99%), эмпатию (92%), обязательность (67%), коммуникабельность (64%).

На основе теоретического анализа литературы можно сказать, что образ учителя - это образ человека: склонного

к самопознанию, самоопределению и саморазвитию, творческого, стремящегося к формированию у самого себя профессионально значимых качеств личности, обладающего профессиональным мастерством, креативностью, харизматичностью. Важно чтобы педагог знал, с одной стороны, какими качествами он должен обладать, а с другой - в какой мере у него развиты эти качества, он может сознательно стремиться к формированию и развитию данных качеств у себя. Ученики при этом высоко ценят в учителе педагогические и личностные качества (такие как доброта, справедливость, спокойствие, настойчивость, строгость, и другие), а к остальным более снисходительны, дети очень чувствительны к морально-этическому облику педагога.

Нами было проведено эмпирическое исследование имиджа учителя глазами учащихся и их родителей с помощью проективного метода – сочинения. В нашем исследовании приняли участие всего 70 человек: из них 30 учащихся 6-9 классов Филиала МБОУ СОШ села Поселки – МБОУ ООШ села Комаровка и 40 человек – их родители.

При написании мини-сочинений, учащимся и их родителям была дана инструкция, учитывать следующие показатели: пол учителя, его возраст, личностные качества, профессиональные данные. Проведя анализ мини-сочинений учащихся, мы определили, что, по их мнению, современный идеальный педагог - это женщина 30 - 35 лет, обладающая высоким уровнем умственного развития (72%), хорошо одетая (48%), дружелюбная (86%), коммуникабельная (91%), пунктуальная (43%), являющаяся хорошим организатором (58%). Большинство детей отметили, что их заставляет прислушаться только уверенный в себе, раскованный и способный говорить практически на любые темы с ними педагог (67%). И при этом большинство детей хотят видеть перед собой строгого педагога (87%).

Проанализировав результаты анкетирования родителей учащихся, мы определили, что: идеальный образ современного педагога с точки зрения родителей - это квалифицированный специалист (93%), которому около 45

лет (86%), это творческая личность (43%), не только обладающая глубокими знаниями своего предмета, но и информированная данными других областей науки (84%); человек пунктуальный (75%), дисциплинированный (99%), активный (78%), коммуникабельный (100%), пропагандирующий здоровый образ жизни (100%), стремящийся к саморазвитию и самосовершенствованию (98%). Педагог должен сотрудничать с родителями (97%), из чего можно сделать вывод, что, в свою очередь, они тоже готовы идти ему на встречу.

Таким образом, проведенное нами эмпирическое исследование позволило провести сравнительный анализ образа современного педагога в представлении учеников и их родителей. Было выявлено, что идеальный образ педагога в представлении учеников и родителей во многом совпадают, но есть качества, которым учащиеся придают большое значение, а учителя считают их незначительными. Например, для учеников важно, чтобы педагог был активным человеком, следил за своей внешностью и нахо-

дил общий язык со всеми учащимися, был прогрессивным и информированным, имел хорошее чувство юмора. Родители же придают значение таким качествам учителя, как квалифицированность педагога, его стремление к саморазвитию, коммуникабельность, умение организовывать не только мероприятия, но и учебную и воспитательную деятельность учащихся. Для них важно, чтобы учитель был справедлив по отношению к детям, строг, но в то же время внимателен и тактичен.

Следовательно, можно сказать, что образ современного педагога складывается из представлений о нем учеников и их родителей. А, по мнению Е.Осиповой на сегодняшний день имидж является важнейшим фактором благополучия. Поэтому заботясь о собственном имидже, учителю следует помнить, что вступая в межличностные отношения с данными категориями во многом, определяет, то какой у него будет сформирован имидж. Учителю важно помнить, что нужно совершенствовать свое педагогическое мастерство и увеличивать запас психологических

знаний, а также, что немаловажно уметь выбирать адекватные формы общения, которые не обижают и не унижают ни одну из сторон.

Библиографический список:

1. *Елисеева Ж.М.* Социально-психологический анализ стилей реагирования сотрудников банка на имиджевые изменения в организации // Пензенский психологический вестник. 2014. №1 (2). С.105-112.
2. *Елисеева Ж.М.* Личностные отношения сотрудников к имиджевым изменениям в коммерческих организациях. // Пензенский психологический вестник. 2014. №2(3). С.84-95.
3. *Маркова А.К.* «Психология профессионализма», М.: Международный гуманитарный фонд "Знание", 1996.
4. *Митина Л.М.* Психология профессионального развития учителя. М.: Флинта, 1998.
5. *Сластенин В.А.* «Педагогика», М.: «Школа - Пресс», 1997.

6. *Сушков И.Р.* Психологические отношения в социальной системе. – М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 412 с.
7. *Зинченко В.П.* Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Часть I: Живое Знание (2-е исправленное и дополненное издание). - Самара: Самарский Дом печати, 1998.
8. *Шепель В.М.* Имиджелогия: Секреты личного обаяния. – М.:«Фильмъ», 2007. – 325 с.

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУСНИКОВ, ПРИБЫВШИХ ИЗ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ ПО ПРО- ГРАММЕ «СЕРПІН-2050»

Жантемирова М.Б. (г. Кокшетау, Казахстан)

Ломакина Ю.Б (г. Кокшетау, Казахстан)

Одной из новых программ в Казахстане является образовательная программа «Серпін–2050». В связи с тем, что программа пилотная, она вызвала большой интерес со стороны преподавателей, студентов и других граждан

нашей страны. Мы решили исследовать психологическую адаптацию студентов из южных регионов к обучению в вузе и новым жизненным условиям в северных областях страны.

Одним из важных социальных факторов, оказывающим влияние на поведение студента первого курса, на его взаимоотношения с другими учащимися и преподавателями вуза является произошедшая смена социальной ситуации, необходимость привыкания к новым условиям обучения, освоения новой социальной роли – студента высшего учебного заведения [1]. У студента происходит перестройка всей системы ценностно-познавательных ориентаций личности, осваиваются новые способы познавательной деятельности и формируются определенные типы и формы межличностных связей и отношений. И чем эффективнее пройдет адаптация студентов к новым условиям, тем выше будет психологический комфорт, учебная мотивация, направленность и характер учебной деятельности на старших курсах [2].

С сентября 2014 года на обучение по специальной квоте, гарантированной государственной программой, в северный регион Казахстана в Кокшетауский государственный университет им.Ш.Уалиханова (г. Кокшетау, Акмолинская область) прибыли студенты из южных областей (Алматинской, Южно-Казахстанской, Жамбылской, Кызылординской областей).

Новая образовательная программа «Серпін – 2050» (в переводе с казахского языка на русский слово «серпін» означает «рывок», «размах») в Казахстане нацелена на эффективное распределение трудовых ресурсов среди молодежи. В рамках программы индустриализации определены 10 вузов, на базе которых будет обеспечиваться связь науки с отраслями экономики и подготовка кадров [3]. К тому же, по подсчетам специалистов, это решит проблему перенаселенности южных регионов.

Одним из способствующих этому является фактор преемственности поколений, а точнее, молодежный ресурс. Сегодня мы наблюдаем модель преемственности по-

колений в Казахстане. Страна находится на стыке эпох, когда идет смена поколений. Казахстанская молодежь имеет высокий порог жизненных притязаний, который отличается от людей среднего и старшего возраста. Проявлением этого являются два фактора. Первый – это мотивированность к получению образования. Второй – активное перемещение молодежи.

С целью выявления психологических факторов адаптации, позволяющих достичь положительных результатов в процессе учебно-воспитательной деятельности и межличностного общения студентов из южных регионов в новых условиях нами было проведено эмпирическое исследование в ходе которого была проверена гипотеза о том, что уровень адаптированности первокурсников в вузе к новому процессу обучения и новому социальному окружению определяет эффективность системы адаптационных мероприятий.

Для изучения особенностей адаптации этих студентов-первокурсников мы провели одно исследование в

начале учебного года, в первом семестре ,и во втором семестре , на тему: «Адаптация студентов-первокурсников, прибывших из южных регионов по программе «Серпін-2050». Выявить, насколько успешным пройдет адаптационный период, с какими трудностями столкнулись студенты из южных регионов, прибыв в город Кокшетау на обучение в Кокшетауский государственный университет им.Ш.Уалиханова, мы провели диагностическую работу с помощью разработанной нами анкеты на тему: «Адаптация Серпін-2050». Респондентами выступили 140 студентов – «серпінцев» первого курса в возрасте 17-19 лет. В результате первого этапа анкетирования было выявлено, что 78 % первокурсникам нравится обучаться в нашем вузе, 15% ответили, что не нравится, 7% затруднились ответить. На вопрос: «С какими трудностями Вы столкнулись в период адаптации?» 61 % студентов ответили, что возникла проблема коммуникативного характера, психологическая неготовность к студенческой жизни - 23%, 8% считают, что ошиблись в выборе специальности, 2% сменили

бы место учебы, если бы представилась возможность, 18%
 ответили другое.

Рис.2 «Трудности в период адаптации»

Среди других проблем, указанных студентами как проблемы, возникшие в студенческой жизни, были следующие: недостаточное обеспечение учебной литературой (38,8%), требуется помощь при подготовке к занятиям (6,9%), отсутствие информации в вузе о формах обще-

ственной жизни (3,9%), недостаточное обеспечение литературой (50,4%) отметили студенты казахского отделения). Необходимость в общении с психологом в стенах вуза указали 67% опрошенных. Наилучшей формой общения с психологом студенты избрали психологические тренинги – 59,4 % и индивидуальные консультации 40,6 %.

Определив, что больший процент имеет проблема коммуникативного характера, нами была разработана коррекционная программа «Адаптация студентов-первокурсников «Серпін-2050», которая включает в себя тренинговые занятия, АРТ-терапия, беседы, индивидуальные и групповые консультации, просмотры мотивационных фильмов, видеотренинги.

Следующим этапом нашего исследования было проведение повторного анкетирования, которое прошло в декабре, для определения уровня успешности адаптации студентов из южных регионов, в частности, выявить насколько решилась проблема коммуникации среди студентов южного и северного регионов. Если говорить об

отношениях с одноклассниками, то на этот вопрос мы получили хороший результат. 80% студентов ответили, что отношения с одноклассниками сложились доброжелательные, 10% - конфликтные, 10% -нейтральные. Хотим отметить, что общение со сверстниками в студенческом возрасте продолжает выступать средством усвоения молодыми людьми статусов и ролей, отработки коммуникативных навыков и стилей общения в новой социальной среде. Важно также и то, что данное общение выступает разновидностью эмоционального контакта. В результате проведения второго этапа исследования было выявлено , что учиться в нашем университете по прежнему нравится 83% студентов, а это на 5 % больше, чем на первом семестре; не нравится 13% , затруднились ответить 4%.

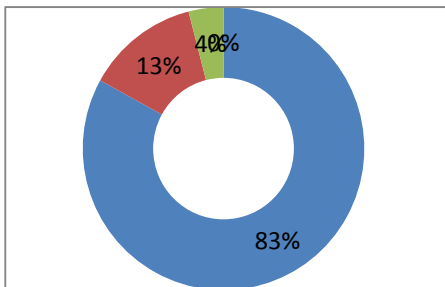

Рис.№ 3: «Нравится ли студентам учиться в нашем университете?».

На вопрос, можно ли получить качественное образование в нашем ВУЗе, по их мнению, 74% ответили , что «да», 9% ответили «нет», другие 17% студентов затруднились ответить.

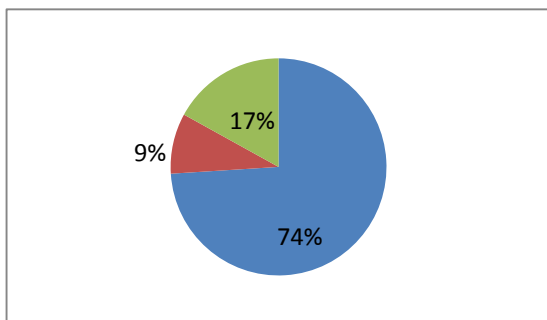

Рис.№ 4: «Возможно ли получить качественное образование в нашем вузе?»

Далее следовал вопрос о местном населении для того, чтобы узнать, хорошо ли себя чувствуют студенты среди них: «да» ответили 72% студентов, «нет» - 11%, и затруднились ответить 17%.

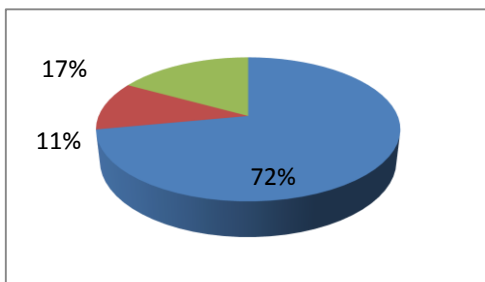

Рис.№ 5: «Отношение к местному населению»

Следующий вопрос касался жизни в общежитии, 55% студентам нравятся условия проживания в общежитии, 11% не нравятся, и другие 34% затруднились ответить. Психологи проводят тренинговые занятия, направленные на сплочение коллектива, доверие и другое. Если в первых 2-х опросах студенты ответили, что у них было много трудностей, с которыми они сталкивались, это трудности коммуникативного характера, психологическая неготовность, языковой барьер, то сейчас 15% студентов ответили, что некоторые трудности связано с языковыми особенностями, и 12% - в общении со сверстниками.

Также мы хотели узнать, завершился ли адаптационный период студентов. По их мнению, 56% студентов ответили «да», 27% - «нет», и 17% студентов затруднились ответить на этот вопрос.

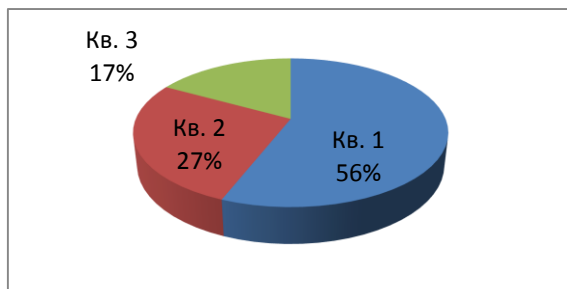

Рис.№ 6: «Завершился ли адаптационный период для вас ?»

На основании проведенного экспериментального исследования нам представляется возможным сделать следующие общие выводы:

1. Наиболее актуальными задачами университета является успешная адаптация студентов, прибывших в северный регион из южных областей.

2. Одна из трудностей в период адаптации явилась языковая связь между местными и приезжими студентами, причины которой были изложены в данной работе

3. Разработанная коррекционная программа имеет положительный результат и найдет свое дальнейшее применение в работе с вновь прибывшими студентами-первокурсниками из южных регионов в следующем учебном году.

Работа в этом направлении продолжается. Это лишь начальный этап нашего исследования, которое будет продолжаться в течении всего периода обучения студентов и, возможно, перейдет в другие направления изучения жизни студентов –«серпінцев» в северном регионе страны.

Бібліографічний список:

1. Послание президента народу Казахстана 11 ноября 2014 г.
2. *Кишбеков Д.К.* О казахском менталитете // Вестн. КазГУ. - 2000. - № 2. - С. 147.

3. *Андреева Д.А.* О понятии адаптации. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. - М., 1973. -С. 25—27.
4. *Савотина Н.А.* Социальная адаптация личности в условиях студенческой среды: автореф. дис. канд. пед. наук. М., 1997.
5. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы.. — М., Изд-во Гардарики, 2000. -256 с.
6. *Константинов В.В., Красильников И.А.* Психологическая адаптация: опыт исследования и диагностика. Учебное пособие. Пенза: Пензенский гос. педагогический ун-т им. В. Г. Белинского. Пенза, 2008. С. 159.
7. *Гриценко В.В., Константинов В.В.* Тренинг оптимизации процесса социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов. учеб.-метод. пособие. - Балаш. фил. Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского . 2004. С. 50.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ТАТАР, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Жуина Д.В. (г. Саранск, Россия)

Каждое общество имеет уникальную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается самобытность данной культуры. Поскольку набор ценностей, которые усваивает индивид в процессе социализации, ему передает именно общество, исследование системы ценностных ориентаций личности представляется особенно актуальной проблемой в ситуации серьезных социальных изменений, когда отмечается некоторая неясность общественной ценностной структуры, многие ценности оказываются порушенными, исчезают социальные структуры норм.

Ценностные ориентации - важнейшие элементы внутренней структуры личности, закреплённые жизненным опытом индивида, всей совокупностью его пережи-

ваний. Они отграничивают существенное и важное для данного человека от несущественного. В силу этого ценностные ориентации выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий и поступков личности.

Теоретическим аспектам изучения «ценностей» и «ценных ориентаций личности» уделяли внимание такие ученые, как Б. Г. Ананьев, Б. С. Волков, Е. И. Киприянова и др. [1; 2; 4]. Осознание того, что является ценностью, является одним из самых важных и решающих факторов, предопределяющих развитие личности.

Проблема формирования ценностных ориентаций особую актуальность приобретает в подростковом возрасте. У подростка впервые пробуждается интерес к своему внутреннему миру, который проявляется в самоуглублении и размышлении над собственными переживаниями, мыслями, кризисе прежнего, детского отношения к самому себе и к миру, негативизме, неопределенности, крушении авторитетов. В подростковый период осуществляется

переход от сознания к самосознанию, «выкристаллизовывается» личность.

В современной России наблюдается некоторое падение нравственности молодежи, что означает смену ценностных ориентаций людей под влиянием различных обстоятельств. Можно сказать, что на сегодняшний день в стране складывается новая морально-нравственная атмосфера, происходит переоценка ценностей, их творческое переосмысление, развернулись споры о преобразованиях во многих сферах человеческой жизни, в том числе и духовно-нравственной, моральной. По мнению Б. С. Волкова, И. С. Кона и др., в кризисные периоды состояния общества подростки оказываются самыми социально неустойчивыми, нравственно неподготовленными и не защищенными [2; 5]. Современные подростки испытывают острый кризис в процессе формирования их ценностных ориентаций. Прежде всего, он проявляется в отсутствии у большинства из них базовых ценностей (смысл

жизни, понятие о жизни, духовность, патриотизм и многое другое).

В этой связи становится понятным особое значение ценностных ориентаций молодежи. Поэтому возникает задача целостной организации образовательного пространства, которая создавала бы условия для наполнения внутреннего мира подростка ценностным содержанием. Особая роль в ее решении принадлежит духовно-нравственному воспитанию, основанному на традициях и обычаях народа, к которому принадлежит подросток и направленному на формирование эмоционально-мотивационной сферы личности [3, с. 24].

Особая актуальность изучаемой нами проблемы обусловлена тем, что в данном исследовании не просто констатировано наличие той или иной иерархии ценностных ориентаций личности, а проведено более глубокое изучение данной проблемы за счет рассмотрения связей ценностных ориентаций с этнопсихологическими особенностями народов, населяющих Республику Мордовия

(русских и татар). Полученные закономерности позволяют дать более полное описание психологических механизмов социального поведения личности, принадлежащей к разным этническим группам. На наш взгляд, это открывает дополнительные возможности не только в изучении психологических механизмов формирования ценностных ориентаций, но и вносит дополнительный вклад в решение важной практической задачи - воспитание зрелой и гармоничной личности.

С целью изучения ценностных ориентаций подростков разных национальностей, было проведено эмпирическое исследование на базе МБОУ «Теньгушевская средняя общеобразовательная школа №1» Теньгушевского района Республики Мордовия и МБОУ «Лямбирская средняя общеобразовательная школа №1» с. Лямбиль Республика Мордовия. В эксперименте принимали участие ученики 9 класса в количестве 30 человек (из них 18 русских и 12 татар). Средний возраст испытуемых - 14-15 лет.

Данные, полученные нами в результате проведенного исследования (методика М. Рокича «Ценностные ориентации», метод математической статистики - U – критерий Манна-Уитни) достоверно показали, что наиболее значимыми терминальными ценностями для подростков-русских выступают «материально обеспеченная жизнь», «общественное признание», «активная деятельная жизнь», «свобода» ($p \leq 0,05$), и инструментальные ценности – «независимость», «образованность», «высокие запросы» ($p \leq 0,05$), «развлечение» ($p \leq 0,01$), в сравнении с показателями подростков-татар, у которых наиболее значимыми являются терминальные ценности «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «интересная работа», «продуктивная жизнь» ($p \leq 0,05$) и инструментальные ценности – «ответственность», «исполнительность» ($p \leq 0,05$), «непримиримость к недостаткам в себе и других», «рационализм» ($p \leq 0,01$).

Наименее значимые ценности у подростков-русских и подростков-татар совпали, ими являются терминальные

ценности: «счастье других», «красота природы и искусство», а также инструментальные ценности: «воспитанность» и «честность».

Кроме того, для русских подростков значимыми ценностями на уровне нормативных идеалов являются потребность в новизне, новых переживаниях, в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами, фокусирующимися на социальном уважении, достижении доминантной позиции в рамках целой социальной системы, в достижении личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социально-культурными стандартами (в непосредственном взаимодействии), которая влечет за собой социальное одобрение, стремление к наслаждению или чувственному удовольствию.

Ценности русских на уровне индивидуальных приоритетов мало чем отличаются от нормативных, в основном это различие касается такой ценности, как «самостоятельность мышления в выборе способов действия, в творче-

стве и исследовательской активности», которая приходит на смену стремлению в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами.

У подростков-татар доминирующими ценностями на уровне нормативных идеалов являются уважение, принятие обычаев и идей, существующих в данной культуре, и следование им; самостоятельность мышления в выборе способов действия, в творчестве и исследовательской активности и безопасность для других людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений.

На уровне индивидуальных приоритетов у татар значимыми ценностями наряду с уважением, принятием обычаев и идей, существующих в данной культуре, и следование им выступают сдерживание и предотвращение побуждений и действий, которые могут причинить вред другим или не соответствует социальным ожиданиям; понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы в целом и достижение личного успеха через про-

явление компетентности в соответствии с социально-культурными стандартами (в непосредственном взаимодействии), которая влечет за собой социальное одобрение.

Таким образом, показатели значимости типов ценностей подростков имеют различия у представителей разных этнических групп (русские и татары). Проведенное эмпирическое исследование дает основание для разработки коррекционно-развивающих программ, направленных на формирование иерархии ценностей учеников, соответствующих социальным и этническим нормам современного общества.

Библиографический список:

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1968. – 256 с.
2. *Волков Б.С.* Психология юности и молодости: учебник для вузов. –М.: Трикста, 2006. – 256с.
3. *Жуина Д.В., Сурминова М.Е.* Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков разных национальностей // Nauka-rastudent.ru. – 2014. – No. 11 (11-2014) /

[Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:
<http://nauka-rastudent.ru/11/2113/>

4. *Киприянова Е.* Жизненные планы, мотивы, потребности: результаты одного исследования ценностных ориентаций старшеклассников // Экспресс-опыт, 1999. – №1 (январь-июнь). – С. 34-36.
5. *Кон И.С.* В поисках себя: личность и ее самосознание. – М., 1984. –335 с.

МАССОВАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Ильин А.Н. (г. Омск, Россия)

Современное общество рассматривается как потребительское не потому, что люди лучше питаются, чем их предшественники, не потому, что распоряжаются большим количеством технических средств, не потому, что используют больше образов и сообщений, наконец, не потому, что удовлетворяют свои потребности. Объем благ и степень удовлетворяемости потребностей – условия появ-

ления потребления, а не его сущность. Поэтому потребительское поведение стоит определять не только как «целенаправленную практическую деятельность по удовлетворению потребностей в товаре или услуге с момента возникновения потребности и заканчивая поведением потребителя после покупки товара или использования услуги»[1; с. 68]. Такое определение отличается узостью и не отражает настоящей сути потребительского поведения и потребительской культуры.

Суть потребления заключена не в возможности приобрести рекламируемый товар, а в желании это сделать; потребление локализовано не в кармане, а в сфере желания. Общество потребления – это совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом. Потребительство снимает оппозицию между реальностью и знаками. Оно есть практика поддержания иерархизированной знаковости путем отправления

социально стратифицирующих жестов, которые приближают реализующего их актора к элитарности и, соответственно, отдаляют его от общественной маргинальности. Специфический тип социализации постепенно приводит индивидуальные нормы и ценности человека в соответствие с нормативно-ценностной системой консюмеризма. Человеческое сознание всегда функционирует посредством определенных знаков и символов, а формирование новых знаков ведет к новой организации психики. Консюмеризм выступает системой, предлагающей иной тип знаковости, чем тот, который предлагался прежними формами культуры.

Социум именуется потребительским не потому, что в нем прослеживается высокий уровень жизни и, соответственно, имеется большое количество людей, наделенных возможностью реализовывать потребительские практики, а потому, что в нем господствует система отношений, предопределенных свойственными потребительской культуре ценностями, нормами и психологическими установ-

ками. Культура потребления нарушает баланс между структурой потребностей и доступными ресурсами для их удовлетворения. В таком обществе могут отсутствовать массовые источники высоких доходов и возможность повсеместно продуцировать «богатый» образ жизни; главное, что есть доминирующие и закреплённые в поведении людей ценности, выраженные в престиже, богатстве, демонстративной роскоши и т.д.

Вместе с рыночной стоимостью товар имеет ещё и знаково-символическую стоимость (sign-value). Культура потребления обладает системой кодов, расшифровывающих значения вещей. Вооружившись этими кодами, адепт данной культуры распознаёт товар по его символической значимости, дифференцирует его по критерию престижности/непрестижности. Хорошо раскрученные торговые марки и бренды гипнотизируют потребителя, особенно если ими пользуются известные и успешные люди. Бренд — это не материальная вещь, а образ, символ, идеальная конструкция товара или целой корпорации, проникающая в

сознание реципиента и призванная вызывать у него положительное эмоциональное состояние, связанное с продвигаемым товаром. Бренд наполняет товар символической ценностью. Он привносит в товар некий колорит, указывает на его положительные отличия от других товаров. Наконец, бренд выступает указателем на качество товара. Бренд может иметь мифологическую сущность, поскольку зачастую брендовый товар от «обычного» отличается только ценой, а уровень качества у них близкий. Бренд создает для компании марочный капитал (от словосочетания «торговая марка»), и стоимость компании возрастает. Кроме того, эта стоимость обычно определяется в первую очередь силой (известностью, авторитетностью и т.д.) бренда. Культура потребления – это хозяйство знаков и символов. Почти любой товар, практически любая вещь получает символическую окраску или даже сама становится символом. В таком символизме заключен постматериальный характер потребительской ценности и феномен символической социальной мобильности. Символизм не

антиматериальный и не материальный, а именно постматериальный, поскольку включает в себя как материальный компонент в виде самого товара, так и надстройку, указывающую на символическое выражение товара, которая диктует вектор отношения к данному товару и его обладателю. Надстройка как бы говорит о том, каким образом следует к ним относиться. Консюмера интересуют не столько сами вещи, сколько отношение других людей к ним. Приобретая вещи, он приобретает знаки, через потребление которых он становится ближе к тем, кто потребляет похожие знаки, и ставит себя в отличие от тех, кто эти знаки не потребляет. Таким образом, вещи становятся чем-то большим, чем они есть на самом деле. В них сливается воедино средство ведения жизни и смысл самой жизни.

Потребление неистребимо и беспредельно, так как основано на дефиците реальности. Если бы оно было просто поглощением благ, то наступило бы пресыщение, потребности бы удовлетворились, однако людям хочется по-

треблять все больше и больше. Потребление – это тотальная идеалистическая практика, имеющая мало общего с действительным удовлетворением потребностей или с принципом реальности; «умеренного» потребления не бывает.

Мы можем говорить о потребительстве как о системе общественного омассовления, а беспредельность потребительства основана на том, что оно имеет дело не столько с вещами, сколько с идентифицируемыми с ними культурными знаками, обмен которыми бесконечно нарастает. Все это позволяет нам сказать, используя бодрийеровский концепт «соблазн», что потребительство соблазняет своей бессмысленностью, своей пустотой, предлагая игру в пустоту, которую таковой никогда не называет. Она предлагает нечто, красивую обертку знака (также как реклама предлагает внешнюю красоту упаковки), за которой скрывается... ничто. И это самое ничто вызывает соблазн, выступая ценностью, а иногда даже смыслом жизни, и тем самым обесмысливает саму жизнь. Ведь

именно человекоориентированные ценности и идеалы придают человеческой жизни смысл, а в условиях их отсутствия смысл растворяется, оставляя место иллюзии смысла, своей тени.

Потребительство – это социокультурная система, где социальная идентификация построена не в сфере труда и производства, а вне работы – прежде всего в развлечениях, и в первую очередь в показных, демонстративных развлечениях. Именно в демонстративности выражается массовая символизация. Ранее стратификация общества основывалась на месте работы, на месте социальной системы распределения труда, а сам труд и трудовая добросовестность были условиями человеческого достоинства и общественного уважения. Уклонение от труда порицалось, и даже на юридическом уровне функционировало обвинение в тунеядстве. Теперь классификационным первенством обладает стиль жизни, на который указывает тело, одежда, машина, место отдыха и т.д. Логика консюмеризма строится в основном не на собственно потребитель-

ской (извлечение из вещи пользы), а на знаково-символической (демонстрация своего места в дифференцирующей системе престижа) стоимости товаров.

Аксессуары человека несут информацию о его статусе, превращаются из материальных объектов в информационные послания о своем владельце, равно как вектор его жизненной энергии и вектор его денежных трат говорят о том, что для человека выступает смыслом жизни. Если ранее о человеке могли судить по ответу на вопрос «что ты создаешь?», теперь спрашивают «что их развлечений ты способен себе позволить?». Для потребителя большинство благ являются благами позиционными. Он определяет себя не столько через язык, происхождение, религиозную принадлежность, сколько через вещи. Собственно, совокупность вещей с характерным им символизмом превратилась в некое подобие языка, в систему символов, в набор неких норм и регулятивов, а использование данных вещей представляется как речевая практика, актуализирующая и артикулирующая (демонстрирующая)

эти нормы.

Потребление превратилось в значимый стратифицирующий фактор, а человек стал тем, что он потребляет; как его публичное, так и его интимное пространства в большей мере конструируются потреблением. Расходы на потребительскую демонстративность и публичную расточительность, основанные на позиционировании максимальной независимости от различных институций, оказываются важнее, чем расходы на естественное поддержание жизни.

В сегодняшний век потребления наметилась тенденция психологизации и в целом возрос спрос на психологические труды. Даже беглый просмотр личных страниц в социальных сетях приводит к следующему выводу: в большинстве из них владельцы в качестве своих интересов отмечают психологию. Только под психологизацией следует понимать обращение не к строго научной академической психологии, а к так называемой профанной или популярной, которой изобилуют полки книжных магазинов.

Отмечается наибольший спрос на работы, написанные в эмпирико-рационалистическом и практико-технологическом ключе [2]. Это неудивительно, поскольку консюмеризм культивирует успех и материальный гедонизм, которые представляются достижимыми благодаря обретению и умелому использованию соответствующих психологических навыков. Увлечение популярной психологией – одно из основных увлечений консьюмеристского сообщества. Ответы на начинающиеся сакрально-прагматичным предлогом «как» вопросы («как управлять людьми», «как манипулировать мужчинами», «как стать успешным и богатым») стали очень востребованными. Идущие в фарватере потребительского прагматизма гляцевые журналы, пользуясь популярностью «как-проблем» среди потребительской прослойки (и заодно усиливая их популярность), зарабатывают имидж и деньги на предоставлении рецептов успеха, счастья и финансового благополучия. Массмедийность, подстраиваясь под вкусы широкой публики, специально рекламирует то, что послед-

ним должно понравиться. Нет смысла вносить в массмедийную реальность труды классиков философии или психологии – они все равно не будут востребованными, да и практического применения, чего так жаждет потребитель, в них мало. Однако вполне логично рекламировать то, что заведомо придется по вкусу широким слоям. Таким образом, круг замыкается. С одной стороны, общественность проявляет познавательную активность в соответствии со своими вкусами, а с другой – эти вкусы специально (в коммерческих целях, конечно) поощряются массмедийностью. Последняя, таким образом, является одновременно как законодателем ценностей и вкусов масс, так и ее рабом. Психология в массовом сознании заслужила статус практической дисциплины – и не просто практики, а неким путем к потребительскому успеху, чудодейственной, почти магической рецептуры от всех личностных недугов. Под этими недугами понимаются не «болезни», связанные с глубокой рефлексией, утратой смысла бытия и другими высокими [экзистенциальными] потребностями

ми. Скорее, психологию призывают на помощь «лечить» то, что служит барьером для обретения сугубо потребительских целей; уважение, деньги, знаки внимания. Философия, например, подобного статуса не получила, и это неудивительно, так как она всегда находилась в лоне теоретизма и, оперируя слишком тонкими материями и малопонятными абстрактными категориями, была максимально оторванной от массового сознания. Она, в отличие от практической психологии, не призвана ПОМОГАТЬ, воплощаться в практическое руководство. Поэтому популяризация философии, по сравнению с популяризацией психологии, не настолько широка. Да и фундаментальная психология здесь не имеет места, поскольку она основной акцент делает не на сиюминутной помощи, а на глубоком изучении психических особенностей человека, которым консюмеризм не интересуется. Консюмер во главу угла ставит рационализм, практический успех, а не удовлетворение когнитивных потребностей, поэтому научная психологическая литература его интересует в наименьшей

степени. Вместе с усиленной заботой о внешней привлекательности в потребительском обществе, где возводится в культ успех, обостряется забота о себе путем обращения к популярной психологии, которую наделяют статусом учителя, дающего ключ к успеху в общении с людьми, в управлении ими, в манипуляции, в обретении душевного спокойствия, в карьерном росте и т.д. Как отмечает Ж. Липовецки, собственное «Я» становится пупом земли, «пси»-терапия, дополненная физическими упражнениями или восточной философией, создает новый образ Нарцисса, теперь отождествляемый с понятием «*homo psychologicus*» [3]. Потребительская культура создает определенный тип социальной психологии, согласно которой формируются индивидуалистические и гедонистические ценностные ориентации и поведенческие установки. Поэтому вполне оправданны крайне негативные оценки потребительской культуры, даваемые многими исследователями. Давно сложилось такое научное направление, как социология потребления. Данную проблематику также ак-

тивно изучают философы, но о философии потребления как отдельной области знания еще говорить не приходится. Однако среди психологов пока не наблюдается широкое изучение потребительских установок, ценностей и форм поведения. Данная проблематика имеет как социологический и философский, так и психологический аспект. Если психологи обратят пристальный взор на нее, вполне возможно, в будущем возникнет актуальность концептуализации психологии потребления как самостоятельной научной области.

Библиографический список:

1. *Коростелина К.В., Тимохина Е.А, Попова И.В.* Психологические проблемы изучения потребительского поведения (на примере рынка туристских услуг) // Журнал практического психолога №1, 1999. С.67-78.
2. *Летцев В.М.* К уяснению основной проблематики философской психологии // Вопросы философии №5, 2012. С. 114-123.
3. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. – СПб.: «Владимир

Даль», 2001. – 332 с.

ПРОБЛЕМА ПРОКРАСТИНАЦИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Карина О.В. (г. Балашов, Россия)

Социальная система нашего общества зависит от группового и индивидуального сознания, формирующегося под воздействием объективных и субъективных показателей. Закономерным является факт, что субъектогенез личности, индивидуальность сознания формируется и развивается под воздействием массового сознания. Как правило, массовое сознание не зависит от экономического или социального статуса человека, оно транслирует определенные идеи, ценности, цели, мотивы доминирующие в конкретной группе. Массовое сознание соотносится с потребностями развития общества и может проявляться как позитивно, так и негативно.

Исследовать проблему массового сознания в обществе, особенно в молодежной среде необходимо, для того,

чтобы понимать происходящие изменения в мотивах молодых людей и целенаправленного регулирования различных сфер их жизнедеятельности.

На современном этапе, когда во всем мире происходят политические изменения, манипуляции с территориальными, экономическими и другими ресурсами, управление массовым сознанием привлекает внимание людей, стремящихся изменить общество. Самой уязвимой группой является молодое поколение, которое подвергается трансформации и воспитывается на тех ценностях, которые являются необходимыми в общественной политике для изменения социальной системы.

Феномен прокрастинации способствует взрослеющей личности поддаваться внешним манипуляциям и давлению масс. Данный вопрос изучается нами в рамках научно-исследовательского проекта «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения молодежи» осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00228а).

Согласно законам возрастного развития личности, юношеский возраст начинается с кризиса идентичности, который развивает самостоятельность, ответственность, целеустремленность, самоопределение у молодых людей.

В юношеском возрасте происходит рост самосознания, способствующий увеличению требований к себе и окружающим, выработке критичности и самокритичности, позволяющей формировать моральный и нравственный облик молодых людей, их мировоззрение в целом.

Молодые люди в этом возрасте, также как и в подростковом, очень ранимы из-за уязвимой самооценки, вспыльчивы и эгоистичны. Основной мотив их поведения – это ориентация на общепринятые нормы, эталоны, доминирующие в референтной группе.

Э.Эриксон утверждал, что кризис идентичности в юношеском возрасте является решающим в становлении личности молодого человека. Поэтому, воздействие массового сознания на психику молодого человека является

одним из главных факторов, влияющих на мировоззрение в целом.

В последнее время, в обществе снижается способность отличать истинные человеческие ценности от мнимых, необходимых конкретным людям для манипуляции сознанием масс. Границы, оказываются размыты на столько, что люди воспринимают больше негативные тенденции своего развития, нежели позитивные, в результате чего снижается уровень социального самочувствия в целом.

Неудовлетворенность, неуверенность в реализации своих намеченных целей приводит в действие механизм прокрастинации.

Современный исследователь М.А. Киселева отмечает, что низкая результативность реализованных целей позволяет проявляться прокрастинации в поведении молодых людей. Личность, которая не может себя самоорганизовать, недооценивает свои возможности, не развивает в себе волевые качества, постоянно откладывает на неопределенное время труднодостижимые цели и тем самым под-

чиняется массовым манипуляциям, транслируемых в обществе. Ученый, также отмечает, что прокрастинация, «приводит к непродуктивной реализации желаемых планов и характеризуется некритичностью перцептивно-семантической оценкой временного пространства» [1]. Т.е., некритичность молодых людей позволяет им воспринимать поступающую информацию от социума, как необходимую и важную, не требующей переработки и самоанализа.

Н.Е. Шустова отмечала, что субъектность личности приобретается в процессе социального развития личности на каждом возрастном этапе, при этом развитие самостоятельности зависит от активности человека на любом этапе его развития. Активность личности зависит от его жизненного опыта, мироощущения и взглядов на будущее [3] .

Молодые люди, ориентируясь на свои достижения, самореализацию, порой не получают должного подкрепления своим действиям, так как массовое сознание людей ориентированно не на достижение индивидуального опы-

та субъектом, а на широкое распространение своей идеологии. В связи с этим, не получая подкрепления своим действиям, молодые люди поддаются воздействию массового сознания, ориентируясь на социальные чувства, общественные стереотипы.

Е.П. Ильин характеризуя феномен перфекционизма, трудоголизма, лени, отмечал, что многие ученые в прокрастинации видят стремление противостоять установленным извне правилам и срокам. Откладывая на потом свою деятельность, которая взаимосвязана с другими членами социальной системы, молодые люди убеждают себя в том, что их бездействие транслирует независимость от массового сознания. Тем самым, молодые люди «отрываются» от воздействия массового сознания, но не решают своих проблем и снижают уровень достигаемости поставленных личных целей, и в целом, снижают свою самооффективность. Такое поведение на короткое время стабилизирует внешнее состояние личности, но развивает внутриличностный конфликт [2].

Таким образом, в юношеском возрасте стремление противостоять установленным извне правилам за счет прокрастинации отражается на процессе самоопределения. Молодые люди, ориентируясь на свой максимализм, откладывая на потом реализацию своих намеченных целей, теряют возможность приобрести необходимые знания для дальнейшего своего личностного и профессионального самоопределения.

В связи с этим, можно отметить, что массовое сознание влияет на сознание личности и может вызывать феноменом прокрастинации, и тем самым отражаться на самоопределении и самосовершенствовании человека.

Библиографический список:

1. *Киселева М.А.* Теоретический анализ позитивных и негативных аспектов прокрастинации личности, Гуманизация образования, 2014, № 6. – режим доступа: <http://www.humanization.ru>
2. *Ильин Е.П.* Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. М.: Питер, 2011.- 224 с.

3. *Шустова Н.Е.* Субъектность личности: темпоральный аспект, Электронный научно-практический журнал «Культура и образование», Рязань, 2014. – режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2750>

НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК СРЕДСТВО РАННЕЙ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ДЕТЕЙ

Карманова Т.М. (г. Пенза, Россия)

Голоюс Е.А. (г. Пенза, Россия)

На протяжении всего XX столетия происходило вытеснение народных традиций на периферию культурного пространства, их заменила массовая культура. Несмотря на это, в конце XX в. произошли события, позволяющие говорить о таком явлении, как «этнический парадокс современности». Данный парадокс заключается в стремлении народов сохранить свою самобытность, показать уникальность своей культуры, сохраняя нравственные скрепы [5]. Сегодня наблюдается тенденция к активному поиску «национальных корней» [4].

Именно поэтому ключевой является проблема анализа детства, поскольку он является наиболее насыщенным периодом в постижении культурных ценностей и норм. Значение содержательных трансформаций заключается в получении, присвоении ребенком культурных норм, тех свойств и качеств, которые присущи природе человека [2]. Практически это реализуется в процессе инкультурации, естественном для общества и связанном с освоением этнокультурных норм. Формирование картины мира любой культуры происходит через разные информационные каналы, среди которых значительное место занимает сказка, как один из жанров фольклора.

Сказка – это один из древнейших видов словесного искусства. Она уходит корнями в народное творчество доклассовой эпохи и по сей день остается спутником человека, доставляя ему огромное художественное наслаждение. В сказке выражены накопившиеся столетиями мысли и чувства народа [1]. Н.К. Рерих в статье "Древние источники" так писал о сказках и пословицах: «В чем истина

веков – в законах и приказах или в пословицах и сказках?» В первых – воля напряжена, а во вторых – чеканка мудрости... в сказке, как в кладе захороненном, сокрыты вера и стремления народа. Пословица может быть скорбною, но она не будет разрушительной, так же точно не бывает мерзких сказок, как и отвратительных песен. И пословица, и сказка к добру». [3, С. 175].

К сожалению, в связи с бешеным ритмом жизни родителям часто не хватает времени, да и желания, чтобы уделять внимание детям и почитать им сказки. А напрасно, ведь в сказке скрыта огромная воспитательная сила, незря такое течение в психотерапии как «сказкотерапия», находит все больше и больше сторонников. Благодаря сказке происходит передача моральных норм и правил от старшего поколения к младшему. Сказка является мощным средством воспитания детей. Сказки отражают жизнь народа, его обычаи и верования. В сказке воплощаются положительные черты данного народа, и это делает их

эффективным средством передачи этих черт из поколения в поколение.

Изучению сказок в разное время уделяли внимание такие ученые как В. Н. Татищев, А.А. Бестужев-Марлинский, В.П. Аникин, А.Н. Афанасьев, Т.В. Зуева, Е.М. Мелетинский, Э.В. Померанцева, В.Я. Пропп, Ю.М. Соколов, В.И. Чичеров, Е.Н. Трубецкой и др.

Сказки играют огромную роль в процессе инкультурации и социализации ребёнка. Воспитательная ценность народных сказок заключается в том, что в них запечатлены лучшие черты русского трудового народа: свободолюбие, природный ум, настойчивость, упорство в достижении цели. Сказки воспитывают у детей гордость за свой народ, любовь к Родине.

Сюжеты народных сказок, образы сказочных героев лежат в основе многих современных мультфильмов, предназначенных как для детей, так и для взрослых. Например, популярностью среди различных возрастных категорий пользуются современные мультфильмы о Маше и Медве-

де. Сюжет народной сказки лежит в основе мультфильма «Иван-царевич и Серый волк», снятого в духе постмодернизма. К этому ряду можно также отнести и серию мультфильмов о трех богатырях. И хотя это интерпретации в постмодернистском стиле, однако, речь идёт всё же о героях русского фольклора.

Вместе с тем возникает вопрос: насколько современный зритель знаком с оригинальным русскими сказками, а не их мультипликационными интерпретациями?

С этой целью нами был проведен опрос среди дошкольников, школьников и студентов.

В эксперименте приняли участие 72 человека (дошкольников, школьников и студентов). Из них 18 детей подготовительной группы МДОУ «Детского сада № 3 г. Саратова, 26 учащихся гимназии № 42 г. Пензы, 28 студентов 3 курса факультета педагогики, психологии и социальных наук Пензенского государственного университета. Возраст участников эксперимента 6-7, 14-15 и 19-20 лет соответственно.

Для проведения исследования была использована анкета «Исследование представлений детей о сказках», которая включает в себя 8 вопросов закрытого и открытого типа. Например: 1. Любишь ли ты сказки? Если да, то какие (жанр: волшебные, бытовые, про животных) 2. Часто ли мама/папа/бабушка/дедушка/брат/сестра читают тебе сказки? 4. Смотришь ли ты сказки по телевизору? и т.д.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: мы предполагаем, что сказка имеет огромную воспитательную силу, но сегодня родители уделяют гораздо меньше времени для чтения сказок своим детям, чем раньше. Чтобы проверить данную гипотезу, мы рассчитали по формуле Фишера, чаще ли родители читали детям сказки в 1998-1999 г. по сравнению с 2004-2005 г., а так же в 2004-2005 по сравнению с 2011-2012 и 2011-2012 по сравнению с 1998-1999гг. или нет. В ходе проведенного исследования наша гипотеза о том, что в настоящее время родители уделяют гораздо меньше времени для чтения сказок своим детям, чем 14 лет назад, подтвердилась, но, в то же время,

значимых различий при сравнении дошкольников и школьников, а также школьников и студентов выявлено не было.

Таким образом, хотя сказка имеет огромную воспитательную силу, однако современные родители, действительно, уделяют гораздо меньше времени для чтения сказок своим детям, чем раньше. Они предпочитают заменять чтение просмотром мультфильмов или прослушиванием записей сказок в исполнении известных актёров театра и кино. Это имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, детям очень полезно будет приобщиться к родной культуре через талантливых людей, которые донесут до них сказку в интересной, захватывающей манере. А с другой стороны, живое общение ребенку ничто не заменит, ведь слушая сказку в исполнении мамы или папы, ребенок может задать интересующий его вопрос, обсудить сказку со взрослым, вынести из нее что-то полезное лично для него, а голос с экрана чужого,

пусть даже талантливому исполнителю, заменить этого, конечно, не может.

Сказка в разных формах и масштабах стремится к воплощению идеала человеческого существования. Вера сказки в самоценность благородных человеческих качеств, бескомпромиссное предпочтение Добра основаны так же и на призыве к мудрости, активности, к подлинной человечности. Сказки расширяют кругозор, пробуждают интерес к жизни и творчеству народов, воспитывают чувство доверия ко всем обитателям нашей Земли, занятым честным трудом.

Хотя сказки и являются поэтическим вымыслом, в них с исключительной глубиной и силой проявляется национальный дух. Можно смело утверждать, что сказки - это подлинная энциклопедия жизни каждого народа. Они несут в себе вековые идеалы, отражают народный образ жизни во всем его многообразии и многогранности.

Сказка остается сказкой, она не обманывает, она очаровывает, увлекает. Сегодня, когда темпы обществен-

ного развития стремительно возрастают, обращение к традиционным основам народной жизни приобретает огромный нравственный смысл, помогает приобщиться к тысячелетней мудрости предшествовавших поколений.

Когда ребенку читают сказку, то устанавливается контакт с близкими. При этом создаётся ситуация соучастия. Но, к сожалению, в настоящий момент взрослые не придают большого значения, и дети все чаще существуют как бы «сами по себе».

Библиографический список:

1. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки/ Е.М. Мелетинский .- СПб.: Академия исследований культуры , 2005. - 240 с.
2. *Мухина В.С.* Возрастная психология. Феноменология развития/ В.С. Мухина. - 10-е изд., перераб. и доп. - М., 2006. - 608 с.
3. *Рерих Н.К.* Сказки, легенды, притчи/ Н.К. Рерих . - Новосибирск: Издательский центр РОССАЗИЯ, 2013. - 296 с.

4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология/ Т.Г. Стефаненко.
- 3-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2004. - 368 с.
5. *Голоюс Е.А., Константинов В.В.* О возможности разработки системы комплексной диагностики нравственного развития дошкольников // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т.8., №4. С.266-278.

ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Кежапкина Е.Н. (г. Пенза, Россия)

Романова М.В. (г. Пенза, Россия)

Среди многих аспектов социальной психологии одним из ведущих является вопрос о руководстве и его стилях, поскольку он касается эффективности деятельности трудовых, учебных, воинских и спортивных коллективов. Жизненный успех человека в целом напрямую зависит от его полноценной самореализации в жизни и эффективного использования им своих достоинств, при возможном ком-

пенсировании своих недостатков. Это достигается с помощью формирования и применения им оптимального для него индивидуального стиля деятельности. Стабильность его профессиональной деятельности и служебная карьера тесно связаны с полноценной самореализацией в избранной профессии. Важнейшим условием для этого является эффективность его профессиональной деятельности, которая складывается на основе профессиональной рефлексии [3, с.61]. Однако, известны факты, когда человек, искренне желающий трудиться в определенной области и получивший нужную подготовку, тем не менее, терпит провал [1, с.6]. Провалы встречаются особенно среди профессии, относящиеся к типу «человек — человек» (например у педагогов). Нередко дело не столько в профессиональной предназначенности человека (хотя склонность к определенному роду занятий вряд ли стоит игнорировать), сколько в пренебрежении его индивидуальными особенностями, что мешает полному раскрытию воз-

возможностей субъекта — с одной стороны, и адаптации к деятельности — с другой.

Социальные психологи посвятили много исследований проявлению стилей руководства (А.Л. Журавлев, Н.В. Кузьмина, Е.А. Климов, Е. П. Ильин). Однако в исследованиях по социальной и педагогической психологии, не ставится вопрос об изучении генеза стиля руководства, который, с нашей точки зрения, определяется не столько внешними ситуационными факторами, сколько внутренними, обуславливающими склонность к тому или иному стилю. Как показано в работе Е. П. Ильина, склонность к тому или иному стилю руководства связана со многими личностными свойствами. Также была обнаружена связь с типологическими особенностями проявления свойств нервной системы, в основном — с силой нервной системы [2].

Нами было проведено эмпирическое исследование по изучению связи свойств нервной системы и стиля деятельности (руководства) преподавателя вуза. В исследова-

ние принимали участие преподаватели ПГУ ПИ им. В.Г. Белинского факультета физико-математических и естественных наук и факультета педагогики, психологии и социальных наук, в количестве 20 человек. В качестве основного диагностического материала были выбраны следующие методики - опросник «Исследование психологической структуры темперамента» Б.Д. Смирнова[2], методика «Изучение структуры темперамента» Я. Стреляу [5], методика А.Л. Журавлева «Стиль руководства» и методика Е.П. Ильина «Склонность к определенному стилю руководства»[2] .

В ходе проведенного сравнительного анализа результатов по методикам (А.Л. Журавлева «Стиль руководства» и Е.П. Ильина «Склонность к определенному стилю руководства») у преподавателей факультета физико-математических и естественных наук были получены следующие данные: у 40% преподавателей ярко выражен демократический стиль, а у 60% - смешанный стиль деятельности (руководства). А у преподавателей факультета

педагогики, психологии и социальных наук - у 80% - демократический стиль, у 20%- смешанный.

По результатам «Личностного опросника» Я.Стреляу сила процессов возбуждения у большинства преподавателей ФФМ и ЕН (60%) на уровне нормы. Это свидетельствует о том, что у испытуемых быстрая включаемость в работу, высокая работоспособность и выносливость. А сила процессов торможения(70%) – на среднем уровне, подвижность нервных процессов(60%) – на уровне выше среднего. Для испытуемых характерно быстрое реагирование ответным действиям на простые сенсорные сигналы, хорошая реакция, высокий самоконтроль, собранность, бдительность. Также для большинства испытуемых характерна легкость переключения нервных процессов о возбуждения к торможению и наоборот, быстрый переход от одних видов деятельности к другим, решительность, смелость в поведенческих реакциях. У преподавателей ФПП и СН у 70% сила процессов возбуждения находится в норме, сила процессов торможения на уровне выше

среднего (60%), а подвижность нервных процессов на уровне выше среднего и на уровне нормы (по 40%). Полученные результаты свидетельствуют о средней включаемости в работу, средней утомляемости и работоспособности, о легкости переключения нервных процессов от возбуждения к торможению, о быстром переходе от одних видов деятельности к другим. Испытуемые характеризуются сильными нервными процессами со стороны торможения, быстрым реагированием ответным действиям на простые сенсорные сигналы, высоким самоконтролем и собранностью.

По результатам опросника Б.Н. Смирнова у 90% преподавателей ФФМ и ЕН средний уровень экстернальности, у 10% - средний уровень интернальности. Для большинства испытуемых характерно стремление к различного рода возбуждениям, а также импульсивность. Испытуемые действуют под влиянием момента, бывают вспыльчивы, но в тоже время отличаются наличием хороших организаторских способностей, предприимчивостью, це-

леустремленностью, что демонстрируется в профессиональной деятельности. У 60% преподавателей уровень ригидности средний, что свидетельствует о затрудненности в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки, которая выражается в тугоподвижности перестройки системы мотивов в обстоятельствах, требующих гибкости и изменения характера поведения. Для 70% испытуемых характерна средняя эмоциональная возбудимость. Данный результат говорит об эмоциональной неустойчивости, восприимчивости к отрицательным сигналам извне, неуверенности в себе, напряженности эмоций. А у 30% - средняя эмоциональная уравновешанность. Это свидетельствует о сдержанности, терпимости. Воздержанности от гнева и невозмутимости в ситуации стресса, о психологической устойчивости. Для всех преподавателей (100%) характерен быстрый темп реакций. Уровень активности у 30% испытуемых низкий, у 30% - ниже среднего, у 20% - выше среднего и у 20% - высокий.

Также по результатам опросника Б.Н. Смирнова было установлено, что для 60% испытуемых ФПП и СН характерна средняя интровертированность, а для 20% - высокая интровертированность. Это свидетельствует о спокойствии, о заблаговременном планировании действий, терпимости, лояльности к чужим взглядам, что важно при работе преподавателя со студентами. У 20% - средняя экстравертированность, что говорит о стремлении к различного рода возбуждениям, о действии под влиянием момента, вспыльчивости и т.д. 60% испытуемых характеризуются средней ригидностью, что свидетельствует о тугоподвижности перестройки системы, требующих гибкости и изменения характера поведения. У 80% - средняя эмоциональная возбудимость, что характеризует испытуемых как эмоционально тонко чувствующих, восприимчивых к отрицательным сигналам извне, неуверенных в себе и т. п. Темп реакции у 70% испытуемых быстрый, у 20%- медленный и у 10% - очень медленный. А уровень активности у 40% преподавателей низкий, у 40% – ниже среднего, у

10% - выше среднего, а у 10% - высокий. Отмечается высокий уровень искренности при ответах, что подтверждает высокий уровень профессионализма преподавателей.

По результатам сравнительного анализа нами были обнаружены различия в свойствах нервной системы, определяющих демократический стиль руководства у преподавателей факультета физико – математических и естественных наук и преподавателей факультета педагоги, психологии и социальных наук. Наиболее ярко выраженные различия выделены в отношении подвижности нервных процессов, и активности. А также, мы обнаружили различия в отношении экстравертированности – интровертированности. В частности, у преподавателей ФПП и СН ярко выражена средняя интровертированность, низкий уровень активности и подвижность нервных процессов, что подтверждает общепринятое мнение о том, какой должен быть преподаватель гуманитарного факультета: спокойный и рассудительный.

С целью проверки достоверности данных в работе проведена математико-статистическая обработка данных с использованием t-критерия Стьюдента [4]. С помощью t-критерия Стьюдента мы выявили различия в свойствах нервной системы, определяющих демократический стиль руководства у преподавателей факультета физико–математических и естественных наук и преподавателей факультета педагоги, психологии и социальных наук:

- между уровнем подвижности нервных процессов ($t=2,5$);

- между уровнем экстравертированности- интровертированности ($t=3,4$);

- между уровнем активности ($t=3,2$).

На основе полученных результатов математико-статистической обработки данных, мы делаем вывод о наличии различий в свойствах нервной системы, определяющих демократический стиль руководства у преподавателей факультета физико–математического и естественных наук и преподавателей факультета педагоги, психоло-

гии и социальных наук. Таким образом, свойства нервной системы связаны и определяют стиль деятельности преподавателей вуза.

Роль преподавателя в образовательном процессе трудно оценить. При самом поверхностном наблюдении становится ясным, что стиль деятельности преподавателя при взаимодействии со студентами имеет большое значение для определения пути, по которому пойдет развитие личности студента. Последствие этого взаимодействия является одним из важнейших факторов, который часто становится определяющим в способностях человека к самообразованию и саморазвитию, к свободному определению себя в профессии, обществе. Поэтому является важным вопрос личности самого преподавателя, его индивидуально-типологических особенностей и их влияние не только на профессиональную педагогическую деятельность, но и на самих студентов и их будущее.

Библиографический список:

1. *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. — М.: Наука, 2007.— С. 393
2. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология - СПб: изд-во «Питер», 2001. — С.380с
3. *Романова М.В., Константинов В.В.* Профессиональная рефлексия и личностные характеристики студентов, будущих педагогов-психологов // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского – 2012. – № 2. – С. 56–62. – 0,3 п.л.
4. *Погребницкая М.В.* Математические методы в психологии. Учебно-методическое пособие. Петропавловск, СКГУ– 2004. – 123с.
5. *Стреляу Я.* Роль темперамента в психологическом развитии. – М.: Прогресс, 2002. – 231 с.

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кленова М.А. (г. Саратов, Россия)

Понятие «поколение» существенно отличается от понятия возраста, поскольку, в отличие от возрастных пе-

риодизаций, объединяющих группы людей по возрасту, ведущим видам деятельности, новообразованиям и прочим, - в понятие поколения включаются не только границы возраста, но, прежде всего, условия формирования и функционирования в определенный культурно-исторический период времени. При этом, присущие поколениям социальный опыт, образ жизни, определенные ценности, позволяют перенести понятие «поколение» в русло социальной психологии.

Одним из основных подходов в определении понятия «поколение» выступает демографический подход Г. Рюмелина, который предложил количественное понятие длины поколения, определяя ее как среднюю возрастную границу между родителями и детьми. В свою очередь, Х. Ортего-и-Гассет отмечал, что срок деятельности поколения продолжается в среднем от 20 до 30 лет и делится на два периода: в течение первого периода новое поколение распространяет свои идеи и вкусы, которые утвер-

ждаются и становятся господствующими во второй период [3].

По словам В.А. Кольцовой: «Исходным моментом в раскрытии психологической природы понятия «поколение» выступает утвердившийся в российской психологии подход, согласно которому формирование и развитие личности определено совокупностью условий социального существования в определенный исторический период. [2].

Б.Г. Ананьев о природе поколения говорил следующее: «Жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения» [1]. В своей работе Э.В. Сайко предлагает рассматривать несколько общих характеристик поколения: «Во-первых, временной показатель, выраженный в возрастном варианте и в возрастных характеристиках и историческом определении; во-вторых, филогенетическая и культурно-историческая обусловленность; в-третьих, событийная встреча в пространстве события на уровне

субъектов исторического действия в историческом пространстве и на уровне события в едином со-бытии в Бытии; в-четвертых, обусловленность историческим развитием общества» [4].

Таким образом, «поколение», как предмет исследования в социальной психологии, имеет свои специфические особенности, отличающие данное понятие от определения понятия «возраст». Кроме того, можно отметить, что социально-психологические исследования в большей степени ориентированы на изучение именно поколенческих аспектов, нежели возрастных.

В нашем исследовании предпринята попытка сравнительного анализа выбора стратегий преодолевающего поведения в выборке, состоящей из двух поколений. Для начала дадим краткую характеристику преодолевающего (совладающего) поведения.

В переводе с английского «coping» «преодолевать», однако в современной российской психологии все чаще используются понятия адаптивного или совладающего по-

ведения. Говоря простым языком, копинг-поведение можно определить следующим образом: в ситуации, когда внешние или внутренние трудности вызывают напряжение, которое нельзя преодолеть при помощи обычных способов и стратегий поведения, т.е. это напряжение превышает «обычные» силы организма, человек применяет копинг. Преодоление определяется в качестве стабилизирующего фактора, который помогает людям поддерживать психосоциальную адаптацию во время стресса.

Целью нашего исследования было определение стратегий преодолевающего поведения в разных поколениях. Копинг-поведение изучалось при помощи методики «Определение способности человека к преодолевающему поведению» С. Хоббфола. База исследования составила 60 человек: младшее поколение – 30 испытуемых в возрасте 18-20 лет, старшее поколение 30 испытуемых в возрасте 40-45 лет.

В результате проведенного исследования установлено, что испытуемые вне зависимости от принадлежно-

сти к старшему или младшему поколению в большинстве предпочитают адаптивные стратегии преодоления (ассертивные действия - 47%, вступление в социальный контакт – 35%, поиск социальной поддержки – 30%). Однако в разных поколениях наблюдается достоверная разница в тех случаях, когда предпочтение отдается дезадаптивным стратегиям преодоления. Во-первых, молодежь, чаще, чем представители более старшего поколения предпочитают дезадаптивные стратегии преодоления (16% - младшее поколение, 9% - старшее). Преодоление посредством агрессивных действий предпочитают 9% молодежи и 3% представителей старшего поколения ($t=1,892$). Асоциальные действия как копинг-стратегию предпочитают 5% молодых людей и 2% испытуемых из старшего поколения ($t=1,942$). Обратная картина наблюдается при выборе такой стратегии как «избегание». Старшее поколение чаще, чем молодежь выбирает избегание в качестве копинг-поведения. Полученные результаты можно проанализировать исходя из описанного выше определения понятия

«поколение». Проводя исследование в рамках поколенческого аспекта, в первую очередь обращают внимание на культурно-историческую обусловленность развития личности. Современные условия и культура, динамика развития общества заставляют молодежь быстро принимать решения. Старшее поколение, которое воспитывалось в других условиях, и, зачастую, не имеющее внутренних ресурсов для того, чтобы адаптироваться к динамично развивающейся среде – предпочитает компенсировать эту определенную несостоятельность посредством избегания. То есть, в ситуации, требующей применения копинг-стратегии, представители старшего поколения чаще, чем молодежь предпочитают вести себя так, как будто ничего не происходит, они уходят от решения проблемы, либо стараются переключиться на что-то другое.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено, что большинство испытуемых, вне зависимости от принадлежности к какому-либо поколению предпочитают адаптивные стратегии преодоления.

Тем не менее, наблюдается достоверная разница между выбором дезадаптивных стратегий преодоления. Молодежь в данном случае чаще, чем представители старшего поколения выбирают агрессивные и асоциальные действия, в то время как старшее поколение чаще, чем молодежь использует стратегию избегания.

Библиографический список:

1. *Ананьев Б.Г.* Человек, как предмет познания. СПб. : Питер, 2001. С. 104-105.
2. *Кольцова В.А.* Историческая психология: особенности и перспективы новой области междисциплинарного знания [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.psyhistory.ru/index.php?VSN=23> (Дата обращения – 23.12.2014).
3. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс. Эстетика. Философия культуры. М : Искусство, 1991. С. 21.
4. *Сайко Э.В.* Проблемы поколений в современной исторической ситуации (приглашение к обсуждению) // Мир психологии, 2009. №3 (59). С. 175.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУПП В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ

Константинов В.В. (г. Пенза. Россия)

Глобализация экономики, рост миграционных потоков внутри стран и за их пределами, обострение межэтнических и религиозных противоречий – факторы, определяющие исследование этнических проблем как острых и актуальных вопросов современности. В связи с этим приобретает особую актуальность проблема адаптации и интеграции, как отдельной личности, так и целых групп, в принимающем сообществе. В связи с этим назревает необходимость совершенствования миграционной политики в соответствии с динамичными изменениями современной геополитики.

Интеграция в контексте государственной политики долгие годы остается одной из актуальных задач современного общества. Несомненно, одними из важных

направлений интеграции личности и групп в принимающем сообществе является не столько инструментальная, экономическая, культурная интеграция, сколько социально-психологическая интеграция, связанная со способностью достигать равновесия, целостно транслировать индивидуально-личностные и групповые установки, адаптироваться и преодолевать барьеры между группами мигрантов и принимающим сообществом.

Интеграция как процесс взаимного приспособления и согласования интересов, требующий серьезных усилий и со стороны представителей принимающего общества. Интеграция — это не только гармонизация культурных ценностей мигрантов и ценностей и норм принимающего общества, но и процесс, результатом которого является принятие мигрантов принимающим социумом как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Предполагается, что мигранты, сохраняя свою культурную идентичность, объединяются с принимающим сообществом на некоем внеэтническом основании. Успешность подобной интеграции

в целом зависит от способности адаптироваться к новым социально-психологическим реалиям принимающего сообщества, сглаживании дистанций между принимающим сообществом и мигрантами, этнокультурных особенностей групповой самоорганизации, специфических установок и опыта проживания в инокультурной среде.

Необходимость исследования процесса социально-психологической интеграции личности и групп в принимающем сообществе обусловлена противоречиями между: объективной потребностью в интеграции личности и групп в принимающее сообщество и отсутствием стратегий сопровождения; необходимостью формирования новых стратегий интеграции и адаптации личности и групп и сохранение преемственности культурно-исторического опыта, самобытности идентичности личности и групп в принимаемом сообществе.

Гипотезы исследования сформулированы на основании предварительного теоретико-методологического анализа проблемы интеграции личности и групп в принима-

ющем сообществе, а также пилотажного исследования процессов межгрупповой адаптации и дифференциации социальных групп.

Гипотеза 1. В условиях динамичных изменений общества традиционные психологические факторы и механизмы интеграции личности и группы становятся недостаточно эффективными для адаптации личности и группы.

В качестве факторов обеспечивающих интеграцию личности и группы выступают стратегии интеграции-аккультурации, конформность, иерархия ценностных ориентаций, содержание этнической идентичности, длительность пребывания в инокультурной среде.

Гипотеза 2. Скорость и эффективность интеграционных процессов значительно повышаются при условии целенаправленного и взаимосвязанного психологического регулирования, сопровождения, поддержки и коррекции процессов адаптации личности и групп в принимающем сообществе.

Гипотеза 3. Необходимыми условиями социально-

психологической интеграции личности и групп выступают стратегии интеграции-аккультурации, конформность, иерархия ценностных ориентаций, содержание этнической идентичности, длительность пребывания в инокультурной среде.

Для решения поставленных эмпирических задач использовался следующий комплекс методик: методика диагностики типа аккультурации Дж. Берри, тест «Незаконченные предложения» Сакса и Сиднея, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, опросник Басса и Дарки, методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса и Даймонда, авторская анкета, методика определения мотивационной индукции Ж. Нюттена, авторская методика-опросник, разработанная для изучения особенностей экономико-психологической адаптации, методика Дж. Бери, тест Л. В. Янковского, методика - сочинения «Расставание с родиной», рисуночная методика «Образ расставания с родиной» и методика «Дом-дерево-человек».

3. Методы математико-статистической обработки данных. С целью установления достоверности полученных данных, использовались методы математико-статистической обработки данных. Были применены следующие методы: метод определения средних, ошибок средних, параметрический и непараметрический методы сравнения двух независимых и зависимых выборок (t-критерий Стьюдента, ϕ^* -критерий Фишера,). Изучение динамических особенностей социально-психологической интеграции личности и групп в принимающем сообществе, проводилось посредством корреляционного анализа, с последующей психологической интерпретацией и осмыслением данных. Статистическая обработка данных производилась с помощью компьютерной программы «SPSS 13.0 for Windows».

Эмпирическую базу исследования составили представители взрослого трудоспособного (от 18 до 60 лет) русского населения из стран нового зарубежья, которые имели статус вынужденного переселенца (или беженца) и по-

селились на территории двух областей Поволжского экономического региона, отличающегося наиболее высокими темпами вынужденной миграции: Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей и республики Мордовии (Приволжский федеральный округ).

Отбор населенных пунктов проводился по следующим типологическим признакам: численность зарегистрированных там вынужденных мигрантов и беженцев и компактность или дисперсность их проживания. Выборка исследования включала 1103 мигрантов.

Анализ и интерпретация полученных данных осуществлялась в рамках трех основных направлений. Первое — выявление субъективной оценки успешности / неуспешности социально-психологической адаптации к инокультурной среде. Второе — определение степени выраженности типобразующих признаков и их соотношение; третье — выяснение адаптивных возможностей каждого из выделенных типов, их эффективности.

Результаты анкетирования, анализ которых проводился с помощью метода описательной статистики, показали, что в целом респонденты довольно глубоко вовлечены в социокультурный контекст принимающего общества. Подавляющее большинство мигрантов — 76,4 % (843 чел.) не испытывают угроз со стороны коренного местного населения ($\chi^2_{\text{эмп}} = 308,150$ при $p = 0,001$) и, в целом удовлетворены своим статусом.

Только 12,6% (139 чел.) опрошенных часто испытывают чувство изоляции. Анализ ответов на данный вопрос анкеты показал наличие статистически значимых различий ($\chi^2_{\text{эмп}} = 263,458$ при $p = 0,001$). На наш взгляд, подобное распределение ответов обусловлено спецификой проживания мигрантов из постсоветских государств, а именно проживание диффузно, обуславливает позитивную адаптационную динамику.

Больше половины переселенцев 54,2 % (598 чел.) только иногда испытывают трудности в общении с коренным местным населением. На наш взгляд, это обусловлено

длительным сроком пребывания на территории РФ и, как следствие, отсутствием ярко выраженного языкового барьера.

Весомая часть респондентов 54,2 % (598 чел.) стремятся к установлению новых контактов. Мы считаем, что данная тенденция обусловлена глубокой вовлеченностью в контакты с доминирующим обществом, а личностный характер общения, безусловно, способствует снижению интолерантности и трансформации этнических предубеждений.

Подавляющее большинство — 54,3 % (599 чел.) переселенцев только иногда вспоминает прежнее место жительства. Отмечаемые различия в ответах испытуемых статистически значимы ($\chi^2_{эмп} = 668,572$ при $p = 0,001$). Лишь незначительная часть мигрантов 5,8 % (64 чел.) хотят вновь сменить место жительства. Очевидной причиной такого распределения ответов является позитивная тенденция процесса социально-психологической адаптации к инокультурной среде.

Анализ субъективной оценки успешности / неуспешности социально-психологической адаптации инокультурными мигрантами из постсоветских государств свидетельствует о наличии поляризации субъективного отношения к новым условиям жизнедеятельности.

Согласно логике, выбранной в начале исследования, следующим шагом было выявление представленности типов социально-психологической адаптации среди инокультурных мигрантов. Наиболее распространенными типами являются адаптивный, интерактивный и конформный. Три других типа (депрессивный, ностальгический и отчужденный) встречаются значительно реже.

Подобное распределение свидетельствует о том, что большая часть опрошенных мигрантов в той или иной степени проявляют установки на удовлетворение потребностей и достижение собственных целей социально приемлемыми способами, что, в свою очередь, вызывает оптимизм со стороны коренного местного населения и спо-

способствует позитивным тенденциям процесса социально-психологической адаптации к инокультурной среде.

Второй этап анализа данных был направлен на определение степени выраженности типобразующих признаков и их соотношение и заключался в выявлении характерологических признаков, присущих представителям этих типов.

Обратимся к результатам исследования, полученным с помощью методики Дж. Берри.

Корреляционный анализ данных показал наличие значимых связей между доминирующей аккультурационной стратегией и типом адаптации. Так, для мигрантов адаптивного, конформного и интерактивного типов характерны стратегии интеграции и ассимиляции.

Доминирующими для депрессивных, ностальгических и отчужденных являются сепарация и маргинализация. Далее сравним степень выраженности показателей аккультурационных стратегий попарно у каждой группы инокультурных мигрантов.

Полученные данные свидетельствуют о достоверных различиях между типом адаптации и выраженностью показателей аккультурационных стратегий. Для депрессивных, ностальгических и отчужденных мигрантов характерны более высокие показатели, чем для представителей остальных типов. При этом переселенцы отчужденного типа в большей степени демонстрируют стратегию сепарации ($r_s = 0,644$ при $p \leq 0,01$), чем ностальгические и депрессивные.

Респонденты не стремятся идентифицировать себя с культурой новой среды. Они нацелены на сохранение собственных этнокультурных ценностей. Конформный и интерактивный типы имеют более низкие показатели относительно депрессивных и ностальгических респондентов, однако более высокие по сравнению с адаптивными мигрантами. Подобное распределение ответов, на наш взгляд, объективно описывает ситуацию, сложившуюся в поликультурном регионе.

Достоверные различия между группами наблюдаются и по стратегии интеграции. Наиболее выраженные показатели имеют адаптивные, конформные и интерактивные мигранты. Однако интерактивный тип в большей мере склонен к выбору данной стратегии ($r_s = 0,715$ при $p \leq 0,01$), чем остальные, что говорит о более высокой степени овладения навыками обеих культур. Переселенцы депрессивного, ностальгического и отчужденного типа значимых отличий по данной стратегии не имеют.

Информативные данные были получены и при анализе показателей по стратегии ассимиляции. Между группами также выявлены значимые различия. Для переселенцев адаптивного, конформного и интерактивного типов характерны одинаково высокие значения. Это говорит о стремлении к взаимодействию с представителями инокультурной среды за счет снижения включенности в контакты со своей этнической группой, что приводит к полной языковой ассимиляции.

На наш взгляд, это обусловлено стремлением на долгое время закрепиться на новом месте жительства. Депрессивные и ностальгические мигранты имеют более высокие показатели, чем переселенцы отчужденного типа, и более низкие, чем представители адаптивного, конформного и интерактивного типов. Это свидетельствует о сложностях процесса социально-психологической адаптации.

Таблица 1.

Связи выбора стратегии аккультурации от типа адаптации

Тип адаптации	Стратегии аккультурации			
	СТСЕПА Р	СТМАР Г	СТИН- ТЕГ	СТАС- СИМ
Адаптивные	— 0,687	— 0,757	0,59 5	0,34 0
Конформные	— 0,590	— 0,643	0,57 7	0,36 0
Интерактив-	—	—	0,71	0,34

ные	0,629	0,706	5	0
Депрессивные	0,64 0	0,7 02	– 0,611	– 0,356
Ностальгиче- ские	0,54 8	0,6 63	– 0,687	– 0,380
Отчужденные	0,64 4	0,7 38	– 0,703	– 0,359

Примечание. При $p \leq 0,01$.

Сопоставляя результаты по стратегии маргинализации, можно заключить, что в большей мере эту стратегию демонстрируют депрессивные мигранты ($r_s = 0,702$ при $p \leq 0,01$).

На наш взгляд, это обусловлено сильными расхождениями между желаемой индентификацией с инокультурной средой и реальной, и как следствие, мигранты склонны к отрицанию ценностей новой среды обитания наряду с неприятием ценностей собственной культуры. Самые низкие показатели выявлены у представителей адаптивного типа. Конформный и интерактивный типы имеют более

высокие показатели относительно адаптивного и более низкие по сравнению с ностальгическими и отчужденными переселенцами.

Итак, анализ результатов второго этапа исследования показал наличие значимых различий в выраженности типобразующих признаков. Это свидетельствует о биполярности процесса социально-психологической адаптации у представителей разных типов.

На третьем этапе нашего исследования важным стало изучение того, насколько «успешны» или «эффективны» выявленные типы социально-психологической адаптации с точки зрения самой личности. Иными словами, какова связь успешности / неуспешности социально-психологической адаптации и индивидуально-психологическими особенностями личности мигранта.

Так, согласно данным, полученным в нашем исследовании, «самопринятие» наиболее выражено у представителей адаптивного типа, затем, по убывающей, распределились конформный, интерактивный, ностальгический,

депрессивный и отчужденный типы. При этом следует отметить, что представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, способной построить собственную жизнь в соответствии со своими целями, является отличительной чертой адаптивного типа. Подтверждение тому — существенные различия по данному параметру между адаптивным и остальными типами, которые, в свою очередь, имеют значимые отличия ($r_s = 0,734$ при $p \leq 0,01$) между собой.

При выяснении представления респондентов о возможности контролировать свою жизнь, самостоятельно принимать решения и воплощать их в жизнь (интернальность) было обнаружено, что подобное убеждение в большей степени присуще представителям адаптивного типа, а в наименьшей — субъектам депрессивного типа.

В ходе математико-статистической обработки данных выявлены значимые различия (χ^2 эмп = 0,734 при $p < 0,01$). Вероятно, наиболее низкие показатели по шкале «интернальность» у инокультурных мигрантов — пред-

ставителей депрессивного типа обусловлены как собственной инертностью, так и противоречивым отношением к тем правилам, нормам, ценностям, которые диктует новая социальная среда. Иначе говоря, в их сознании в постоянном противоборстве находятся две тенденции. Во-первых, они убеждены в эффективности неинституциональных средств достижения цели, а во-вторых, испытывают опасение, связанное с применением санкций со стороны коренного местного населения по отношению к себе, поскольку из-за собственной инертности не могут полностью предусмотреть ход и последствия тех или иных действий. В этой ситуации управляемость жизни либо отрицается вообще, либо приписывается другим людям.

Таблица 2.

Корреляционные связи показателей
по методике К. Роджерса, Р.Даймонда и методике Дж.
Берри

Параметры	Стратегии аккультурации			
	СТСЕПА	СТМАР	СТИН-	СТАС-

	Р	Г	ТЕГ	СИМ
Адаптация	- 0,578	- 0,670	0,66 1	0,372
Самопринятие	- 0,696	- 0,665	0,67 6	0,349
Принятие других	- 0,690	- 0,672	0,70 3	0,362
Эмоциональная конформность	- 0,643	- 0,720	0,65 0	0,87
Интернальность	- 0,609	- 0,643	0,63 1	0,324
Стремление к доминированию	- 0,635	- 0,685	0,73 6	0,402

Сопоставляя полученные результаты по шкале «Принятие других», нами также были выявлены значимые различия ($r_s = 0,734$ при $p \leq 0,01$). Готовность и желание к

установлению новых контактов в большей степени выражена у адаптивных переселенцев, в меньшей — у депрессивных.

Анализ данных шкалы «Эмоциональная комфортность» показал наличие значимых ($r_s = 0,663$ при $p \leq 0,01$) межгрупповых различий. Высокие показатели, выявленные у представителей адаптивного, конформного и интерактивного типов, говорят об эмоциональной удовлетворенности, уверенности в собственных силах, позитивных тенденциях во взаимоотношениях с коренным местным населением.

Таким образом, анализ степени выраженности особенностей социально-психологической адаптации и черт личности позволил нам выявить как общие для всех типов закономерности, так и особенности, характерные для отдельных типов адаптации. Однако этого недостаточно для определения эффективности того или иного типа социально-психологической адаптации. Следовательно, следующей задачей нашего исследования стало выявление связи

особенностей социально-психологической адаптации и черт личности.

Проведенный корреляционный анализ данных, показал наличие отрицательных связей между показателями «адаптивности», «самопринятия», «принятие других», «эмоциональной комфортности», «стремления к доминированию» и стратегиями сепарации и маргинализации.

Библиографический список:

1. *Константинов В.В.* Социально психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. М.: «Наука» - 2005. Том 26. № 2. – С. 16-22.
2. *Константинов В.В.* Исследование особенностей экономико – психологической адаптации этнических мигрантов Известия саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – Саратов: СГУ, 2009. – Т. 9. №3. –С. 59 – 63.
3. *Константинов В.В., Красильников И.А.* Социально – психологическая адаптации личности и стратегии раз-

решения внутренних конфликтов Известия Самарского научного центра РАН. – Самара: СНЦ РАН. 2009. Том 11. № 4.– С. 932 – 938.

4. *Константинов В.В.* Социально-психологические аспекты адаптации трудовых мигрантов из постсоветских государств и трудовых мигрантов - граждан России Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, №28, С. 951-955.

5. *Константинов В.В., Вершинина М.В.* Значение исследование этнической идентичности и возможности ее формирования у подростков в рамках общинных организаций // Интеграция образования. 2010. № 3. С. 79-81. 1 п.л.

6. *Константинов В.В., Ковалева Н.А.* Расставание с родиной: социально-психологическая проблема миграции // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 3-15.

7. *Константинов В.В., Вершинина М.В.* Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условия их

проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 71-79.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Коповой А.С. (г. Балашов, Россия)

Практика хаотичного, некритичного медиапотребления характерна для современной среды студенческой молодежи, как некий элемент гиперкоммуникативного жизненного стиля. Количество социальных контактов современного молодого человека стремительно растет, однако их глубина, качество и эмоциональная вовлеченность снижается.

Анализируя социальные функции масс-медиа, следует признать, что современные СМИ выполняют не только и не столько образовательную, столько развлекательную и нравственно-идеологическую функции [3]. За два последних десятилетия медиа-пространство стало наиболее мощным катализатором мировоззренческих транс-

формаций, питательной средой для появления новых мировоззренческих идей, адептами которых становятся, в первую очередь, молодые люди. Но, как показывают современные исследования, такого рода «идейное становление» нередко сопровождается нарастанием побочных явлений: Интернет-зависимости, унификации/стандартизации индивидуального мышления и миропонимания. В значительной мере это связано с характерной для молодых людей (и, отчасти, неизбежной в данной возрастной группе) тенденцией к получению максимально возможного количества сенсорных стимулов, что приводит к некритичному и избыточному восприятию поступающей извне информации [1].

С переходом из подросткового в юношеский возраст значительно возрастают возможности и навыки технического расширения контактов с медиапространством. Но при этом навыки качественной дифференциации информационных сообщений, способности к определению их объективной значимости и достоверности, развиваются

сравнительно более медленно. Остаётся устойчивой тенденция к интроекции значительной части воспринимаемой медиапродукции, особенно той, которая имеет явный или неявный лейбл «special for young». Многие молодые люди, активно осваивающие новейшие гаджеты, ежедневно, без каких-либо пространственных ограничений, «прокачивают» через свои глаза и уши все доступные потоки информации, не особо задумываясь о последствиях их воздействия на эмоциональную и когнитивную сферу. Поэтому для современного старшеклассника и студента типична ситуация, когда важные «смысловые единицы», воспринятые на уроках и лекциях преподавателей в первой половине дня, могут частично или полностью «перекрываться» во второй половине дня «смысловыми единицами» заложенными в беспрерывно поглощаемых смс-сообщениях, музыкальных композициях, видеоклипах, рекламных роликах, интернет-чатах и т.п. Подобные информационные «накладки» могут создавать предпосылки к развитию глубинных внутриличностных конфликтов, которые могут

приобретать хроническую форму в более зрелом возрасте [2].

В целях разработки специального инструментария для исследования данных процессов, нами был создан и апробирован опросник ИСМ «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Малюченко Г.Н., Коповой А.С., Смирнов В.М., Долгов Ю.Н. 2008г.), направленный на выявление психологических проблем, возникающих вследствие нарушенной когнитивной активности и, в частности, избыточного медиапотребления. Анализ данных полученных в ходе опроса 420 активных медиапотребителей в возрасте 18-23 лет, позволяет предположить, что рост ежедневных объёмов потребляемой информации обратно пропорционален уровню её контекстуального восприятия и критического оценивания. Так, например, на вопрос *«Часто ли вы включаете телевизор, для того чтобы каким то образом, отвлечься и расслабиться после интенсивной умственной(!) работы»* большинство респондентов (62%) ответило утвердительно. Вопрос *«Насколько*

Вам удаётся запоминать все те сообщения, которые в общем потоке информации вы выделяете как полезные?» заставил треть респондентов ответить «не более чем на 50%», в то время как ещё 39% из них ответить затруднились. Интересно, что на вопрос *«Как часто какая-либо ненужная информация «забивается» Вам в голову и мешает думать?»*, 25,9 % респондентов ответили «достаточно часто», и 34,3% респондентов выбрало ответ «не редко». Но при этом на вопрос *«Считаете ли вы, что рекламные блоки или музыкальные передачи мешают вам обдумывать, что-либо действительно важное?»* почти треть респондентов (32,2%) ответили отрицательно и более половины из них (52,4%) выбрали ответ «в редких случаях». Ответы значительной части респондентов указывают на достаточную противоречивость их позиции в отношении медиапотребления, что не случайно. Вероятно, одной из наиболее типичных реакций на избыточный приток информации является «включение» режима «экономичного функционирования» психики, в котором указанные противоречия

становятся незаметны. Иными словами активное поглощение «инфо-массы» неизбежно приводит к снижению и общего уровня самокритичности медиапотребителей и качества оценивания поступающих медиасообщений. По сути, так же как при «классическом варианте» эмоционального выгорания, происходит незаметное срабатывание психических защитных механизмов, что находит выражение через: склонность к автоматической интроекции непосредственного содержания большей части медиасообщений; неспособность отделять, при желании или необходимости, смысл сообщений от их формально заданного содержания; неспособность учитывать влияние политического, социально-экономического и собственно медийного контекстов при оценке содержания и причин возникновения медиасообщений [2].

Реалии современной жизни таковы, что многие молодые люди также неизбежно испытывают когнитивный диссонанс, пытаясь последовательно уложить в своей голове всю противоречивость и многомерность окружающе-

го их мира. Как показывают наши исследования, этот диссонанс усугубляется тем, что при столкновении с агрессивным медийным и противоречивым контентом, их сознание переходит в режим хаотичного мировосприятия. Ведь в настоящее время никто специально не обучает молодого человека «противостоять» беспорядочно нарастающим информационным потокам, то есть критически относиться к несущим взаимоисключающие смыслы и ценности текстам, фактам, сообщениям. Современные школьники и молодые люди, получающие профессиональное образование, по их собственным признаниям явно нуждаются в таком обучении. Об этом свидетельствуют и результаты интервьюирования 272 студентов гуманитарных факультетов, проведённого нами в мае 2009 года. Оказалось, что многие из них испытывают вполне осознанную потребность в освоении интеллектуальных технологий, направленных на преодоление возможных последствий возрастающего информационного хаоса. Но эта потребность не может быть реализована пока научное и педаго-

гическое сообщество не инициируют процесс широкого внедрения методических инструментов, позволяющих диагностировать и корректировать индивидуальные способы переработки медиаинформации. Профилактически ориентированные методы, позволяющие снизить рост медиазависимости среди молодых людей, на наш взгляд должны стать важной составляющей программ развития культуры потребления медиаинформации. Заметим, что медиазависимость, являясь прямым следствием отсутствия культуры потребления информации, по сути, означает неспособность человека самостоятельно управлять привходящими информационными потоками и прерывать состояния бесконтрольной пассивной медиа-активности, препятствующие его социальной адаптации, личностной самореализации и пребыванию в состоянии эмоционального равновесия. По мере нарастания медиазависимости человек перестаёт регулировать своё поведение и контролировать информационные потоки. Медиапространство фактически начинает управлять познавательными процессами инди-

вида, стимулируя и направляя в патологическое русло его внимание, процессы запоминания и мышления [2].

В последнее время ведётся немало научных дискуссий о том насколько правомерно говорить о таких явлениях как медиазависимость или интернет-аддикция. Мы разделяем мнение, что к медиа-зависимости/интернет-аддикции не применимы классические критерии оценки, поскольку в подавляющем большинстве случаев слабо проявляется знакомая всем специалистам симптоматика: разрушение волевой саморегуляции личности, психоэмоциональная фиксация на поиске «очередной дозы», явные перепады психофизического тонуса под воздействием химических стимуляторов и наконец, отсутствует синдром отмены в его клиническом понимании. Однако, поскольку медиазависимость, или интернет-аддикция, относятся к нехимическим формам зависимости, то нет необходимости применять к ним вышеназванные критерии. При диагностике патологических форм медиа-активности подростков можно опираться на такие «симптомы» как: сни-

жение волевого контроля в повседневном поведении; замедленность психомоторных реакций; снижение общего психофизического тонуса в состоянии внесетевой активности; отсутствие реалистичной оценки времени проводимого в медиапространстве; сужение и искажение стратегий социальной адаптации; задержка развития умений и навыков непосредственного межличностного общения; нарушения процесса личностной идентификации.

Как показывают данные интервьюирования интернет-зависимых молодых людей, в подавляющем большинстве случаев они с трудом переживают ситуации многочасовой изоляции от информационной среды (четыре часа и более) и откровенно признаются в том, что не понимают, какие позитивные действия они могут предпринять в этих ситуациях [2].

В условиях множественности информационных потоков, динамично меняющегося общества более адаптивные стратегии поведения демонстрируют индивиды, проявляющие полинезависимость в восприятии социальных

процессов, высокую степень абстрактности в интерпретациях происходящего и способность создавать когнитивно сложные, то есть многомерные модели реальности. Такие люди, как правило, обладают высокой социальной мобильностью, они чаще рискуют, меняя сферу профессиональной деятельности, место жительства, оформляя банковские кредиты, но они же и чаще выигрывают в конкурентной среде, поскольку их видение мира предрасполагает к инновациям в экономике, в образовательной деятельности, в массовых коммуникациях и т.д. Как показывают наши исследования, в ходе целенаправленного развития у молодых людей умений и навыков критического восприятия информации они всё более начинают замечать не только отсутствие позитивных смыслов и вторичность в содержании большей части современной медиапродукции, но и наличие манипулятивных посылов, включённых в рекламу разного рода товаров и услуг, которые предлагают своей аудитории многочисленные радиостанции и телеканалы, печатные издания и интернет-сайты [2].

Библиографический список:

1. *Годэн Ж.* Новый гипноз: глоссарий, принципы и метод. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 298 с.
2. *Долгов Ю.Н., Коповой А.С., Малюченко Г.Н., Смирнов В.М.* Развитие культуры медиапотребления: социально-психологический анализ: монография. – Саратов: СГУ, 2009. – 200с.
3. *Константинов В.В., Осин Р.В.* Образ мигрантов в современных российских масс-медиа // Пензенский психологический вестник. 2013. №1 (1). С.111-124.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИХ ШКОЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Копылова Л.Е. (г. Балашов, Россия)

Социальная ситуация развития на протяжении школьного обучения меняется несколько раз и происходят значительные изменения в отношениях между учеником и средой: смена ведущей деятельности, изменение характера

отношений с окружающими, появление новообразований. Трансформация взаимоотношений внутри данной системы детерминируется значительными событиями, происходящими в современном обществе. Сегодня в большинстве комплексов в том или ином виде осуществляется инновационная деятельность: разрабатываются и реализуются программы развития школ, ведется экспериментальная работа, осваиваются новые образовательные программы и технологии. В условиях существенного преобразования деятельности учащегося, сопровождающегося трансформациями в его социальном окружении, на первый план выступает проблема адаптации. Школьная адаптация определяется как сложное явление, как система процессов, характеризующих приспособительные взаимодействия личности и среды в зависимости от уровня психической организации человека.

Современное состояние проблемы адаптации характеризуется тем, что это понятие признается многими

исследователями в качестве одной из основных категорий психологии. Специалистами обозначены общие интеллектуальные механизмы адаптации, достаточно изучены факторы и критерии производственной адаптации (А.Л. Свеницкий, Л.Г. Почебут, В.Д. Шадриков и др.) и адаптации к экстремальным и стрессогенным условиям (Г.Селье, В.А. Ганзен, В.И. Медведев и др.). Но ощущается дефицит современных комплексных социально-психологических исследований школьной адаптации. Не рассмотрены факторы адаптации учащихся к школе в их системно-структурной взаимосвязи. И в зависимости от типа учебного заведения недостаточно исследованы интеллектуальные, эмоциональные и потребностно-мотивационные механизмы школьной адаптации. Не изучено влияние родителей и педагогов на процесс школьной адаптации.

Современные условия обучения представляются как динамические. Для школьников важны как внешние показатели успешности адаптации (успеваемость,

социально-психологический статус, успешность), так и благополучие по внутренним критериям адаптации (комфортные внутренние состояния, переживания и т. п.).

По данным психологов ситуация адаптации вызывает у многих пятиклассников повышенную тревожность, как школьную, так и личностную, а зачастую и появление страхов. Например, усиливается страх не соответствовать ожиданиям окружающих, который в этом возрасте, сильнее чем страх самовыражения. Для ребенка младшего подросткового возраста чрезвычайно важно мнение других людей о нем и его поступках, особенно мнение одноклассников и учителей. Постоянный страх не соответствовать ожиданиям окружающих приводит к тому, что и способный ребенок не проявляет в должной мере свои возможности. Трудности и страхи в отношениях с учителями испытывают от трети до половины всего числа пятиклассников. В свою очередь, родители, принуждая детей работать на «оценку», все больше провоцируют школьные страхи, связанные у детей с неуверенностью в

своих силах, тревогой по поводу негативных оценок или их ожидания. Это представляет особую проблему в период адаптации «пятиклашек» к школьной жизни, когда стремление ребенка хорошо выполнять все предъявляемые школой требования, показать себя с лучшей стороны побуждает его проявлять высокую активность.

Серьезной проблемой для пятиклассника является и смена классного руководителя. Ведь при переходе из младшей в среднюю школу дети особенно нуждаются в установлении адекватных отношений с педагогами. Принятие классных и школьных социальных и этических норм, формирование умения соблюдать их происходит у детей также с помощью классного руководителя. У некоторых детей появляются сложности в организации школьной жизни, нередко ребята просто недостаточно информированы: не знают требований учителей, не очень хорошо ориентируются в здании школы. Компетентность классного руководителя в вопросах жизнедеятельности класса, его эмоциональное отношение к учащимся, к

своим обязанностям, умение налаживать контакт и общаться с детьми - одно из главных условий успешной адаптации детей.

Проблемы привыкания, приспособления неизбежно возникают у детей в первые месяцы обучения как в начальной, так и в средней, и в старшей школы. Каждый такой переходный период обладает своей спецификой, связанной с психологическим своеобразием возраста. Психологически этот возраст связан с постепенным обретением чувства взрослости - главного личностного новообразования младшего подростка. Путь осознания себя сложен, стремление обрести себя как личность порождает потребность в отчуждении от всех, кто до этого привычно оказывал на ребенка влияние - от семьи, от родителей. Внешне это отчуждение выражается в негативизме - стремлении противостоять любым предложениям, суждениям, чувствам взрослых. Негативизм - первичная форма механизма отчуждения, она же является началом поиска подростком собственной

уникальности, познания собственного Я. Этому же способствует и ориентированность подростков на установление доверительно-дружеских отношений со сверстниками. В дружбе происходит моделирование социальных взаимоотношений, усваиваются навыки рефлексии последствий своего или чьего-то поведения, социальные нормы взаимодействия людей, нравственные ценности. Именно в силу психологической ценности отношений со сверстниками происходит постепенная замена ведущей учебной деятельности на ведущую деятельность общения. Таким образом, постепенно меняются приоритеты и в стенах школы.

Умственная активность подростков высока, но способности будут развиваться только в деятельности, вызывающей положительные эмоции; успех (неуспех) существенно влияет на мотивацию учения. Совпадение оценки и самооценки важно для эмоционального благополучия подростка. Иначе возможен внутренний дискомфорт и конфликт.

Все эти психологические особенности постепенно начинают проявляться как раз в возрасте 10-11 лет- при переходе в среднюю школу. Поэтому процесс адаптации в этом возрасте может оказаться непростым, и соучастие педагогов просто необходимо. Нередко учителя склонны рассматривать тревожность как позитивную особенность, обеспечивающую повышение восприимчивости и чувства ответственности ребенка. Однако если легкое волнение перед выполнением задания или ответом у доски способствует мобилизации ребенка, то сильная тревога приводит к ухудшению результатов работы или к отказу от выполнения задания и отрицательно влияет на успеваемость. Поэтому важно проводить профилактическую работу с детьми. Следует выработать четкие, последовательные и устойчивые требования, объяснить ребятам, почему они необходимы.

Особое внимание нужно уделить формированию правильного отношения детей к ошибкам, умения использовать их для лучшего понимания материала.

Ориентированность на ошибку, которая подкрепляется неправильным отношением взрослых к ошибкам как к недопустимому наказуемому явлению,- одна из основных форм школьной тревожности. Помощь педагогов детям должна быть направлена на укрепление их уверенности в себе, выработку собственных критериев успешности, умения вести себя в трудных ситуациях. Необходимо помочь детям выработать индивидуальные модели поведения в значимых ситуациях.

В условиях школы вариативность проблем, с которыми сталкивается психолог, высокая. В один день к психологу могут обратиться разные субъекты учебного процесса с различными проблемами. В образовательном учреждении далеко не все дети могут обратиться за психологической помощью и поддержкой по разным причинам: в силу неумения сформулировать проблему, застенчивости, нехватки времени и т. п. Поэтому, если сам психолог идет навстречу, стимулируя мотивацию для формирования запроса на психологическую помощь, будет

в пользу всем участникам учебно-воспитательного процесса. На сегодняшний день специалисты все чаще называют семью и школу зонами риска. Многие болезни и дефекты развития психики связывают сегодня именно с семейным воспитанием и школьным обучением. У большинства школьников снижена работоспособность, слабое внимание, память и недостаточно сформирована речь. Во многих школах реализуется программа здоровьесберегающих технологий. Реализуется индивидуально-ориентированный подход в развивающем и здоровьесберегающем обучении. Обучение эффективно, если оно интересно и безопасно. Проблем и вопросов, как у детей, так и у взрослых - предостаточно. Поэтому психолог, реализуя индивидуально-личностный подход в психологическом сопровождении, должен помнить, что каждый ребенок должен быть под наблюдением, чтобы никто не остался один на один со своими проблемами, чтобы учеба и жизнь в образовательном учреждении доставляла радость.

Для решения такой важной задачи, необходимо разработать формы запроса психологу - для детей, учителей, родителей, администрации. Анализ запросов поможет психологу увидеть круг проблем всего учебного заведения, наметить план работы. Основными методами, применяемым психологом в психолого-педагогическом сопровождении учебно-воспитательного процесса, являются методики творческого самовыражения, арт-терапия, занятия и тренинги по формированию и развитию креативного и позитивного мышления. Работа педагога-психолога в образовательном учреждении нацелена на изучение личности учащегося, особенностей приспособления к психологическому климату, традициям и нормам коллектива, к системе социальных ролей. Одной из важных задач психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса является деятельность по профилактике негативных явлений, вызванных разными причинами. Психолог организует и формирует непрерывность психопрофилактических мероприятий, с

четким распределением функций и обязанностей каждого участника сопровождения.

Новые условия требуют изменения динамического стереотипа мышления и поведения подростков. И чем быстрее подросток включится в разнообразные ситуации нового окружения, преобразует, переосмыслит для себя действительность, переживет для себя свои личностные конфликты, будет готов к преодолению преград, тем быстрее и безболезненнее пройдет процесс адаптации.

Библиографический список:

1. *Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2000-375с.
2. *Битянова М. Р., Азарова Т. В., Афанасьева Е. И., Васильева Н.И.* Работа психолога в начальной школе. М.: Совершенство, 1998-352с.
3. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2000-368с.
4. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д, 1997-480с.

5. *Константинов В.В., Копылова Л.Е.* Особенности психологического сопровождения учащихся в процессе их школьной адаптации // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2014.№1. С.100-105.
6. *Овчарова Р. В.* Практическая психология в начальной школе. М.: ТЦ «Сфера», 1996-240с.
7. Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И.В.Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991-303с.
8. *Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф.* Психодиагностические методы изучения личности. М.: Изд-во «Флинта», 1998-387с.
9. *Реан А. А., Коломинский Я. Л.* Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999-416с.
10. *Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога в образовании. М.: В ладос, 1996-529с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В ТРЕНИНГОВОЙ РАБОТЕ ПО СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Косенок А.И. (г. Пенза, Россия)

Благодаря быстрой глобализации и интернационализации образовательных процессов, появляется необходимость создания новых технологий, направленных на успешную социально-культурную адаптацию мигрантов в образовательном пространстве высших учебных заведений. Именно поэтому последнее время в психологии обращается внимание на процесс адаптации, поскольку изучение особенностей психологической адаптации позволяет разработать необходимые технологии, которые смогут «обеспечить определенные изменения качеств личности индивида, изучение личности в контексте социальных связей и взаимоотношений, в необходимости определения социально-психологических личностных детерминант субъективного благополучия» [2].

От того, как будет проходить взаимодействие мигранта и нового поликультурного социума зависит дальнейшее развитие его личности в процессе аккультурации. Конечно, «социально-психологическая адаптация мигрантов к новым условиям жизни тесно связана с повышением осмысленности жизни и снижением агрессивности»[3], но эмоциональные переживания, «культурный шок», страх, депрессия, повышенная тревожность могут помешать комфортной социализации мигранта. В некоторых случаях процесс адаптации может носить неожиданный характер, порождая все больше как внешних, так и внутренних конфликтов, фрустрацию и раскол личности.

С целью создания условий для успешной социально-культурной адаптации мигрантов, не владеющих коммуникативной компетенций, нами (Косенок А.И., Константинов В.В.) была разработана программа тренинговых занятий, которая основана на принципах арт-синтез терапии [5].

Арт-синтез терапия – это комбинация разных видов искусств в одной единой системе тренинговой работы. Отдельно арт-терапия является частью арт-синтез терапии, под которой подразумевается методика с использованием художественного творчества. Популярность данного метода объясняется возможностью использования невербальной коммуникации, которая стимулирует творческие проявления личности и осуществляет коррекцию нарушений психосоматических, психоэмоциональных процессов и отклонений в развитии личности.

Основы методологии арт-терапии в психологии разрабатывались такими известными учеными, как М. Мауро, К. Тисдейла, К. Кейз, М. Либманн, К. Дрюкер, П. Луззатто, Д. Калманович, Б. Ллойд, Д. Мерфи, Э. Крамер, Т. Дэлли, Д. Вудз, Д. Энли.

Главной целью арт-терапии является гармонизация развития личности индивида и расширение его возможностей, учитывая его жизненную ситуацию и среду проживания, что является актуальным при адаптации. Данная

методика облегчает вербализацию переживаний личности, представляя искусство в качестве альтернативного языка общения, оказывает терапевтическое и коррекционное воздействие на личность, обеспечивает реконструкцию психотравмирующей ситуации с помощью художественно - творческой деятельности, актуализирует переживания и создает новые, которые помогают настроить эмоции на позитивный настрой и освобождают от негативного состояния индивида, а так же раскрывает творческие и креативные способности, которые помогают при самовыражении личности и моделировании нового эмоционально устойчивого и положительного состояния психики.

А.И. Копытин в свою очередь выделяет такие преимущества арт-терапии [4], как:

1. Участие в арт-терапевтических методиках не зависит от возраста, опыта или таланта личности. Отсутствуют какие-либо противопоказания к участию тех или иных людей в арттерапевтическом процессе.

2. Невербальный аспект арт-терапии делает эту методику особенно ценной для тех, кто недостаточно хорошо владеет речью, затрудняется в словесном описании своих переживаний, либо, напротив, чрезмерно связан с речевым общением.
3. Занятия творчеством являются мощным средством сближения людей. Это особенно ценно, когда индивиды оказываются в ситуациях взаимного отчуждения, при затруднениях в налаживании контактов, в разговоре о слишком сложном и деликатном предмете.
4. Изобразительная деятельность представляет уникальную возможность для исследования бессознательных процессов, выражения и актуализации латентных идей.
5. Арт-терапия имеет «инсайт-ориентированный» характер, предполагает атмосферу доверия, высокой терпимости и внимания к внутреннему миру человека.
6. Продукты изобразительного творчества являются объективным свидетельством настроений и мыслей чело-

века, что позволяет использовать их для ретроспективной, динамической оценки состояния.

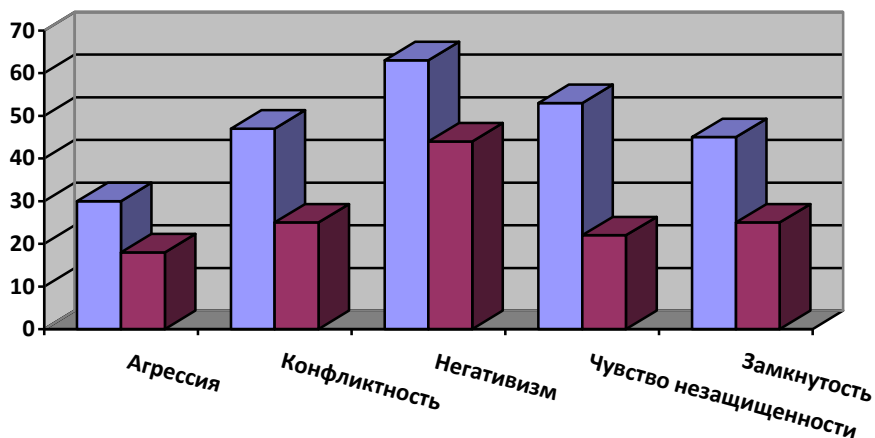
7. Арт-терапевтическая работа в большинстве случаев вызывает у людей положительные эмоции, помогает преодолеть апатию и безынициативность, сформировать более активную жизненную позицию.

8. Арт-терапия отвечает фундаментальной потребности в самоактуализации: раскрытие широкого спектра возможностей человека и утверждение им своего индивидуального и неповторимого способа бытия в мире.

Таким образом, арт-терапия является наиболее подходящим методом работы с людьми, которые не владеют языковой компетенцией принимающей стороны, что, в свою очередь, затрудняет вербальный контакт с новым обществом.

Нами были использованы такие рисуночные методики, как «Дом, дерево, человек», «Нарисуй несуществующее животное», «Автопортрет» и др. На основе контент-анализа были выявлены такие характеристики испытуе-

мых, как агрессия (30%), конфликтность (47%), негативизм (63%), чувство незащищенности (53%) и замкнутость (45%), которые являлись реакцией личности на процесс адаптации и расставание с родиной. Сравнивая данные, полученные в начале тренинговой работы и в конце, обнаружилось значительное снижение количественных показателей выше указанных характеристик, общий позитивный настрой группы и расширение социальных контактов. Результаты анализа арт-терапевтических методик представлены на рис. 1.

Библиографический список:

1. *Киселева М.В.* Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб. – Речь, 2007 – с. 336.
2. *Константинов В.В., Дьяков В.В.,* Социально-психологическая адаптация личности в контексте связи социальной фрустрированности и персональной идентификации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11 (19). - с. 45.
3. *Константинов В.В.* Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. - с. 16-21.
4. *Копытин А.И.* Арт-терапия — новые горизонты. М.: Когито-Центр, 2006. – с. 336.
5. *Косенок А.И.* Технологии оптимизации социально-психологической адаптации мигрантов в условиях Российского вуза. Глобальный научный потенциал № 12(33): Спб.: 2013. – с. 16.

6. *Лебедева Л.Д.* Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. - СПб.: Речь, 2003. – с. 256.

«МИФ О ПЕЩЕРЕ» И ЭЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

Левит Л.З. (г. Минск, Беларусь)

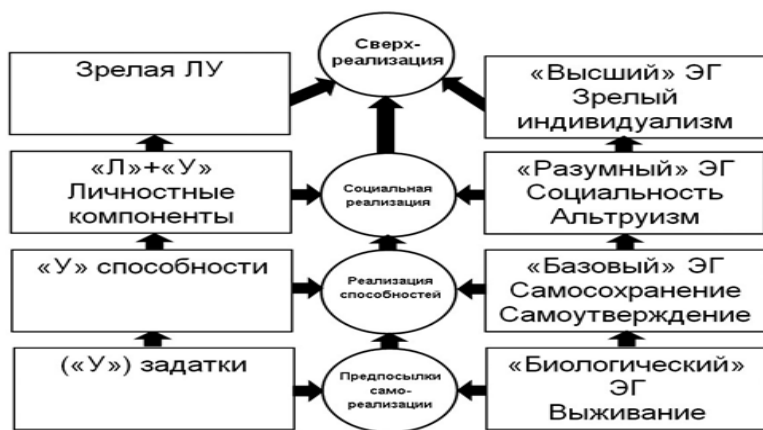
Испокон веков элитарное и массовое сознание противопоставлялись друг другу. В то же время авторы отечественных работ по элитологии отмечают трудности разграничения «истинной элиты» и «квазиэлиты» [1; 2]. Появление подобной проблемы в государственном масштабе может быть связано, в первую очередь, с необходимостью рекрутировать во власть представителей истинной элиты.

Автор собирается внести полезный вклад в решение данного вопроса, используя собственную теоретическую модель – Личностно-ориентированную концепцию счастья [3; 14]. Наш оптимизм относительно возможностей ЛОКС связан не только с особенностями ее двуси-

стемного построения, но и многоуровневой иерархической организацией [7; 12; 13; 19].

В 2006-2012 гг. нами была разработана «Личностно-ориентированная концепция счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида, достижение им осмысленной, полноценной жизни описываются через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности».

Одновременно с этим каждый уровень представляет собой определенный этап человеческого развития – от внутриутробного состояния до зрелой самореализации (рис. 1).

«Личностная Уникальность» (ЛУ)

«Эго-

изм» (ЭГ)

Рис. 1 ЛОКС

Наша концепция может быть отнесена (большей частью) к эвдемонической группе теорий в современной позитивной психологии, изучающих индивидуальный потенциал и его реализацию в связи с достижением счастья [8; 10; 12]. Предыдущие работы продемонстрировали теоретические возможности ЛОКС в сравнительном анализе с известными философскими теориями [8; 9], моделями личности [4; 7; 11; 21; 22] и концепциями эвдемонии, которые расположились на одном или нескольких ее уров-

нях [5; 12; 13; 23; 24; 25]. Еще раньше, как явствует из рисунка 1, мы впервые в мировой психологии выстроили соответствующую иерархию для «глобального», а потому весьма неопределенного на тот момент термина «эгоизм», придав ему многоуровневый характер в рамках двусистемной концепции [15; 22].

Решение теоретической задачи. В одной из своих работ П.Л. Карабущенко выделяет элитарное сознание в качестве основного надежного критерия избранности [1, с. 3]. При этом главным принципом элиты выступает реализация личностью своего творческого потенциала [1, с. 18]. Отметим, что ЛОКС (особенно ее четвертый уровень) как раз изучает реализацию индивидом своего уникального потенциала. Высший уровень развития обеих взаимодействующих систем позволяет одаренному индивиду осуществить «заявку на собственное превосходство» [1, с. 72], воплотить в самостоятельно выбранной активности собственные достоинства [1, с. 95], осуществлять непрерывное самосовершенствование. Данный уровень, в частно-

сти, может быть успешно диагностирован разработанными нами методиками [7; 13].

Таким образом, в рамках ЛОКС «истинная элита» характеризуется достижением четвертого уровня развития обеих систем – «Высшего» Эгоизма (индивидуализма) и зрелой Личностной Уникальности. Человек осознает свой неповторимый внутренний потенциал (система «ЛУ») в качестве высшей ценности собственной жизни и стремится к его реализации (с помощью системы «ЭГ»), что, в свою очередь, создает насыщенную, счастливую жизнь [5; 6]. Отметим, что носители элитарного сознания, представленные в теориях Платона, Аристотеля, Ф. Ницше, А. Маслоу, К. Юнга и других ученых, были с успехом описаны с помощью обеих систем нашей концепции [7; 12; 13].

Переходу субъекта к высшей, четвертой фазе своего развития, связанной с уникальной самореализацией, предшествует прохождение нижележащего, социального уровня, необходимость которого определяется, помимо прочего, усвоением культурных богатств (информации),

накопленных в избранном домене знаний. Один из выявленных нами в связи с этим парадоксов заключается в том, что большинство «культурных сокровищ» были созданы на вышележащем, четвертом уровне выдающимися «аристократами духа» (элитой), однако впоследствии были адаптированы под массовое сознание с его усредняющими жизненными нормативами [11]. Теперь же весь социум склонен считать самого себя не только создателем, но и правомочным обладателем достижений, которые изначально ему не принадлежали. На самом деле материалистически ориентированное существование большинства его представителей едва дотягивает до третьего уровня, причем в рамках лишь одной системы ЛОКС – «Эгоизма».

Совершенно очевидно, что элитарная личность в ее классическом понимании предпочла бы получать необходимые знания непосредственно из рук создателей – так же как и всю сопутствующую «жизненную идеологию».

Переход самоактуализирующегося индивида к четвертому уровню развития, связанного с реализацией сугу-

бо уникального жизненного проекта, естественным образом создает увеличивающуюся «психологическую дистанцию» по отношению к остальной массе населения, что также является одним из признаков элитарного сознания [2]. Социум при всем желании не способен оказать такому человеку помощь как минимум по двум причинам: в связи с невозможностью контакта с Личностной Уникальностью индивида (вторая система ЛОКС) и отсутствием гарантий получения социально значимых результатов. Автономная активность, практикуемая самосовершенствующимся субъектом, имеет аутоотелический характер – осуществляется не в целях «пользы для общества», а ради себя самой [18]. Все объективные ценности, создаваемые (достигаемые) в этом процессе, представляют лишь сопутствующие (побочные) результаты.

«Путь совершенства», по которому движется реализующая свой потенциал индивидуальность, отвечает всем необходимым критериям духовности, нравственности и культуры в их *изначальном* смысле. Ведь и нравствен-

ность, и наука, и настоящая культура, как уже отмечалось, создавались не на социальном, а как раз на высшем уровне, описываемом нашей моделью.

Целесообразность совместного рассмотрения понятий, принадлежащих высшему уровню ЛОКС, с элитологическими дефинициями аргументируется, помимо прочего, целями, к достижению которых стремится субъект в процессе самореализации. Напомним, что эвдемонизм как часть современной позитивной психологии связывает реализацию индивидом своего внутреннего потенциала с достижением счастья – высшей и конечной ценности человеческого существования [5]. При этом, как нам недавно удалось продемонстрировать, именно «эвдемоническое» счастье может считаться «первосортным» в сравнении с другими его разновидностями, изучаемыми соответствующими теориями позитивной психологии [7; 12, гл. 3]. Таким образом, «высший», наиболее одаренный и ориентированный на самореализацию слой населения (потенциальная элита, принадлежащая четвертому уровню ЛОКС)

получает «высшую» же разновидность счастья, в принципе недоступную для основной массы людей. Неслучайно А. Шопенгауэр, обсуждая концепцию эвдемонии Аристотеля, отмечал, что подобное приложение своих сил больше подходит «сильным и богатым мира сего» [19, с.39].

Современные концепции эвдемонии также фиксируют ряд критериев, которые могут быть приложены только к экстраординарному человеку, живущему на основе принципов индивидуализма. Тремя основными характеристиками признаются реализация уникального внутреннего потенциала, осмысленная жизнь и полное функционирование субъекта [23]. Активность индивида имеет преимущественно автономный характер, определяется значительным преобладанием внутренней мотивации над внешней и тем самым в наибольшей степени показывает актору, кто он такой на самом деле, его жизненное предназначение [25]. Высокий уровень сложности заданий (близкий к предельному по отношению к умениям субъекта), способствует достижению потоковых состояний,

умножающих «психологический капитал» и ведущих к дальнейшему самосовершенствованию [17; 18]. Самостоятельно поставленные долговременные цели во многом определяют образ жизни человека [24]. Все вышеуказанные характеристики в полной мере могут быть отнесены и к элитарной личности с выдающимися достоинствами.

Можно привести лишь одно существенное возражение против нашей аргументации. Его легче понять, обратившись к «мифу о пещере» Платона, составляющему один из краеугольных камней учения великого философа [9; 16]. Согласно данному мифу, один из живущих в темной пещере людей решает выбраться из нее и в результате попадает в гораздо лучший мир, освещаемый лучами истинного знания. Такой просветленный человек («философ» по выражению Платона; представитель высшего уровня в рамках ЛОКС) является единственно достойным кандидатом на управление оставшимися в пещере людьми. Однако возникает вопрос: захочет ли элитарный индивид спускаться обратно к «пещерным людям» и их пещер-

ным проблемам, фактически регрессируя в *собственном* развитии, теряя только что открывшиеся перспективы настоящей жизни для самого себя? Сейчас мы даже не говорим об элементарной безопасности, хотя «возвращенец» в своем новом качестве может столкнуться с прямой агрессивностью носителей массового, «пещерного» сознания. Зачем «сильному и умному» становиться управленцем, тем самым связывая свою жизнь со «слабыми и отсталыми», которые даже не стремятся к прогрессу и позитивным изменениям? Ведь наиболее привлекательной альтернативой для просветленного субъекта становится дальнейший уникальный рост «вверх» вместо обратного спуска «вниз».

Надо полагать, в пещере уже имеется своя «квазиэлита», отличительной особенностью которой являются качества, необходимые для сохранения статус-кво и выживания именно в существующих условиях – в первую очередь, хитрость и грубая сила. Если истинно элитарный представитель обладает максимально выраженными выс-

шими уровнями систем «ЭГ» и «ЛУ», то у квазиэлиты система «ЭГ» в лучшем случае доведена до третьего, социального уровня, в то время как представление о системе «ЛУ» полностью отсутствует. Квазиэлита понимает, что неизбежно проиграет представителю истинной элиты в изменившихся условиях (реализации назревшей необходимости выхода всего племени из пещеры к свету), поэтому она будет всеми возможными способами противиться новым веяниям. «Поднявшийся к солнцу» человек наверняка осознает возникающие риски и предпочтет наиболее разумный для себя путь – выбрать по возможности раздельное существование и предоставить пещерное население с его вождями самим себе. Ведь мы хорошо помним, что произошло с большинством идеалистически настроенных представителей русской интеллигенции, решивших вернуться в Советскую Россию в тридцатых годах прошлого столетия...

Таким образом, возникает парадокс: носители элитарного сознания неизбежно проигрывают агрессивной

квазиэлите как по объективным, так и по субъективным основаниям. В сравнении с квазиэлитой они имеют не только меньше шансов, но и собственного желания осуществлять управление, поскольку привязывание себя к осуществлению «усредняющих» функций среди основной массы населения с большой вероятностью означает остановку и регресс в собственном уникальном развитии. Платон открыто пишет в «Государстве», что таких людей следует *принуждать* к руководству – в качестве платы за освобождение из пещеры (предполагается, что человек покинул ее не сам, а с некой посторонней помощью).

Два соображения нарушают благие пожелания Платона. Во-первых, в современных условиях к «рулю управления» (точнее, к материальным ресурсам, приобретаемым с его помощью) стремятся пробиться все кому не лень. Среди «соискателей от сохи» может отсутствовать не только истинная элита, но даже квазиэлита как меньшее из зол. Во-вторых, нежелание управлять, проявляемое представителем истинной элиты (по указанным выше со-

ображениям) не только не «наказывается», но, наоборот, всячески приветствуется квазиэлитой, избавляющейся от превосходящего ее конкурента. Приход квазиэлиты к власти означает застой в развитии государства – в первую очередь, в связи с неискоренимыми особенностями «пещерного» менталитета управленцев, их духовного родства с низами.

В рамках Личностно-ориентированной концепции счастья истинной элитой признаются индивиды, достигшие высшего, четвертого уровня в развитии систем «Эгоизм» и «Личностная Уникальность». Критериями истинной элитарности способны выступать эвдемонические ценности, разрабатываемые соответствующей группой теорий современной позитивной психологии.

В то же время, признание индивидуального потенциала и его реализации высшим идеалом собственной жизни предполагает скептическое отношение элитарного субъекта к возможностям управления на нижележащем социальном уровне, к тому же захваченным квазиэлитой.

Возникает ситуация «пещерной однородности» «низов» и «верхов», ведущая лишь к имитации перемен и застою в развитии государства.

Библиографический список:

1. *Карабущенко П.Л.* Элитология Платона (античные аспекты философии избранности). Москва – Астрахань, 1998. – 170 с.
2. *Карабущенко П.Л., Карабущенко Н.Б.* Психологические теории элит. М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 448 с.
3. *Левит Л.З.* Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история. // «Психология и психотехника». 2012. №8. С. 78 – 86.
4. *Левит Л.З.* Геометрия в психологии: «пирамида Маслоу» и «пирамида Левита». // Современное гуманитарное образование (материалы конференции). Севастополь: «Ариал», 2013. С. 198-202.
5. *Левит Л.З.* Эвдемония: жизнь для героя // Современная зарубежная психология. 2013. №1. С. 69 – 77.

6. *Левит Л.З.* Смысл и эгоизм: совместимы ли понятия? // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Москва, 6 – 8 мая 2013 г.). Материалы сообщений. С. 90 – 93.
7. *Левит Л.З.* Уникальный потенциал, самореализация, счастье. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013. – 482 с.
8. *Левит Л.З.* «Воля к жизни» А. Шопенгауэра и Личностно-ориентированная концепция счастья: недостающие звенья. // Философия и культура. 2013. №11. С. 1574 – 1581.
9. *Левит Л.З.* Личностно-ориентированная концепция счастья: Платон нам друг, но...// Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Восьмая международная заочная научно-практическая конференция. Часть 2. Вольск: «Перо», 2014. С. 44 – 51.
10. *Левит Л.З.* Что же такое счастье: опыт трех исследований. // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 139 – 148.

11. *Левит Л.З.* Личностно-ориентированная концепция счастья и культурно-историческая теория: место встречи. // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблема развития личности в изменчивом мире. / Материалы V Международной конференции. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. С. 41-43.
12. *Левит Л.З.* Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014. Ч. 1. – 420 с.
13. *Левит Л.З.* Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014. Ч. 2. – 272 с.
14. *Левит Л.З., Радчикова Н.П.* Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика. // Национальный Психологический Журнал. 2012. №2 (8). С. 81 – 90.
15. *Левит Л.З., Шевалдышева Е.З.* Эгоизм и альтруизм: «антагонисты» или «братья»? // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 4. С. 62 – 78.

16. *Платон. Государство*. М.: Наука, 2005. – 576 с.
17. *Селигман М. Новая позитивная психология*. Киев: София, 2006. – 368 с.
18. *Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания*. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 464 с.
19. *Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы*. М.: Фолио, 2001. – 448 с.
20. *Levit L. Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. Vol. 1. Iss. 3. November, 2012. Pp. 46 – 57.*
21. *Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness: Between Freud, Jung and Maslow // International Journal of Economy, Management and Social Sciences. 2013. August. № 2 (8). Pp. 576 – 584.*
22. *Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness and Some Personality Theories: Comparative Analysis. // SAGE Open. January-March, 2014. Published 10 January 2014. Pp. 1 – 7.*

23. *Ryan R. M., Huta V., Deci E. L.* Living well: A self-determination theory perspective on eudaimonia // *Journal of Happiness Studies*. 2008. V. 9, Pp. 139-170.
24. *Sheldon K. M., Elliot A. J.* Goal striving, need satisfaction, and longitudinal well-being: The self-concordance model. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. № 3. Pp. 482-497.
25. *Waterman A. S., Schwartz S. J., Conti R.* The implications of two conceptions of happiness [hedonic enjoyment and eudaimonia] for the understanding of intrinsic motivation // *Journal of Happiness Studies*. 2008. V. 9. Pp. 41-79.

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ТУРКМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОДИН ИЗ АС- ПЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ

Логвинов И.Н. (г. Курск, Россия)

Логвинова Т.И. (г. Курск, Россия)

Категория ценностей является одной из основополагающих в современной психологии. Вопросы, связанные с

проблемой ценностей активно изучаются как в зарубежной психологии, так и в отечественной психологии.

В отечественной психологии, созвучной по многим позициям западной гуманистической традиции и, можно сказать, во многом ее опередившей, зачастую ценности рассматриваются в различных аспектах изучения свойств личности. По словам Б.Ф. Ломова, несмотря на различие трактовок понятия «личность», во всех отечественных подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется направленность. Направленность, по-разному раскрываемая в работах Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и др., выступает как системообразующее свойство личности, определяющее весь ее психический склад [11].

Изучение роли общественно-социальных отношений в формировании личности применительно к ее ценностным ориентациям было продолжено в работах Г.М. Андреевой, Л.И. Анцыферовой, А.А. Бодалева, Г.Г. Дилигенского, А.И. Донцова, Б.Д. Парыгина и др. По мнению Л.И.

Анцыферовой, направленность личности на определенные ценности - ценностные ориентации - формирует общество. Именно общество предъявляет определенную систему ценностей, которые человек «чутко улавливает» в процессе постоянного «обследования границ и содержания норм» и формирования их собственных, индивидуально-личностных эквивалентов [1].

Можно выделить следующие основные характеристики ценностных ориентаций:

1. Субъективность ценностных ориентаций. Ценностные ориентации - это субъективная (психологическая) характеристика. Ценностные ориентации представляют собой результат отражения, осмысления, переживания и оценки личностью предметов и явлений окружающей действительности.

2. Структурность ценностных ориентаций личности.

Как отмечает Б.Ф. Ломов, в процессе жизни в обществе у каждого индивида формируется сложнейшая - мно-

гомерная, многоуровневая и динамическая - система субъективно-личностных отношений [9].

Ценностные ориентации обладают определенной структурой. Первичным модальным компонентом этой структуры является когнитивный, представляющий собой знание о значимости той или иной ценности, когнитивное, познавательное определение ее предпочтительности. Он тесно связан со вторым структурным элементом - оценочным, проявляющимся в избирательном оценивании ценностных альтернатив. Но, ни когнитивный, ни оценочный компоненты ценностной ориентации сами по себе, без их реализации в практических действиях еще не приводят к реализации ценностных ориентаций в жизнедеятельности личности или группы. Третий модальный компонент - поведенческий, деятельностный, в процессе которого отношение к определенному объекту как ценности может приносить или не приносить удовлетворение действующему лицу [2].

В.А Ядов выделяет следующие компоненты ценностных ориентаций: а) социальные установки на различные объекты в разных сферах; б) система интересов как направленность личности в разных сферах; в) мотивировки разнообразных актов поведения; г) невербальные ситуативные реакции [12].

3. Иерархичность ценностных ориентаций личности.

Система ценностных ориентаций имеет сложную, иерархическую структуру. Ценностные ориентации связаны друг с другом иерархически, между ними существуют отношения сравнительной значимости, поскольку различные типы ценностей расположены в определенном порядке по отношению друг к другу.

Согласно теории личности А. Маслоу, иерархия жизненных ценностей организуется в соответствии с иерархией потребностей. М.А. Макаревич отмечает, что ценностные отношения не возникают до тех пор, пока субъект ощутил проблематичности удовлетворения актуальной потребности. Чем проблематичнее возможность удовле-

творения той или иной потребности, тем большей ценностью обладает предмет (или способ) ее удовлетворения [10].

4. Избирательность ценностей для личности.

Совокупность объектов или сторон действительности, к которым личность относится, Б.Ф. Ломов обозначает термином «широта (богатство или узость) субъективных отношений». Б.Ф. Ломов пишет: «Заметим, что далеко не все отношения, в которые включена личность объективно, приобретают «субъективную окраску» [9, с.332 - 333].

Как полагает М. Рокич, общее число значимых и мотивирующих ценностей у человека невелико. У взрослого человека обычно бывают десятки или сотни тысяч убеждений, тысячи установок, но только несколько десятков ценностей. В.Н. Куницына отмечает, что одновременно в сознании человека существует не более 12 ценностей, которыми он может руководствоваться [2].

5. Целостность ценностных ориентаций личности.

Важным свойством является внутренняя связанность всей системы ценностных ориентаций личности. Ценностные ориентации являются целостной системой отношений личности.

6. Динамичность (изменчивость) / устойчивость (относительная стабильность) ценностных ориентаций личности.

С одной стороны, являясь достаточно динамичным образованием, ценностные ориентации имеют тенденцию изменяться на протяжении жизни человека. Возрастные, индивидуально-типические изменения, накопление жизненного опыта, изменение социальной среды детерминируют динамику ценностных ориентаций личности. Относительная устойчивость иерархии мотивов личности обуславливает и относительную устойчивость ценностных ориентаций [11].

Вместе с этим можно констатировать положительную динамику исследований проблемы ценностных ориентаций в современной российской психологии. Так А.С. Чер-

нышев, С.В. Сарычев, Ю.Л. Лобков изучают психологические аспекты подготовки будущих лидеров из числа социально одаренных детей [13].

Проблема ценностей в психологии является центральной в работах Н.А. Журавлевой [2]. О.В. Чернышова исследует основные направления проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи, а также духовно-нравственное развитие студентов [14; 15].

Нами также проводится исследование ценностных ориентаций как молодежных лидеров, так и ценностных ориентиров представителей молодежных субкультур [3–8].

Таким образом, ценностные ориентации – важнейший психологический феномен, длительное время находящийся в поле научных изысканий. Ценностные ориентации входят в состав центральной структуры личности – ее направленности, обладают рядом существенных характеристик.

Целью исследования является выявление особенностей ценностных ориентаций туркменской молодежи как одного из аспектов культурной трансмиссии.

Объектом исследования выступили ценностные ориентации современной молодежи. Предметом исследования являются особенности терминальных и инструментальных ценностей туркменской молодежи как одного из аспектов культурной трансмиссии.

В методический блок исследования нами была включена методика М. Рокича «Ценностные ориентации».

Базу исследования составили жители Туркменистана в возрасте от 18 до 27 лет (50 человек) и россияне в возрасте от 18 до 27 лет (50 человек). Общий объем выборки составил 100 человек.

В начале проанализируем эмпирические данные, полученные при изучении ценностных ориентаций представителей туркменской молодежи.

Предварительно заметим, что независимо от гражданства респондентов, изученные нами терминальные и

инструментальные ценности, были условно разделены на три группы: наиболее значимые (1-5 ранг), нейтральные (6-11 ранг) и незначимые (12-16 ранг).

Анализ ценностных ориентаций туркменов начнем с рассмотрения терминальных ценностей. В группу значимых ценностей респондентами были отнесены наличие хороших и верных друзей (ранг 1), равенство (ранг 2), красота и общественное признание (ранг 3,5), здоровье (ранг 5). Следующую группу составили нейтральные ценности. В данную группу были включены активная деятельность жизнь (ранг 6), счастливая семейная жизнь (ранг 7), самостоятельность и материальная обеспеченность (ранг 8,5), любовь (ранг 10). К наименее значимым ценностям респондентами были отнесены уверенность в себе и интересная работа (ранг 11,5), удовольствие и свобода (ранг 13,5), познание (ранг 15), а также творчество (ранг 16).

Таким образом, наиболее значимыми для респондентов являются такие терминальные ценности как наличие

хороших и верных друзей, равенство, красота и общественное признание, здоровье.

Далее проанализируем инструментальные ценности. Отметим, что для исследуемых наиболее значимыми являются следующие инструментальные ценности: эффективность в делах (ранг 1), воспитанность (ранг 2), честность и терпимость (ранг 3,5). В качестве нейтральных ценностей выступают чуткость, жизнерадостность, широта взглядов и твердая воля (ранг 6,5); исполнительность и рационализм (ранг 9,5); самоконтроль (ранг 11). Последнюю группу составляют наименее значимые для респондентов ценности. Это ответственность (ранг 12), смелость (ранг 13), образованность (ранг 14), высокие запросы (ранг 15) и непримиримость к недостаткам (ранг 16).

Таким образом, наиболее значимыми инструментальными ценностями для туркменов являются эффективность в делах, воспитанность, честность и терпимость.

Анализ иерархии ценностей представителей российской молодежи начнем с анализа их терминальных ценно-

стей. По результатам исследования в группу значимых ценностей респондентами были отнесены любовь и счастливая семейная жизнь (ранг 1,5), интересная работа (ранг 3), уверенность и хорошие и верные друзья (ранг 4,5).

Вторая группа (нейтральные ценности) включила в себя такие ценности, как здоровье (ранг 6), свободу, творчество и самостоятельность (ранг 8).

Наименее значимыми для респондентов являются следующие ценности: материальная обеспеченность, активная деятельная жизнь, красота, познание (ранг 11,5), общественное признание (ранг 14), равенство (ранг 15), удовольствие (ранг 16).

Таким образом, наиболее значимыми для респондентов являются такие терминальные ценности как любовь, счастливая семейная жизнь, интересная работа, уверенность и хорошие и верные друзья.

Говоря об инструментальных ценностях, подчеркнем, что наиболее значимыми для россиян стали чуткость (ранг

1), ответственность и честность (ранг 2,5), рационализм (ранг 4), воспитанность (ранг 5).

Группу нейтральных ценностей составили такие ценности как жизнерадостность (ранг 6), самоконтроль (ранг 7), образованность (ранг 8), широта взглядов (ранг 9), эффективность в делах (ранг 10).

Остальные ценности выступают для респондентов как наименее значимые: смелость и рационализм (ранг 11,5), исполнительность и терпимость (ранг 13,5), неприемлемость (ранг 15), высокие запросы (ранг 16).

Следовательно, для россиян наиболее значимыми являются такие качества, как чуткость, честность, ответственность, рационализм, воспитанность.

Сопоставление структур ценностных ориентаций представителей молодежи из Туркменистана и России с использованием непараметрического критерия χ^2 показало наличие статистически достоверных различий (при $p < 0,05$ и $p < 0,01$) в значимости следующих терминальных ценностей: уверенность, интересная работа, любовь, свобода,

красота, счастливая семейная жизнь, творчество, общественное признание, активная деятельная жизнь, равенство.

Если говорить об инструментальных ценностях, то тут статистически достоверные различия (при $p < 0,05$ и $p < 0,01$) были зафиксированы в таких ценностях как чуткость, эффективность в делах, исполнительность, образованность, самоконтроль, терпимость, твердая воля, рационализм, ответственность.

Выводы. Таким образом, структура ценностных ориентаций туркменской молодежи по большинству показателей отличается от соответствующей ценностной иерархии современной российской молодежи:

для терминальных ценностей – это уверенность, интересная работа, любовь, свобода, красота, счастливая семейная жизнь, творчество, общественное признание, активная деятельная жизнь, равенство;

для инструментальных ценностей – это чуткость, эффективность в делах, исполнительность, образованность,

самоконтроль, терпимость, твердая воля, рационализм, ответственность.

Библиографический список:

1. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Новая шк., 1996.
2. *Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
3. *Логвинов И.Н., Логвинова М.И., Логвинова Т.И.* Ценностные ориентации представителей современных молодежных субкультур досуговой и учебно-профессиональной направленности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2666-2670.
4. *Логвинов И.Н.* Гендерные аспекты проблемы потребности в достижении у молодежных лидеров // Пензенский психологический вестник. 2013. № 1 (1). С. 15-30.
5. *Логвинов И.Н., Сарычев С.В.* Гендерные особенности уровня дифференциации ценностей молодежных лидеров // Ученые записки. Электронный научный журнал

Курского государственного университета. 2011. № 3 (19).
URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/020-029.pdf>.

6. *Логвинов И.Н., Сарычев С.В.* Социально-психологические факторы молодежного лидерства: ценностные ориентации (гендерный аспект). LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany. - Saarbrücken. 2013.

7. *Логвинов И.Н., Сарычев С.В.* Ценностные ориентации личности в контексте молодежных субкультур. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany. - Saarbrücken. 2015.

8. *Логвинов И.Н., Сарычев С.В., Логвинова М.И., Логвинова Т.И.* Структура ценностных ориентиров молодежной субкультуры «геймеров» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3 (27). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/031-030.pdf>.

9. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.

10. *Макаревич М.А* Ценность // Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Изд-во ИСПИ РАН, 1995.
11. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2012.
12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А Ядова. – Л.: Наука, 1979.
13. *Чернышев А.С., Сарычев С.В., Лобков Ю.Л.* Психологические аспекты подготовки будущих лидеров из числа социально одаренных детей: учеб. сетевое электр. издание. IMS content package на 1 CD носителе. Курск: Курск. гос. ун-т, 2012.
14. *Чернышова О.В.* Духовно-нравственное развитие студентов //Материалы Международной конференции «Духовно-нравственные потенциалы молодежного коллектива: диагностика и развитие. Курск: КГУ. 2013. С. 76-80.
15. *Чернышова О.В.* Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи //Материалы X Международная

научно-практическая конференция «Социально-нравственное развитие личности в условиях трансформации культуры и образования. Т.1. Курск: ООО «Мечта», 2014. С. 189-192.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Маликова Н.Р. (г. Москва, Россия)

В культурной антропологии и этнопсихологии принято считать, что культурная трансмиссия, это – процесс передачи базовых элементов культуры между поколениями путем обучения (видоизменяются лишь второстепенные ее компоненты). Утверждается, что культурная трансмиссия делает возможным преемственность, непрерывность культуры, благодаря непосредственным контактам носителей культуры, когда новые знания молодого поколения продолжают этнокультурное развитие с того, на чем остановилось предыдущее.

Т. Г. Стефаненко, в первом параграфе главы 7-ой учебника «Этнопсихология», размышляя об этнокультурной вариативности социализации, раскрывает взаимосвязь трех ключевых категорий - социализация, инкультурация, культурная трансмиссия. Она воспользовалась термином инкультурация (вхождение в культуру своего народа), который ввел в культурную антропологию М. Херсковиц. Он полагал, что инкультурация индивида в первые годы жизни – главный механизм стабильности и непрерывности культуры, < > вне этнокультурной социализации, вхождения в «свою» культуру не может существовать личность в обществе. [Herskovits, 1967; Стефаненко, 2004:97-99].

Если социализация предполагает процесс вхождения в общество, обретения опыта для исполнения социальных ролей, то в процессе инкультурации, осваивается специфическое этнокультурное восприятие «картины мира», когнитивного, эмоционального, поведенческого сходства с представителями «своей» культуры и понимания этнокультурных различий. Но, так ли очевидно, что процессы

этнической социализации и инкультурации протекают одновременно и в условиях глобализации?

Полагаю, что безусловное освоение культурной специфики новым поколением характерно для представителей традиционных культур. Посредством традиционной культурной трансмиссии осуществляется инкультурация и социализацию, в 2-х видах, передача этнокультурного фонда осуществляется непосредственно: 1) в вертикальной культурной трансмиссии (ценности, умения, верования, знания передаются в семье, от родителей – к детям), 2) в горизонтальной культурной трансмиссии (традиции культуры осваиваются в общении со сверстниками). Как соотносить это с ключевым вопросом современности: будет ли культурная трансмиссия вовлекать, в большей мере тех, кто живет преимущественно в прошлом, нежели, ориентированных в будущее?

Э. Тоффлер, полагал, что ни одна расовая или этническая группа, ни одна религия или национальность не имеют монополии на это. Каждая культура подходит к «Третьей

волне», к постмодерну глобализации, со своим собственным социальным характером, развившимся на протяжении веков. Что сулит нам встреча между культурами прошлого, сохраненными их живыми носителями в настоящем, с инновациями культурной глобализации? [Тоффлер, 1980, 2010]

Давайте, приступим к рассмотрению социально-психологических аспектов культурной трансмиссии в глобализации, обратившись к определению «культура» социолога Рональда Инглехарта, много лет исследовавшего культурные изменения современного общества. Культура, в его понимании, представляет собой систему воззрений, ценностей и знаний, широко распространенных в обществе и передающихся из поколения в поколение. Если многие черты человека имеют врожденный и неизменный характер, то культура является предметом усвоения и в разных обществах может оказываться различной. Наиболее ключевые, рано усвоенные ее аспекты мало подвержены переменам.

Отчего это происходит? Во-первых, в силу того, что для изменений центральных элементов культуры необходимо массированное воздействие. Во-вторых, потому, что самые сокровенные ценности становятся для человека самоцелью и отречение от них порождает неосознанные страхи и утрату уверенности в себе [Инглехарт, 1999:249-260]

Интенсификация межкультурных контактов, в эпоху глобализации, обуславливая актуальность социологического анализа проблем межкультурных различий, привлекает особое внимание социальных философов, социологов, этнологов, культурологов, политиков и широкой общественности. Достаточно вспомнить какой резонанс вызвали современные социологические концепции П. Бурдьё о роли культуры как активного начала, оформляющего социально-стратификационную дифференциацию и различия социальной идентификации; Ю. Хабермаса, раскрывающего культурный смысл модернизации

современного общества; концепцию “конфликта цивилизационных” (культурных) различий С. Хантингтона.

Заметим, что три ключевых компонента культуры, имманенты, присущи и для культурных изменений в глобализации, это: 1) соотнесение традиции и инноваций; 2) трансформация ценностных культурных ориентаций; 3) культурные идентичности.

В этнической социологии, культура понимается, в широком смысле, как результаты (материальные и духовные) социальной жизнедеятельности, включающей ценности, идеи и способы поведения, объективированные и передающиеся из поколения в поколение, в этносоциальных общностях (группах). Характеристики ценностных, культурных ориентаций, а также социальных норм и идей, выявление их динамики и доминирования в мировоззренческих установках, мнениях и представлениях этнических групп, являются приоритетными в этносоциологическом

изучении культур, в теориях и практике мультикультурализма.

Актуальность дискуссий по поводу обращения европейской и отчасти российской общественно-научной мысли к мультикультурализму, происходящих на фоне дисбаланса в государственном и социальном управлении полиэтническим многообразием общества. В России интерес к мультикультурализму в 90-е годы подкреплялся традицией существования этнотерриториальных образований, а также судьбой СССР, распад которого в массовом сознании связан с этническим сепаратизмом. Центром полемики сегодня является вопрос о том, способствует ли мультикультурализм закреплению этнических и культурных идентичностей, фрагментируя общество, или же он обеспечивает механизм толерантного взаимодействия этнокультурных групп, способствуя интеграции, объединению общества?

Известно, что в основе идеи интеграции национального государства, нации – сограждан, на основе достижения

гомогенной культуры, изначально была заложена ориентация на культурную ассимиляцию (концепция «плавильного котла»). Однако к середине XX века, уже возникла ситуация, когда большинство «не могло» интегрировать, а меньшинства «не хотели» интегрироваться. Рост этнической напряженности, привел к поискам новых форм межэтнической интеграции, к политике «признания этнических различий», к мультикультурализму. Первоначально «мультикультурная» интеграционная модель» складывалась как попытка на практике определить справедливое вхождение этнокультурных меньшинств в сообщество.

В англоязычной социологии, мультикультурализм рассматривается в основном в рамках социального дискурса, в котором ключевыми являются понятия равенства и справедливости. Современное понимание восходит к концепции Дж. Роулза. Основной проблемой при рассмотрении мультикультурализма является анализ возможности обеспечения равных прав для индивида без учета его групповой и культурной идентичности. Культура в этом

концепте мультикультурализма является не только тем, что отличает одну социальную группу от другой, но и рассматривается как основа для формирования идентичности, неотделимой от самой личности. Часть исследователей полагает, что непризнание значимости норм культуры индивида, в рамках доминирующей культуры, определяет границы доступа личности к возможностям и ресурсам общества. А это, есть проявление неравенства и несправедливости. Неравенство проявляется также в нормах доминирующей культуры, создающих сами возможности. В таком выводе сокрыты «свет и тень», «либеральный блеск» и «некоторая нищета» концепции мультикультурализма.

Акцент делается на том, что главной целью мультикультурализма является создание мультикультурной реальности, когда особо выделяется социальная задача: снятие институциональных и других барьеров, препятствующих полному и равному участию всех граждан в жизни общества. В том числе предполагалось исключение символиче-

ского социально-культурного и социально – психологического барьера ценностных ориентаций. Именно это характеризует открытость или закрытость общества в целом и показывает определенным группам, желанно ли их присутствие в нем. На уровне социальных практик символический барьер проявляется, прежде всего, в деятельности государства. Идеологическое снятие символического барьера заключается в формировании представлений общегосударственной идентичности, а также в идее политкорректности.

При конструировании мультикультурной реальности возможна реализация модели США, путь «снизу», при условии существования в обществе групп с высокой степенью институциональной завершенности. Заключается он в последовательном прохождении стадий механизма социального конструирования. Этот путь имеет существенные ограничения – он практически невозможен для групп, обладающих слабыми социально-культурными ресурсами и соответственно слабым влиянием на социальную, полити-

ческую, экономическую, и, особенно, на культурную жизнь общества. Путь «сверху» (модель Канады и Австралии), ставит морально-этический идеал эгалитаризма основанием для государственной политики. В этом случае средством социального конструирования мультикультурной реальности в массовом сознании являются институты культурно - образовательной политики, масс - медиа. Объектом реализации мультикультурной политики будут организации, учреждения, разнообразные культурные сообщества и групп/«комьюнити».

Те исследователи, которые отталкиваясь от либеральной концепции Дж. Роулза, полагают, что мультикультурализм дает каждому индивиду справедливые шансы на доступ к социальным позициям и ресурсам. Они дополняют традиционное концептуальное видение проблемы, утверждением о необходимости признания приоритета групповых прав. Именно эта, далеко неоднозначная позиция, характерна для многих либеральных правозащитных организаций и ее разделяет достаточно значительное число пред-

ставителей западной социально-культурной антропологии и отечественной этнологии. Мультикультурализм – это не только политика для этнических меньшинств, а для всех групп, которые в рамках доминирующей культуры находятся в невыгодном положении (инвалиды, сексуальные меньшинства и т.д.).

Наиболее востребована презентация мультикультурализма, в качестве своего рода адаптационной модели, обеспечивающей одновременное сосуществование и взаимодействие глобального, национальных (социально-политических, гражданских) полиэтнических и локальных культурных сообществ.

Мы стали свидетелями самоорганизации со стороны представителей сексуальных меньшинств, различных субкультур и контркультуры. Возникают новые культурные идентичности, они получают возможности для распространения своих ценностей и культурных образцов, благодаря средствам массовой информации, создавая специальные порталы и сайты своих сообществ, многочисленные Ин-

тернет - комьюнити. Кроме того, глобализация, все менее связывает индивида с местом своего рождения и предоставляет большой выбор в самоопределении идентичности.

Отличительным признаком культурной глобализации можно считать потребность в новизне, причем подобные требования не столько представляют собой какие-то новые аспекты человеческого опыта, сколько изменение в масштабах явления. Культурный синкретизм, проявления которого известны давно, обрел принципиально новые черты. Д. Белл, одним из первых, чутко отметил, что революция в средствах передвижения и связи, означала распад старых замкнутых культур и слияние всех существующих в мире традиций искусства, музыки и литературы в новое, вселенское вместилище, доступное для всех и обязанное своим существованием всем. Уже это расширение горизонта, смешение отдельных искусств, поиски «нового», будь то путешествие с целью открытий или снобистское стремление чем-то отличаться от других, само по себе

представляет создание нового типа модернити. В центре этой проблемы стоит определение значения понятия «культура». Старая концепция культуры базируется на преемственности, современная - на многообразии; старой ценностью была традиция, современный идеал - синкретизм (Белл, 1999)

Культурное многообразие глобализации наиболее глубоко и полно предвидел Э. Тоффлер. Он полагал, что по мере того как компьютеры распространяются в Азии, спутники передают информацию, а дипломированные специалисты Индии или Сингапура создают программы для компьютеров в Манхэттене или Миннеаполисе, произойдет мощный поток финансовых, культурных и прочих влияний не только Запада, но и Востока на Запад; что «матчевая встреча» между культурами прошлого и возникающими культурами глобализации будет определять, как различные меньшинства будут существовать в постоянно изменяющейся культурной мозаике новой цивилизации. При этом, отмечая, что культура имеет значение большее, чем

когда-либо, она не является чем-то окаменевшим, это то, что мы создаем заново каждый день. Показательно, что, размышляя о социально-психологических аспектах культурной трансмиссии и мультикультурализма, Тоффлер ссылается на ставшую вновь актуальной, известную давнюю позицию социального философа, психоаналитика, ставшего дипломатом в чужой стране Франца Фанона, изложенную в книге «В черной коже, белой маске». В ней он заявил: “Никоим образом не должен я черпать свои главные цели из прошлого цветных людей... Я не буду представлять себя человеком какого-либо прошлого. Я не хочу возвышать прошлое за счет моего настоящего и моего будущего” [Тоффлер, 1980; Fanon, 1952]

Культурную глобализацию постиндустриального общества отличает не только качественное возрастание роли знаний, но и произошли изменения в ценностных культурных ориентаций и в том, чего люди хотят от жизни, особенно среди молодежи.

Удивительна метафора уподобления образующейся глобальной культуры «плазме, в которой возникает, существует, взаимодействует и, конечно, гибнет множество виртуальных (и притом совершенно реальных) культурных образований», а к условиям жизни в мире глобальной культуры необходима весьма совершенная подготовка всего населения [Зотов, 2006: 205].

Несомненно, что в глобальных мегаполисах, наиболее очевидны проявления унификации культур, ценностных культурных ориентаций, определенной степени культурной миксации, в потреблении массовой культуры. В то же время и здесь сохраняется автономность традиционной духовной культуры, сохраняемая и охраняемая сферой религиозной жизни, в конфессиональной обрядовости, устойчиво пронизывающей весь жизненный цикл человека, от рождения до самой смерти. В материальной культуре эта устойчивость конфессиональной культуры наглядно проявляется в соседстве прекрасной архитектуры православных церквей, лютеранских кирх, католиче-

ских костелов, буддистских дацанов, с унифицированными офисными строениями, небоскребами из стекла и бетона. А после смерти, многие горожане, разъезжаются «в последний путь», по сходным маршрутам, но чаще всего, в конфессионально изолированные «последние пристанища». И это проявление культурного парадокса прежних эпох, причудливым образом сохраняется в глобальной культуре, где на смену прижизненной культурной унификации, приходит посмертная культурная конфессиональная сегрегация и изоляция.

Вследствие восприятия социально-психологических эффектов участия в культурной трансмиссии, практик реализации политики и идеологии мультикультурализма, в массовом сознании формируется смутный образ транснациональной глобальной культуры, в чем-то гомогенной, а в чем то, вызывающей ассоциации с многоцветной мозаикой. Отчасти происходит и аффективная демифологизация представлений о культурных потребностях этнических, иных меньшинств, иммигрантских сообществ.

Как известно, проблема культурных различий и культурных границ приобрела большую популярность, во многом благодаря концепции норвежского социального антрополога Ф. Барта. Он сделал чрезвычайно важные, для осмысления социально-психологических аспектов культурной глобализации, заключения. Во-первых, что значимыми являются те культурные характеристики, которые используются в качестве маркеров различий этнических групп и установлении границ между ними. Второй вывод касался того, что ключевая роль в «конструировании маркеров - разграничений» принадлежит этнической элите.[Barth, 1969: 9-38]

Что же действительно определяет масштабы культурной трансмиссии и культурной дистанции? По всей видимости, не сами компоненты культуры, а те элементы культуры и поведения, которым придается некое символизирующее и и/или интегрирующее значение. Интегратором может стать репрезентативная культура, которая обозначает идеи, мировоззрения, системы ценностей, либо при-

знаваемые людьми, поддерживаемые практическим поведением, либо принимаемые пассивно, не вызывающие активного сопротивления, неприятия. Если идеи, ценности культурной глобализации поддерживаются социальным действием, то они реализуются в многообразных социальных культурных практик повседневности. Для России такой интегративной «бесшовной» референтной, стала русская культура. Но, глубина проникновения русской культуры в жизнь людей разных национальностей существенно зависела не только от потенциала культуры каждого народа, но и от уровня межэтнического взаимодействия, частоты межкультурных контактов. Именно по этому показателю, масштабности, глубине проникновения, межкультурные контакты имеют четыре типа социально-культурных последствий: культурная ассимиляция, аккультурация, межкультурная кооперация и этнокультурный изоляционизм.

Для современного мира характерно одновременное сосуществование культур, в диалоге и оппозиции, разно век-

торной направленности на модернизацию и традиционализм. Гуманитарное познание социально-культурных феноменов проявления «новых обликов» идентичности и «смутных» ценностных ориентаций в глобализации, предполагает описание наиболее существенных проявлений массового сознания.

Социально-психологические и культурные феномены массового сознания успешно исследует наша питерская коллега, психолог Л. Г. Почебут («культурной диффузии», проявляется в принятии, либо отторжении культурных новаций от другой культуры; «культурного шока», «культурного взрыва», «избирательности» способов удовлетворения специфических социально-культурных потребностей и мн. др.). Они отражают разную степень психологической готовности к восприятию взрывного характера социально-культурных изменений, ценностям культурной глобализации. [Почебут, 2005: 178-195]

Мозаичный набор социальных «типов» и культурных моделей, парадоксальных социально – культурных феноме-

нов, отсутствие единых принципов рационализации, все это создает сложную картину мира формирующейся глобальной культуры.

Когда мы сегодня говорим о социальном конструировании взаимосвязанной социальной реальности, «новых обликов» идентичности и социальных идеалов вновь актуально звучит тезис глашатая наступления информационной эпохи, канадского социолога Герберта Маршалла Маклюэна: «вначале мы формируем информационные технологии, а потом они формируют нас» [Маклюэн, 2007].

Оттого современные информационные технологии и средства массовой информации выступили в качестве первопричины крупных социальных перемен, когда СМИ тиражируют и диктуют культурные образцы социальной коммуникации в многоликой культурной глобализации.

Понятие социальное пространство, введенное П. Сорокиным еще в 1927 году, трансформировалось в представление о «социально-информационном пространстве», ибо межкультурная коммуникация социального пространства,

обусловлена и пронизана электронными сетями потоков информации, став «динамическим социальным полем», «многомерным социально-культурным полем» взаимодействий [Штомпка, 1996].

Междисциплинарное гуманитарное познание социально-культурных практик, этнокультурных феноменов, специфики культурной трансмиссии в динамике глобализации, предполагает международную кооперацию, интеграцию усилий научного сообщества для адекватного раскрытия как оптимистического, так и негативного отражения в массовом сознании мульти культурной реальности в условиях глобализации.

Ситуации межэтнического мира и межконфессионального согласия обуславливают распространение в обществе мнений об этнических различиях как гранях многоцветной и прекрасной в своей целостности культурной мозаики. С ростом этнофобии, возведением символических этнокультурных не различий, жестких фронтальных символических границ, в обществе минимизируется потенциал мо-

дернизации, демократизации, ценность ориентации на достижение в процессе культурной глобализации «единства человечества в культурном многообразии».

Культура, это и деятельность по определению диапазонов поведения, предписываемых людям, относящимся к различным категориям. Согласно знаменитому выражению Фредерика Барта, определение культурой различий, причем достаточно значительных, чтобы было оправданным разделение на категории, есть продукт проведения границ, а не его причина или мотив. Осязаемость хаоса подпитывает стремление к упорядочению и разжигает страсти, бушующие в связи с неведением. Усилия культуры по дифференциации и сегрегации мало что добавляли бы к ощущению безопасности, определенному Людвигом Витгенштейном как «знание того, как действовать дальше». Если бы одновременно не устранялись бы все взявшиеся неведомо откуда вещи, имеющие неопределенный статус и нечеткие названия, иными словами, если бы не устранялась двойственность. [Бауман, 2002: 190].

Нам трудно осознавать, что вокруг нас формируется новая глобальная культура. И дело не только в компьютерах. Речь идет и о визуальных образах, идеальных типах, новых культурных образцах. Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам, культурным потребностям и способам их удовлетворения. Далеко не всем были близки культурные стандарты массовой культуры в предыдущей эпохе модерна, хотя и предполагалась необходимость их усвоения и встраивания в эту массовую культуру. Иначе дело обстоит с культурной глобализацией. Нас окружает, мы повседневно включены в сетевое пространство, в том числе и открытого постоянно изменяющегося познания разнообразия новых культур. С этим трудно справиться любому из нас, чтобы справиться с этим постоянно возрастающим потоком культурной информации. Многие профессии зависят от культуры такими способами, которых не было прежде. Востребованы знания, культурные навыки и умение обращаться с симво-

лами, образами и абстракциями, способность к абстрактному мышлению, мыслить логично.

Если в традиционных культурах, и даже в индустриальном обществе, ценились исполнительность и точность, подчинение авторитетам и единой центральной власти, способность мириться с рутинным однообразием труда, то в глобализации востребованы познавательные, творческие способности, образование и инновации.

Хочется с оптимизмом присоединиться к мнению Э. Тоффлера о том, что культурная глобализация будет вознаграждать людей любознательных, пытливых, стремящихся выяснить, что происходит и оказывать влияние на происходящее, людей, способных сохранять самообладание в условиях беспорядка и неясности. Ей понадобятся люди, которые могут не иметь навыка в какой-то одной пожизненной специальности, но обладают опытом в нескольких различных областях и способностью перемещать идеи из одной сферы в другую. Она будет вознаграждать индивидуальность и предприимчивость, способных быть посред-

никами, способных начать новое дело, исполнителей, но также будет нуждаться в творческих мечтателях, даже в большей степени, чем ранее [Тоффлер, 1999].

Библиографический список:

1. *Бауман З.* Текучая современность Москва – Санкт-Петербург: «ПИТЕР», 2008.
2. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: «Логос», 2003.
3. *Бергер П.* Введение. Культурная динамика глобализации//Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: «Аспект-пресс», 2004.
4. *Зотов А. Ф.* Глобальная культура/Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. Москва – Санкт-Петербург – Нью-Йорк, М.: «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
5. *Инглехарт Р.* Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе// Новая индустриальная волна на Западе: Антология. М.: «Academia», 1999.

6. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
7. *Маликова Н.Р.* Социальное измерение глобализации. М.: РГГУ, 2012. ISBN 978-5-7281-1203-7.
8. *Маликова Н.Р.* Глобализация как фактор адаптации мигрантов // Пензенский психологический вестник. 2014. №1(2). С.113-124.
9. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007.
10. *Почебут Л. Г.* Социальные общности: Психология толпы, социума, этноса. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2005.
11. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: «Аспект – Пресс», 2004
12. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: "Издательство АСТ", 2010.
13. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций?//Полис.1994, №1.

14. *Barth F.* Intrhroduction // Ethnic groups and boundaried: The social organization of culture difference. London, 1969.
15. *Fanon F.* Peau noire, masques blancs. Paris, 1952.
16. *Herskovits M. J.* Les bases de L'anthropologie. Paris, 1967.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКА

Молдабекова С.К. (г. Кокшетау, Казахстан)

Мухутдинова В.А. (г. Кокшетау, Казахстан)

Социализация как общественное явление определяется характером самого общества, его свойствами и потребностями. В условиях постепенного перехода от одной социокультурной реальности к другой, изменяются критерии и нормы жизнедеятельности человека, а также условия для творческой самореализации. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование всего комплекса изменений, которыми характеризуется процесс социализации личности, выявление конкретных факторов,

условий и социальных противоречий, которые определяют становление нового типа личности – участника социальных преобразований.

Всесторонний анализ педагогического наследия казахстанских ученых позволяет констатировать, что их воззрения на природу и процесс вхождения человека в социум содержат в себе предпосылки развития современной теории социализации. В первую очередь, ответственность за результаты воспитания лежит на учителе, который призван развивать личность, формировать нравственные приоритеты учащихся в школе. Следовательно, разработка педагогической модели социализации личности, отражающей на факторном уровне основные закономерности этого процесса, является прерогативой педагогической науки и в настоящее время она необходима и актуально востребована современной научной деятельностью.

В казахстанской науке созданы социально-философские теории вхождения личности в социальное окружение. Вместе с тем проблемы социализации уча-

щихся общеобразовательных школ еще не были предметом отдельного научного рассмотрения и являются недостаточно изученными. Это направление должно получить свое развитие в рамках педагогической науки, так как связано с такими педагогическими категориями как «формирование», «образование», «воспитание», «становление» и др..

Этот анализ привел к необходимости выделить социальные детерминанты, от которых зависит социализация личности: система ценностей, образ жизни, социальный статус, социальные роли и др., которые составляют содержание социального компонента разработанной педагогической модели социализации личности.

Методологические и педагогические основы процесса становления личности были раскрыты в работах казахстанских ученых- педагогов К.К. Закирьянова, Р.Г. Ахматиева, А.С. Ивкова, Ж.А. Макатовой и др.. [1, с.27]

По мнению З.У. Кенесариной, что сущность социализации заключается в том, какое значение в обществе имеет

жизнь человека, в чем его существо и к чему оно нас обязывает [2, с.104]. Этот вопрос имеет большое практическое значение именно в наше время, поскольку его разработка становится важным инструментом системы обучения и воспитания. Поэтому исследование проблем социализации личности необходимо для осмысления самого перехода к обществу свободных индивидуальностей.

Проблема социализации в последние два десятилетия широко исследуется социологией, философией, юриспруденцией, медициной, экономикой. Каждая из этих наук рассматривает вопрос с определенной точки зрения, выделяя свой аспект. Но проблема формирования нового человека с новым сознанием является педагогической проблемой социализации, поскольку от характера социализации, в конечном итоге, зависит качественный тип общества.

Казахстанскими исследователями Ш.А. Карабаевой, К.Ж. Кожаметовой были выделены глобальные тенденции которые, влияют на формирование личности школьника. При этом они охарактеризовали социально-

ориентированное поведение личности, которое приобретает характер стабильных проявлений, основанных на системе нравственных ценностей [3, с.27].

Ю.Н. Матвеев выделяет психологические и социальные механизмы регуляции поведения личности, а также отмечает, что вместе с внутренним- психологическим регулятивом на действие влияет и система внешних регуляторов, к которым относятся социальные ожидания в обществе вариантов поведения личности и социальные нормы и требования, обычаи, традиции.

Теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что социализирующая функция образования обусловлена обучаемостью и воспитуемостью человека, способного приобретать, сохранять и перестраивать социальный опыт. Содержание информации дает человеку представление о событиях окружающего мира и различных аспектах жизни общества - политике, экономике, культуре и искусстве. Усвоение этой информации приобщает личность к общественным институтам, способствует лучшему пониманию

общенациональных и государственных проблем сопричастности к событиям, происходящим в мире и стране.

Велик вклад в развитие отечественной психолого-педагогической мысли выдающегося казахского мыслителя А. Кунанбаева (1845-1904). Во всех своих высказываниях, обращенных к подрастающему поколению, Абай выражал основную мысль: «Процесс овладения знаниями или искусством какого-нибудь ремесла – высшее благо, для овладения чего необходим живой ум, сильная воля и благородные стремления». Кунанбаев высоко ценил труд тех, кто занимался обучением детей:

«Тверже ногу, шагай смелей,-

И тогда не погибнет труд.

Речи тех, кто учит детей,

Как зерно в земле прорастут». [4, с.34]

Исследования социологов, психологов и педагогов последних лет констатируют влияние общества на формирование личности подростка.

Наиболее ярким импульсом в динамике резкого изменения социализации подростковой субкультуре произошло в 90-е годы XX столетия. Изменения были связаны в первую очередь с тем, что социально-экономический стандартный уклад был резко прерван, произошла резкая сменяемость приоритета в общественных отношениях. При этом социализационные векторы развития подростковой субкультуры различаются как в первичной, так и во вторичной социализации. В данном случае первичная социализация несет в себе общие и особенные черты социализации гражданского общества Казахстана на разных этапах развития общества.

Вторичная социализация и ее влияние происходит с момента Независимости Республики Казахстан. Причиной стали общественные реформы, вызвавшие идентификационный синдром у старшего поколения граждан страны, в результате которого большинство обнаруживало свое несоответствие новым требованиям и стандартам времени. Преодоление кризиса социальной идентичности актуали-

зировало социализационные процессы. Старшему поколению, как носителю исторического уклада общественных отношений, требовалось время для разработки внутренней перестройки социализационной траектории: возвращаясь к прошлому и прогнозируя будущее. Подростковая субкультура была предоставлена сама себе и разрабатывала свою версию социализации с учетом изменившихся реалий времени, при этом необходимо отметить, что подростковая субкультура обладает внутренней ярко-выраженной референтностью, являясь значимой для самой себя в общественных отношениях с обществом и его укладом жизни.

Пробные идеологические попытки воссоздания детского и подросткового движения в Казахстане, к сожалению, не приносят успеха из-за раздробленности мнений по данному направлению деятельности, отсутствие общего понимания данной тенденции.

При этом анализ усугубляющегося положения современной субкультуры подростков в открытом социокуль-

турном пространстве показывает не лучшие страницы в его развитии в целом. Так например, настораживает тот неоспоримый факт роста подростковой агрессии, объединение в религиозные секты, разные виды девиации поведения, подросткового суицида и многое другое. Доминирующим фактором, влияющих на динамику социализации современных подростков является не семья и школа, а улица, телевидение, старшие товарищи и т.д.

Анализ последних исследований, проведенных учеными Казахстана, показывает сложный девальвированный процесс в динамике социализации современной подростковой субкультуры. Произошел «перекос» общечеловеческий ценностей у современных подростков. Современные аксиологические приоритеты данной прослойки населения никак не совпадают с традиционными ценностями казахстанского общества старшего поколения. Причина такого явления заключается в том, что семья и ее уклад внутренних межличностных отношений развивается в условиях интенсивного развития современной социально-экономической

ческой ситуации страны по аналогу европейских и американских стандартов, которые никак не могут конкурировать с традициями казахстанского общества. Из-за экономической зависимости в стабильности развития семьи, как ячейки общества, происходят большие трансформации в области воспитания внутри семьи подростков. Преобладающее большинство современных казахстанских семей использует в практике западные стандарты воспитания детей и подростков, что носит отрицательный показатель в формировании социализации современной подростковой субкультуры казахстанского общества.

Одним из важнейших критериев оценки состояния любой страны является наличие и степень гражданского сознания, которое реализует себя через различные общественные институты, организации. Такое направление возникает «снизу», а не по указке государственных структур, действует достаточно независимо от официальных линий и программ. Именно поэтому общественные институты и организации оказываются способными стать ре-

альным механизмом выражения мнений и интересов как отдельных социальных групп, так и общества в целом. Вместе с тем, устойчивость любого детского объединения, организации, союза, ассоциации и т.д. во многом определяется наличием в ней воспитательной системы, которая выстроена на основе национальных культурных традиций.

Таким образом, можно констатировать, что процесс социализации подростка является одной из основополагающих основ формирования личности с гражданской позиции, поскольку можно влиять на мировоззрения и убеждения подрастающего поколения.

Библиографический список:

1. *Тесленко А.Н.* Педагогика: Учебное пособие для магистрантов – Астана: ЕАГИ, 2010. – 465 с.
2. *Кенесарина З.У.* Современные зарубежные концепции содержания образования как фактор социализации//Актуальные проблемы высшего образования и науки в XX веке. – Матер.международ.научн. – практ.конф. посвящ. 30-летию КарГУ . – 2002. – Т. 1. – С. 103 – 106

3. *Кожяхметова К.Ж.*. Развитие основных направлений воспитания в Казахстане и механизмы их реализации//Вестник АПН Казахстана, 2013. - № 3, ПГУ им. С. То-райгырова – С. 25 - 32
4. *Кунанбаев А.* Слова назидания – 2-е изд. – Алма – Ата. Жалын, 1982. – 131 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Михайлова О.Б. (г. Москва, Россия)

Моделирование и управление внедрением инноваций в российских организациях в нестабильной социально-экономической среде является актуальной и сложной задачей. Исследования инновационного потенциала, как правило, ограничиваются уровнем организации, а инновационный потенциал человеческого капитала не рассматривается как самостоятельный элемент внутрикорпоративных институтов. В то же время основной движущей

силой развития любой компании является персонал, его знания и инновационная активность.

В современной практике управления человеческим капиталом в поликультурном обществе сформировалось несколько актуальных направлений, способствующих эффективному развитию социально-психологических основ инновационного поведения. Одно их перспективных направлений - это создание условий для развития инновационной деятельности, которое предполагает рассмотрение группы вопросов, включая выявление социально-психологических, ценностно-мотивационных, нравственно-ответственных и созидательно-деятельностных факторов, детерминирующих потребность в изобретении нового и, следовательно, развитии новых личностных особенностей у человека.

Любой характер деятельности, в том числе, направленной на создание, внедрение и распространение предопределяются ценностями и мотивами. Ценностно-мотивационное отношение к деятельности направлено

как внутренними ресурсами активности, так и наличием внешних предпосылок, основанных на общественно-сложившихся ценностях, побуждающих к проявлению активности в социальной среде.

Согласно системно-диспозиционному подходу инновационный потенциал личности можно рассматривать как оптимальное сочетание личностных форм активности, необходимых для практической реализации инновационной деятельности [4]. Инновационность можно определить как интегративную способность личности понимать, принимать, социально оценивать, распространять, внедрять и использовать новшества.

Система социально-психологического обеспечения развития инновационности персонала в организации состоит из нескольких основных направлений:

- Создание социально-направленной мотивационной среды организации.

- Моделирование корпоративной культуры как ценностного пространства для поддержания инновационного климата и организационного лидерства.

- Устранение психологических барьеров при осуществлении нововведений.

- Формирование и развитие корпоративной идентичности персонала.

- Внедрение непрерывного корпоративного обучения персонала.

Остановимся на организационных основах реализации каждого из вышеперечисленных направлений подробнее.

1) Создание социально-направленной мотивационной среды организации. Мотивационная среда организации рассматривается как совокупность условий, влияющих на усилия, прилагаемые сотрудниками для достижения целей компании и эффективности профессиональной деятельности. Мотивационная среда обеспечивает положительную оценку сотрудниками результатов своей деятельности [5].

Мотивационная среда присутствует в компании если осуществляются следующие условия: 1) конкретно определены ожидаемые от сотрудников результаты; 2) разработана система вознаграждений за высокие результаты и данные вознаграждения должны быть значимы для сотрудника; 3) внедрена объективная оценка деятельности сотрудников, соответствующая результатам труда; 4) разработаны и внедрены критерии оценки труда; 5) высоко оценивается эффективность креативности в профессиональной деятельности; 6) персонал систематически информируется о целях и результатах развития организации; 7) успешные сотрудники становятся лидерами компании, им создают условия для карьерного роста; 8) во взаимоотношениях персонала преобладает конструктивная конкуренция и позитивное отношение к совместной трудовой деятельности [5].

Проблема мотивации инновационной деятельности должна быть рассмотрена как проблема обретения субъектом адекватного личностного смысла профессиональной

деятельности. Возникающее вследствие рассогласованности мотивов, состояние дискомфорта приводит к тому, что труд лишается элемента личностного саморазвития, творческого потенциала и превращается из личностной ценности в средство заработка. В современной практике управления развитием личностного потенциала очень важно, вернуть созидательную, результативную для общества ценность труда. Изучая потребности, интересы и ценности персонала организационная среда может и должна влиять на систему мотивов сотрудников таким образом, чтобы личностная активность каждого выражалась в конструктивном поведении и деятельности.

2) Моделирование корпоративной культуры как ценностного пространства для поддержания инновационного климата и организационного лидерства. Корпоративная культура является важнейшим фактором эффективности любой организации. Это сильный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать персонал на общие цели, поддерживать инициативу сотрудников и обеспечить

их продуктивное взаимодействие. Корпоративная ультра задает некую систему координат, которая объясняет почему организация функционирует таким образом. Она включает в себя не только глобальные нормы и правила, но и текущий регламент деятельности и может иметь свои особенности.

Выбор человеком стратегии поведения в организации определяется рядом устойчивых характеристик личности, являющихся критериальной основой его деятельности. Степень усвоения и специфика ценностных норм зависят от социальной ориентации группы, мнений и суждений окружающих, а также от способности к самостоятельному мышлению и анализу. При создании организации руководители формируют корпоративную систему ценностей и приоритетов, но существует ряд факторов, влияющих на ценности организации.

Ценностные ориентации и мотивы являются важнейшими элементами как корпоративной культуры организации, так и внутренней структуры личности. Ценност-

ные ориентации выступают ориентиром деятельности человека и позволяет ему оценивать себя и применение своей активности по отношению к окружающей действительности. Воспринимая из социума стандарты истины и лжи, допустимого и запретного, справедливого и несправедливого, личность формирует свои потребности и мотивы, демонстрируя особенности поведения и деятельности.

Развитие инновационности личности становится одним из принципов корпоративной культуры развивающейся организации. Стремление к инновационной деятельности поддерживается кадровой политикой организации, поведением лидеров, внешними символами, включающую систему поощрения и статусные критерии. Существуют корпоративная история успеха лидеров, традиции и церемонии поощрения успешности.

Следует отметить, что заставить работников развивать инновационную деятельность невозможно, но можно убедить и вдохновить. Решающую роль в формировании деятельностной активности и инновационности персонала

играют лидеры. Совмещение компетенций лидера и менеджера в организации является основой для инновационного развития организации и ее конкурентных преимуществ в условиях динамично меняющейся среды. Лидеры организаций становятся инициаторами эффективную стратегию организации в жестких конкурентных условиях и способны объединить организационные усилия для достижения поставленных целей. Лидеры способны осуществить инновационные изменения, определяющие успешность деятельности организации. В условиях ограниченности ресурсов лидер организации более эффективно решает сложные проблемы, опираясь на инновационный потенциал персонала. В отличие от менеджера, который является формальным руководителем и в общении с персоналом реализует должностные полномочия, лидер использует особенности личностного влияния на сотрудников.

Таким образом, инновационность в организации развивается под влиянием корпоративной культуры на систему ценностей персонала и с помощью внедрения социаль-

но значимой ценностно-мотивационной основы совместной деятельности, которая формирует созидательную культуру инновационного труда, объединяющую всех сотрудников.

3) Устранение психологических барьеров при осуществлении нововведений. Появление нововведений в обществе и профессиональной деятельности нередко сопровождаются конфликтами на субъективном уровне в форме сопротивления изменениям. Процессы приспособления человека к новым обстоятельствам деятельности провоцируют отказ от привычных условий труда, образа жизни. По мнению Е.П.Ермолаевой, эти конфликты могут носить временный или постоянный характер. Во втором случае сопротивление изменениям может перерасти в свойство личности, стать серьёзным психологическим барьером для адаптации человека в новых условиях. «Инновационная недееспособность может охватить всё общество, сделать его инертным, если конфликты, порождённые переменами на разных уровнях, начинают тормозить

инновационную активность в целом. Неблагоприятный для инноваций климат выражается в низком уровне морального и материального признания творческой деятельности» [1, с. 272].

Для эффективного преодоления психологических барьеров необходимо изменить стереотипы сознания персонала, которые мешают эффективно осуществлять нововведения и поддерживать сотрудничество с работниками в следующих направлениях: 1) разъяснение и обоснование целей предстоящего нововведения; 2) развитие профессиональной компетентности персонала; 3) преодоление страха перед изменением; 4) демонстрация и доказательства преимуществ и выгоды предстоящих инноваций; 5) сплочение лидеров и сторонников преобразования и использование их влияния.

Важно создавать условия, которые бы способствовали более тесному общению сторонников нововведений, взаимопониманию, обмену опытом, чувствами и пережи-

ваниями, а также немедленно включать этих работников в процесс реализации проекта.

4) Формирование и развитие корпоративной идентичности персонала. В настоящее время значимым для управления развитием потенциала человеческого капитала в поликультурном обществе является не только формирование адекватного этнического самосознания, которое дифференцирует, а не объединяет социальные группы по этническому признаку. Особую значимость приобретают психолого-педагогические технологии развития самосознания принадлежности определенному социальному сообществу, основанному на гражданской, организационной (или корпоративной) и профессиональной видах идентичности [3].

Основной движущей силой развития любой организации является активность персонала, выраженная корпоративной идентичностью. Корпоративная идентичность - результат ценностно-рационального отождествления себя как части организации или когнитивно-эмоциональный

процесс осознания себя представителем определенной организации. Профессиональная идентичность рассматривается как ценностно-эмоциональное принятие личности профессиональных ценностных позиций, санкционированных в данном профессиональном пространстве [1].

В наиболее общем виде проблемы подготовки современных профессионалов можно обозначить двумя словами: «идентичность» и «развитие». Корпоративная идентичность может быть рассмотрена как принятие личностью на всех уровнях ценностных позиций, санкционированных корпоративной политикой организации. Идентичность относится к числу понятий, в которых выражено концептуальное представление человека о своём месте в социальной группе и соответственно в обществе. Этому представлению сопутствуют определённые ценности и мотивационные ориентиры, а также субъективное отношение к своей принадлежности к тому или иному сообществу.

Таким образом, корпоративная идентичность

предстаёт как интегративное понятие, в котором выражается сложная взаимосвязь личностных характеристик, обеспечивающих когнитивное, эмоциональное и поведенческое тождество с определенной организационной культурой, позволяющей более полно реализовывать инновационный потенциал личности в трудовой деятельности. Одним из основных источников развития корпоративной идентичности является корпоративная деятельность и корпоративное обучение.

5) Внедрение непрерывного корпоративного обучения. Для организации учебного процесса в самообучающейся организации или корпоративном университете важно провести диагностику уровня развития инновационного потенциала персонала и определить технологии обучения. Сотрудников любого предприятия можно разделить на четыре условные группы со своими задачами и видами деятельности: исполнители, специалисты, менеджеры и топ-менеджеры. Для каждого

уровня развития инновационности важно выбрать правильные формы и методы обучения и профессионального развития [2].

Исполнители относятся к низшему звену персонала с ограниченной ответственностью: им не нужно принимать решения в спорных ситуациях, их работа состоит из стандартных повторяющихся процедур. Актуально использование следующих методов обучения: 1) тренинги личностного роста; 2) методики активного обучения; 3) анализа проблемно-поисковых ситуаций; 4) изучение ситуационных нововведений (кейс-методы); 5) тренинги самоменеджмента и тайм-менеджмента; 6) разработка авторских концепций.

Специалисты - это сотрудники с определённой профессиональной подготовкой и специфической направленностью деятельности. Они отвечают не за конкретные операции, а за технологию и методологию организации рабочих процессов. Следовательно, в практике корпоративного обучения им необходимы методы, которые пере-

числены выше, направленные на развитие инновационности личности.

Менеджеры - линейные руководители, ответственные за организацию процесса и контроль результатов. обладают высоким уровнем профессиональных компетенций, которые важно поддерживать и развивать.

Топ-менеджеры - руководители высшего звена, отвечающие за общую стратегию инновационного развития организации, управляющие всеми процессами компании. Их обучение должно поддерживать и развивать проблемно-поисковый уровень инновационности личности. Для развития инновационности у менеджеров и топ-менеджеров необходимо использовать следующие методы: 1) организационно-деятельностные игры; 2) рефлексивно-инновационный практикум; 3) аналитика и защита авторских идей; 4) тренинг профессиональной эффективности; 5) тренинги по профессиональной технике принятия решений. Следует отметить, что в процессе профессионального обучения необходимым является проведение

системы тренингов, направленной на повышение уровня корпоративной идентичности.

Библиографический список:

1. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
2. *Михайлова О.Б.* Структура инновационного потенциала личности //Вестник НГУ. Серия Психология. -2012. -№1.- С.26-32.
3. *Михайлова О.Б.* Роль гражданской и профессиональной идентичности в становлении инновационного потенциала личности //Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4 (55). С. 22-25.
4. *Михайлова О.Б.* Инновационность личности: гендерные и индивидуально-типологические характеристики: монография /О.Б.Михайлова.- Москва: РУДН, 2014.-168 с.
5. *Самоукина Н.В.* Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах. М.: Вершина, 2007.- 224 с.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Никишов С.Н. . (г. Саранск, Россия)

Осипова И.С. (г. Саранск, Россия)

Пронькина Е.Г.. (г. Саранск, Россия)

В науке сегодня наблюдается повышенный интерес исследователей к невербальному общению, в частности к невербальному, экспрессивному «языку» как показателю индивидуально-личностных характеристик человека, его отношений и взаимоотношений, как средству влияния на другого человека.

Одним из аспектов в исследовании невербальных форм выражения эмоций является изучение его особенностей у представителей различных этносов. Для поддержания мира, развития дружественных отношений между народами и народностями, проживающими совместно на одной территории, изучение этнопсихологических особенностей эмоциональной культуры представляет огромную практическую значимость.

В первой половине XX века многие ведущие культурологи, обнаружили многочисленные свидетель-

ства того, что у представителей разных культур существуют значительные различия в экспрессивном поведении, в том числе и в мимике [1].

Любой наблюдательный человек, взаимодействующий с представителями различных народов, невольно замечает межкультурные вариации в частоте и интенсивности отражения тех или иных эмоций на их лицах. Другими словами, в каждой культуре выработаны передающиеся из поколения в поколение правила, регулирующие экспрессивные выражения лица и предписывающие, какие – универсальные по своей сути – эмоции позволительно показывать в определенных ситуациях, а какие – прятать. П. Экман и У. Фризен назвали их обусловленными культурой правилами невербального выражения эмоций [5]. Действие этих правил весьма разнообразно, они могут предполагать:

- усиление (гиперболизацию) выражения эмоций. Так, французский этнолог М. Мосс обратил внимание на «чрезвычайную распространенность обязательного и мо-

рально предписанного использования слез» в погребальных обрядах традиционных культур. Например, в традиционной культуре мордвы с наступлением смерти близкого человека родные начинали исполнять протяжные вопли отчаяния в высоком регистре наиболее напряжено. Этот момент плача называли – крик о смерти («куломадаранк-стама»). Последующий плач вопленицы исполнялся в низком регистре мягким грудным и приглушенным тембром, прерываясь горестными всхлипами и представлял собой рассказ о смерти. В наиболее драматические моменты обряда напев плача интонируется вновь в высоком регистре. Причеты исполняли с такой эмоциональной силой, отмечают Л. Б. Бояркина и Н. И. Бояркин, чтобы оказать максимальное воздействие на всех присутствующих и заставить их плакать [2];

- уменьшение выражения эмоций. Например, от эстонцев или финнов ожидается сдержанность в эмоциональных проявлениях там, где от представителей других

национальностей можно было бы ожидать проявлений ярости или бурной радости;

- контекстный запрет на выражение определенных эмоций. Например, во многих культурах мужчине на людях не положено демонстрировать страх, проявлять слабость, быть сентиментальным;

- маскировку одной эмоции другой. Строгие правила «сокрытия» эмоций существуют в японской культуре. Практически все наблюдатели отмечают, что у японцев, как правило, спокойное, безмятежное выражение лица, независимо от внутренних эмоций, которые они стремятся скрыть, пряча под маской [5, 6].

Еще одним видом экспрессивного поведения человека являются жесты, или выразительные движения рук, головы и т.п. За последние десятилетия появилось большое количество работ, описывающих и систематизирующих жесты. Приходится констатировать, что многие из них культурно-специфичны и часто становятся препятствием для адекватного общения и взаимопонимания.

Многие из нас, путешествующие и вступающие во взаимодействие с представителями иных культур, оказывались в ситуациях, когда привычные для нас жесты, были неправильно поняты местными жителями, поскольку имели в их культуре совершенно иное значение. Исследователи отмечают, что одинаковые по технике исполнения жесты могут неоднозначно интерпретироваться даже в разных районах одной страны [4].

При подготовке индивидов к взаимодействию в инокультурной среде психологи обычно рекомендуют во избежание недоразумений использовать жесты как можно меньше. Этой же точки зрения придерживаются и специалисты в области лингвострановедения, полагая, что учащиеся должны быть ознакомлены лишь с наиболее характерными жестами культуры изучаемого языка. Но нет никакой необходимости стремиться к активизации всех жестов, в ряде случаев «то, что у носителя языка кажется обычным, у представителя другой страны становится неуместным» [3, с. 162].

Успешная межкультурная коммуникация предполагает постоянную готовность человека к восприятию, пониманию, и принятию чужих этнических стереотипов поведения, нравов, обычаев, интересов, культурных ценностей. Чтобы конструктивно общаться и понимать представителей другого этноса, необходимо не только знать и понимать коммуникативную символику своего народа и другого народа, но и признавать равноценность и равнозначность всех этносов, всех культур.

Важно отметить, что, несмотря на различия в невербальных формах выражения эмоций представителями разных культур, «универсальность экстралингвистической эмоциональной экспрессии не оставляет сомнений» [1], что позволяет находить взаимопонимание в процессе общения и способствует установлению и развитию дружественных отношений.

Библиографический список:

1. *Багдасарова Н.А.* Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и

национальное // Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению. МГИМО МИД РФ, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.mgimo.ru/files/35232/35232.pdf>.

2. *Бояркина Л.Б., Бояркин Н.И.* Музыкальное искусство // Мордва : Историко-культурные очерки. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – С. 433–473.

3. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного– М. : Русский язык, 1990. – 246 с.

4. *Почебут Л. Г.* Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. 2-е изд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 281 с.

5. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

6. *Константинов В.В., Красильников И.А.* Психологическая адаптация: опыт исследования и диагностика. Учебное пособие. Пенза: Пензенский гос. педагогический ун-т им. В. Г. Белинского. Пенза, 2008. С. 159.

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Попович И.С. (г. Херсон, Украина)

Межличностные взаимоотношения – контакты, связи двух или более человек, в результате которых происходит изменение их суждений, оценок, отношений, установок, поведения и деятельности. Глубина, многогранность и неожиданность человеческих взаимоотношений в полной мере зависят от индивидуальности и неповторимости человека. Человеческие взаимоотношения всегда представляли и будут представлять огромный научный интерес тех ученых, объектом изучения которых является человек. Задания, которые стоят перед современной психологической наукой, требуют от нас исследовать взаимоотношения

между людьми в самых разнообразных ситуациях: сотрудничества, конкуренции, конфликта, в учебной группе, производственном коллективе, спортивной команде, семье.

Осуществив ряд научных поисков, связанных с социальными ожиданиями как базовым психологическим механизмом саморегуляции поведения личности, с феноменологическим и типологическим аспектами социальных ожиданий, наш научный интерес привлекли функции социальных ожиданий в межличностных взаимоотношениях [10]. Возникла острая необходимость разобраться, какие есть функции социальных ожиданий, какое имеют значение, занимают место и играют роль в межличностных взаимоотношениях.

Научные источники содержат богатый научный материал о межличностном взаимодействии, человеческих взаимоотношениях [1; 3; 7; 9; 12]. Однако, на наш взгляд, психологическое содержание и функции социальных ожиданий, нуждаются в скрупулезном исследовании в межлич-

чных взаимоотношениях. В научной литературе отслеживаем, что ученые лишь частично раскрывали проблему социальных ожиданий [5; 6; 8; 15]. Существует огромное количество исследований самооценки личности, ее рефлексивности, уровня притязаний, образа «Я» и Я-концепции [4; 13; 14], но нет основательных научных исследований о таком важном феномене как социальные ожидания, с которыми человек постоянно связан, поскольку ему всегда хотелось заглянуть в будущее, предусмотреть, спрогнозировать ход событий.

В последнее время прослеживается закономерное усиление внимания современной социально-психологической теории к исследованию субъектной реальности человека, к развитию личности как субъекта самоактивности. Социально-экономические изменения, которые происходят в обществе, определяют выдвижение новых требований к личности специалиста.

Чтобы познать глубинную сущность социальных ожиданий, необходимо отметить такие исходные положения:

социальные ожидания являются социально-психологическими образование, которое порождает структурно-смысловую целостность «Я» и обеспечивает ее функционирование;

структурно-смысловая целостность «Я» не может существовать вне социальной среды, вне такого социального образования, как «не-Я»;

социальные ожидания предусматривают согласованность трех аспектов: когнитивного, эмоционально-ценностного и регуляционного;

социальные ожидания обеспечиваются когнитивной, эмоционально-ценностной и поведенческой готовностью индивида к предстоящему ходу событий;

социальные ожидания — это совокупность апробированных знаний, информация субъекта о самом себе, а также представления о том, как его воспринимают, оценива-

ют, понимают окружающие субъекты взаимодействия, в частности значимые другие, а он соответственно воспринимает, оценивает и понимает их;

социальные ожидания сопровождаются невероятно большим эмоционально-ценностным напряжением, оценкой и самооценкой, субъектом качеств, действий, поступков, паттернов взаимодействия и формированием на этой основе определенного отношения как к субъекту взаимодействия, так и к самому себе;

социальные ожидания субъекта предусматривают регуляционность своей деятельности и поведения, согласование ожиданий, надежд других субъектов с собственными мнениями, желаниями, действиями, учет их вероятных реакции, и наоборот.

В межличностных взаимоотношениях социальные ожидания выполняют определённые функции: регуляционную, посредническую, координирующую, ориентационную, прогностическую и трансформирующую. Безусловно, под функцией понимаем взаимосогласованную зави-

симость действий, поступков, психических новообразований индивида. Действие человека, которое зависит от другого действия, является формой его проявления и изменяется в соответствии с его изменениями. Следовательно, оценка человеком отдельного акта взаимодействия является функцией, взаимосогласованной зависимостью, предыдущего опыта оценивания, сформированного уровня адекватности восприятия окружающих и соответствующей реакции на происходящее.

Выделить значение каждой из функций социальных ожиданий задание одно из нелегких, поскольку функции находятся во взаимосвязи и представляют собой органическое единство. Поэтому рассматривая их, мы будем акцентировать внимание на проявлениях каждой из них.

Рассмотрим регуляционную функцию социальных ожиданий. Регуляционная функция социальных ожиданий связана с самооценкой, уровнем притязаний, информацией, мыслями, желаниями, действиями каждого участника взаимодействия. То, чего ожидает человек, определяется

не только самооценкой и уровнем его притязаний, но и информацией о людях, с которыми он взаимодействует, мнением которых дорожит, ценит или даже пренебрегает, что также имеет значение, поскольку негативная информация об участнике взаимодействия влияет на содержание когнитивной составляющей. Информация о тех людях, чьим мнением человек пренебрегает, также вносит определенные коррективы в социальные ожидания, подтверждая их правильность или опровергая их. Любая информация о другом участнике взаимодействия влияет на социальные ожидания.

Рассмотрим посредническую функцию социальных ожиданий. Посредническая функция ожиданий – это функция уравнивания и поддержки состояния сбалансированности между самосознанием личности и ее социальным окружением [4]. Посредническая функция имеет весомое значение для формирования «Я», так как благодаря которой осуществляется выделение себя из окружающей действительности, сравнение с разными «не-Я» как обоб-

щение свойственных человеку черт и отсутствующих у него, но присущих другим. Посредническая функция социальных ожиданий реализуется через сравнение, отождествление, сопоставление «Я» и «не-Я» личности.

В тесной взаимосвязи с регуляционной и посреднической функциями социальных ожиданий находится координирующая функция. Социальные ожидания осуществляют координирующее влияние через тесную взаимосвязь с уровнем притязаний личности. Они являются тем фактором, который побуждает человека постоянно учитывать возможные реакции окружающих на его притязания, на отдельные действия, поступки, на поведение в целом. Социальные ожидания зависят от уровня адекватности притязаний человека. Именно адекватный уровень притязаний содействует развитию высокого уровня социальных ожиданий и влияет на координирующую функцию последних.

Межличностные взаимоотношения являются тем благоприятным социальным полем, на котором наилучшим образом отображаются социальные ожидания, которые

соответственно осуществляют влияние на такие составляющие самосознания личности, как самооценка, притязания, рефлексия. Владение информацией о социальных нормах, традициях, обычаях, религиозные, политические устремления значимых других положительно отражаются на содержательных параметрах социальных ожиданий и служат той стабильной когнитивной составляющей, которая является базовой для осуществления регуляционной, посреднической, координирующей и ориентационной функций на любого участника взаимодействия. Безусловно, поведенческая составляющая, а именно проявление регуляционной и координирующей функций, находятся в органическом единстве с совокупностью знаний о другом участнике взаимодействия, начиная с элементарных, поверхностных знаний и заканчивая базовыми, что составляют основу Я-концепции личности. Расширение знаний как о себе, так и о других людях, о владениях новыми сферами деятельности, влияет на смысловые и динамические характеристики когнитивной составляющей в частности и со-

циальных ожиданий в целом. Изменение социальных ожиданий происходит благодаря постоянной апробации полученной информации, выработке новых оценок, суждений, отношений, что в свою очередь побуждает человека к соответствующим действиям, поступкам, поведению, деятельности.

Из ряда функций социальных ожиданий, которые мы рассмотрели выше, будто целесообразно вырисовывается ориентационная функция, которая помогает человеку не потеряться в течении повседневной жизни, в разнообразии межличностных взаимоотношений. В длительных межличностных взаимоотношениях социальные ожидания отображают объективную необходимость согласованных действий: от каждого участника взаимодействия ожидается определенный комплекс мыслей, чувств и поступков, которые соответствуют его месту в системе совместной деятельности, а именно позволяют ориентироваться в этой деятельности. Если его поведение не отвечает этим ожиданиям, то вызывает соответствующую реакцию участни-

ков взаимодействия – социальные санкции. Контроль поведения индивида, который осуществляется через реакцию участников взаимодействия способствует обеспечению реализации ориентационной функции социальных ожиданий. Как отмечает М.Бобнева, иногда сами ожидания рассматривают как разновидность социальных санкций, которые упорядочивают систему человеческих взаимоотношений, взаимодействий в группе, ориентируют человека в социальной среде. Весомое значение в эффективном межличностном взаимодействии, функционировании малой группы имеет интернализация различных санкций. Участники взаимодействия контролируют свое поведение и ожидают одобрения или осуждения со стороны других участников взаимодействия, в первую очередь значимых других. Человеческое поведение приобретает определенную упорядоченность, которая является результатом соблюдения социальных ожиданий, а соответственно и норм, поскольку ожидания «правильного» или «надлежащего» поведения ассоциируются с наличием легитимности, сог-

ласованности, что предусматривают групповые нормы [2, с. 90].

Прогностическая функция социальных ожиданий заключается в предсказании хода событий участника взаимодействия, субъекта поведения. Как правило, человек, изучая социальную ситуацию, анализируя предыдущий опыт, выстраивает вероятные варианты поведения. При условии адекватного восприятия социально-психологической реальности, один из вариантов является максимально приближенным к реальному ходу событий. Роль прогностической функции социальных ожиданий не стоит недооценивать. Она имеет особое значение в творческой, научно-исследовательской деятельности, в деятельности связанной с прогнозированием действий субъекта поведения, начиная с индивида и заканчивая социумом.

Трансформирующая функция социальных ожиданий указывает на то, что отдельные трансакции деятельности субъекта становятся нормами поведения. Соответственно социальные нормы трансформируются в социальные ожи-

дания, исполняя роль социальных требований, санкций. Через взаимосогласованные процессы интериоризации и экстериоризации осуществляется распространение существующих норм на других участников взаимодействия, выработка новых норм, которые из личностных часто трансформируются в групповые и наоборот. Личностные нормы соотносятся с представлениями человека о самом себе. Нарушение норм предопределяет возникновение у него чувства вины, самоосуждения, протеста против своих собственных действий, потерю уважения к себе. Соблюдение личностных норм связано с чувством гордости, высокой самооценкой, самоуважением, уверенностью в правильности своих действий и позиций [2, с. 95].

Функции социальных ожиданий играют огромное значение в межличностном взаимодействии. Имеют место такие функции: регуляционная, посредническая, координирующая, ориентационная, прогностическая и трансформирующая. Изучение функций позволяет раскрыть сущ-

ность социальных ожиданий в межличностных взаимоотношениях, подчеркнуть значимость и определить их роль.

Безусловно, становление и развитие личности происходит в деятельности, общении, межличностном взаимодействии через регуляционную, посредническую, координирующую, ориентационную, прогностическую и трансформирующую функции социальных ожиданий. Социальные ожидания способны выступать базовым компонентом системы регуляции поведения личности. Социальные ожидания содействуют становлению и развитию личности как субъекта самоактивности.

Библиографический список:

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология : учеб. для высш. учеб. завед. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва, Аспект Пресс, 2002. – 364 с.
2. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. – Москва, Наука, 1978. – 311 с.
3. *Бодалев А.А.* Личность и общение : [избр. тр.]. – Москва, Педагогика, 1983. – 272 с.

4. *Боршневський М.Й.* Особистість у вимірах самосвідомості. – Суми, Еллада, 2012. – 608 с.
5. *Гомелаури М.Л.* Вопросы мотивационного значения социальных ожиданий. – Тбилиси, 1968. – 172 с.
6. *Горностай П.П.* Личность и роль. Ролевой подход в социальной психологии личности. – Киев, Интерпресс, 2007. – 312 с.
7. *Костюк Г.С.* Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості / Під ред. Л. М. Проколієнко. – Київ, Радянська школа, 1989. – 608 с.
8. *Лагонда Г.В.* Экспектационная теория брачных отношений. – Брест, БрГУ, 2013. – 225 с.
9. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – 4-е изд. – Москва, МГУ, 1981. – 584 с.
10. *Попович І.С.* Соціально-психологічні очікування в людських взаєминах : монографія. – Херсон, ХМД, 2009. – 240 с.
11. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии / [сост., авторы коммент. и послесл. А. В. Брушлинский, К. А.

Абульханова-Славская]. – Санкт-Петербург, Питер, 2000. – 712 с.

12. *Саржвеладзе Н.И.* Личность и её взаимодействие с социальной средой / Н. И. Саржвеладзе. – Тбилиси, Мацниереба, 1989. – 204 с.

13. *Титаренко Т.М.* Життєвий світ особистості : у межах і за межами буденності : монографія / Т. М. Титаренко. – Київ, Либідь, 2003. – 376 с.

14. *Чеснокова И.И.* Проблема самосознания в психологии. – Москва, Наука, 1997. – 144 с.

15. *Шибутани Т.* Социальная психология / [пер. с англ. В.Б.Ольшанского]. – Ростов-на-Дону, Феникс, 2002. – 544 с.

16. *Блинова Е.Е.* Психологические факторы выбора стратегий адаптации трудовых мигрантов Украины в стране трудоустройства // Пензенский психологический вестник. 2014. №2. С.132-145.

НАКОПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Почебут Л.Г. (г. Санкт-Петербург, Россия)

В последнее время исследования социального капитала становятся все более актуальными в социологии и в социальной психологии. Социальный капитал помогает ученым объяснить психологические корни развития общества, его инновационный потенциал, финансовое благополучие и культурное процветание, формирование благоприятных общественных отношений, причины просоциального поведения людей. Термин «социальный капитал» в социологии трактуется как способность и возможность социальных систем предоставлять своим членам доступ к разнообразным ресурсам и повышать эффективность совместной деятельности. Американский экономист и социолог Дж. Коулман определяет социальный капитал как совокупность доступных индивиду связей, основанных на взаимном доверии и разделяемых нормах, открывающих

доступ к разнообразным ресурсам и благам, включая поддержку, материальные и финансовые средства [1].

По мнению Ф. Фукуямы, социальный капитал состоит из неформальных норм и ценностей, которые делают возможным коллективные действия в общностях людей, например, в малой учебной группе. «Если члены группы ожидают, что их сотоварищи будут вести себя надежно и честно, значит, они доверяют друг другу», отмечает он [2]. Социальный капитал, считает Р. Патнем, – это связи, нормы и доверие, способные передаваться из одной социальной ситуации в другую [3].

Социальный капитал принадлежит всему сообществу и возникает как культурный феномен. Он является порождением культуры взаимоотношений людей, формируя социально-психологические качества личности – порядочность, честность, обязательность, надежность. Результаты зарубежных исследований показывают, что увеличение социального капитала в обществе приводит к таким позитивным результатам, как:

- улучшение состояния здоровья населения страны;
- повышение образовательного уровня населения, особенно молодежи;
- успешная трудовая деятельность населения;
- высокий процент трудовой занятости населения;
- снижение уровня преступности.

Социальный капитал – это социальное богатство личности, которое выражается в совокупности ее позитивных межличностных связей, что предоставляет этой личности доступ к различным ресурсам партнеров и дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами [4]. Социальный капитал личности складывается из следующих компонентов: 1) объем социальных контактов; 2) ресурсы партнеров; 3) диапазон и разнородность контактов личности; 4) качество социальных контактов, выражающееся во взаимном доверии, надежности партнеров, удовлетворенности отношениями.

Доверие является необходимым условием формирования социального капитала. Основными показателями

доверия являются: избирательность и уровень межличностного доверия, распространение доверия в обществе.

Мы с соавторами выделили четыре стратегии формирования социального капитала. Стратегия представляет собой характерный для человека способ взаимоотношений и взаимодействия со своим социальным окружением.

Стратегия «разумный альтруизм» основана на ориентации на приумножение социального капитала, на вложение своих ресурсов в отношения с людьми в сочетании с ориентацией на взаимность. Человек надеется, что окружающие люди в будущем отплатят ему добром. Он стремится к тому, чтобы другие люди были ему благодарны, готовы предложить свою помощь и поддержку в сложной ситуации. Он стремится к расширению своей социальной сети, готов первым предложить свои ресурсы другому человеку.

Стратегия «взаимный обмен» – это ориентация на использования социального капитала для доступа к ресурсам других людей и обмена с ними. Человек ориентирован

на взаимность, стремится использовать только прочные, проверенные временем связи с теми людьми, которым он доверяет. Его цель – создать надежные, долговременные отношения с теми, кто готов обмениваться ресурсами. В отношениях с людьми он требует гарантий, соблюдения принципов взаимности.

Стратегия «межличностный прагматизм» возникает при ориентации на свои ресурсы, главное – это оказаться в выигрыше в результате взаимодействия, нацеленность на личную выгоду. Для такого человека главное – это оказаться в выигрыше в результате взаимодействия. Его цель – создавать полезные связи, стараясь получить от людей как можно больше ресурсов, вкладывая минимум своих.

Стратегия «инвестирование в себя» также предполагает ориентацию на себя, но социальный капитал зарабатывается не вложением ресурсов в окружающих людей, а инвестированием в свою известность, в возможность получить дефицитный ресурс. Таким образом, человек добивается контроля над важным ресурсом, чтобы диктовать

свои правила в отношениях с людьми, которые желают попасть в его окружение (социальную сеть), чтобы пользоваться дефицитным ресурсом. Власть, властные полномочия являются самым значимым ресурсом, который позволяется распоряжаться и другими видами ресурсов, прежде всего, финансами.

Социальный капитал накапливается в процессе просоциального поведения, поскольку люди так или иначе делятся ресурсами друг с другом. Просоциальное поведение, частным случаем которого являются альтруизм, наблюдалось в человеческих сообществах с весьма ранних времен. С точки зрения эволюционного аспекта, выживание людей в значительной мере зависело от процессов оказания и принятия помощи, и те, кто проявлял подобные типы поведения, могли ожидать большего эволюционного успеха. Тем не менее, личностные детерминанты просоциального поведения в отличие от эволюционных, позволяющих понять принципиальную важность существования

определенной доли альтруистов в популяции, остаются практически неизученными.

Д. Майерс определяет просоциальное поведение как «позитивное, конструктивное, социально полезное поведение; прямая противоположность антисоциального поведения» [5].

Цель дипломного исследования М.А. Росляковой состояла в установлении связи стратегий накопления социального капитала личности с просоциальным поведением. Объект исследования: 54 студента дневного отделения, обучающиеся в одной учебной группе. Предполагалось, что стратегии накопления социального капитала сильнее связаны с мерой просоциальности личности, приписываемой ей группой, чем ценности и установки. Также предполагалось, что установки на просоциальное поведение как готовность действовать в интересах всей группы, связаны с социометрическим статусом личности. Основным методом исследования было наблюдение за реакцией на провокацию просоциального поведения в интересах

студенческого сообщества факультета психологии СПбГУ.

Респондентам было отправлено письмо, провоцирующее их к просоциальному поведению – просьба помочь членам студенческого сообщества. После этого каждый из участников отмечал предпочитаемую стратегию формирования социального капитала, заполнял социометрическую методику и групповую оценку личности, опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца, опросник установок личности на альтруизм-эгоизм.

Результаты исследования показали, что социометрический статус связан с оценкой просоциальности. Люди, имеющие высокий статус в группе, уверены в своей популярности. С одной стороны, высокий статус получают те члены группы, кто приносит ей пользу. С другой стороны, члены группы приписывают популярным людям готовность действовать просоциально.

Стратегии накопления социального капитала сильнее связаны с мерой просоциальности личности, приписы-

ваемой ей группой, чем ценности и установки личности. Обнаружена отрицательная корреляция между стратегией межличностного прагматизма и готовностью действовать в интересах конкретного человека по методике групповой оценки личности ($r=-0,32$). Связь между стратегией «инвестирование в себя» и просоциальностью наблюдается только в том случае, если человек прикладывает специальные усилия для развития своего социального капитала. Эта стратегия определяется ориентацией на личную выгоду и интересы, но при этом связана и с ориентацией на накопление социального капитала (в отличие от межличностного прагматизма). Поэтому только при условии, что человек, использующий стратегию «инвестирование в себя» сознательно работает на накопление социального капитала, он будет восприниматься как действующий в общих интересах, помогающий другим людям. Корреляционные связи стратегии разумного альтруизма обнаружены лишь на уровне тенденции с ценностью безопасности.

Стремление развивать контакты связано с более высокими оценками просоциальности личности и ее социометрическим статусом. Такие люди лучше выстраивают отношения, лучше понимают уместность своих и чужих действий, более точно интерпретируют действия коллег.

Готовность действовать в интересах общего блага, по мнению группы, присуща людям, которые стремятся стать важными или незаменимыми для других, располагать ценным ресурсом, но при этом инвестируют свои усилия в развитие контактов, поддержание отношений с другими людьми.

В исследовании не было обнаружено связи установок на альтруизм и эгоизм, ценностей доброты и универсализма как с воспринимаемой просоциальностью человека, так и с просоциальным поступком. Единственным обнаруженным фактором совершения поступка в интересах студенческого сообщества стала мотивация одобрения.

Оказалось, что популярность (социометрический статус по эмоциональному и деловому критериям), вклю-

ченность в группу, уверенность в своей привлекательности как в контексте деловых, так и неформальных отношений выше у тех студентов, которые воспринимаются группой как готовые совершать действия во имя интересов других людей. Возможно и обратная интерпретация: популярные, эмоционально вовлеченные в группу и уверенные в своей привлекательности студенты чаще совершают просоциальные поступки по отношению к членам своей группы [6].

Мы пришли к выводу, что феномен социального капитала позволяет социальным психологам по-новому взглянуть на проблемы межличностных отношений. Социальный капитал складывается как система доверительных отношений, которую создают члены сообщества. Он способствует вложению инвестиций в развитие государственных и общественных институтов, в развитие социальных сетей, связей и норм. Социальный капитал, наравне с финансовым, человеческим, культурным, креативным, является важной составляющей совокупного об-

щественного капитала. Такой всеобъемлющий совокупный общественный капитал способствует росту благосостояния, стимулирования инновационного развития, снижению уровня бедности и социальной несправедливости.

Библиографический список:

1. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
2. *Фукуяма Ф.* Социальный капитал // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002, с. 129 –149.
3. *Патнем Р.* Процветающая Комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 4.
4. *Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л., Марарица Л.В., Казанцева Л.В., Кузнецова И.В.* Социальный капитал личности. М., ИНФРА-М, 2014, с. 162.

5. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., Питер, 2002.
6. *Рослякова М.А.* Стратегии управления социальным капиталом как фактор просоциального поведения личности. Дипломная работа. СПбГУ. СПб., 2014.

МОТИВАЦИОННАЯ УСТАНОВКА ВЫБОРА ОДИНОЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

Панова Т.В. (г. Пенза, Россия)

Савельева Н.А. (г. Пенза, Россия)

Проблема одиночества привлекала внимание таких философов, как: А.Камю, С.Кьеркегор, Ф.Ницше, Х.Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, М.Хайдеггер, А.Шопенгауэр. Кроме того, она нашла разностороннее отражение в литературных произведениях Ф.М. Достоевского, Э.Канетти, Ф.Кафки, Д.Конрада, М.Ю. Лермонтова, Г.Мелвилла, и множества других писателей. В трудах А.Маслоу, К.Роджерса, Х.С. Салливана, З.Фрейда,

Э.Фромма, К.Хорни, Э.Эриксона, К.Г. Юнга были рассмотрены психологические предпосылки возникновения одиночества и предложены психотерапевтические пути его преодоления. В исследованиях К.А. Андерсона и Л.М. Хоровица, Р.Вейса, Т.Б. Джонсона и У.А. Садлера, К.И. Кутрона, М.Мицели и Б.Мораша, Л.Э. Пепло, М.Э. Селигмана, Ф.Фромма, И.Янга показано сложное содержание феномена одиночества, акцентируется внимание на его причинах, связанных как с типичными ситуациями жизни, так и с характером личности. В отечественной науке проблема одиночества рассматривалась в работах В.Г. Асеева, А.А. Бодалёва, Е.В. Бондаревской, Б.С. Гершунского, Е.И. Головахи и Н.В. Паниной, Н.И. Гуткиной, Я.Л. Коломинского, И.С. Кона, Ю.М. Орлова, Н.А. Рождественской, В.Ф. Сафиной, Е.Т. Соколовой, Д.И. Фельдштейна, О.С.Алейниковой, С.Л.Вербицкой, М.А.Давыдовой, И.А.Долгиновой, И.С.Кона, С.Г.Корчагиной, Л.В.Кузнецовой, В.И.Лебедева, Е.В.Неумоевой, Е.Н.Ланова, Е.Е.Роговой,

Н.В.Самоукиной, И.М.Слободчикова, Н.В.Хамитова и др. [1, 2].

Анализ научных трудов и исследований современных авторов показывает, что до сих пор в науке нет единого понимания сущности одиночества, его генезиса и особенностей проявления, и позволяет очертить проблемное поле изучения феномена одиночества: изучение одиночества как социально-психологического феномена (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Старовойтова, Г.М. Тихонов, С.Г. Трубникова, Ж.В. Пузанова); изучение культурно-исторических форм одиночества (Н.Е. Покровский, С.А. Ветров, Ю.М. Швалб, О.В. Данчева); психологические особенности одиночества в подростковом и юношеском возрасте (И.С. Кон, О.Б. Долгинова, Н.В. Перешина); описание явлений, близких одиночеству (изоляция, уединение) (О.Н. Кузнецов, В.И. Лебедев, А.У. Хараш).

Женское одиночество – одна из актуальнейших проблем современного общества. Отношение к данной проблеме в настоящее время не является однозначным. Оди-

ночество формирует такие черты характера у женщины как настороженность, подозрительность, излишний практицизм. У одинокой женщины появляются чувства своей ненужности, заброшенности, отчужденности и, как следствие, разочарования и апатии, страха, снижается удовлетворенность жизнью в целом.

Одинокие женщины часто прибегают к различным стратегиям преодоления состояния одиночества: пассивность или демонстративная маскировочная активность; замкнутость, ригидность поведения; использование суррогатных форм общения (Интернет); демонстрация социально-желательного поведения; однообразие в поведении или оригинальность поведения. Но от количества и разнообразия этих стратегий и форм сущность проблемы не меняется, а ее актуальность лишь возрастает.

Что касается категории установки, то широкое развитие она получила в работах Д.Н. Узнадзе и его учеников И.Т. Бжалава, В.Г. Норакидзе, А.С. Прангишвили. Ряд авторов (В.Г. Асеев, В.П. Ильин, В.И. Ковалев) мотивацион-

ную установку считают тем психологическим образованием, которое относится к потенциальным мотивам, сформировавшимся, но не проявляющимся в данный момент, однако сохраняющим готовность осуществить долговременное намерение при появлении соответствующих условий [3]. Анализ теоретической литературы свидетельствует об отсутствии эмпирических исследований связи мотивационной установки выбора одиночества у молодых женщин и особенностей их самореализации. Однако, в настоящее время в нашем обществе достаточно большое количество одиноких женщин, ведущих полноценный образ жизни, имеющих материальное благополучие, достойную работу, удовлетворенных большинством аспектов своей жизнедеятельности.

На основании проделанного теоретического анализа мы пришли к следующему пониманию одиночества. Одиночество - это переживание, вызывающее комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму

самосознания, и показывающее раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности.

Наиболее общая классификация видов и причин одиночества предложена, с нашей точки зрения, У.А. Садлером и Т.Б. Джонсоном. Они выделяют 4 уровня измерения одиночества: 1)космическое, 2)культурное, 3)социальное, 4)межличностное.

Анализ причин, приводящих к одиночеству, показал, что существует ряд психологических характеристик, которые объективно препятствуют установлению интимно-личностных отношений между людьми, принятию человеком другого как личности.

Также среди причин, приводящих к одиночеству, можно выделить следующие:

- сформировавшаяся в детстве установка базальной тревоги и недоверия по отношению к окружающему миру и, как следствие, формирование защитных стратегий, одна из которых избегание любых отношений;

- одиночество личности в большей степени обусловлено трудностями в решении проблемы самореализации, последствия этого явления начинают особенно ярко проявляться в 30-40- летнем возрасте;

- связь выбора одиночества с кризисом 30ти лет.

Мы предположили, что мотивационная установка выбора одиночества у молодых женщин обусловлена такими социально-психологическими характеристиками как: высокий уровень одиночества, преобладающий мотив страха отвержения, низкий уровень самоактуализации, комплекс неполноценности.

В своем исследовании мы использовали следующие методики:

- модифицированная анкета, направленная на изучение мотивационной установки выбора одиночества.

- методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюссона;

- тест-опросник для измерения мотивации аффиляции А. Мехрабиана (в модификации М.Ш. Магомед-

Эминова); «Комплексное исследование личности для выявления уровня самоактуализации Э. Шострома - Л. Гозмана» (САТ); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева; методика «Комплекс неполноценности».

В данном исследовании приняло участие 60 женщин в возрасте 25-35 лет со средним и высшим образованием, которые не состояли в браке (юридическом и гражданском). Данная выборка испытуемых после анкетирования и психодиагностики уровня субъективного ощущения одиночества была разделена на 2 группы. Первую группу составили женщины, имеющие средний и высокий уровень одиночества и испытывающие проблемы в общении. Количественный состав 1 группы – 30 человек. Во вторую группу вошли женщины с низким уровнем одиночества (т.е. не ощущающие себя одинокими) и не имеющие трудностей в общении. Количественный состав 2 группы – 30 человек. По результатам психодиагностического исследования, мы пришли к следующим выводам:

Группу молодых женщин с мотивационной установкой на одиночество отличает преобладание мотива страха отвержения в структуре мотивации аффилиции (66%), что говорит о том, для них характерны негативные ожидания при установлении межличностного контакта). В то время как в группе женщин с низким уровнем ощущения одиночества для испытуемых характерно преобладание мотива стремления к принятию в структуре мотивации аффилиции (62%), что говорит о том, при установлении межличностного контакта они настроены на позитивный исход.

Для 1 группы характерен низкий показатель осмысленности жизни, для 2 группы – высокий.

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «цели» (что говорит об отсутствии в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу). И, напротив, для 2 группы характерны высокие баллы по этой субшкале (что позволяет говорить о наличии таких целей);

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «процесс» (что является признаком неудовлетворенности своей жизнью в настоящем), у 2 группы отмечаются высокие баллы (что говорит об удовлетворенности своей жизнью в настоящем);

По шкале «результат» для испытуемых из 1 группы характерны низкие баллы (что говорит о неудовлетворенности прожитой частью жизни). И, напротив, для 2 группы характерны более высокие баллы по этой шкале (что говорит об удовлетворенности прожитой частью жизни);

Для 1 группы по шкале «локус контроль-Я» характерны низкие баллы (что говорит о неверии в свои силы контролировать события собственной жизни), у 2 группы отмечаются высокие баллы по этой же шкале (что говорит о том, что они обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле);

Для 1 группы характерны низкие баллы по шкале «локус контроль-жизнь» (что говорит о фатализме, убеж-

денности в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю). У 2 группы отмечаются высокие баллы (что говорит о том, что индивид способен контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь).

Для 1 группы испытуемых характерен низкий уровень самоактуализации (66%), что говорит о том, что данная группа испытуемых неправильно ориентирована во времени, они живут прошлым (их мучает раскаяние в своих поступках, воспоминание о нанесенных ему обидах и т.п.) или/и будущим (ставят перед собой идеальные цели, строит невыполнимые планы, живет неоправданными надеждами и ожиданиями, обычно опасается за свою жизнь и пр.), или только настоящим (поглощены "сегодняшним днем", не связывая свою жизнь ни с прошлым, ни с будущим). Несамеоактуализирующаяся личность направляется «извне», то есть обладает «внешней поддержкой». Неспособны быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, проявляют догматизм. Боятся открыто

проявлять свои чувства. Считают человека в сущности плохим и несинергичным. Стараются скрыть свою агрессивность, отказаться от агрессии и подавить ее в себе. Испытывает трудности в общении.

В группе с низким уровнем самоактуализации 55% испытуемых отрицатели различные ценности и не проявляли гибкости в поведении; 68% испытуемым трудно выражать свои чувства и эмоции в непредвиденных ситуациях, боятся открыто проявлять свои чувства; у 72% испытуемых отсутствует самоуважение и самопринятие; 45% испытуемых считают человека плохим и несинергичным; 69% испытуемых стараются скрыть свою агрессивность, отказаться от агрессии и подавить ее в себе, а так же испытывают трудности в общении.

Доля лиц с высокими показателями комплекса неполноценности в 1 группе больше, чем во 2 группе (женщины с высоким уровнем самореализации и наличием определенных целей в жизни ($\varphi^* = 1,64$; $p < 0,01$). Тем самым подтверждается часть нашей гипотезы о том, что

комплекс неполноценности, заключающийся в неуверенности в себе и низкой самооценки, является одной из социально-психологических характеристик, свойственной женщинам, с низким уровнем самореализации и отсутствием определенных целей в жизни, а также выбирающих мотивационную установку на одиночество.

Практическая значимость нашего исследования, направленного на изучение мотивационной установки выбора одиночества и особенностей самореализации молодых женщин, заключается в помощи осознания причин своего одиночества, затруднений в общении, в оказании психологической помощи по преодолению затруднений в общении и чувства одиночества. Результаты исследования могут использоваться практическими психологами в индивидуальном и групповом консультировании.

Библиографический список:

1. *Панова Т.В.* Психология личности: мотивационная установка выбора одиночества у молодых людей // Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя.

дователя. Психология (статьи): материалы XI Всерос. науч. практ. конф. / отв. ред. С.Д. Некрасов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. – с164-170

2. *Шитова Н.В.* Социально-психологические особенности одиноких женщин (автореф. дис. кан. психол. наук) - Воронеж: Воронежский ЦНТИ, 2009 – 22 с.

3. *Константинова Т.В.* Особенности коммуникативных установок во взаимодействии с больными (автореф. дис. кан. психол. наук) - Пенза: ПГПУ, 2006 – 25 с.

4. *Зябина О.В.* Феномен свободного выбора субъекта и социальное самочувствие студенческой молодежи // Пензенский психологический вестник. 2013. №1(1). С.3-14.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Поспелова Т.Г. (г.Санкт-Петербург, Россия)

Влияние политической ситуации на качество жизни и социальное благополучие населения общеизвестно, но в условиях модернизации современного общества новую

актуальность приобретает влияние массового сознания на политическую ситуацию, которое рассматривается в качестве ресурсной базы социально-экономического развития и консолидации российского общества. Среди факторов, обуславливающих конечный успех преобразований, модернизации и реформирования социальной жизни, аналитики выделяют культурные факторы, в частности, такие психологические феномены как социальная эмпатия. Отношение населения к проводимым реформам, чувство сопричастности к происходящим в обществе преобразованиям повышает качество социальной жизни, определяет уровень удовлетворенности состоянием государственной политики.

Как отмечает О.И. Кармадонов, в настоящее время в аналитических подходах наблюдается смещение фокуса на психологические факторы, способствующие продвижению реформ и социальной модернизации. Ссылаясь на работы Д. Лернера, О.И. Кармадонов подчеркивает важность социальной эмпатии, векторы которой могут

проявляться на микро- и макросоциальном уровне, и без которой перспективы модернизации и любого реформирования становятся весьма проблематичными. [1]

Изучение уровня нормативного и эмпатического санкционирования процессов реформирования современного российского общества становится предметом прикладных социологических исследований, в задачи которых входит выявление совокупности факторов, влияющих на качество жизни, социальное благополучие и поведение населения.

Понятие «благополучие» определяется в социологии и психологии как многофакторный конструкт, представляющий сложную взаимосвязь физических, психологических, экономических, культурных, социальных и духовных факторов, которые обеспечивают индивиду успешное функционирование в социуме и способность жить полноценной жизнью. Каждая из составляющих вносит свой вклад в субъективное ощущение благополучия/неблагополучия и качества жизни. Поддержание лич-

ностью субъективного состояния удовлетворенности качеством жизни и уровнем социального благополучия необходимо для физического и психологического здоровья, жизненного успеха.[2]

Представитель позитивной психологии М.Селигман включает в понятие «благополучие» такие компоненты, как: вовлеченность в осмысленную деятельность, востребованность, позитивные эмоции и взаимоотношения, достижения. Индикатором благополучия является социальное самочувствие -эмоциональная и поведенческая реакция субъекта на воздействие социальной среды, условия жизнедеятельности, удовлетворенность или неудовлетворенность своим социальным положением, возможностью самоутверждения и самореализации. М.Селигман подчеркивает, что для полного благополучия необходим баланс внешних успехов и внутренней гармонии и называет такое состояние процветанием. [3] Рассматривая в этом контексте результаты социологических опросов различных категорий населения Санкт-Петербурга, проведенных в

2014 году в рамках исследования выполненного в рамках Темы НИР 10.0.198.2010 «Человек в поле социальных проблем: основания личностного выбора», можно отметить несколько тенденций.

Во-первых, довольно высокий уровень удовлетворенности своей жизнью в общей совокупности респондентов: соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных респондентов составляет 75% и 25%. При этом крайние позиции «полностью удовлетворен» и «полностью не удовлетворен» составляют 28% и 4% соответственно. Большинство же респондентов занимают промежуточные позиции и, по-видимому, имеют менее устойчивое субъективное отношение к своему социальному благополучию.

Во-вторых, наблюдается дифференциация самооценок, которая отражает различия в социальном положении отдельных социальных групп населения. Наиболее высокий уровень удовлетворенности своей жизнью имеют госслужащие (32%) и служащие частных предприятий (35%),

а также ИТР (31%). Наименее удовлетворены качеством своей жизни работники сферы обслуживания (22%).

В-третьих, прослеживается зависимость между уровнем удовлетворенности своей жизнью, и оценками работы государственных органов. Респонденты, удовлетворенные тем, как складывается их жизнь, дают более высокие оценки деятельности президента страны и правительства. Оценки респондентов, менее удовлетворенных качеством своей жизни, коррелируют с более критичным отношением к работе государственных органов.

Дифференцируется также отношение к своему будущему. В условиях расслоения общества по многим, не только экономическим параметрам, отношение к будущему зависит от принятия своего настоящего, личностного выбора адекватных стратегий поведения, целей и средств деятельности, способов адаптации и готовности к решению возникающих психологических проблем. Большинство респондентов испытывает оптимистичные чувства

относительно будущего: 43% респондентов уверены в его позитивном характере, у 42% респондентов присутствует некоторая тревога. 15% респондентов имеет более пессимистичные прогнозы, ожидают неприятности и испытывают страх перед будущим. Наиболее уязвимыми категориями респондентов оказались работники сферы обслуживания (23%) и ИТР (22%).

Как отмечает А.Лэнгле, блокирование ориентации на будущее означает снижение функциональности, причинами которой могут быть оставшиеся неразрешенными проблемы прошлого, искаженные социальные установки, экзистенциальный вакуум, отсутствие базовых ориентиров. [4]

Состояние социальной эмпатии молодежи характеризуют следующие данные социологического опроса студентов относительно событий на Украине. Большинство респондентов (82%) следит за событиями на Украине и поддерживают политику В.В.Путина (71%). Примерно половина опрошенных считает, что Россия, несмотря на

трудности, выдержит давление Запада и преодолеет кризис. Вместе с тем, примерно 70% респондентов испытывает опасения перед возможными последствиями кризиса, ощущает беспокойство за будущее.

Один из аспектов исследования эмпатического и нормативного санкционирования социальных процессов, проведенного О.А.Кармадоновым, касался взаимоотношений между государством и гражданами. Выяснялось отношение респондентов к возможности влиять на государственную политику. За поддержку возможности влиять на политику высказалось подавляющее большинство респондентов (88%). Вместе с тем, по мнению респондентов, эти возможности пока не являются нормой. [5]

Актуализация исследований проблематики социальной эмпатии, социального самочувствия, социального благополучия в обществе представляется позитивным движением в сторону новых ценностей и стилей взаимоотношений между различными субъектами политической жизни.

Библиографический список:

1. *Кармадонов О.И.* Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований// Новые идеи в социологии. М, 2013.
2. Психология общения. Под ред. А.А.Бодалева. М.,2011.
3. *Селигман М.* В поисках счастья. М.,2010.
4. *Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью// Московский психотерапевтический журнал. 2001. №1.
5. *Кармадонов О.И.* Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований// Новые идеи в социологии. М, 2013.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОНЯТИЙ «МЕМЕТИКА» И «ПСИХИЧЕСКИЕ ВИРУСЫ»

Ручкова Н.А. (г. Пенза, Россия)

В настоящее время появились научные теории, объединяющие в себе, психологию и биологию. Междисциплинарные труды ряда ученых, работающих в перечис-

ленных областях знаний, привели к созданию новой дисциплины, названной меметикой. Она основана на концепции эволюции Чарльза Дарвина. Эта теория о естественном отборе и эволюции видов перевернула биологию. Теперь ученые используют современную концепцию эволюции для объяснения способов функционирования разума, процессов обучения и воспитания человека, развития культуры. [Buss, 1994]

На протяжении всей истории человечества существовали психические вирусы, постоянно эволюционируя и изменяясь. Психические вирусы – такие «инфекционные» частицы культуры, которые мгновенно поражают людей, изменяя их мысли, судьбы. Меметика требует перемен в образе мыслей человека о своей умственной деятельности и культуре. Мем являются базовыми структурными элементами культуры, подобно тому, как ген является базовым структурным элементом жизни. Мемы являются структурными элементами разума, программами умственного «компьютера». [Броуди, 2007]

Реальность Public Relations - неотъемлемая часть нашей жизни, это виртуальные информационные «вирусы» и «трояны»: сообщения, персонажи, установки, которые внедряются в современные масс-медиа, телепередачи, радиопрограммы, печатные СМИ, в кино - и видеорекламу. Многочисленные методики управления (внушения и воздействия) «вирусами» и «троянами» разработаны как для левого (линейные) полушария так и для правого (дискретные). Например, психовирусы для воздействия на эмоциональную сферу, обходят область логики, и наоборот. Эти вирусы активно воздействуют на аудиторию, привлекают внимание, влияют на подсознание, на мотивацию и личностные структуры, минуя сознание, обходя ограду сознательной критики. Здесь как правило, используется так называемый эффект бокового зрения или как говорят профессионалы – эффект деконцентрации с помощью периферийного фона. Воздействие, внушение, управление и т.п. на самом деле является социально-информационной энергией, которая глобально заполняет

всё информационное пространство и в настоящий момент уже в довольно опасных масштабах. Аналогично - в сфере политических технологий. В избирательных кампаниях внимание концентрируется на форме подачи информации, на создании имиджевых составляющих, подчас весьма иллюзорных, а содержание, реальные события, действия (торги), социальные и психологические мотивы политической борьбы за власть - остаются за пределами внимания аудитории или, как правило, сознательно вытесняются из поля внимания. Эти методы возникали (создавались), начиная от шаманства и кончая современными информационными технологиями на протяжении всей истории человечества. Среди них особое место занимают информационно-психологические воздействия скрытого типа. Они реализуются с помощью «скрытых» психотехнологий. В этом случае субъект воздействия не осознает даже факт самого воздействия, не говоря уже о цели. Это достигается двумя способами: либо предварительным введением субъекта воздействия в измененное состояние сознания (ИСС)

– алкоголь, наркотики, и т.п.; либо внедрением манипулирующей информации на фоне (точнее в самом фоне) отвлекающих сообщений прямо в подсознание, минуя этап критического восприятия ее сознанием человека. [Rushkoff, 1994]

Специалисты утверждают, что опознание скрытого воздействия не может быть произведено внутри системы средствами линейно-дискретного мышления и его процедурными и техническими проекциями. Дело всё в том, что введенные в систему новые дискреты не осознаются как таковые.

Создаётся иллюзия либо спонтанного, либо произвольного, перехода психики в новое состояние, часто именуемое как изменённое (ИСП). Экспериментально доказано существование у человека субсенсорного уровня чувствительности. Субсенсорная реакция это реакция на раздражители, интенсивность которых лежит ниже порога ощущения. На этом уровне происходит выработка условных рефлексов на неосознаваемые субъектом раздражители.

ли. Эти раздражители ниже порога осознаваемых ощущений. В этом случае воздействие на сознание человека осуществляется в присутствии логики, т.е. в обычном состоянии сознания

На вербальном уровне известно, что словесные (вербальные) психические вирусы разрушают все защитные энергетические уровни, сводят на нет собственную активность, например, пациента на пути к исцелению, клиента к принятию только собственного решения.

К наиболее отработанному приёму акустической суггестии относится предъявление стимулов ниже порога слышимости на фоне более громкой маскирующей информации. Но такой прием технически довольно легко можно обнаружить. Сегодня среди наиболее перспективных методов аудиосуггестии называются спектральное маскирование и использование музыкальной информации (FM-диапазоны, CD и DVD) в качестве носителя нужной информации.

Разработаны более сложные методы, основанные на «диспаратном» предъявлении, когда каждый кадр видеоинформации содержит только часть суггестивного образа, не вскрываемую техническими приемами. Это, так называемые, визуальные транскрипции. Стадия транскрипции – считывание. А сложение всех частей суггестивного видеоизображения, в виде мозаики, происходит на неосознаваемом уровне субъекта воздействия. Визуальные транскрипции в момент «нападения» активно стремятся вовлечь нас в водоворот иллюзорных «событий». Они добиваются этого как через обольщение, так и через страх. Технология визуальных транскрипций наиболее эффективна при создании видеороликов для избирательных кампаний и рекламе. В метакоммуникационных метатехнологиях широко применяется высшее достижение компьютерных технологий на сегодня - виртуальная реальность. С точки зрения квантовой концепции физических оснований сознания «виртуальные частицы» - принципиально ненаблюдаемые «возможные» частицы, которые од-

новременно как бы существуют и не существуют. А это уже качественно новый шаг в технологии суггестивных шумов. «Коронными» вирусами и троянами являются такие, когда используется технология перекрёстного воздействия: сигналы для правого полушария подаются на левое (линейно-дискретные), сигналы для левого подаются для правого (дискретно-линейные) в постоянном или дискретном режиме. В отличие от линейно - дискретных и дискретно-линейных самые «коварные», психовирусы это PR вирусы объёмного воздействия, которые настоящее время активно разрабатываются. Примеров применения PR вирусов объёмного воздействия «доступных широкому кругу потребителей» пока нет. Трансляция их в миры технологий и культур будет весьма проблематична. Лишь формирование специальных метаязыков, позволяющих адекватно передавать содержание полученных результатов, позволит ввести PR вирусы объёмного воздействия, а с их помощью и соответственно формировать объёмное мышление и объёмное сознание. Изучение современных PR

вирусов и их классификация позволяет, по крайней мере, их вовремя нейтрализовать, а приобретение навыков и умений по созданию PR вирусов и вовсе делает любого специалиста суперпрофессионалом. [Csikszentmihalyi, 1993]

Библиографический список:

1. *Броди Р.* Психические вирусы. Как программируют ваше сознание/ пер. с англ. Л.В. Афанасьевой. – Москва: Поколение, 2007. – 304 с.
2. *Csikszentmihalyi M.* The Evolving Self (HarperCollins, 1993). Thoughts on the future as seen through the theory of memetic evolution.
3. *Buss D.* The Evolution of Desire (Basic Books, 1994). A clear exposition of the mating-strategy aspect of evolutionary psychology, backed up by impressive academic studies.
4. *Rushkoff D.* Media Virus!. Interesting exploration of the evolution of television and speculation on the use of Trojan horses to bundle hidden agendas with palatable memes. Ballantine Books, 1994.

ФУНКЦИИ ОБЩЕНИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Савенкова И.В. (г.Ростов-на-Дону, Россия)

Потребность в общении со сверстниками, которых не могут заменить родители, возникает у ребенка уже в 4-5 лет (по некоторым данным - даже раньше) и с возрастом неуклонно усиливается. Отсутствие общества сверстников уже у дошкольников отрицательно сказывается на развитии коммуникативных способностей и самосознания личности. Поведение подростков по сути своей является коллективно-групповым.

Каковы психологические функции общества сверстников в подростковом и юношеском возрасте?

Во-первых, общение со сверстниками очень важный специфический канал информации; по нему подростки и юноши узнают многие необходимые вещи, которых по тем или иным причинам им не сообщают взрослые. Например, подавляющую часть информации по вопросам

пола до сих пор, даже при значительном наличии других источников информации, подросток получает от сверстников, поэтому их отсутствие может задержать его психосексуальное развитие или придать ему нездоровый характер.

Во-вторых, это специфический вид деятельности и межличностных отношений. Групповая игра, а затем и другие виды совместной деятельности вырабатывают у ребенка необходимые навыки социального взаимодействия, умение подчиняться коллективной дисциплине и в то же время отстаивать свои права, соотносить свои личные интересы с групповыми. Вне общества сверстников, где взаимоотношения строятся принципиально на равных началах, а статус надо заслужить и уметь поддерживать, ребенок не может выработать необходимых взрослому коммуникативных качеств. Соревновательность групповых взаимоотношений, которой нет в отношениях с родителями, так же является важной жизненной школой. По выражению французского писателя А. Моруа, школьные

товарищи - лучшие воспитатели, чем родители, ибо они безжалостны.

В-третьих, это специфический вид эмоционального контакта. Сознание групповой принадлежности, солидарности, товарищеской взаимопомощи не только облегчает подростку прохождение процесса эмансипации от взрослых, но и дает ему чрезвычайно важное для него чувство эмоционального благополучия и устойчивости. Сумел ли он заслужить уважение и любовь равных, своих сверстников, имеет решающее значение для юношеского самоуважения.

Рост влияния сверстников с возрастом проявляется, прежде всего, в том, что увеличивается количество времени, проводимого подростками среди ровесников, по сравнению со временем, проводимым с родителями. Нормы и критерии, принятые в кругу сверстников, становятся в некоторых отношениях психологически более значимыми, чем те, которые существуют у старших. Наконец, растет потребность в признании и одобрении со стороны свер-

стников. Важнейший коллектив, к которому принадлежит подросток и под влиянием которого формируется его личность - это школьный класс и его ядро, как правило - неформальное образование. Ученический коллектив, замечает Е.В. Новикова, с одной стороны - «функция педагогических усилий взрослых, так как проектируется взрослыми и развивается под их прямыми и косвенными непосредственными или опосредствованными влияниями. С другой стороны - он спонтанно развивающееся явление, так как дети нуждаются в общении друг с другом и вступают в это общение отнюдь не только по установленным взрослыми рецептам. Эта двойственность находит свое выражение в двойственной структуре школьного класса: формальной, определяемой через заданную организационную структуру, систему делового общения, набор деятельности, и неформальной, складывающейся в процессе свободного общения детей» [5].

Уровень коллективной жизни у старшеклассников значительно выше, чем у подростков. Прежде всего, по-

вышается социальный уровень целей и обогащается содержание совместной деятельности, составляющей стержень коллективной жизни. Отношение к коллективу и собственное положение в нем - один из важнейших критериев подростковой оценки товарищей и самооценки. Подросток должен чувствовать, что он не только работает на себя, но и приносит ощутимую пользу другим. Причем эти задачи должны быть подлинными и достаточно серьезными. Сосредоточение коллектива исключительно на собственных, внутренних проблемах неминуемо снижает тонус коллективной жизни, которая начинает казаться подростку слишком узкой и локальной.

Но жизнедеятельность подростка подчас не замыкается рамками школы. Он сознает себя принадлежащим не к одному, а к нескольким разным общностям сверстников, причем наиболее значимой из них будет та, которая дает им наибольшие возможности для саморазвития и самореализации. А.С.Макаренко писал, что «самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание

личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию - добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность» [4].

В подростковом возрасте важно не просто выполнение какой-то социальной роли, но и то, чтобы эта роль соответствовала индивидуальности субъекта. Здесь важно, чтобы структура деловых отношений в классе максимально соответствовала структуре межличностных отношений. Однако это не всегда возможно.

Для подростков типично эмоционально-личностное отношение к коллективу. Особенно большое значение придается его сплоченности, дружбе между его членами, причем требования эти нередко бывают максималистскими. В среднем подростки положительно оценивают степень сплоченности своих классов, хотя девочки во всех возрастах настроены значительно более критично, чем юноши, а городские школьники - более критично, чем сельские.

Однако с возрастом межличностные отношения дифференцируются. С одной стороны, быстро расширяется круг общения, растет число и удельный вес внеклассных и внешкольных друзей, с другой - происходит заметная дифференциация межличностных отношений в самом классном коллективе. Как показывают социометрические исследования Я.Л.Коломинского и других отечественных педагогов и психологов, более резкой становится разница в положении «звезд» и «отвергаемых» или «изолированных»[2]. Особенно сложным является положение последних.

Критерии, определяющие социометрический статус школьника в его классном коллективе, сложны и многообразны. По данным Я.Л.Коломинского, на первом месте здесь стоит влияние на сверстников (значение этого качества с возрастом неуклонно увеличивается) как и у младших подростков, таких факторов, как - физическая сила; на втором месте - нравственные качества, которые непосредственно проявляются в общении, и общественная

включённость; дальше идут интеллектуальные качества и хорошая учеба, трудолюбие и навыки труда, внешняя привлекательность; на последнем месте стоит стремление командовать. По данным Б.Н.Волкова, подростки и старшеклассники выше всего ценят качества личности, проявляющиеся в общении, взаимодействии с товарищами (честность, готовность помочь в трудные минуты жизни). В исследовании А.Н.Лутошкина дается иная последовательность предпочтений: интеллектуальные качества, отношение к людям (доброта, отзывчивость), моральные качества, волевые качества, деловые качества, внешние данные.

Противоречивость этих данных может объясняться различием как в методах исследования (мотивы личной симпатии могут не совпадать с признаками, по которым человека выбирают для какой-то специализированной деятельности), так и в составе испытуемых (ценностные ориентации учащихся средних специальных учебных заведений могут не совпадать с ориентациями выпускников

из общеобразовательной школы) и в условиях эксперимента (одно дело - сплоченный класс, другое - диффузная группа). Не всегда учитываются половые различия, хотя, например, набор качеств, приводимый Я.Л.Коломинским, выражает явно мальчишеские предпочтения.

Групповой статус школьника и его отношение к коллективу детерминируются, с одной стороны, индивидуально-личностными свойствами человека, с другой - особенностями данного коллектива и его деятельности. Весьма важен, например, вопрос о соотношении общительности как свойства личности, которое проявляется в деятельности общения относительно независимо от содержания и ситуации этой деятельности, и коллективизма как устойчивого положительного отношения личности к коллективу, его целям, ценностям и задачам. Опираясь на теорию темперамента В.С.Мерлина и стратометрическую концепцию групповой активности А.В.Петровского, И.Х.Пикалов нашел, что общительность как свойство личности (она измеряется такими параметрами, как легкость -

затруднительность, активность - пассивность в установлении контактов и широта - узость, устойчивость - неустойчивость круга общения) в некоторых условиях положительно связана с коллективистическим настроем. Это особенно характерно для диффузных подростковых групп, в которых статус личности во многом зависит от уровня ее общительности, а высокий статус, в свою очередь, способствует выработке положительного отношения к группе. С усложнением содержания совместной деятельности и структуры коллектива групповой статус личности в большей мере определяется ее деловыми и моральными качествами, включая отношение к коллективу, уровень социальной ответственности и т. д., чем общительностью. Поэтому в классах с низкой сплоченностью общительность влияет на социометрический выбор и по «деловым» критериям, тогда как в группе с высокой сплоченностью даже предпочтения в сфере личных взаимоотношений зависят так же от отношения к коллективу[7].

Чем бы ни определялся статус школьника в коллективе, он оказывает сильнейшее влияние на его поведение и самосознание. Неблагоприятное положение в классном коллективе является одной из главных причин преждевременного ухода подростков из школы, причем такие подростки часто попадают под дурное влияние вне школы. Очевидно, здесь существует обратная связь. Изолированность трудного подростка в классе может быть не только, причиной, но и следствием того, что он стоит в стороне от коллектива, пренебрегает его целями и нормами поведения и т. д.

Организованный коллектив, складывающийся в школе, является основной группой принадлежности подростка. Но эта группа не единственная. Усложнение и внутренняя дифференциация деятельности и интересов личности проявляются, в частности, в увеличении числа групп и общностей, к которым подросток так или иначе принадлежит. Существуют два типа таких групп. Во-первых, это организованные внешкольные коллективы - спортивные

общества, клубы по интересам, кружки. Они отличаются от классного коллектива по составу (внешкольные коллективы большей частью разновозрастные) и функциям (их деятельность обычно специализирована, тогда как школьный класс претендует на то, чтобы охватить личность целиком или, во всяком случае, в главных ее аспектах). Но, как и школьный класс, их направляют и организуют взрослые. Во-вторых, это разного рода стихийные группы, возникающие более или менее спонтанно и функционирующие вне педагогического контроля и руководства.

В отрочестве структура группы сверстников определяется в основном включением в гетеросексуальные отношения. Совокупность межличностных отношений может быть изображена двумя концентрическими окружностями, одна из которых обозначает широкую группу «приятелей», насчитывающую от 15 до 30 человек, а другая – избранную группу близких друзей, как правило от 2 до 9 человек (в среднем – 6). Н.Ламберт считает, что это число не случайно равно среднему количеству членов семьи; тем

самым облегчается перенос системы взаимозависимостей семьи на группу сверстников. Эти два круга общения выполняют различные функции: первая группа организует социальную активность – встречи, игры, вечеринки – в основном во время выходных и каникул; вторая группа является более постоянным местом встреч для обмена мыслями, чувствами.

Кроме того, большая группа призвана способствовать переходу от однополых видов активности к гетеросексуальным социальным отношениям через контакты между маленькими группами друзей. А.Данфи выделяет пять стадий в развитии подростковых групп. Первая стадия, в предподростковом возрасте характеризуется сосуществованием двух изолированных однополых групп. Вторая стадия начинается с первых попыток гетеросексуального контакта, речь идёт о поверхностном и часто антогонистическом взаимодействии под защитой собственной группы. На следующей стадии, наступающей, примерно, с 14 лет, появляются первые гетеросексуальные межличностные

контакты наиболее высокостатусных в своих группах мальчиков и девочек. Следующая, четвёртая стадия отмечена распадом первоначальных групп и образованием новых групп, на этот раз открыто гетеросексуальных. Пятая стадия соответствует постепенной дезинтеграции изначально широкого круга в пользу новых малых групп, состоящих из длительно существующих пар. Большое влияние на структуру подростковой группы оказывает социальное и экономическое положение её членов. Естественно возникшие группы подростков гомогенны в социально-экономическом плане.

Структура стихийных компаний зависит от их устойчивости и содержания совместной деятельности. По наблюдениям К.Н. Поливановой примерно половина подростково – юношеских компаний - постоянные, стабильные, остальные - временные, ситуативные. Это, естественно, порождает различия в степени структурной жесткости и четкости их организации [6]. Постоянная компания имеет более стабильную ролевую дифференциацию, чем агре-

гат случайно встретившихся людей. В некоторых случаях уровень организованности спонтанных групп не уступает организованности достаточно сплоченного классного коллектива. Однако, будучи основаны, прежде всего, на межличностных отношениях, стихийные группы не знают резкого расхождения между официальной, деловой структурой и структурой личных взаимоотношений, которое наблюдается в организованных коллективах. Это касается, в частности, характера лидерства. В школьных классах официальный лидер, занимающий руководящие должности, не всегда бывает самым авторитетным человеком в коллективе. Иногда его выдвигают не столько сами ребята, сколько взрослые; успешность его деятельности зависит в этом случае от того, сумеет ли он наладить контакт с неформальными лидерами, которые по тем или иным причинам не занимают официальных постов, но пользуются большим реальным влиянием. В стихийных группах, каким бы острым ни было в них внутреннее соперничество,

вожаком может быть тот, кто обладает реальным авторитетом.

Обнаружив, что лидерами в стихийных группах чаще всего становятся подростки и юноши, не нашедшие применения своим организаторским способностям в школе, Ю.Е.Алёшина и А.С.Коноводова изучили с помощью социометрии положение 30 неформальных лидеров (имеющих самый высокий статус на своих улицах) в тех классах, где они учатся. Выяснилось, что у младших подростков сколько-нибудь резких расхождений между позицией в школе и на улице еще не наблюдается, но к VIII классу возникает, а в IX—XI классах ощутимо просматривается тенденция расхождения статусов: чем выше социометрический статус юноши в стихийной группе, тем ниже он в официальном классном коллективе. Этот разрыв в статусе и критериях оценок школьных и внешкольных лидеров создает сложную психолого-педагогическую проблему [1].

Структура спонтанных групп во многом определяется их функциями. Подростково-юношеские группы поли-

функциональны и могут иметь различную направленность. Однако в первую очередь они удовлетворяют потребность в свободном, нерегламентированном взрослыми общении.

Свободное общение - не просто способ проведения досуга, но и средство самовыражения личности, установления новых человеческих контактов, из которых постепенно выкристаллизовывается что-то интимное, исключительно свое. Подростковое общение поначалу неизбежно экстенсивно, оно требует частой смены ситуаций и довольно широкого круга участников. Принадлежность к компании повышает уверенность подростка в себе и дает ему дополнительные возможности самоутверждения.

Структура стихийных групп общения и степень их сплоченности во многом определяются уровнем развития взаимоотношений между мальчиками и девочками. По данным И.С.Кона у подростков первичными ячейками общения являются однополые группы мальчиков и девочек; затем две такие группы, не теряя своей внутренней

общности, образуют смешанную компанию; позже внутри этой компании складываются пары из юношей и девушек. На основе взаимной привязанности, еще позже, годам к 19—20, такие пары становятся все более устойчивыми, а прежняя большая компания распадается или отходит на задний план. Разумеется, эта схема не универсальна, она имеет много вариантов [3].

В жизни мужчин однополая группа значит гораздо больше, чем в жизни женщин, привязанность к ней сохраняется и поддерживается даже после возникновения смешанной компании и появления «своей» девушки. Наряду с ранее сложившимися микрогруппами и парами, компания может включать в себя индивидов, не имеющих таких контактов, - для них особенно важна принадлежность к компании в целом. Расширение сферы взаимодействия мальчиков и девочек в детстве может сильно сократить продолжительность первых фаз развития, тогда разнополая компания возникает не из слияния двух относительно

автономных однополых групп, а почти сразу же на межиндивидуальной основе.

Хотя разные виды общения могут сосуществовать, выполняя разные функции, их удельный вес и значимость с возрастом меняются. Меняются и привилегированные места встреч. У подростков это чаще всего свой двор или своя улица; старшеклассники переориентируются на какие-то узловые точки в центре района или города, местный «Бродвей» или «стометровку»; затем, по мере роста материальных возможностей и дифференциации самих компаний, встречи переносятся в какие-то излюбленные общественные места и, наконец, в домашние условия.

И уличное общение, и спонтанные подростково-юношеские группы тесно связаны с особенностями подростковой субкультуры. Эта субкультура имеет несколько постоянных компонентов: специфический набор ценностей и норм поведения, вкусы, формы одежды и внешнего вида; чувство своей групповой общности и солидарности;

характерную манеру поведения, способы общения, ухода и т. д.

В увлечениях подростков проявляется и реализуется чрезвычайно важное для формирующейся личности чувство принадлежности: чтобы быть вполне «своим», нужно и выглядеть, «как все», и разделять общие увлечения.

Итак, спонтанные группы существуют всегда и везде. В зависимости от направленности они могут быть как дополнением организованных коллективов, так и их антиподом. По характеру социальной направленности спонтанные группы (компании) можно классифицировать на про-социальные (социально положительные), асоциальные, стоящие в стороне от основных социальных проблем, и антисоциальные (социально отрицательные).

Просоциальные компании, способствующие развитию у своих членов положительных социально-нравственных качеств, отличаются широтой диапазона совместной деятельности и обсуждаемых вопросов, высоким нравственным уровнем личных взаимоотношений.

Члены такой компании не только совместно развлекаются, но и мечтают, спорят, обсуждают мировоззренческие вопросы, сообща ищут решения жизненных проблем.

Асоциальные компании формируются главным образом на базе совместных развлечений. Межличностные контакты в такой компании, будучи эмоционально значимыми, ограничены по содержанию и потому остаются поверхностными. Качество совместного времяпрепровождения может быть разным, но часто невысоко. Таких компаний, к сожалению, много, причем некоторые из них перерастают в антисоциальные (от случайной выпивки - к пьянству, от веселого озорства - к хулиганству).

Антисоциальные компании также связаны с развлечением и общением, но в основе их лежит деятельность, направленная во вред обществу: пьянство, хулиганство, правонарушения.

Библиографический список:

1. Алёшина Ю.Е., Коноводова А.С. Взаимоотношения подростков в школьном коллективе // Вопросы психологии – 1988 - №3.
2. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах. – Минск, 1976.С.350.
3. Кон М.С., Лосенков В.А. Проблемы исследования юношеской дружбы // Советская педагогика, 1974. №10. С.35-45.
4. Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания. – Соч. в 7 т. –М., 1957, т.5.
5. Новикова Е.В. Особенности общения и проявления школьной дезадаптации у младших школьников и подростков // Общение и формирование личности школьника. -М., 1987.
6. Поливанова К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития. // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 61 - 69 .

7. Савенкова И.В. Особенности доверительного общения подростков-делинквентов: Автореф. дис. ... канд.психол. наук. – Р/Д., 2010.

**МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕНЗЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО АДАПТА-
ЦИИ МИГРАНТОВ И ПРОФИЛАКТИКЕ КОН-
ФЛИКТОВ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ**

Салмин М.А. (г. Пенза, Россия)

Глобализационные процессы в экономике, системный рост миграционных потоков внутри стран и за ее пределами, обострение межэтнических и религиозных противоречий определяют особую актуальность изучения миграционной обстановки.

Процессы социально-психологической интеграции личности и групп изучены Г.М. Андреевой, Е.П. Белинской, В.В. Гриценко, Л.М. Дробижевой, В.В. Константиновым, Н.М. Лебедевой, В.Н. Павленко, Ю.П. Платоно-

вым, Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко, П.Н. Шихиревым, Н.А. Шмелевым и др.).

Анализ миграционной обстановки на территории Пензенской области с 2011 года характеризуется устойчивой тенденцией роста числа прибывающих иностранных граждан и лиц без гражданства. По сравнению с 2010 годом число поставленных на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства) возросло в 2014 году на 91,2% (с 28567 до 54632).

Как отмечено ранее, на миграционный учет в 2014 году поставлено 54632 (+27,0%; 2013 год – 43022) иностранных мигранта, прибывших из 114 государств дальнего и ближнего зарубежья, в том числе зарегистрировано по месту жительства – 4300 (+46,6%; 2013 год – 2934), поставлено на миграционный учет по месту пребывания – 50332 (+25,6%; 2013 год – 40088).

Из государств с безвизовым режимом въезда прибыло 42847 (+38,4%; 2013 год – 30957) мигрантов или 85,1%

от общего числа прибывших, в том числе из: Узбекистана – 20268 (+24,4%; 2013 год – 16294); Украины – 7367 (+334,3%; 2013 год – 1696), Таджикистана – 4782 (+30,9%; 2013 год – 3652); Армении – 3288 (+20,4%; 2013 год – 2730); Азербайджана – 2133 (+3,2%; 2013 год – 2066); Кыргызстана – 1264 (+18,1%; 2013 год – 1070); Молдовы – 775 (-16,4%; 2013 год – 927).

На 18% (с 9131 до 7485) сократилось число иностранных граждан, прибывших в регион из государств с визовым режимом въезда. Причина – на 61,1% (с 3626 до 1409) уменьшилась численность прибывших граждан Китайской Народной Республики, в основном в связи с завершением инвестиционного проекта в Никольском районе. Вместе с тем, число прибывших из Индии возросло на 55,9% (421 человек; 2013 год – 270), Туркменистана – на 23,5% (1397; 2013 год – 1131), Италии – на 9,4% (290; 2013 год – 265).

Отмечается рост общего числа иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в регион с целями:

трудоустройства – на 39,5% (с 20393 до 28447); обучения – на 34,9% (с 2726 до 3678), гуманитарными – на 281% (с 132 до 503); туристическими – на 12,3% (с 868 до 975). Сократилось количество мигрантов, прибывших с частными целями – на 23,8% (с 11388 до 8678), служебными и деловыми – на 28% (с 2910 до 2095).

Иностранным гражданам (лицам без гражданства) в 2014 году оформлено 2181 (+73,7%; 2013 год – 1716) разрешение на временное проживание в Российской Федерации и 910 (-3,6%; 2013 год – 944) видов на жительство. В гражданство Российской Федерации принято 1942 (+46,8%; 2013 год – 1323) человека.

Участие в программе переселения соотечественников приняло 1745 человек (869 участников программы и 876 членов семей). По состоянию на 1 января 2015 года на учете состояло 4198 соотечественников (с учетом членов семей).

В высших учебных заведениях г. Пензы на 31 декабря 2014 года проходили обучение 1527 (+15,5%; 2013 год – 1322) иностранных студентов, в том числе:

Пензенский государственный университет – 996 (2013 год – 858);

Пензенский артиллерийский инженерный институт – 300 (2013 год – 280);

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства – 140 (2013 год – 135);

Пензенский государственный технологический университет – 91 (2013 год – 49).

По сравнению с 2013 годом на 25,5% (с 4644 до 3458) сократилось количество оформленных иностранным гражданам (лицам без гражданства) разрешений на работу, при этом число оформленных патентов на право осуществления трудовой деятельности по найму у физических лиц возросло на 8,3% (с 6025 до 6523).

Достаточно значимое влияние на состояние миграционных процессов в 2014 году отмечалось со стороны

беженцев с территории Украины. По состоянию на 1 января 2015 года на миграционный учет по месту пребывания в Пензенской области поставлено 7367 граждан Украины, из которых:

предоставлен статус временного убежища – 2405;

оформлено разрешений на временное проживание в Российской Федерации и видов на жительство в Российской Федерации – 1172;

выдано разрешений на работу и патентов на право осуществления трудовой деятельности у физических лиц – 473;

стали участниками Государственной программы переселения соотечественников – 439;

приобрели гражданство Российской Федерации – 200.

Миграционная обстановка в 2014 году характеризовалась также ростом числа преступлений, совершенных как иностранными гражданами (лицами без гражданства), так и в их отношении.

По состоянию на 1 января 2015 года окончено производством 168 (+25,4%; 2013 год – 134) уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений, совершенных иностранными гражданами (лицами без гражданства), из них зарегистрированных непосредственно в 2014 году – 144 (+29,7%; 2013 год – 111). При этом следует отметить, что 46 преступлений из общего числа относятся к преступлениям профилактической направленности (ст. 327 УК РФ), инициативно выявленных в прошедшем году сотрудниками УФМС России по Пензенской области, УМВД России по Пензенской области и УФСБ России по Пензенской области.

В отношении иностранных граждан зарегистрировано 42 (+31,3%; 2013 год – 32) преступления.

Во взаимодействии с УМВД России по Пензенской области, УФСБ России по Пензенской области, другими заинтересованными органами государственной власти осуществлялась деятельность по противодействию незаконной миграции, профилактике и пресечению других ви-

дов правонарушений с участием иностранных граждан (лиц без гражданства).

В 2014 году должностными лицами УФМС России по Пензенской области выявлено 2847 (-4,8%; 2013 год – 2990) нарушений норм административного законодательства в сфере миграции, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями главы 18 КоАП РФ.

К административной ответственности привлечено 78 (2013 год – 51) должностных лиц и 100 (2013 год – 14) – юридических.

Решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации вынесено в отношении 231 (+12,7%; 2013 год – 205) иностранного гражданина (лица без гражданства), депортации – 38 (+46,2%; 2013 год – 26), сокращении срока временного пребывания на территории Российской Федерации – 735 (+62,6%; 2013 год – 452). Направлено в ФМС России 918 (+1,4%; 2013 год – 905) представлений о закрытии иностранным гражданам въезда на территорию Российской Федерации.

Возбуждено уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного:

ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) – 9 (2013 год – 12);

ст. 322.2 УК РФ (фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации) – 3 (2013 год – 0);

ст. 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации) – 25 (2013 год – 0).

Организована работа по адаптации иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Пензенской области, профилактики конфликтов на межнациональной почве и иных правонарушений с участием мигрантов.

В рамках решения данной задачи обеспечивалось взаимодействие с:

общественными организациями, представляющими в регионе интересы иностранных граждан (с руководителями 7 общественных организаций в 2014 году проведено 25 индивидуальных рабочих встреч); высшими учебными заведениями (с иностранными студентами и представителями учебных заведений проведены встречи в апреле и ноябре 2014 года); юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, привлекающими мигрантов к трудовой деятельности (проведены встречи в марте и ноябре 2014 года).

В ходе проведенных встреч особое внимание было обращено на организацию и результаты совместной деятельности по профилактике правонарушений в сфере миграции, конфликтов на межнациональной почве, а также конфликтов между трудовыми мигрантами и работодателями. Доведены основные положения законодательства в сфере миграции и внесенные в него изменения.

Взаимодействие с руководителями общественных организаций, представителями религиозных конфессий и высших учебных заведений, в том числе по вопросам профилактики правонарушений в миграционной сфере, осуществлялось также в рамках работы Общественно-консультативного совета при УФМС России по Пензенской области (состоялось 5 заседаний).

В феврале 2014 года Пензенским государственным университетом, при участии УФМС России по Пензенской области, организована и проведена научно-практическая конференция на тему «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире», в которой приняли участие представители 12 высших учебных заведений из 7 субъектов Российской Федерации. В ходе конференции рассмотрено 7 докладов по запланированной тематике. Начальник УФМС России по Пензенской области проинформировал участников о проводимой на территории региона работе по адаптации мигрантов, профилактике кон-

фликтов на межнациональной почве между мигрантами и коренным населением.

В целях своевременного выявления и устранения предпосылок возникновения конфликтов на межнациональной почве УФМС России по Пензенской области с 2013 года проводится мониторинг сложившихся межнациональных отношений, в основном применительно к пребывающим на территории региона иностранным гражданам. В первом полугодии 2014 года в рамках мониторинга сотрудниками УФМС России по Пензенской области опрошено 338 иностранных граждан и лиц без гражданства, при этом информация о возможности возникновения конфликтов с участием мигрантов не поступила.

В целях расширения числа лиц, принимающих участие в мониторинге, в Правительство Пензенской области внесено предложение об организации проведения мониторинга межнациональных отношений и привлечении к данной работе общественных организаций и образовательных учреждений (письмо УФМС России по Пензенской обла-

сти от 25 апреля 2014 г. №1/10-7994). По поручению Правительства Пензенской области мониторинг межнациональных отношений во втором полугодии 2014 года организован и проведен Государственным автономным учреждением «Многофункциональный молодежный центр Пензенской области».

Проведены мониторинговые исследования:

«Проблемы межнациональных отношений среди учеников 9-10 классов Пензенской области» (в исследовании приняли участие 1397 учеников 9-10 классов общеобразовательных школ, гимназий и лицеев Пензенской области);

«Оценка межнациональных отношений среди граждан от 18 до 40 лет» (опрошено 1014 человек).

Результаты проведенных исследований для использования в служебной деятельности направлены в УМВД России по Пензенской области, Министерство образования Пензенской области, Департамент внутренней поли-

тики и массовых коммуникаций Правительства Пензенской области.

В июне 2014 года в Законодательном Собрании Пензенской области состоялось заседание «круглого стола» на тему: «Государственное регулирование и механизмы контроля миграции. Социальные последствия международной миграции для Пензенской области».

В ходе заседания «круглого стола» рассмотрены вопросы:

«Миграционная обстановка и механизмы контроля миграции на территории Пензенской области. Противодействие незаконной миграции, профилактика и пресечение правонарушений в сфере миграции»;

«Трудовая миграция, содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом».

По итогам заседания подготовлены рекомендации, направленные на совершенствование деятельности по реа-

лизации на территории региона государственной миграционной политики (от 24 июня 2014 г. № 3 – 1294).

Совместно с Министерством труда, социальной защиты и демографии Пензенской области в апреле-мае 2014 года разработаны и изданы памятки иностранным гражданам, прибывшим в регион для осуществления трудовой деятельности.

Наиболее востребованная информация о порядке предоставления, в том числе иностранным гражданам, государственных услуг, образцы заполнения документов и бланки заявлений размещены на официальном сайте УФМС России по Пензенской области (www.fmspenza.ru) и на информационных стендах в помещениях структурных подразделений.

В средствах массовой информации (в том числе муниципальных) в 2014 году размещено 429 (+5,7%; 2013 год – 406) материалов о различных аспектах реализации в регионе государственной политики в сфере миграции, в том числе по вопросам:

предоставления государственных услуг – 158 (2013 год – 135);

контрольно-надзорной деятельности – 40 (2013 год – 38);

изменения законодательства в сфере миграции – 80 (2013 год – 37).

Состояние миграционной обстановки в регионе, результаты взаимодействия по вопросам противодействия незаконной миграции, профилактики правонарушений террористической и экстремистской направленности в мае и сентябре 2014 года рассмотрены на совместных рабочих совещаниях с участием представителей территориальных органов МВД России, ФСБ России и ФСКН России.

При содействии Правительства Пензенской области, главного федерального инспектора по Пензенской области обеспечивалась координация деятельности заинтересованных территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти Пензенской области и органов местного самоуправления

по вопросам реализации в регионе государственной политики в сфере миграции.

Наиболее актуальные вопросы в сфере миграции рассмотрены в 2014 году на заседаниях:

межведомственной комиссии при Правительстве Пензенской области по профилактике правонарушений и Совета общественности при Губернаторе Пензенской области по профилактике правонарушений (апрель);

Координационного совещания по обеспечению правопорядка в Пензенской области (июнь);

межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников на территории Пензенской области (июнь, август, сентябрь, октябрь);

межведомственной комиссии при Правительстве Пензенской области по оказанию содействия добровольному переселению в Пензенскую область соотечественников, проживающих за рубежом (ноябрь);

Высшего координационного Совета при Губернаторе Пензенской области по организации взаимодействия исполнительных органов государственной власти Пензенской области и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (декабрь).

Предпринятые совместные меры профилактической и контрольно-надзорной направленности позволили в 2014 году и январе-марте 2015 года обеспечить на территории Пензенской области стабильную миграционную обстановку, исключить конфликты на межнациональной почве между мигрантами и коренным населением.

Библиографический список

1. *Дробижева Л.М.* Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. – М., 1994.
2. *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М.: Наука, 1993.-340 с.

3. *Константинов В.В., Ковалева Н.А.* Социально-психологический анализ феномена расставания мигрантов с родиной. – Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. – 2010. С.100.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ДИАГНОСТИКИ И ПРОДВИЖЕНИЯ

Сапарин О.Е. (г. Москва, Россия)

Психология предпринимателя, являющегося собственником (руководителем, учредителем и/или директором) производственно-коммерческой организации (ПКО), например, предприятия или иного рыночного субъекта, зависит от той деятельности, которой этот человек занимается. Это деятельность по получению положительного финансового результата тем предприятием, которым он владеет и управляет.

Как и всякая деятельность, предпринимательство имеет определённую психологическую структуру. Эта

структура включает в себя, в частности, смысл (логический, экономический, личностный), а также мотивацию. Мотивация представлена как базовыми подструктурами (например, мировоззренческие установки), так и ситуативными (скажем, текущие производственные интересы и намерения).

Смыслом деятельности собственника ПКО является запуск, поддержание и развитие такого экономикотехнологического процесса в рамках управляемой им организации, который генерирует ей прибыль, а не убыток. Этот смысл, возникший в сознании собственника, по существу, является типичным основополагающим (базовым, «ядерным») личностным смыслом его предпринимательской деятельности, с которым он входит в социальный механизм делового (предпринимательского) оборота и идёт с ним далее по жизни в единстве с управляемой организацией.

Порождается этот смысл типичной социальной потребностью в обладании собственностью и несёт в себе

важную функцию регуляции социального поведения предпринимателя [1]. Действуя в направлении удовлетворения названной потребности, человек приобретает в собственность имущество (материальные и интеллектуальные ценности), которое, в силу своих потребительских качеств (стоимости), способно такого рода потребность удовлетворить. Более того, предприниматель, как деятельный собственник, нацелен на приращение объёма этого имущества, пусть даже ценой затрат собственных (личных) психологических ресурсов (волевых усилий, произвольного внимания, изобретательности и других).

Данный смысл является «отправной точкой» в процессе формирования как общего замысла предпринимательской деятельности и её стратегии, рассчитанных на долгосрочную перспективу, так и частных (ситуативных) замыслов конкретных предпринимательских действий, рассчитанных как на среднесрочную, так и на краткосрочную перспективу.

Разумеется, реализуемые в рамках этой общей деятельности отдельные организационные действия, акции, меры, манёвры, манипуляции, мероприятия, как и в целом линия ситуативно выстраиваемого производственно-коммерческого поведения, также имеют свой смысл, но это уже смысл вторичный, подчинённый исходному, ядерному.

На базе этого общего исходного смысла и вышеназванной потребности формируется, закрепляется и эволюционирует мотивация человека к осуществлению им предпринимательской деятельности. Мотивация, являясь движущей силой этой деятельности, представляет собой систему специфических для человека-предпринимателя мировоззренческих установок, смыслообразующих мотивов, мотивов-стимулов, замыслов и ситуационных намерений, которые непосредственно побуждают этого человека действовать осмысленно, в данном случае – продвигать организацию в направлении на достижение желаемого финансового результата.

В системе мотивов существенную роль играют мировоззренческие установки. В большей степени они влияют на реализацию предпринимателем стратегической линии своего поведения, а не отдельных текущих действий. Эти установки задают систему ценностных критериев поведения, привнося тем самым весьма существенное своеобразие в проявление и стратегического смысла, и ситуативных замыслов, регулирующих деятельность собственника.

Социальными факторами продвижения как смысла, так и установок предпринимателя выступают распространённые в современном российском обществе, с одной стороны, либерально-индивидуалистические взгляды, которые призывают граждан к обогащению, с другой стороны, социально-консервативные ценности, ориентирующие человека на собственный добросовестный труд на благо общества.

Благодаря мировоззренческим установкам, «устоявшийся» в сознании предпринимателя психологический

смысл его действий по управлению ПКО, рассчитанных на долгосрочную перспективу и подчиняющихся его стратегии, как правило, весьма чётко задан и константен в сознании предпринимателя.

По данным наших многолетних наблюдений, при переходе от одного предпринимателя к другому, смысл осуществляемых им стратегически значимых действий и предпринимаемых им усилий, рассчитанных на долгосрочную перспективу, не одинаков. Содержательное «наполнение» этого смысла «колеблется» в жёсткой системе полярных психологических координат, во многом обусловленных теми мировоззренческими установками, которые ранее сформировались у данной личности.

Объективно эти координаты заданы традициями и обычаями делового оборота, стихийно возникшими на рынке и «впитанными» сознанием предпринимателя. Два противоположных полюса этих координат условно можно назвать так: «Имею право» и «Несу ответственность».

«Имею право» является внутренней, психологической причиной осуществления предпринимателем следующих видов его организационной активности:

- предъявление им требовательности ко вверенному персоналу организации и внешним партнёрам (например, к должникам-дебиторам или к поставщикам);

- ведение предпринимателем борьбы с конкурентами,

- владение, обладание собственностью, в том числе полезным результатом деятельности организации, включая прибавочный продукт производства, экономико-технологические средства и ресурсы, генерирующие этот продукт (включая человеческий ресурс, рабочую силу).

Тогда, когда смысл предпринимательской деятельности приближается к полюсу «Имею право», происходит удовлетворение вышеназванной специфической потребности человека-предпринимателя во владении собственностью и в личном участии в её приращении (а не подавление данной потребности), что влечёт за собой положи-

тельное эмоциональное отношение человека и к предпринимательскому труду, и к самому себе. Собственник, осуществляя действия, имеющие для него по преимуществу именно такой психологический смысл, испытывает, как правило, положительное ощущение (состояние) психологического (психофизиологического) комфорта.

Правда, в некоторых случаях, когда структура исходного смысла по той или иной причине деформируется, предприниматель выходит за пределы очерченных законом прав собственника, вторгаясь в зону криминального оборота [2]. Он забирает себе чрезмерно много прав, преступая через невидимый ценностно-смысловой барьер. Подобное может происходить по причине неадекватно сформированных у человека мировоззренческих установок. Естественно, это влечёт негативные для него юридические последствия, а уже данное обстоятельство неизбежно меняет знак его психологического состояния с комфортного на дискомфортный.

«Несу ответственность» предполагает наличие внешних по отношению к предпринимателю и возглавляемой им ПКО факторов, также порождающих его активность. Если смысловое «наполнение» мировоззренческих установок у конкретного человека смещено в сторону данного полюса, то это означает предъявление им повышенной требовательности к самому себе и собственной организации, к своим поступкам, а также выполнение действий, объективно ведущих к собственным лишениям как морального, так и материального порядка (включая взаимодействие с заказчиками, кредиторами, государственными контролирующими инстанциями, профсоюзами, а также агрессивными конкурентами). Следствием актуализации названных установок может быть угроза наступления ущерба, коммерческих потерь, возникновения ситуаций коммерческого риска.

Этот полюс препятствует удовлетворению базовой потребности и, порождая отрицательные эмоции, вызывает у собственника состояние психофизиологического дис-

комфорта. Особенно это касается случаев вынужденно выполняемых действий, манёвров и мер, объективно приводящих ПКО к убытку (например, уплата штрафов и неустоек, попытки преодоления просроченной дебиторской задолженности и некоторых других).

Психологический механизм борьбы этих противоположных мировоззренческих установок, достижения между ними баланса нуждается в детальном научном исследовании. Его раскрытие могло бы «дать подсказку» в решении социальной задачи расширения предпринимательства, увеличения слоя предпринимателей и удельного веса «среднего класса» в обществе.

Известно, что научное изучение психологических явлений зиждется, в частности, на их психологической диагностике. Добротной методологической основой для выявления логических «цепочек» осмысления предпринимателем собственного поведения, его мировоззренческих установок, а также для продвижения, пропаганды этих установок среди начинающих предпринимателей, может

послужить так называемый каузальный подход в психодиагностике, длительное время развиваемый А.Ф. Ануфриевым [3].

Вкладом этого подхода в психологическую теорию является разработка качественно новых психодиагностических средств. Это «средства описания объекта психодиагностики, чаще всего представленные схемами психологической детерминации и психодиагностическими таблицами, и средства описания психодиагностического процесса, обычно связанные с диагностическими алгоритмами»[4].

Эти новые средства позволяют, в частности, поднять на более высокий качественный уровень правильность и полноту распознавания особенностей диагностируемого объекта.

Наиболее значимой особенностью каузального подхода для целей продвижения мировоззренческих установок выступает постулирование им понятия о двухуровневой структуре объекта диагностики.

Первый уровень – феноменологический – представлен совокупностью эмпирических сведений и фактов, которые в ходе диагностики накапливаются об объекте диагностического обследования. В данном случае в качестве объекта может выступать ПКО и её собственник, рассмотренные в неразрывном единстве, как единое целое. Подобное рассмотрение вполне возможно, так как деятельность, которую они осуществляют, едина.

Рассмотрение феноменологии объекта предполагает выявление параметров (или показателей, переменных) его деятельности (поведения) и его текущего состояния.

На этом уровне могут быть получены сведения как о позитивных фактических проявлениях организации (воспринимаемых как должное или норма), так и о недостатках, отклонениях от нормы.

Информация о ПКО на феноменологическом уровне может быть представлена как непсихологическими переменными (например, финансовый результат организации), так и психологическими.

Психологическую природу могут иметь следующие группы переменных:

- параметры производственно-коммерческого поведения собственника и организационно-экономической деятельности возглавляемой им ПКО;

- показатели психологического состояния комфорта (или дискомфорта) всей совокупности наёмных работников (коллектива) и некоторые другие.

Второй уровень объекта диагностики – уровень причинных оснований – выявляется на основе осмысления, анализа феноменологической информации.

Он представлен стойкими (ранее сформировавшимися) психологическими особенностями (характеристиками, свойствами, качествами, образованиями), которые могут быть присущи предприятию (и его собственнику) как активно действующему рыночному субъекту.

В организационно-экономическом процессе устойчивые психологические реалии выступают зачастую в качестве основных причин (причинных оснований), реше-

тельно обуславливающих (как регулирующих, так и дезорганизующих) и деятельность предприятия, и то или иное его организационно-экономическое, организационно-психологическое состояние.

В силу этого именно психологические свойства рыночного субъекта могут рассматриваться в качестве основы для постановки ему организационно-психологического, экономико-психологического диагноза. К выводам о существовании устойчивых психологических образований, свойственных объекту, можно прийти в ходе анализа полученных феноменологических данных путём выдвижения наиболее правдоподобных гипотез (предположений) о причинах отклонений феноменологических параметров от нормы и реализацией процедур, направленных на проверку (подтверждение либо отклонение) этих гипотез.

Как смысл производственно-коммерческого поведения собственника ПКО, так и его мировоззренческие установки могут быть отнесены к уровню причинных оснований объекта психодиагностического обследования, так как

они, наряду с другими психологическими свойствами, предопределяют деятельность (состояние) ПКО. Они могут получить свою характеристику («расшифровку») после фиксации в ходе обследования их внешних проявлений, содержащихся в деятельности и состоянии объекта.

С позиций каузального подхода, причинные основания – это предрасположенность рыночного субъекта действовать определённым образом в определённых (типовых) производственно-коммерческих ситуациях. Например, такая психологическая особенность, как мировоззренческая установка предпринимателя на расчётливое, рачительное, экономное расходование имеющихся в наличии ресурсов, проявляется, в частности, в форме вполне определённых действий: предприятие снижает цену на реализуемый им на рынке продукт в ситуациях падения на этот продукт спроса со стороны покупателя, и наоборот – повышает цену при растущем спросе.

При отклонении собственника ПКО от подобной установки в силу тех или иных причин (например, возник-

новение у него ситуативных интересов, релевантных сложившейся рыночной конъюнктуре, но объективно противоречащих его общим мотивационным установкам), осмысленность его профессиональных действий снижается, отчего, в конечном счёте, страдает эффективность работы предприятия.

Таким образом, мировоззренческие установки предпринимателя представляют собой своего рода критерий осмысленности его производственно-коммерческого поведения. Они способствуют структурированию как его долгосрочных производственно-коммерческих замыслов, так и ситуативных интересов и намерений. Продвижение мировоззренческих установок предпринимателя может быть эффективно осуществлено в рамках каузального подхода в психодиагностике, разрабатываемого в отечественной психологии. «Расшифровка» скрытого психологического механизма мировоззренческих установок и смысла, который вкладывает предприниматель в свои дей-

ствия и поступки, может оказаться полезной в деле развития частного предпринимательства в стране.

Библиографический список:

1. Китов А.И. Экономическая психология. – М.: Экономика, 1987, с. 178.
2. Беляков Б.Н. и др. – Экономический порядок и криминальная конкуренция. – Челябинск – Сан-Франциско, 1996, с. 12-19.
3. Ануфриев А.Ф. Основы практической психодиагностики: Монография: В 2 кн. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – Кн. 1 – 145 с., кн. 2 – 245 с.
4. Ануфриев А.Ф. Психодиагностика: основы решения диагностических задач. – М.: Ось-89, 2012. – 144 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА АКТУАЛИЗАЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Сарычев С.В. (г. Курск, Россия)

Мирошниченко О.А. (г. Курск, Россия)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РГНФ (проект 14-06-00426а) и Минобрнауки РФ (Госу-
дарственное задание 2014/349, проект 1550).*

Введение. Формирование малых социальных групп, осуществляющих совместную деятельность, требует исследования групповых феноменов не только в лаборатории, но и в полевых условиях. Один из таких феноменов - многоуровневый групповой субъект, актуализация существенных свойств которого является проблемой социальной психологии. Отсутствие завершенной теории группового субъекта проявляется в терминологической неопределенности и в дефиците моделей актуализации группового субъекта. Решение указанной проблемы приобретает особую значимость в условиях социально-экономических изменений современной России. Одним из перспективных направлений исследования многоуровневого группового субъекта представляется изучение уровней его актуализации в различных социальных условиях.

На том или ином этапе своего развития, в различных сферах и условиях жизнедеятельности группа как субъект

актуализирует себя по-разному, достигает различных результатов [4]. В этой связи необходимо изучение детерминант функционирования группового субъекта в различных социальных условиях. Эффективность совместной деятельности группы можно рассматривать как результат динамических процессов, отражающихся в координации и коммуникации, которые группа развивает с течением времени [1; 2; 3; 5]. Эти процессы обусловлены различными детерминантами: особенностями деятельности, социальных условий, самой группы.

На разных стадиях своего развития и функционирования групповой субъект испытывает на себе различные влияния, первостепенными среди которых являются социальные условия. Именно социальные условия жизнедеятельности действуют на протяжении всего времени существования каждого отдельно взятого группового субъекта.

Программа исследования. Планируя исследование актуализации многоуровневого группового субъекта в различных социальных условиях (стандартных, напря-

женных, оптимальных), мы исходили из предположения о том, что в процессе жизнедеятельности социально-психологические особенности группового субъекта в различных условиях актуализируются в различной степени. Гипотеза конкретизируется в частных гипотезах: а) процесс актуализации группового субъекта детерминирован сочетанием внешних и внутренних факторов и обусловлен уровнем субъектного развития группы; б) наличие у группы опыта совместной жизнедеятельности в напряженных условиях способствует эффективной актуализации группового субъекта в различных социальных условиях.

В качестве методов исследования мы использовали наблюдение, беседу, контент-анализ, аппаратную методику «Арка», спортивно-туристическую эстафету. Форма организации исследования – естественный эксперимент с элементами лабораторного эксперимента [5]. Объектом эмпирического исследования являются малые молодежные группы. Предметом исследования являются социаль-

но-психологические факторы, влияющие на актуализацию группового субъекта.

Исследование проводилось на базе Детского оздоровительно-образовательного (профильного) центра им. У. Громовой в рамках профильной смены «Лидерский формат», в которой приняли участие реальные молодежные группы (активисты средних общеобразовательных учреждений г. Курска, лица мужского и женского пола в возрасте 12-17 лет, всего 210 человек, образовавшие 7 отрядов). Относительно каждого отряда интервьюировались воспитатели, инструкторы, методисты, преподаватели, работающие с отрядами. Среди отрядов отдельно были выделены две малые группы которые выступали в качестве экспериментальной (А) и контрольной (Б) группы.

В жизнедеятельность отрядов включены такие виды совместной деятельности как совместно-индивидуальная, совместно-последовательная и совместно-взаимозависимая, которые реализуются при подготовке и проведении маршрутных игр и спортивных состязаний,

творческих представлений, конкурсов, инсценировок, круглых столов, смотра строя и песни, в отрядных кругах и других видах деятельности. Измерение экспериментальных переменных осуществлялось на протяжении всей смены (18 дней). По нашему мнению развитию группового субъекта и эффективности его актуализации служит целенаправленное создание совокупности социально-психологических условий, среди которых включение групп в условия развивающей социальной среды, приобретение опыта совместной жизнедеятельности, включение в повседневные условия ситуаций различной степени напряженности, намеренное формирование направленности группы на совместную активность, развитие групповой рефлексии [7]. Независимой переменной в эксперименте были определены социально-психологические условия совместной жизнедеятельности. Данная переменная в эксперименте принимала три значения: обычные условия жизнедеятельности, оптимальные и напряженные условия. Зависимыми экспериментальными переменными были из-

браны уровень развития группового субъекта и процесс его актуализации.

Результаты экспериментального исследования. Изложение результатов начнем с описания уровня зависимых экспериментальных переменных экспериментальной и контрольной группы. На начало смены обе группы находились на мезосубъектном уровне развития. Для изучения уровня развития групп использовался тест-опросник К.М. Гайдар «Уровни развития группового субъекта» [1]. Обе группы имели в своем составе микрогруппы, взаимоотношения между которыми носили различный характер. Группы А и Б продемонстрировали, что они хорошо ориентируются в социальных условиях и определенную успешность в привычных условиях, проявляли недостаточный уровень адаптационных возможностей. Активность групп имела воспроизводящий характер, проявлялись конфликтные взаимоотношения. Таким образом, наблюдался средний уровень субъектного развития этих

групп, субъектные проявления групп А и Б были неустойчивы.

Длительность участия групп в естественном эксперименте составила восемнадцать дней и включала в себя три этапа.

1. Организационный этап - 2 дня (формирование отрядов, знакомство с условиями смены, с детьми; выявление лидерского потенциала участников смены; выбор формы организации жизни в отряде, лагере; выбор органов самоуправления; знакомство с критериями оценки работы отряда и каждого ребенка на смене).

2. Основной этап – 14 дней (работа по программам смены в отрядах и микрогруппах по выбору детей, развитие игрового сюжета, ключевые дела смены - коллективно-творческая деятельность; спортивные игры и соревнования; занятия в мастерских, студиях, секциях; концерты, фестивали; познавательные, психологические игры и викторины; круглые столы и др. формы и методы работы).

3. Итоговый этап – 2 дня (подведение итогов смены по отрядам и лагеря в целом; проведение итоговых «огоньков»; осуществление итоговой диагностики участников, определение результатов развития личностного роста детей и уровня развития коллектива отрядов).

Отдельно отметим, что с экспериментальной группой в дополнение к программе смены реализовывался курс по спортивному ориентированию, включающий в себя общую и специальную физическую подготовку, теоретическую подготовку, технико-тактическую, основы туристической подготовки, сдача контрольных нормативов. Это составило экспериментальный импульс в нашем исследовании. Измерение развития группового субъекта выявило некоторые специфические особенности актуализации данного феномена в процессе реализации программ смены:

- выявлены заметные различия в уровне развития групп А и Б до включения в развивающую социальную среду и после (см. табл. 1);

- было установлено развитие всех подструктур группового субъекта (направленность активности, организационное единство, интеллектуальное единство, эмоциональное единство, волевое единство, подготовленность); степень изменения этих подструктур оказалась разная: в экспериментальной группе наблюдается синхронное развитие всех подструктур, когда в контрольной группе заметно быстрее развиваются такие подструктуры как эмоциональное единство, направленность совместной активности, развитие заметно отстает;
- измерение зависимых переменных позволило выявить взаимосвязь между уровнем развития группового субъекта и его актуализацией: у группы А актуализация характеризуется полнотой отражения групповых возможностей, определяющих ее успешность в различных ситуациях (эффективная актуализация), у группы Б наблюдается смешанная актуализация, имеющая наличие в ней значительных вариаций, так в отдельных ситуациях жизнедеятельности групповой субъект может актуализировать свои

групповые свойства эффективно, в других проявляет более низкий уровень актуализации, рационально или нецелесообразно используя групповой потенциал.

Таблица 1

Динамика субъектного развития групп (по методике
К.М. Гайдар)

Наименование групп	Уровень субъектного развития групп		
	Начало смены	Середина смены	Конец смены
А	Мезосубъектный	Просубъектный	Протосубъектный
Б	Мезосубъектный	Мезосубъектный	Просубъектный

При испытаниях на «Арке» было проведено изучение интерактивной согласованности (по эмпирическим референтам наличие и качество плана, согласованность и распределение функций, соответствие совместной деятельности плану) и взаимодействия (по эмпирическим референтам иерархия и вариативность взаимодействия, самостоятельность и инициативность во взаимодействии, включенность во взаимодействие). Как видно из табл. 2

результативность совместной деятельности выше у группы А и достигает своего максимального значения при увеличении напряженности ситуации (сборка «Арки» на рекорд). В контрольной группе также наблюдается улучшение результатов от пробы к пробе, однако их разброс менее заметен.

Таблица 2

Результативность совместной деятельности групп в условиях разной степени напряженности

Наименование групп	Экспериментальные процедуры сборки «Арки»				
	В обычных условиях	С отсчетом времени через 5 сек.	При фиксации ведущей руки	Сбор «Арки» молча	На рекорд
А	39	38	47	34	33
Б	47	45	58	45	43

Результативность групп высокого уровня субъективного развития приобретает оптимальный характер в сфокусированной деятельности в напряженной ситуации.

Такому результату, по мнению экспертов-педагогов и самой группы, способствует наличие группового опыта взаимодействия в трудных, напряженных, а порой и близких к экстремальным условиям жизнедеятельности. В экспериментальной группе выполнение каждой пробы характеризуется четкостью согласования и распределения функций, наличием и реализацией плана собственных действий и адаптация его к новым условиям деятельности. Группа способна варьировать взаимодействие, большинство членов группы ориентировано на поиск оптимального способа взаимодействия, члены группы готовы проявить инициативу и принять инициативное решение других членов. Для группы характерен высокий темп деятельности, импульсивные проявления и эмоциональный тон адекватны сложившимся условиям. Иную картину мы наблюдаем при анализе деятельности контрольной группы, для нее распределение и согласованность функций, наличие плана реализации поставленной задачи, зачастую не является инструментом, который позволит оптимизировать сов-

местную деятельность. В группе выражено стремление к изменению взаимодействия в соответствии с условиями деятельности, но члены группы ограничиваются преимущественно намерениями изменить взаимодействие. Согласование функций происходит спонтанно, вследствие чего некоторые функции дублируются.

Для уточнения данных об уровне актуализации группового субъекта в обычных, оптимальных и напряженных условиях была проведена спортивно-туристическая эстафета. Каждый из этапов эстафеты подразумевает преодоление в составе группы естественных препятствий или выполнение заданий, превышающих по сложности обычную деятельность, осуществляемую группой. Экспериментальная группа на всех этапах эстафеты показала стабильные результаты, наибольший прирост результативности проявился в особомотивированной деятельности в напряженных условиях. Контрольная группа в напряженных ситуациях совместной деятельности по ка-

честву исполнения совместной деятельности и динамике заметно уступает экспериментальной.

Повышение напряженности условий (присутствие других групп, межгрупповое соревнование), мобилизует экспериментальную группу, и двояко влияет на контрольную группу, с одной стороны стимулирует, с другой – способствует рассогласованию в группе. Безотказность контрольной группы увеличивалась в течение формирующего эксперимента, но так и не стала полной. Это же можно сказать и о продуктивности. Уровень выраженности этих качеств у экспериментальной группы возрастает как в оптимальных, так и в напряженных ситуациях совместной жизнедеятельности. Характеризуя уровень выраженности и динамику взаимодействия, следует отметить достижение экспериментальной группой максимального уровня вариативности и иерархии во взаимодействии и включенности во взаимодействие. Кроме того, прирост по показателю «взаимодействие» в экспериментальной группе оказался существенно выше.

Выводы. Включение малой группы в многообразные формы совместной жизнедеятельности, введение различных групповых форм обучения способствует опережающему развитию группового субъекта. Эффективности групповой актуализации способствует развитие таких подструктур, как направленность активности, организационное единство, интеллектуальное единство, эмоциональное единство, волевое единство, подготовленность, достигнутое в процессе социального обучения. В группах высокого уровня субъектного развития процесс актуализации характеризуется рациональностью использования группой имеющегося потенциала, что можно оценить как оптимальное соотношение результативности и ресурсов, затраченных группой для достижения желаемого результата. В экспериментальном исследовании была выявлена обусловленность актуализации группового потенциала у групп высокого уровня субъектного развития степенью напряженности условий жизнедеятельности, повышение

которой способствовало актуализации группового субъекта на максимально возможном уровне.

Библиографический список:

1. *Гайдар К.М.* Социально - психологическая концепция группового субъекта. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396с.
2. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений : дисс. в виде научного доклада ... д-ра психол. наук : 19.00.05. – Москва, 1999. – 132 с.
3. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Психология малой группы – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 318 с.
4. *Сарычев С.В.* Социально-психологические аспекты актуализации многоуровневого группового субъекта в различных социальных условиях // Психология человека в современном мире : материалы всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. – Москва, 2009. – Т.4. – С. 71-78.

5. Чернышев А.С., Лунев Ю.А., Сарычев С.В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности лидеров – Москва: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. – 189 с.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Саяпина Н.Н. (г. Саратов, Россия)

На сегодняшний день судьба цивилизации, как никогда раньше, зависит от человека, его образа жизни, культуры, мировоззрения, всего комплекса мировоззренческих установок. В связи с этим, чтобы каждый из молодого подрастающего поколения школьников мог состояться как личность, субъект, гражданин важно процесс образования в его жизни связать с развитием таких качеств, которые способствовали бы ему занять достойное место в обществе, определить линию поступков и позицию. В данной ситуации неизбежно возникает необходимость

учета разных по своей природе факторов, влияющих на формирование мировоззренческих позиций младших школьников, становящегося центральной задачей на пути совершенствования начального образования, и задающих избирательную направленность их личности в целом.

На федеральном уровне приоритетное направление – формирование мировоззрения обучающихся начальной школы – заявлено в законе «Об образовании в Российской Федерации» (№273 – ФЗ), ФГОС начального образования (приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373), отражающие основные приоритетные направления государственной политики в сфере образования.

Отметим, что сущность мировоззренческой позиции младших школьников отражается в содержании её элементов: когнитивного, отношенческого, практического, поведенческого. *Когнитивный* элемент ориентирован на получение как знаний о сущности мировоззренческой позиции, так и знаний по предметам учебного плана, рас-

крывающих мировоззренческие идеи, мировоззренческий потенциал, в совокупности заложенные в содержании учебных предметов (общие понятия, интегрированные проблемы, образы, смыслы и т.д.); *отношенческий* элемент проявляется в отношении личности младшего школьника к когнитивным составляющим учебного материала через установление значения-ценности смысла предмета, идей, знаний; *практический* элемент предполагает формирование личного опыта ученика в реализации установок и готовности к действиям в соответствии с убеждениями, как в школе, так и вне её; *поведенческий* элемент предусматривает внешние проявления деятельности согласно определенным правилам и нормам образовательной среды начальной школы.

Формирование мировоззренческой позиции школьников в психологическом аспекте, как отмечает Г.Е. Залесский, представляет собой проблему взаимосвязи интеллектуального и эмоционального [2]. Интеллектуальная составляющая во многом связана с процессом понимания

как способности постигать значение и смысл чего-либо и достигнутым в этом постижении результатам. Эмоциональная составляющая предполагает формирование определенного отношения обучаемого к познаваемой им действительности. В то же время в формировании мировоззренческой позиции школьников на начальной ступени обучения как процесса изменения психологической динамической структуры личности, необходимо выделить следующие моменты. Во-первых, оно представляет собой процесс, в ходе которого приобретаются не только важные знания, умения, навыки, но и личностные мировоззренческие качества, развитие которых, как считает В.З. Чудновский и др. является необходимым для личности [5].

Высказанные представления согласуются с исследованиями Б.Г. Ананьева, в которых предпринимаются попытки перейти от структурно-статистического исследования психологической организации деятельности личности к процессуально-динамическому, что позволяет наметить новые линии в разделении целостной личностной системы

[1]. Таким образом, изменения в формировании мировоззренческой позиции школьников на начальной ступени обучения будут связаны с динамикой ее нормативной и вариативной сфер, а характеристики формирования изучаемого нами процесса можно получить исходя из анализа динамики развития этих сфер. Также следует отметить и такой момент, что рассматриваемый нами процесс формирования имеет в своей основе единство устойчивости и изменчивости мировоззренческой позиции младших школьников. Действительно, человек рождается с «естественными возможностями выработки новых способов регуляции поведения», которые «формируются по мере того, как развивающийся индивид включается в социальную систему человеческих отношений. Естественные возможности его становления как сознательного существа реализуются в общественных условиях его жизни, с помощью средств, созданных обществом» и, в том числе средств и педагогических технологий, используемых конкретными учебными заведениями в деле формирования отдельной

личности [6, с.124]. У младших школьников эти изменения связаны с их возрастными особенностями, небогатым еще жизненным опытом.

С другой стороны, можно утверждать, что формирование по своей сути направлено на развитие устойчивости мировоззренческой позиции младших школьников. Именно устойчивость является источником развития, основой развивающейся всесторонности. Л.Ю. Сироткин отмечает, что устойчивость обеспечивает активность человека как самоорганизующейся системы, сохранение направленного процесса развития и качественных состояний, достигнутых в ходе развития. Устойчивость играет ведущую роль в структуре личности. Она обуславливает саморегуляцию внутренних процессов и внешних связей, определяет степень включенности в отношения [4]. Сама же мировоззренческая позиция школьников в ходе онтогенеза развития может меняться, поскольку именно в учебной деятельности трансформируются их познавательные интересы и запросы. При этом появляются мотивационно-ценностное

отношение к учению, самостоятельность в усвоении знаний, способов и приемов решения учебных задач, возможность оперирования полученными знаниями. При этом развивается способность к саморегуляции, самоуправлению и самовыражению, что и определяет мировоззренческую позицию личности младшего школьника, то есть он либо принимает жизнь такой, какая она есть, либо отвергает и создает свои правила, нормы, установки существования.

Формирование мировоззренческой позиции школьников на начальной ступени обучения – процесс длительный и многосторонний. Он зависит не только от различного уровня овладения знаниями и соответствующего им уровня выработки взглядов, убеждений и идеалов, но и от возрастных особенностей учащихся начальной школы, и носит целостный и интегративный характер. То есть данный процесс начинается с формирования простейших элементов мировоззренческих представлений у младших школьников, которые затем с возрастом обогащаются,

усложняются и закладывают основы убеждений. «Мировоззренческие идеи, - писал И.Т. Огородников, - осваиваются не поочередно, одна за другой, а в тесном переплетении, в комплексе. Практически они начинают усваиваться почти одновременно, лишь постепенно усложняясь по мере развития физических и умственных сил учащихся, расширения их образовательной подготовки» [3].

Отметим огромную роль личности учителя на начальной ступени обучения по формированию мировоззренческой позиции учащихся. Он воспитывает не только специальными педагогическими приемами, но и своей личностью, своим авторитетом и общением с учащимися. Участие педагога в формировании рассматриваемой нами позиции школьников состоит в отыскании и доставлении обильного и разнообразного материала их развивающемуся уму, в его систематизации, в создании специальных разнообразных упражнений, соответствующих природе того или другого умственного процесса. Педагог, содействуя созданию правильного, широкого и разностороннего

мировоззрения, тем самым содействует культуре всего психического развития личности школьника. Поэтому работа по формированию у школьников мировоззренческой позиции требует от каждого учителя педагогического мастерства, постоянного совершенствования моральных качеств, а также внимательного, чуткого и заботливого отношения к учащимся.

Представленное выше понимание формирования мировоззренческой позиции младших школьников позволяет говорить о том, что объективно этот процесс может реализоваться в учебной деятельности. Успешность рассматриваемого процесса формирования будет определяться организацией учителем самой учебной деятельности в начальной школе, являющейся ведущей и основной формой активности младших школьников, дающей возможность выявления и развития их личностных ресурсов, учета индивидуальных возможностей и особенностей.

В связи с этим, поиск соответствующих особенностей формирования мировоззренческой позиции младших

школьников, прежде всего, надо рассматривать с точки зрения анализа специфики осуществления и развертывания учебной деятельности учащихся начальной школы и детерминирующих ее условий, а именно: формирование простейших элементов мировоззренческих представлений, значительная роль учителя, мотивационно-ценностное отношение к учению, самостоятельность в усвоении знаний, способов и приемов развития мировоззренческой позиции, возможность оперирования полученными знаниями, развития способности к саморегуляции, самоуправлению и самовыражению.

Таким образом, особенности формирования мировоззренческой позиции младших школьников определяются спецификой организации учебной деятельности на начальной ступени обучения и их возрастными особенностями. К их числу относятся: наличие предметного и отношенческого характера воздействия учебного процесса на личность младшего школьника: включение в содержание начального образования элементарных мировоззрен-

ческих знаний и умений; обращение к многообразным видам учебной деятельности с мировоззренческо-содержательным наполнением; проявление самостоятельности в усвоении знаний мировоззренческого характера и умений применять их в решении различных задач.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания.* - СПб.: Питер. 2001. - 288 с.
2. *Залесский Г.Е.* Психология мировоззрения и убеждений личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.
3. *Огородников И.Т.* Педагогика школы. – М.: Педагогика, 1978. – 142 с.
4. *Сироткин Л.Ю.* Формирование личности: проблемы устойчивости. – Казань: КГУ, 1992. – 175с.
5. *Чудновский В.З.* Актуальные проблемы психологии становления убеждений // Вопросы психологии.- 1990. - №5. – С.40-48.
6. *Щербаков А.И.* Психологические основы формирования личности советского учителя высшего педагогиче-

ского образования. – Л., 1967. – 79с.

СВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ В ИХ ГРУППАХ

Синюкова Е.М. (г. Пенза, Россия)

Зенина В.П. (г. Пенза, Россия)

В современном информационном обществе в связи с усилением такой проблемы как квазиобщение особую остроту приобретает вопрос коммуникаций людей. Умение оптимально взаимодействовать между собой, разрешать конфликты и, как следствие, быть успешными - всё это возможно благодаря высокому уровню коммуникативных способностей личности. Именно коммуникативные способности определяют характер взаимоотношений в группе, обуславливают степень доверия и влияют на социально-психологический климат.

Социально-психологический климат группы создаётся и проявляется в ходе общения, на фоне которого осуществляются групповые потребности в соответствии с нормами и ожиданиями группы. Выбор поведенческих стратегий в конкретной группе зависит от её социально-психологического климата. Это может быть сотрудничество или, напротив, соперничество, круговая порука или компромисс, уклонение или конфронтация.

Проблема общения в целом не обделена вниманием со стороны учёных. В отечественной психологии этим вопросом занимались такие видные исследователи, как В.Н.Мясищев, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н.Леонтьев и др. Они рассматривали общение как важное условие психического и личностного развития человека в контексте взаимодействия с социо-культурной средой. Дефиниция «общение» рассматривается во многих науках: философии, психологии, социологии, педагогике. Для нас научный интерес представляет психологическое содержание этого понятия. Более полное толкование фе-

номена «общение» находим в Словаре практического психолога: «сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности; включает в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание партнёра» [7]. Соответственно в общении различают три аспекта: коммуникативный, интерактивный и перцептивный.

С проблемой общения тесно связано понятие «коммуникативные способности», которые, в свою очередь, являются частью общих способностей. Они позволяют успешно вступать в контакт с другими людьми и эффективно с ними взаимодействовать. В отечественной психологии коммуникативные способности изучали А.Г.Ковалёв, Г.М.Андреева, К.К.Платонов, М.И. Лисина, А.А. Кидрон и др. Так, А.А. Кидрон определял коммуникативные способности как общую способность, связанную с различными личностными характеристиками и позволяющую вступать в социальные контакты, осваивать разные

социальные роли и достигать цели в межличностных отношениях [2]. По мнению Л.Я. Лозован, в структуре коммуникативных способностей выделяются несколько уровней: мотивационно-потребностный, когнитивный, оценочный, деятельностный. Мотивационно-потребностный уровень предполагает наличие потребности использовать коммуникативные знания, умения, навыки; когнитивный уровень - наличие самих коммуникативных знаний, умений, навыков; оценочный уровень - наличие адекватной оценки при использовании коммуникативных знаний, умений, навыков; деятельностный уровень - использование полученных коммуникативных знаний, умений, навыков в деятельности [3]. Данная точка зрения соответствует пониманию единой природы психического.

Таким образом, можно сказать, что коммуникативные способности относятся к общим способностям и позволяют обеспечивать успешность становления человека как субъекта общения. Именно от уровня развития комму-

никативных способностей людей зависит социально-психологический климат в их группе.

Понятие социально-психологического климата возникло в отечественной психологии в послевоенное десятилетие 20-го века в процессе разработки вопросов группового взаимодействия. Первым термин «психологический климат» использовал Н.С. Мансуров, изучавший специфику производственных коллективов [4]. Одним из первых содержание социально-психологического климата раскрыл В.М. Шепель, который понимал под ним эмоциональную окраску психологических связей членов коллектива [Цит.по:6]. Такая эмоциональная окраска психологических связей возникает на основе близости, симпатии, совпадения характеров, интересов членов группы. Г.М. Андреева определила социально-психологический климат как целостное состояние коллектива, отличающееся относительно устойчивым для него эмоциональным настроением и отражающее как реальную ситуацию трудовой (учеб-

ной) деятельности (характер, условия, организация), так и характер межличностных отношений [1].

Исследователи различают благоприятный социально-психологический климат, характеризующийся такими показателями как оптимизм, доверие, внимание в отношениях, межличностные симпатии, открытость коммуникации, уверенность, возможность свободно мыслить, творить, интеллектуально и профессионально расти, вносить вклад в развитие организации, совершать ошибки без страха наказания и др. В свою очередь, неблагоприятный социально-психологический климат характеризуется пессимизмом, раздражительностью, высоким напряжением и конфликтностью в отношениях, неуверенностью, боязнью ошибиться или произвести плохое впечатление, страхом наказания, враждебностью, подозрительностью, недоверием друг к другу, нежеланием вкладывать усилия в совместный продукт и др.

Для того чтобы определить качество социально-психологического климата, нужно проанализировать его

структурные компоненты. Известный социальный психолог Б.Д. Парыгин выделял два основных компонента в его структуре – отношения людей к труду и их отношение друг к другу [5]. Положительное отношении людей к труду, на наш взгляд, можно отнести к срабатываемости, когда наблюдается согласованность в работе между её участниками. Согласованность понимается как единомыслие, общность точек зрения, единодушие и дружеские отношения. Срабатываемость определяется, в первую очередь, эффективностью деятельности. Что касается гармоничных межличностных отношений, то в этом случае говорят про совместимость людей. Межличностная совместимость предполагает оптимальное сочетание психологических особенностей партнёров, способствующих оптимизации их общения и деятельности. Её показателями являются удовлетворённость взаимоотношениями и их результатами. Помимо этих двух основных компонентов, Б.Д. Парыгин подчёркивал значимость для социально-

психологического климата и отношений людей к миру в целом, и восприятия себя в нём.

Таким образом, структура проявлений социально-психологического климата состоит в отношении людей друг к другу, к общему делу, к миру, к самому себе.

В связи с вышеизложенным было проведено исследование на предмет связи коммуникативных способностей студентов с социально-психологическим климатом в их студенческих группах.

Для эмпирического исследования студенческая группа была выбрана неслучайно. Именно студенческая группа представляет собой психологический центр формирования специалиста. Студенческая группа способна существенно повысить эффективность индивидуального процесса усвоения знаний, помогает сформировать высокие нравственные качества личности, правильное отношение к учёбе. Для этого необходимо, чтобы студенческая группа стала командой, где существует культ учения и знания, атмосфера научного поиска, где каждый готов по-

мочь каждому или, другими словами, чтобы в группе установился благоприятный социально-психологический климат. Особо это касается студентов первого курса, когда их группа – ассоциация в процессе адаптации трансформируется в группу более сложного уровня развития. У первокурсников в силу их адаптации к новому социальному статусу в условиях становления группы связь между коммуникативными способностями и социально-психологическим климатом носит односторонний характер. Обратную связь, а именно влияние социально-психологического климата на коммуникативные способности студентов мы не рассматривали.

В нашем исследовании приняли участие 28 испытуемых, из них 22 девушки и 6 юношей. Выборку составили студенты-первокурсники двух учебных групп направления «Психология».

Связь коммуникативных способностей с социально-психологическим климатом выявлялась посредством следующего диагностического комплекса: 1. Опрос; 2. Тест-

опросник КОС (коммуникативных и организаторских способностей); 3. Тест коммуникативных умений Л. Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха); 4. Социометрический тест Дж. Морено [8]. Все тестовые методики стандартизированы и адекватны изучаемой проблеме, позволяют фиксировать необходимые характеристики, выделять характерные для групп тенденции и включать полученные данные в математическую обработку для обнаружения связи.

В начале исследования первокурсникам обеих групп были заданы два вопроса: 1) назвать положительные черты своего характера; 2) какие качества они ценят в других людях. Были получены следующие результаты: 54% испытуемых от общего числа выборки указали на такие свои качества, как «общительность», «коммуникабельность», «контактность». В других людях эти качества ценят 36% испытуемых. Такие показатели свидетельствуют о том, что общительность как оценочное суждение о самих себе превалирует над общительностью у других людей. Про-

фессия психолога рассматривает коммуникабельность как профессионально-важное качество.

Обращаясь к анализу данных, полученных по методике «КОС», необходимо отметить, что мы отказались от рассмотрения шкалы «организаторские способности» в силу ограниченного объёма статьи. По шкале «коммуникативные способности» выявлено, что в обеих группах вместе доминируют «средний уровень» (25%), «высокий уровень» (10,7%) и «очень высокий уровень» (39%) проявления коммуникативных способностей.

При этом следует подчеркнуть тот факт, что в первой группе значительно выше процент тех испытуемых, у кого выявлен низкий уровень проявления коммуникативных способностей (35,7% против 7,2%) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5.218$). Мы объясняем это - во-первых, наличием иностранных студентов в этой группе. Во-вторых, наличием в обеих группах застенчивых студентов (по результатам опроса). Такие испытуемые переживают трудности в общении со сверстниками, им характерна замкнутость.

Отдельного объяснения требуют факты проявления очень высокого уровня общения у испытуемых. Данный уровень широко представлен в обеих группах, но при сопоставлении преобладает во второй группе (21,4% и 57,1% соответственно) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5.31$). Несмотря на положительные характеристики такого уровня коммуникативных способностей, у испытуемых может наблюдаться чрезмерная коммуникабельность, ярко выраженное стремление отстаивать своё мнение, что, в итоге, может помешать взаимодействию с группой в конфликтной ситуации. Другими словами, очень высокий уровень коммуникативных способностей не всегда будет способствовать гибкому поведению человека в группе. Уместно вспомнить пословицу «Всё хорошо в меру».

Таким образом, исходя из результатов теста – опросника «КОС», можно констатировать, что вторая группа испытуемых в целом имеет более высокий уровень коммуникативных способностей. Тип поведения испытуемых в коммуникативных ситуациях изучался с помощью

тестовой методики Л. Михельсона. По данным этой методики, в первой группе преобладают студенты с зависимым типом поведения (50%). В то время как во второй группе этот показатель в два раза ниже (21,4%) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.306$). При зависимом типе реагирования человек теряет внутреннюю свободу, ему сложно отстаивать свою точку зрения. На наш взгляд, это может быть связано с периодом адаптации первокурсников к новым условиям обучения, с незнанием порядков в новом учебном заведении. Студентам-первокурсникам характерно прислушиваться к мнению извне. Компетентный тип поведения широко представлен в обеих группах, но доминирует во второй (35,7% и 64,3% соответственно) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.101$). Преобладание такого типа реагирования свидетельствует о том, что в большинстве случаев, требующих межличностного общения, эти студенты способны, открыто проявлять свои чувства, мысли, строить продуктивное взаимодействие. Наименьший процент в обеих группах занимает агрессивный тип поведения (по 14,3%). Такой тип поведения под-

разумеает неумение человека выстраивать конструктивные коммуникации с окружением. Мы можем утверждать, что он в меньшей степени характерен для наших испытуемых.

Таким образом, можно сказать, что в обеих группах в качестве основных типов поведения широко представлены зависимый и компетентный типы. В первой группе превалирует зависимый, во второй – компетентный тип поведения. Показатель благополучия складывающихся отношений в исследовательских группах выявлялся с помощью социометрической методики Дж. Морено. Одним из таких показателей является коэффициент взаимности выбора, свидетельствующий о взаимных симпатиях в группе. Так, в первой группе коэффициент взаимности выбора равен 37%. Данный показатель говорит о достаточно низком количестве взаимных выборов (меньше половины группы). В то время как во второй группе показатель благополучия равен 70% ($\varphi_{\text{эмп}}^* = 4.766$). Это свидетельствует о достаточно высоком количестве взаимных выборов. Дру-

гим важным показателем благополучия взаимоотношений в группе является коэффициент сплоченности. Он характеризует прочность, единство и устойчивость межличностных взаимодействий. В первой группе коэффициент сплоченности равен 26%, это говорит о низком уровне сплоченности в первой группе. Во второй группе этот показатель значительно выше, он составляет 67%, что свидетельствует о сплоченности коллектива ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 5.996$). В качестве третьего показателя выступает сам уровень благополучия взаимоотношений, который в целом в обеих исследовательских группах находится на высоком уровне, т.к. «звезд» и «предпочитаемых» в сумме больше (42,9% и 36,4% соответственно), чем «пренебрегаемых», «изолированных» и «отверженных» (35,7 % и 27,3% соответственно). Итак, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что исследовательские группы находятся в стадии становления в качестве учебных групп, в них можно определить характер социально-психологического климата. Более благоприятный климат наблюдается во второй группе.

Для оценки достоверности различий результатов диагностики показателей коммуникативных способностей, типа поведения в коммуникативной ситуации и социально-психологического климата по двум группам использовался многофункциональный критерий «угловое преобразование Фишера». Для членов группы с преобладанием низких коммуникативных способностей оказался характерен зависимый тип поведения. При этом имеет место более низкий показатель благополучия и сплоченности членов группы. В то время как для второй группы, в которой доминирует очень высокий уровень коммуникативных способностей, свойственен компетентный тип поведения. В этом случае наблюдается более высокий показатель благополучия и сплоченности членов группы.

Таким образом, мы можем утверждать, что существует связь между коммуникативными способностями первокурсников и социально - психологическим климатом в их группах.

Библиографический список:

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология - М.: изд-во МГУ, 1988. – 429 с.
2. *Кидрон А.А.* Коммуникативная способность и ее совершенствование/А.А. Кидрон// Дисс. на соиск. учен. степ. кан. психол. наук. – Ленинград, 1981
3. *Лозован Л.Я.* Формирование коммуникативных способностей младших школьников в условиях коррекционно-развивающего обучения/ Л.Я. Лозован// Дисс. на соиск. учен. степ. кан. пед. наук. Новокузнецк, 2003
4. *Мансуров Н.С.* Морально-психологический климат и его изучение/ Н.С. Мансуров. – М.: Знание, 1992. – 292 с.
5. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива/ Под ред. В.А. Ядова//Наука, 1981. - С. 12-28
6. *Почебут Л.Г., Чикер В.А.* Организационная социальная психология/ Л.Г. Почебут, В.А.Чикер. - СПб: Речь, 2000. – 298 с.
7. *Словарь практического психолога/ Сост. С.Ю. Головин.* – Минск: Харвест, М.:Изд-во АСТ, 2001. – 800 с.

8. Тестотека: психологические тесты, диагностические методики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://testoteka.narod.ru>

9. Мельничук М.Г. Тренинговые технологии как средство оптимизации адаптационного процесса // Пензенский психологический вестник. 2014. №1(2). С.87-94.

РАЗВИТИЕ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К РЕАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ ЕЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК

Сохранов – Преображенский В.В. (г. Пенза, Россия)

Лупанова Н.А. (г. Пенза, Россия)

Динамика социально – экономических преобразований в России на протяжении жизнедеятельности одного поколения актуализировали проблематику направленности и ценностных основ поведения и деятельности личности. Процессы информатизации, активного функциониро-

вания культуры полезности и перехода развития личности от внешне обусловленной идентификации с совокупностью одобренных обществом и государством идеалов к процессу субъективно значимой идентификации изменили структуру, содержание и систему взаимосвязей мировоззрения личности и смыслов ее готовности к активному продвижению в социально востребованных ролях гражданина, работника, семьянина, а также в усвоении гендерно – половых механизмов самореализации. Происходит изменение всей совокупности смысложизненных ориентиров, мотивов, установок, механизма продвижения самости по индивидуально личностным лифтам саморазвития. Значительным образом корректируется вся система мировоззренческих позиций. Как известно, «мировоззрёние (нем. Weltanschauung) — совокупность взглядов, оценок, принципов и образных представлений, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, а также — жизненные позиции, программы поведения, действий людей [2]. Оно придаёт человеческой деятельно-

сти организованный, осмысленный и целенаправленный характер. Все названные характеристики человеческой деятельности претерпевают значительное маркетинговое развитие, которое в России сопровождается индивидуально – личностной неопределенностью, взаимосвязанной с двумя основными факторами.

Во - первых, незавершенностью внешних конструкций нормативно – правовых аспектов целеполагания и отсутствием личностного опыта построения смыслового личностного маркетингового пространства. Человек испытывает значительные моральные перегрузки, участвуя в процессах постепенного изменения значимости диалектических мировоззренческих установок и превалирования мифологических и конфессиональных концепций смыслообразующих начал жизнедеятельности.

Стрессовое состояние личности усиливается также отсутствием опыта самостоятельного развития ее готовности к реализации универсальных действий в процессе смыслообразования как механизма продвижения ее миро-

воззренческих установок. Возникает противоречие между сложившимися системами ценностей народной культуры россиян, ментальность и архитип которых развивался на почве языческих и конфессиональных традиций и догматов и формирующимися нормативно – правовыми основами образа успешной и самодостаточной личности. Установки отдельной личности возникали в XX веке, как правило, на основе общественного и нормативного понимания смысла ее деятельности в любой социально значимой роли. Причем, субъективное осмысление смысла совершаемого поступка в том или ином социально значимом образе осуществлялось также с ориентацией на совокупность престижных и социально одобряемых показателей, в содержании которых индивидуальное начало осмысливалось на уровне межгруппового взаимодействия.[1] Как правило, личность находилась в ситуации социального ожидания внешнего подтверждения идентичности поступка существующим в обществе социальным нормам. Самооценка личности являлась следствием совокупности действий

по соотнесению качества самореализации с необходимым в обществе уровнем знаний, готовностью проявить социально востребованные личностные характеристики. В обществе функционировали различные системы самоопределения по форме. Однако, они были едины по содержанию. Смысловая взаимосвязь личности и процессов, в которых она была задействована, осуществлялась по единой схеме: «человек для...» профессии, семьи, общества и государства. К тому же, личность формировалась как ценностный объект, который характеризовался социально значимым отношением к процессам, происходящим в стране и мире. Самодостаточность и счастье человека являлось следствием его общественного и нормативно – правового признания.

Ситуация, сложившаяся в современной России, создает предпосылки качественно временной диспропорции в развитии внешних условий самоопределения и самореализации личности с ее готовностью к реализации универсальных действий в процессе смыслообразования как ме-

ханизма продвижения ее мировоззренческих установок. В значительной мере утрачивается смысловые взаимосвязи между социально значимыми ценностями, которыми должна обладать личность и проявлять их в деятельности, субъективными установками, определяющим мотивацию, отношения к себе и, в соответствии с этим, меру активности в процессе самореализации.

Снятие данного противоречия возможно на основе осознания личностью необходимости запуска механизма самости. Механизма активного самостоятельного поиска необходимого человеку информационного потока в системе интернет маркетинговых услуг. За счет активной реализации основ критического мышления по осознанию истинных ценностей и смыслов жизнедеятельности. В этом процессе существует объективная потребность усвоения личностью понимания необходимости взаимосвязи культур духовности и полезности. Взаимосвязь полезности и духовности проявляется в нравственно – этических основах маркетинга и рациональности превалирования модели

интеллектуально – волевого самовыражения личности над эмоциональной рефлексией.

Качественное улучшение готовности личности к реализации универсальных действий в процессе смыслообразования как механизма продвижения ее мировоззренческих установок основывается на реализации совокупности условий. Прежде всего, развитие готовности личности к саморегуляции эмоциональных состояний. Саморегуляция эмоциональных состояний, тревожности, фрустрации составляет основу успешности смыслообразования в аспекте готовности рационально преодолевать высокие интеллектуальные и эмоциональные нагрузки и стрессогенные ситуации. Одномоментный переход от осознания ценности обозначенных процессов к установке их реализации субъективно затруднен. Это определяет значимость психолого - педагогического сопровождения самоопределения и самореализации личности.

Для этого, прежде всего, необходимо развивать готовность личности со стратегиями поведения в трудных

жизненных ситуациях и своевременно, на уровне возрастного опережения, информировать личность о возможных видах копингов; обучать ее способам идентификации имеющегося опыта рефлексии с индивидуально необходимым образом самосохранения. Основой рассматриваемых процессов является самопознание, реализуемое в процессе интенсивного общения; совместного планирования, обсуждения и сочетание оценивание качества совершаемых действий с их самооценкой.

Следующим, не менее важным условием для развития готовности личности к реализации универсальных действий в процессе смыслообразования как механизма продвижения ее мировоззренческих установок является осознание необходимости активной познавательной самореализации на основе единого алгоритма осуществления универсального действия. Многолетние исследования, проводимые в образовательных организациях Пензенского, Тульского и Нижегородского регионов, позволяют определить структуру действия, которая представляется сле-

дующей совокупностью компонентов: «цель – структура – содержание – коррекция – регуляция – анализ результата – последствия». Независимо от области деятельности, ее функционала личность реализует данную совокупность компонентов, что проявляет универсальность социальных, профессиональных, личностных и иных проявлений личности.

Внешней основой обозначенного личностного осознания необходимости субъективной реализации данной структуры действия является перевод системы "дидактическое знание - дидактический опыт - моделирование профессионального самовыражения личности" в триаде "модуль –подражание - самоопределение" в систему "социальный опыт - профессиональное знание и опыт - дидактическое знание и умение - вариативное дидактическое и профессиональное самовыражение" в триаде "модуль - самоопределение - самореализация"".

Внутренняя основа реализуется в создании условий для смыслообразования, основанного на возможности ре-

ализации личностью основных видов универсальных действий: личностные (самоопределение, смыслообразование и действие нравственно-этического оценивания), регулятивные (целеобразование, планирование, контроль, коррекция, оценка, прогнозирование), познавательные (общеучебные, логические и знаково-символические) и коммуникативные универсальные учебные действия. Личностные универсальные действия обеспечивают ценностно-смысловую ориентацию личности (умение соотносить поступки и события с принятыми этическими принципами, знание моральных норм и умение выделить нравственный аспект поведения) и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях.

Регулятивные универсальные действия позволяют личности решить организационно – корректирующие вопросы (целеполагание как постановка социальной, профессиональной и интимно -личностной задачи на основе соотнесения опыта и интуитивного предположения; планирование — определение последовательности промежуточ-

ных целей с учётом конечного результата; составление плана и последовательности действий; прогнозирование — опережающее предположение о результативности развития в соответствующем возрастном периоде; соотношение контроля и самоконтроля; сочетание коррекции и самокоррекции; самооценка качества совершаемых действий на основе сохранения самодостаточности и соблюдения нормативно – правовых основ совершаемых действий; саморегуляция поведения и деятельности.

Познавательные универсальные действия включают: логические действия, а также постановку и решение проблемы (самостоятельное выделение и формулирование познавательной цели; поиск и выделение необходимой информации, в том числе решение рабочих задач с использованием общедоступных ИКТ и источников информации; осознанное и произвольное построение речевого высказывания в устной и письменной форме; выбор наиболее эффективных способов решения задач в зависимости от конкретных условий; рефлексия способов и условий действия,

контроль и оценка процесса и результатов деятельности; определение основной и второстепенной информации; понимание и адекватная оценка языка средств массовой информации; постановка и формулирование проблемы, самостоятельное создание алгоритмов деятельности при решении проблем творческого и поискового характера.

Особую группу универсальных действий составляют знаково-символические действия: моделирование — преобразование объекта из чувственной формы в модель, где выделены существенные характеристики объекта (пространственно-графическая или знаково-символическая); преобразование модели с целью выявления общих законов, определяющих данную предметную область.

К логическим универсальным действиям относятся: анализ объектов с целью выделения признаков; синтез; выбор оснований и критериев для сравнения, сериации, классификации объектов; подведение под понятие, выведение следствий; установление причинно-следственных связей, представление цепочек объектов и явлений; по-

строение логической цепочки рассуждений, анализ истинности утверждений; доказательство; самостоятельное создание способов решения проблем творческого и поискового характера. Коммуникативные универсальные действия обеспечивают социальную компетентность личности.

Личность, овладевшая механизмом реализации обозначенных универсальных действий осмысленно готова осуществить перевод ценностей в сенсорные, социальные, умственные, и моторные установки. Тем самым, формируется готовность к реализации процесса смыслообразования как механизма продвижения ее мировоззренческих установок.

Библиографический список:

1. *Абакумова И.В.* Смыслообразование в учебном процессе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. Ростов - на - Дону 2003.- 36с.

2. Философия: энциклопедический словарь/ под ред. А.А.Ивина. – М.:Гардарики, 2006. -1072с.-с.503.
3. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. - М.: Наука, 1966. - С. 196.

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР КУЛЬТИВИРОВАНИЯ НОВОГО СОЗНА- НИЯ ЛИЧНОСТИ

Стукаленко Н.М. (г. Кокшетау, Казахстан)

Лигай М.А. (г. Кокшетау, Казахстан)

Ермекова Ж.К. (г. Кокшетау, Казахстан)

Развитие экологической культуры как культивирование нового сознания личности к природе – процесс сложный, длительный, напрямую связанный с экономическими, социальными и другими условиями жизни общества. Сформировать у человека новое понимание своих обязанностей перед природой, новое мироощущение весьма непросто. Обрести себя в культуре, сформировать свой культурный облик – это задача, которую человек

должен решать в процессе приобщения к культуре посредством образования. Роль средства развития самосознания человека, его духовного роста культура выполняет во всей его полноте тогда, когда реализуется культуротворящая функция образования.

В настоящее время экологическое образование – это не только часть образования, это новый смысл и новые цели образовательного процесса, результатом которого выступает экологическая культура с ее ценностным отношением к миру живой природы и окружающей среде. Экологическая культура в современной науке рассматривается как система знаний и умений, ценностных ориентаций человека в области окружающей среды, а также активной деятельности по ее сохранению и улучшению.

Формирование экологической культуры связано с решением следующих основных задач в процессе развития личности: усвоение системы знаний о взаимодействии общества и природы; формирование ценностных экологических ориентаций, понимание многосторонней ценно-

сти природы, как источника материальных и духовных сил общества; усвоение системы норм и правил отношения к природе, соблюдение этих норм; развитие умений и навыков по изучению природы и ее охране; активизация деятельности по улучшению природной и природообразующей среды.

Прогрессивная педагогическая мысль во все времена высоко ценила роль природы в формировании личности, утверждая истинность положения о том, что духовная жизнь человека самым неразрывным образом связана с природой. Против бездушного отношения к природе, ее формального изучения, узкого практицизма выступали многие просветители, предлагая введение в программы образования полноценных знаний о природе, подчеркивая их особое влияние на формирование моральных качеств личности. В общем, экологическая культура – это новая культура человечества, которая определяет ценностные ориентации, мотивирующие экологически обоснованное поведение, деятельность и новый качественный уровень

отношений между человеком и социоприродной средой. В широком смысле экологическая культура есть новое содержание общечеловеческой культуры [1].

Как отмечают многие ученые, исследующие феномен экологической культуры, в образовании необходимо развить такие культурные ценности, которые способны обеспечить экологическую культуру общества, основанную на экологической культуре индивида. С философско-культурологической точки зрения современные ученые придерживаются мнения, что экологическая культура – это современная стадия развития культуры, складывающаяся под влиянием экологического кризиса и нового экоцентрического мышления. Экологическая культура – понятие емкое и многоплановое, оно касается духовной жизни человека, его интересов, склонностей, способностей, взаимодействия человека с другими людьми, с окружающей средой; зависит от уровня технического, экономического и культурного развития общества. Можно вполне определенно заметить, что экологическая культура

личности является ее интегративным свойством и представляет собой определенное отношение к природе, соотносящееся с мировоззрением личности и устойчиво проявляющееся в различных ситуациях.

Моисеев Н.Н. писал, что зарождается всемирная эпоха, в которой человек должен объединиться с природой; эпоха всемирна в том смысле, что должна быть ненасильственной [2]. Это современное определение культуры как экологии духа, атмосферы, в которой пребывает человек, показывает в какое русло должна пойти культура в III тысячелетии, как должно произойти соединение человека и природы. Экологическая культура – один из вариантов будущего, причем самый перспективный вариант. Экология в этом случае должна стать новой отраслью культуры, связывающей культуру с природой. Экологическая культура развивается при условии системного взаимодействия всех сфер сознания (научной, правовой, экономической, эмоциональной и др.), являясь неотъемлемой частью общей культуры личности.

Вернадский В.И. подчеркивал, что единственно возможный способ сохранения человечества на планете заключается в консолидации усилий на основе общих задач формирования ноосферной целостности. Для этого необходимы: новое мышление, новая политика, новая культура, а также образование, соответствующее уровню уникальных задач, стоящих перед обществом в третьем тысячелетии. Он указывал на то, что экологическая культура личности не только формируется в процессе перехода биосферы в ноосферу, но и сама выступает условием такого перехода: «Энергия человеческой культуры – та форма биохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу. Это будет трудный и болезненный процесс, который потребует от человечества не только громадных усилий и перестройки общества, но и воспитания новой морали, нравственности» [3].

Реймерс Н.Ф. отмечая, что для человека важна не одна лишь хозяйственная сторона обозримого мира, но и информационная и эстетическая, т.к. людей окружает не

только природная, но и социальная среда, определил экологическую культуру «как этап и составную часть развития общемировой культуры, которая характеризуется острым глубоким и всеобщим осознанием себя как части природной среды и как субъекта, ответственного перед собой, перед живущими и последующими поколениями» [4].

Многие современные исследователи в экологической культуре структурно выделяют три основных компонента: когнитивный (знания); ценностный (ценностные ориентации); деятельностный (умения и навыки). Вследствие чего, экологическая культура, как система знаний и умений, ценностных ориентаций человека в области науки, искусства, обычаев и традиций, а также активной деятельности по сохранению и улучшению окружающей среды, может быть представлена как совокупность взаимосвязанных элементов. При более подробном изучении ее компонентов можно конкретизировать, что они означают: экологические знания – естественнонаучные, соци-

альные, правовые, технические и пр.; экологическое мышление — способность установления причинно-следственных, вероятностных, прогностических и других видов связи; экологически оправданное поведение, при котором осуществляется переход экологических знаний, экологического мышления в повседневную норму поступка; культура чувств, т.е. способность к сочувствию, переживанию, благоговению перед жизнью.

Экологическую культуру можно представить с одной стороны, как динамическое единство экологических знаний, ответственного отношения к природе и реальной деятельности человека в окружающей среде, полагая, что экологическая культура являет собой процесс восприятия природы как целого, радость сотворчества с ней, приобщение к созидательным процессам мироздания, к ощущению гармонии и красоты природы. С другой стороны, определяя целью экологического образования развитие экологической культуры, можно утверждать, что экологическая культура — это стержневое качество личности, ко-

торое определяет ее готовность к природоохранительной деятельности, поскольку в системе отношений «человек-природа» важно осознание себя как части природы, понимание ответственности перед будущими поколениями в процессе взаимодействия с природной средой. Формирование экологической культуры включает в себя становление нравственной ответственности в использовании продуктов НТП, освоение методов культурно-преобразующей деятельности [5].

Таким образом, опираясь на анализ различных позиций в отношении понятия экологической культуры, можно сделать вывод, что экологическая культура представляет собой новый тип культуры с переосмысленными ценностями, она может быть определена как совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов человеческой деятельности, включает в себя не только систему экологических знаний, но и экологически продуманную технологию поведения людей, направленную на сохране-

ние природных условий, необходимых для прогрессивного развития общества.

Библиографический список:

- 1 Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении. – Женева, 1993.– 82с.
- 2 *Моисеев Н.Н.* Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. – 1988. - №5. – С.17-21.
- 3 Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – 160 с.
- 4 *Реймерс Н.Ф.* Экология: теории, законы, принципы, правила и гипотезы. – М., 1994. – 367 с.
- 5 *Стукаленко Н.М.* Философско-культурологический аспект трактовки феномена экологической культуры личности // Международный журнал экспериментального образования, 2012.- №5

ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИКО- ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тугаров А.Б. (г. Пенза, Россия)

Шевцова Э.А. (г. Пенза, Россия)

В современных социально-гуманитарных науках массовое сознание исследуется как отдельный самостоятельный феномен, как разновидность сознания вполне определённого социального носителя («массы»). Оно возникает как отражение и выражение определённых обстоятельств и условий социальной жизни, в некотором отношении общих для представителей разных социальных групп, оказывающихся в сходных жизненных условиях, и, таким образом, уравнивающих их в социальном статусе. Социологические и психолого-педагогические исследования современных социальных явлений, в том числе и массового сознания, предполагают не только реализацию в ходе их проведения определённого методологического подхода, но и наличие соответствующего историко-

теоретического аспекта, основанного на применении в исследовании компаративного метода. [1,с.88-89]

Широко распространённое в отечественных социально-гуманитарных науках понимание массового сознания как формы адаптации индивидов к окружающей среде в изменяющихся социокультурных условиях позволяет рассмотреть *идею* русской провинции в контексте представления о *гармонии* провинциальной жизни в её внутреннем и внешнем проявлениях. Идея российской провинции выражает исторически определенный способ самоотождествления личности с провинциальным сообществом. За внешними проявлениями жизни российской провинции, где действуют исторические и социально-экономические факторы, скрываются глубинно-психологические обстоятельства. С другой стороны, любая программа теоретического исследования массового сознания жителей русской провинции оказывается метафизической по своей сути, перефразируя К. Поппера, по-

тому, что она не способна к проверке и в силу того обстоятельства, что она нефальсифицируема. [2]

Сама метафизика российской провинциальной жизни обнаруживает три своих составляющих, а также различные формы их логико-теоретической и конкретно-эмпирической интерпретации. Первое проявление сущности российской провинциальной жизни может быть обозначено в ходе исследования проблем массового сознания как «социокультурная география».

Сформировавшийся в обыденном массовом сознании миф о неприятии российским провинциалом ценностей «столичной жизни» как противоречащих его существованию, оказывается по своему характеру явлением экзистенциального порядка. Он основывается на неудовлетворенности жителя провинции социокультурными условиями существования в локальном сообществе.

Исследование массового сознания жителей провинции основывается на том, что даже если бы социокультурная жизнь в «столице» была организована совершенным

образом, то у жителя российской провинции неизбежно появлялась бы определённая психолого-эмоциональная неудовлетворенность ей на уровне массового сознания.

Ценностный подход к пониманию жизни в российской провинции отражается в исследовании политического и гражданского сознания, социально-психологических настроений, феноменов духовной культуры. Второе проявление смысловой составляющей российской провинциальной жизни может быть определено как гуманистичность содержания общественных идеалов, формируемых в российской провинции.

Вопрос о социокультурных мотивациях жителей провинции представляет по существу видоизмененный вопрос о двух социальных стихиях: стихия как бунт и стихия как борьба. Борьба в жизни является уделом свободных людей, свободных не от религиозной веры, а от формальных ограничений на неё, бунт, в свою очередь, предстаёт как удел внутренне несвободных, безверных людей.

Старый жизненный порядок тяготеет над сознанием человека как фатум. Вся история жизни человечества представляется ему как роковое удаление от «золотого века», лежащего где-то бесконечно далеко позади. По сути, в таком подходе начинают проявлять себя искания смысла жизни.

Подобные искания обращают исследование массового сознания жителей российской провинции к собственно метафизическим конструкциям смысла жизни как смысла человеческих деяний. Человек по природе своей непосредственно умеет и может рассматривать жизнь с различных точек зрения - с точки зрения времени и с точки зрения вечности.

С точки зрения времени провинциальный житель рассматривает жизнь в чувственно-наглядном представлении её эмпирического содержания. С точки зрения вечности он рассматривает тот же самый мир вещей и событий в философском содержании его безусловной основы, и потому, с этой точки зрения, жизнь представляется ему ре-

альным осуществлением во времени вечных идей и хотений Абсолюта. В этом случае оказывается, что в бытии мира жителя провинции должна проявляться единая, свободная, творческая сила, ведущая всё созданное и вызванное ей к своим высшим целям.

При исследовании массового сознания жителей провинции вызывает интерес сама постановка вопроса о смысле человеческих деяний. П.И. Новгородцев обратил внимание на то, что в повседневных явлениях жизни, в процессе разнообразной деятельности люди не спрашивают себя о философских основаниях смысла жизни: «в стихийном разгаре сил и страстей, в непосредственном увлечении делом и шумом жизни не чувствуют потребности ставить проблемы о смысле и конце человеческих начинаний». [3]

Но в процессе исследования эти проблемы должны быть поставлены и то, что в смысле жизни представляется нередко великим, единственным и безупречным, само ещё должно быть оправдано перед высшими, нравственными

основаниями. В таком случае, сущность проблем деяний жителей российской провинции, сводимая к утверждению, что есть внутри человека нравственный закон и свобода, следовательно, есть вне человека Бог и бессмертие, определяет то, что из всех философских идей, которые когда-либо привлекали к себе ум и волновали сердце провинциального жителя, самыми важными являются идеи Бога, души, свободы, долга и бессмертия.

Выяснить, насколько полно такой идеал раскрывает гуманистичность содержания общественных идеалов, формируемых в провинции, призвано третье проявление сущностной составляющей метафизики провинциальной жизни России. Оно заключено в моделировании, теоретической реконструкции социальных процессов, самой атмосферы общественно-политической жизни в провинции.

Вариантом социального моделирования предстает поиск разрешения проблемной ситуации: «как мыслится провинциальной интеллигенцией самобытность человеческого духа?» Найти ответ на этот вопрос означает рас-

крыть содержание психологии и социологии провинциальной жизни, создать её теоретическую модель.

Таким образом, задача исследования массового сознания жителей провинции сводится к созданию теоретической модели, которая воспроизводила бы основные моменты теоретико-методологического изучения проблем смысла социокультурной жизни в том виде, в котором эти проблемы в своей постановке и решении становились достоянием «умственного движения» российского провинциального сообщества.

Поставленная задача создания теоретической модели предполагает обращение к мысли о том, что процесс философского творчества происходит в определённой социокультурной среде. В современной российской провинции, как и на рубеже XIX и XX веков, нередко встречаются представители диаметрально противоположных типов «нестоличных» мыслителей, «творцов» общественных настроений. Один тип, исследованный историком В.О. Ключевским - «идеалист», «абстрактный гуманист» (мар-

гинал, гуманист и деспот одновременно, «получатель **до-
ходов** и потребитель умственных и эстетических продук-
тов **Западной** культуры») . [4]

Другой тип, описанный публицистом кн. Дм.В. Друцким-Сокольниковым, - «прагматик» (европейски сформированный «хозяйственник» в понимании будущно-сти социокультурной жизни провинциальной России, вос-приятии социополитической и экономической несамосто-ятельности широких слоев сельского населения россий-ской провинции как источника постоянного недовольства и нестабильности в локальном сообществе). [5]

Между этими крайними типами местных «мыслите-лей» находятся другие разновидности носителей массово-го сознания в провинции: воспринимающие действитель-ность, соотнося её с заимствованными абстрактно-умозрительными конструкциями, идеологемами; воспри-нимающие действительность, соотнося её с собственными узко-корпоративными интересами; воспринимающие дей-ствительность, соотнося её с логикой социально-

политических процессов, их динамикой и перспективами, при наличии самостоятельно выработанной линии социо-политического поведения. Таким образом, исследование массового сознания убеждает в том, что эволюционный путь от «идеалистов» к «прагматикам» проходит через осознание индивидом социокультурных реалий российской провинциальной жизни. [6,с.81-82]

Мнения о массовом сознании и его структуре, широко распространенные в современной научной литературе, как правило, придают гипертрофированное значение социально-политическим проблемам и ситуациям, вокруг осмысления которых, по мнению сторонников таких взглядов, формируется массовое сознание. Но исследование массового сознания жителей российской провинции предполагает многоаспектность и разнообразие концептуальных подходов. При этом сами по себе такие подходы оказываются во многом собственно российским явлением, поскольку вместе взятые они соединяются в своеобразную

комбинацию самоощущения жителей российской провинции в прошлом и настоящем.

Вместе с тем, доминирование исследовательской модели, которая недостаточно места уделяет эмоциональным ценностям, отражает массовое сознание людей, все интересы которых сосредоточены в социально-политической, отчасти социально-экономической, сфере общественной жизни. Перед лицом этого факта исследователями предлагается модель изучаемого явления, которая более адекватно отражает его структуру и содержание. В частности, речь идет об эмоциональных и неосознаваемых элементах массового сознания [7,с.13] Поскольку массовое сознание может быть отнесено именно к информационному уровню современного общества, в нём могут быть выделены, в первую очередь, рациональные и эмоциональные элементы, которые в перспективе могут стать приоритетами исследования различных проблем формирования массового сознания жителей российской провинции.

Библиографический список:

1. *Тугаров А.Б., Шевцова Э.А.* Проблема качества психолого-педагогического исследования. // Инновационное будущее психологии и педагогики: сб.ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа: «Аэтерна», 2015. – С.88-90.
2. *Поппер К.* Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995, № 12. - С.42 - 49.
3. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале // Вопросы философии и психологии. 1913, Кн. 119, С.288.
4. *Ключевский В.О.* Евгений Онегин и его предки // Русская мысль. 1887, Кн. II. - С.291-306.
5. *Друцкой-Сокольниковский Дм.В.* кн. Наше сельское хозяйство и его будущность // Вестник Европы. 1891, Кн. 10. - С.698-734.
6. *Тугаров А.Б.* Типизация «русских мыслителей» В.О.Ключевским: «отцы Онегина» как современники М.Ю.Лермонтова // XVI Социологические чтения препо-

давателей, аспирантов и студентов: сб. научн.тр. / Отв.ред. А.Б.Тугаров. – Пенза: ГУМНИЦ ПГУ, 2014. – С.80-85.

7. *Немировский В.Г.* Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. – С.13 – 19.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ И ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ)

Тучина О.Р. (г. Краснодар, Россия)

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-23009 а(р) «Исторический опыт в контексте самопонимания российской идентичности (на примере исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне)»

Проблема исторической памяти и исторического опыта как специфического феномена общественного сознания является не только теоретической проблемой, но и социальной необходимостью, поскольку на сегодняшний день велика опасность манипуляции представлениями об

историческом прошлом, что может привести к формированию комплекса национального превосходства или национальной вины, чувства ксенофобии и шовинизма, возвеличиванию тех или иных социальных и политических сил. Знание механизмов воздействия исторического опыта на российскую идентичность, общество в целом, конкретные социальные группы, отдельного индивида позволяет глубже понимать многомерную социальную реальность, более эффективно осуществлять социальное планирование и социальное управление различными процессами, происходящими в обществе. Для того чтобы адекватно разобраться в этих процессах, необходим комплексный, междисциплинарный подход, объединяющий наработки как философов, так и психологов, социологов.

Особое место в понимании социальной реальности занимает исследование представлений о знаковых событиях истории, к которым, безусловно, относится Великая Отечественная война, трагические и героические события которой коснулись каждой семьи, что определяет значи-

мое место в формировании представлений о национальной идентичности, и которую, поэтому, в своих, порой корыстных интересах пытаются истолковать самые различные политические силы.

Концепт «историческая память» ориентирован на осмысление надиндивидуального измерения памяти, и может рассматриваться в двух проявлениях – коллективная и личная (индивидуальная) память (М. Хальбвакс): с одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу [6]. Индивидуальный исторический опыт анализируется в и рамках автобиографической памяти (Р. Браун, Дж. Кулик, У. Найссер, М. Линтон, В. В. Нуркова, И.А. Трегубенко) как функционирование исторического опыта в обыденной психической жизни людей. Если автобиографическая память обеспечивает, прежде всего, персональную идентичность личности, то историческая – социальную, культурно-историческую, этническую,

при этом оба вида памяти субъективны и мифологичны [5]. Историческая традиция представляет собой присутствие прошлого в настоящем посредством трансляции норм и ценностей. Подобным образом создаётся самоочевидный горизонт, определяющий онтологическое присутствие человека в мире (Г. Гадамер). Вместе с тем, такая очевидность затемняет ценностные источники традиции и лишает человека исторической перспективы.

В отличие от исторической памяти, воспроизводящей в формах культуры и самосознании человека события прошлого, исторический опыт представляет собой непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем. Вместе с тем, исторический опыт актуализирует самоочевидные ценностные основания исторической традиции, фундируя, тем самым историческую перспективу самосознания личности. Данная особенность исторического опыта определяет его место в структуре национальной идентичности человека. Прежде всего, пе-

реживание собственной сопричастности с судьбой своей страны и своего народа определяет метавременную вовлечённость человека в мир. При этом внутренняя целостность исторического опыта, связанная с конкретным воплощением идей и идеалов народа позволяет человеку соприкоснуться с ценностным ядром исторической традиции и обрести авторскую позицию, позволяющую, в соавторстве с другими людьми, осмыслить и связать воедино прошлое и настоящее своей страны и своего народа перед лицом непредсказуемого будущего [3].

В нашем исследовании мы предлагаем концепт «исторический опыт», рассматриваемый как непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем [1]. Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего. Подобный опыт позволяет увидеть и выявить то существен-

ное в себе, что определяет собственную самотождественность: ведь обращаясь к значительности событий прошлого, которые сплошь и рядом превосходят наши собственные, мы становимся гораздо более современными людьми, чем были до обращения к прошлому. Эта особенность исторического опыта соединяет линейность истории как движение от прошлого к будущему, при котором прошлое – это то, чего уже нет, и, вместе с тем, ее цикличность, как вечное возвращение того, что определяет человеческое в человеке и обществе.

Национальная идентичность в своём экзистенциально-онтологическом измерении связана с достижением полноты собственного Я через его причастность к народному «Мы». Одной из важнейших особенностей национальной идентичности является расширение временных границ личностного существования. Ощущение личностной причастности к собственному роду, народу, стране связано с очевидностью того, что моя история началась задолго до моего рождения и не закончится после моей

смерти. Исторический опыт актуализирует подобную метавременную вовлечённость человека в мир. Важнейшей стороной исторического опыта является его внутренняя целостность, основанием которой является достижение определенной цели, идеи, идеала в реальной исторической конкретности. Соответственно, исторический опыт позволяет соприкоснуться ценностным ядром этнокультурной традиции, определяющим неслучайность и энтелехийность фактуальных событий истории. Тем самым, исторический опыт определяет национальную идентичность как особую точку зрения, авторскую позицию, позволяющую, в соавторстве с другими людьми, осмыслить и связать во-едино прошлое и настоящее своей страны и своего народа перед лицом непредсказуемого будущего [2].

Особый интерес для исследователей представляет сравнение исторического опыта Великой Отечественной войны в массовом сознании и официальном дискурсе, а также выявление источников и способов формирования исторического опыта.

В нашем исследовании для описания и анализа идеологием Великой отечественной войны были использованы статьи, размещенные на таких информационно-аналитических порталах как ИТАР-ТАСС, IZVESTIA.RU, 1TV.RU, NAGOLOS.COM, TRIATH88.COM, MILITERA.RU за период 2013 – 2014 год, применен метод дискурс-анализа [4]. В результате анализа выделено пять центральных и основополагающих идеологием: 1) «ВОВ - это торжество, символ национального единства, необходимо бережно хранить память о минувшей войне, необходимо воспитывать молодое поколение на высоких идеалах патриотизма и гордости за Великую Победу». 2) Великая героическая Победа, добыта единством народа. 3) Война была справедливой, освободительной, всенародной против мирового зла – фашизма, СССР выступал как борец за правду и справедливость. 4) ВОВ - это трагическое, беспринципное событие, коснувшееся каждую семью. 5) История ВОВ постоянно переписывается и адаптируется под политические и иные мотивы геополитических конкурен-

тов России, необходимо пресекать любые попытки переписать историю.

В исследовании представлений о ВОВ студентами вузов Кубани. приняли участие 273 респондента 18-24 лет (средний возраст 20,8 лет), 148 девушек и 125 юношей. Целью эмпирического исследования стало выявление репрезентации исторического опыта Великой отечественной войны в сознании молодежи. Исследование проводилось методом интервью с использованием авторского опросника.

Прежде всего, мы постарались выявить, какие события в истории своей страны респонденты считают наиболее значимыми. Результаты проведенного исследования показали, что 91,8 % опрошенных относят ВОВ к наиболее значимым событиям в истории страны. При этом 61,4 % респондентов считают ВОВ главным событием отечественной истории. Таким образом, можно утверждать, что именно события Великой Отечественной войны опреде-

ляют историческое измерение национальной идентичности молодёжи.

Следующим шагом стало выявление личностной значимости Великой Отечественной войны для исследуемой группы респондентов. Контент-анализ ответов респондентов на вопрос: «Что лично для меня значит Великая Отечественная война?» позволил выделить две основных категории ответов. Первую категорию, составившую 85,2 % ответов опрошенных, представляют собой смысловые единицы, характеризующие личностное, участное отношение к этому событию, непосредственное переживание как войны, так и исторической дистанции с ней.

В данной категории ответов можно выделить ряд смысловых единиц. Во-первых, в этих ответах это эмоциональная реакция от ощущения собственной причастности к народу, пережившему войну. Она выражается в чувствах гордости за наших людей и нашу державу (27,6 % ответов), переживание ощущения мощи и величия страны (3,7 %), чувство ненависти к врагам и предателям Родины (1,5

%), переживание радости победы (2,8 %), скорбь о павших во время Великой Отечественной войны (11,3 %): «Я горжусь тем, что мы победили, что в других странах мы считаемся сильными, волевыми людьми, которые будут до конца сражаться и победят».

Во-вторых, подобная эмоциональная реакция имеет не только общенациональный, но и конкретно человеческий масштаб: сопереживание страданиям конкретных людей (9,4 %). Причём такой масштаб обычно «примеряется» к судьбе своей семьи и, как следствие, собственной судьбе: переживание, того, что конкретного человека и его семьи могло и не быть (2,8 %); отношение к войне через историю семьи (3,7 %). С этим масштабом исторического опыта связано проецирование событий войны на свою жизнь и своё будущее. Сюда можно отнести страх, что война может повториться (5 %).

В-третьих, можно отметить тенденцию к рассмотрению событий войны в контексте её последствий для страны и мира, её исторического значения: осмысление Вели-

кой Отечественной войны как причины свободы и независимости страны, народа и себя (6,3 %), осмысление ВОВ как причины рождение сверхдержавы и народа с великим будущим (3,7 %): «Это было сражение за свободу и лучшую жизнь России».

В-четвёртых, в ответах респондентов присутствует не только эмоциональная, но и деятельностная составляющая исторического опыта. Сюда можно отнести уважение к участникам войны (2,2 %), благодарность ветеранам (6,6 %), необходимость сохранять память о войне (1,8 %), чувство стыда, что мало знаем об этом (0,3 %), а также вызванное впечатлением о событиях Великой Отечественной войны, подвигам её героев желание быть патриотами Родины (4 %).

Вторая категория ответов, составившая 14,8 % ответов, представляет смысловые единицы, характеризующие внеличностное, объектное отношение к Великой Отечественной войне как историческому событию в ряду других событий. В этой категории ответов респонденты пытаются

занять позицию внеположенного наблюдателя, сохранить дистанцию от участников тех событий и с этой позиции оценить сущность и значение Великой Отечественной войны. В таких ответах война рассматривается как раздел истории (1,2 %), грандиозное историческое событие (0,3 %). Сюда можно отнести и оценку войны с точки зрения геополитики: как причина мирного сосуществования в послевоенном мире (0,9 %). Вместе с тем, к данной категории мы отнесли и ответы, характеризующие отношение к Великой Отечественной войне с точки зрения общечеловеческих ценностей: война как великая трагедия (2,8 %), как пример человеческой жестокости (2,5 %), как пример отваги и силы духа (5,3 %), а также осуждение сил, спровоцировавших войну (1,8 %).

Таким образом, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что выявленные в сознании исследуемой группы смысловые доминанты исторического опыта Великой Отечественной войны в основном соответствуют официальным идеологемам. При

этом можно утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором личностного и национального самоопределения.

Библиографический список:

1. *Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. – 612 с.
2. *Аполлонов И.А.* Проблема исторического опыта в контексте самопонимания национальной идентичности // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всероссийской научно-просветительской конференции 5–9 октября 2012. Краснодар, Традиция, 2012. С. 22 – 25.
3. *Аполлонов И.А., Тучина О.Р.* Исторический опыт: попытка концептуализации // Научные труды КубГТУ. № 3. 2014 (Электронный научный журнал)
<http://ntk.kubstu.ru/file/63>
4. *Мотейунайте В.Р.* Образ Великой Отечественной войны в современных СМИ: анализ идеологем // Материалы

Международной научно-практической конференции «Новое слово в науке: перспективы развития», ЦНС «Интер-актив плюс», Чебоксары, 2014. С. 357 – 358.

5. *Трегубенко И.А.* Историческая память и субъективная картина жизненного пути личности // Научные труды (Институт имени И.Е. Репина). Вып. 23. 2012. С. 105–126.

6. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27.

'''

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОЛЕРАНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ И БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Фадеева Т.Ю. (г. Саратов, Россия)

Толерантность являясь профессионально значимым качеством личности специалистов сферы образования влияет на эффективность профессиональной деятельности и служит одним из критериев результативности влияния специалиста на учащихся в процессе их воспитания и раз-

вития, а также на других участников образовательного процесса.

Слово "толерантность" имеет иностранное происхождение, которое при переводе на русский язык употребляется в значении терпимости, и используется как в научном, так и в житейском тезаурусе. В житейском плане до сих пор толерантность ассоциируется только с терпимостью, причем понимается в основном как сдерживание проявлений своего отрицательного отношения к другому человеку.

Как категория научного аппарата понятие "толерантность" первоначально использовалось в медицине, а затем постепенно стало предметом изучения гуманитарных дисциплин: философии, педагогики, психологии. Анализ понятия "толерантность" показал, что философской точки зрения, толерантность выступает как ценность общества, некий моральный идеал, который проявляется в терпимом отношении к Другому. В социологии и психологии данный феномен трактуется широко: от установки и психической устойчиво-

сти до интегративной характеристики личности. В педагогике толерантность рассматривается как нравственная основа поведения и частный случай ценностного отношения к человеку вообще и участникам образовательного процесса.

На основе анализа литературы выделим основные подходы к трактовке понятия "толерантность", рассматривая ее аксиологический аспект: толерантность как непреходящая ценность общества (Р.Р. Валитова, В.А. Лекторский, Дж. Локк, П.П. Николсон и др.); толерантность как человеческая добродетель (В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, А.С. Хомяков и др.); толерантность как активная жизненная позиция, основывающаяся на основе признания (В.А. Лекторский, В.А. Тишков, и др.); толерантность как плюрализм, принятие в общественной жизни, инаковости (Д.В. Зиновьев, М.С. Мацковский, А.В. Перцев, М.Б. Хомяков и др.); толерантность как ненасилие (В.Г. Маралов, Л. Толстой, В.А. Ситаров и др.); толерантность как диалог (М.М. Бахтин, М. Бубер, Р.Р. Валитова и др.).

Некоторые авторы, например Е.Ю. Клепцова [1], исследуя содержание понятия "толерантность", отождествляют его с терпимостью, относя данное качество к волевым, наряду с выдержкой, самообладанием, настойчивостью и упорством. Терпимость возникает по отношению к субъекту при наличии неприятной ситуации и носит реактивный ответ на безнравственные и оскорбительные формы поведения данного субъекта. Также с точки зрения содержательного аспекта понятие "толерантность" рассматривают как психическую устойчивость (Л.С. Асейкина, Дергач, А.Н. Третьякова и др.); способность к диалогической форме межличностных отношений (Г.В. Безюлева, В.С. Чернявская, Г.М. Шеламова и др.); наличие установки на проявление толерантных форм взаимодействия с другими людьми (Е.Ю. Клепцова, О.Б. Нурлигаянова и др.); способность и готовность к сотрудничеству на основе понимания, признания и принятия их индивидуальных социально-психологических особенностей (Г.В. Безюлева, М.А. Перепелицына, Г.М. Шеламова и др.); систему пози-

тивных установок на Другого и способностей человека позитивно реагировать на окружающие его социальные различия (С.Л. Братченко, Г.Л. Бардиер и др.)

На наш взгляд, уровень сформированности толерантности специалистов сферы образования в определенной степени влияет на эффективность профессиональной деятельности и служит одним из критериев результативности влияния специалиста на учащихся в процессе их воспитания и развития, а также на других участников образовательного процесса.

Любой специалист сферы образования так или иначе участвует в процессе развития учащихся, становлении его потребностей, мотивов, ценностных ориентаций, выработке нравственных и этических норм поведения. Толерантность как нравственное качество личности может сформировать лишь тот специалист сферы образования, который сам им обладает.

Чтобы иметь представление о результатах процесса формирования толерантности у будущих специалистов

образования, а также у профессионалов необходимо знать на какие представления о феномене толерантности они ориентируются.

Восприятие мира человеком является категориальным, то есть опосредованным индивидуальной системой значений, на основе которых у человека формируется "осмысленная картина мира". Каждый человек обладает своей неповторимой системой значений, сквозь призму которой человек выделяет в ситуации, в другом человеке значимые для своей деятельности признаки, которые определяют его дальнейшие поступки [2].

Из вышесказанного можно заключить, что значение понятия "толерантность" во многом определяет направленность толерантного поведения специалиста сферы образования, его профессиональное сознание. Толерантность не простая сумма знаний или поведенческих умений, а, в первую очередь, личностная позиция личности, его ценностное отношение к себе и другим. От того каким будет содержание представлений о толерантности специалистов

сферы образования, зависит направленность их толерантного поведения, а также содержание процесса формирования толерантности, которое они осуществляют в своей профессиональной деятельности.

Для организации целенаправленного формирования толерантности, необходимо знать, какова система значений данного понятия, через призму которого происходит восприятие субъектом видения толерантности как нравственной дефиниции.

С помощью метода свободного ассоциативного эксперимента были выявлены представления о толерантности у будущих специалистов сферы образования и педагогов. Были опрошены 56 студентов первого курса, 34 студента старших курсов, 41 педагог со стажем работы до 5 лет, 70 учителей со стажем более 10 лет.

Анализ ассоциаций на понятие-стимул "толерантность" показал, что и у студентов и у педагогов в основном актуализируются ассоциации содержательного плана. Образы толерантности у педагогов достаточно однообраз-

ны, представлены видовыми характеристиками, позволяющими конкретизировать и расширять значение данного понятия.

Конструируя образ толерантности педагога в среднем использовали 2,53 характеристик. Причем было выявлено, что количество характеристик увеличивается с возрастом и стажем работы, это подтверждают выявленные значимые положительные корреляционные связи количества характеристик с возрастом ($r = 0,356^*$) и стажем работы ($r = 0,247^*$). В выборке педагогов со стажем до 5 лет высокие частотности наблюдаются у характеристик: терпимость (0,65) и уважение (0,53), во второй выборке педагогов высокие частотности имеют характеристики: понимание (0,79), принятие (0,79), доброжелательность (0,45), компромисс (0,21), терпимость (0,21).

Отсюда можно заключить, что молодые педагоги, которые находятся на стадии адаптации к профессиональной деятельности, связывая толерантность с терпимостью, воспринимают субъект, на которого направлено толерант-

ное отношение, как неблагоприятное обстоятельство, которое требует терпеливого перенесения данного неприятного взаимодействия, то есть педагог отказывается от активного и переходит к пассивному поведению. Трактовка терпимости, уходящая корнями в русскую этику, обычно связана с понятием прощать, однако терпение не безгранично и содержит в себе зародыш будущего конфликта.

Уважение, в толковых словарях определяется как почтительное отношение, основанное на признании достоинств другого, и является результатом взаимодействия человека с другим, оценки его поступков. Причем в данном случае подчеркивается, что уважение, как мировоззренческая категория предполагает положительную оценку именно достоинств человека, а не его недостатков. При этом совсем не ясно, чем измеряются достоинства: личностными качествами, данными ему от рождения, или поступками, которые совершает индивид в процессе своей жизнедеятельности.

У педагогов со стажем более 10 лет наиболее частотными характеристиками толерантности являются понимание (0,79), принятие (0,79) и доброжелательность (0,45). Педагоги связывая толерантность с пониманием и принятием рассматривают этот феномен как способность верно воспринимать или интерпретировать отличия, а также осознавать и воспринимать Другого таким, каков он есть. Доброжелательность в свою очередь предполагает стремление быть открытым людям, готовность содействовать благополучию других.

Предпочтение педагогами использования характеристик содержания, очевидно, связано с тем, что профессиональная направленность педагогов, определяя его восприятие, актуализирует содержательную сторону явления, стимулирует рациональное выделение его сути.

Следует отметить, что у педагогов не было выявлено негативных представлений, связанных с образом толерантности. Этот факт может служить основанием предположить, что в педагогической среде феномен толерант-

ность предстает позитивным основанием построения социальных отношений с участниками образовательного процесса на основе гуманистических ценностей.

Студенты первого курса в среднем использовали 4,45, а студенты старших курсов - 7,41 характеристик. В отличие от педагогов у студентов ассоциации более разнообразны. Применяя метод смысловой группировки содержательные характеристики на слово-стимул "толерантность" были объединены в смысловые группы: поясняющие характеристики (3,55; 5,58); социальные характеристики (0,37; 0,85); субъекты толерантности (0,21; 0,24); сферы толерантности (0,13, 0,12).

Однако следует отметить, что в студенческой выборке несмотря на высокие средние показатели количества характеристик толерантности, высокая их частотность наблюдается только у пяти, включенных нами в группу поясняющих характеристик (в скобках указаны частотные распределения по выборкам первокурсников и старшекурсников): уважение (0,54, 0,68), терпимость (0,57, 0,53),

понимание (0,23, 0,44), доброта (0,41, 0,13), принятие (0,14, 0,38), терпение (0,27, 0,24).

Использование поясняющих характеристик у будущих специалистов сферы образования, возможно, связано с тем, что формируемые у студентов исследовательские навыки сосредотачивают их на актуализации содержания феномена, выделение в нем сути явления. Остальные пояснительные характеристики имеют очень низкие частотные распределения. С нашей точки зрения, разнообразие и многоплановость содержательных характеристик образа толерантности в представлениях студентов затрудняют их дальнейшее осмысление феномена толерантности. Размытое представление о толерантности, определяющее дальнейшие поступки личности, мешает процессу формирования толерантности.

Отметим, что в студенческой выборке характеристики толерантности, имеющие высокую частотность аналогичны характеристикам толерантности, выявленным в выборке педагогов. Однако, у студентов были отмечены

негативные представления (в среднем 0,03 характеристик), связанные с образом толерантности. Этот факт еще раз подтверждает размытость представлений о толерантности у студентов.

Кроме поясняющие характеристики в студенческой выборке были выделены следующие смысловые группы: социальные характеристики (например, национальность, религиозность, возраст, власть); субъекты толерантности (личность, народ и пр.); сферы толерантности (образование, труд и пр.), что, возможно, связано со спецификой профессиональной подготовки, при которой само содержание учебных дисциплин расширяет представления студентов о толерантности. Однако без соответствующей расстановки акцентов данные знания остаются бессистемными и поверхностными.

Таким образом, на основе анализа данных исследования можно сделать следующие выводы: у педагогов преобладают содержательные представления о толерантности, отражающие безоценочные знания о феномене. При-

чем представления расширяются с возрастом и стажем работы.

Среди содержательных характеристик толерантности в представлениях педагогов наиболее употребляемыми являются характеристики, позволяющие упорядочить знания педагогов о толерантности, такие как: терпимость, понимание и принятие, а также терпение и коммуникабельность.

Наиболее употребительные представления студентов: уважение, терпимость, понимание, доброта, принятие, терпение, что свидетельствует о сходимости основных содержательных характеристик и у студентов, и у педагогов. В отличие от педагогов у студентов ассоциации более разнообразны, однако представления студентов о толерантности являются размытыми и недостаточно системными.

Процесс формирования представлений о толерантности не должен сводиться только к содержательной стороне, он должен «случиться»: только через реальную дея-

тельность представления о толерантности приобретут системность, произойдет совпадение в теоретическом и "декларативном" понимании толерантности, а навык толерантности сможет стать профессионально значимым качеством специалиста сферы образования.

Библиографический список:

1. *Клепцова Е. Ю.* Психология и педагогика толерантности : учеб. пособие для слушателей системы дополнительного проф. пед. образования. – М. : Академический Проект, 2004. – 176 с.
2. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – 2-у изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВ- ЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Шанин С.В. (г. Саратов,Россия)

Становление личности есть процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок,

социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Становление в философской категории выражает спонтанность, изменчивость вещей и явлений – их непрерывный переход в другое, приобретение новых признаков и форм, по Гегелю, отправной пункт, начальная точка всего последующего процесса развития. В условиях современного информационного пространства процесс профессионального самоопределения становится для обучающихся более сложным и многоаспектным [1, 8].

Каждый человек в течение всей жизни должен максимально раскрывать и реализовывать свои природные задатки и способности – самореализоваться как индивид, как личность, как субъект деятельности. Профессиональное самоопределение – это не просто выбор профессии или альтернативных сценариев профессиональной жизни, а своеобразный творческий процесс развития личности. Самоопределение может быть адекватным профессионально важной проблеме – и тогда происходит развитие

личности, а может быть и неадекватным — тогда оно порождает внутренний конфликт, активизируя защитные механизмы вместо процессов развития.

Исторически закрепилось мнение, что профессиональное самоопределение характерно лишь для этапов первичного поиска и выбора профессии и на более поздних этапах жизненного пути практически прекращается либо имеет для человека несущественное значение. Однако современная действительность убеждает нас в обратном. Профессиональное самоопределение, как процесс творческого развития личности непрерывен и непрекращаем в течение всей жизни индивида. Развитие — основной способ существования личности, социальное и психическое становление которой не ограничено какими-то определёнными отрезками времени. С точки зрения Л.И. Анциферова, «Период зрелости не может рассматриваться как конечное состояние, к которому направлено развитие и которым оно завершается. Наоборот, чем более зрелой в социальном и психологическом смысле становится лич-

ность, тем более возрастает её способность к дальнейшему развитию». Таким образом, постоянная незавершённость, а, следовательно, нескончаемость процесса становления, переосмысление отношения к своей прошлой жизни и направленность в будущее позволяют говорить о таких качественных изменениях в личностном росте и психологической организации личности, которые затрагивают «ядро» личности. Постоянная необходимость выбора дальнейшего пути следования, связанная с кризисами профессионального развития, неминуемо ведет к качественным изменениям личностного отношения к окружающему миру. Любая остановка в этой непрерывности может привести к наступлению застоя и началу деградации личности.

Таким образом, профессиональное самоопределение – это формирование отношения личности к себе как субъекту будущей профессиональной деятельности, становление профессионально значимых качеств и способностей, профессиональных знаний и умений, активное качествен-

ное преобразование личностью своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому строю и способу жизнедеятельности, творческой самореализации в профессии, способности к безграничному развитию. Другими словами, профессиональное самоопределение есть процесс формирования отношения личности к профессионально-трудовой сфере и способности ее самореализации. Процесс этот позволит подготовить человека в будущем к возможной перемене профессии, адаптации к жизни и профессиональной деятельности в условиях рыночной экономики. Многие авторы отмечают, что это длительный процесс развития личности с начала формирования профессиональных намерений до полной реализации себя в профессиональной деятельности (Т.В. Кудрявцев). Однако остается открытым вопрос наступления полной реализации.

Учеными, занимающимися проблемой профессионального самоопределения, признается, что человек достигает вершины своего профессионального развития на

стадии осуществления самостоятельной профессиональной деятельности. Достигнув вершины, принимается решение о направлении дальнейшего движения, начинается новый цикл профессионального самоопределения. На настоящий момент в науке нет общепринятого разбиения цикла на этапы, которые проходит специалист в своём профессиональном продвижении. Согласно Е.А. Климову:

- оптант – фаза выбора профессии;
- адепт – человек, уже ставший на путь приверженности к профессии;
- адаптант – привыкание к работе, вхождение во многие тонкости работы;
- интернал – опытный, успешно справляющийся с основными функциями;
- мастер – авторитет, наставник [3].

Этот же цикл Т.В.Кудрявцев и Т.В.Зеер разделяют на четыре стадии:

- формирование профессиональных намерений;
- профессиональная подготовка или обучение;

– профессионализация или профессиональная адаптация;

– мастерство, частичная или полная реализация личности в профессиональной деятельности [2].

Переходным (начало нового цикла), пиковым моментом выделяют овладение профессиональным мастерством до уровня, когда привлекательность приобретает сама деятельность. В этот момент деятельность переходит в новый статус, перестает быть профессиональной, ибо профессиональная деятельность – это деятельность, связанная с получением дохода.

Переход к новому циклу профессионального становления как правило спровоцирован профессиональным кризисом. Под кризисом понимаются трудности профессионализации личности, противоречивость профессиональной жизни и реализации карьеры. Кризисы профессионального становления – непродолжительные по времени периоды (до года) кардинальной перестройки личности, изменения вектора ее профессионального развития. Эти

кризисы протекают, как правило, без ярко выраженных изменений профессионального поведения. Однако происходящая перестройка смысловых структур профессионального сознания, переориентация на новые цели, коррекция и ревизия индивидуально-профессиональной позиции подготавливают смену способов выполнения деятельности, ведут к изменению взаимоотношений с окружающими людьми, а в отдельных случаях – смене профессии [5, 6].

Фактором, инициирующим кризис профессионального развития, может явиться возросшая социально-профессиональная активность личности, или переход на новый образовательно-квалификационный уровень выполнения деятельности, или неудовлетворенность своим социальным и профессионально-образовательным статусом, изменение социально-экономических условий жизнедеятельности человека, ухудшение здоровья, вступление в новую должность, полная поглощенность профессиональ-

ной деятельностью, осознание недостаточного уровня компетентности и профессиональной беспомощности.

Начало нового цикла не всегда носит радикальный революционный характер из-за сниженной профессиональной мобильности личности, имеющей положительный профессиональный опыт и достижения, развитие идет по проторенному пути в виде получения, «добычи» разного рода профессиональных наград, социально значимых должностей, премий, званий и т.п [4].

Для того, чтобы процесс профессионального самоопределения был полноценным и гармоничным необходимо чтобы он сопровождался рефлексией на каждом этапе. Профессиональная рефлексия выступает как необходимая составляющая профессионального образования, которая связана с личностью обучающегося. Критериями развития профессиональной рефлексии являются сформированность способов и приёмов рефлексии; активность учащихся, обусловленная потребностью в рефлексии; сформированность компонентов психологической готов-

ности к профессиональной деятельности, и взаимосвязан с такими характеристиками личности как уровень эмпатии, социальный интеллект, мотивация, смысло-жизненные ориентации [7].

На этапе подготовки будущих специалистов к профессиональному самоопределению большое значение имеет формирование у учащихся творческого отношения к выполняемой ими профессиональной деятельности, что заключается не только в применении своих способностей для успешности деятельности, но и в таком отношении к ней, в результате которого вносятся изменения в деятельность. Необходимо иметь четкое представление о цикличности характера развития и большом количестве профессий и специальностей. Поэтому столь важно обнаружение у себя совокупности свойств личности, необходимых для овладения группой сходных профессий; развитие общих способностей умственного кругозора, инициативы и активности.

Библиографический список:

1. *Давыдов Д.А., Коповой А.С., Кравченко Е.В.* Влияние современного информационного пространства на качество профессионального образования // Инициативы XXI века. – Химки.: Изд-во: Институт бизнеса, психологии и управления. – 2012. – № 3. – С. 59-62.

2. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. – М.: Академический проект, 2003. – 336 с.

3. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону.: Изд-во «Феникс», 1996. – 512 с.

4. *Кощеев Г.В.* Профессиональное самоопределение на разных этапах становления личности Инновационные технологии в производстве, науке и образовании: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции: в 2 т. Т.2. – Грозный: Издательский дом Парнас, 2010. – С. 333-336.

5. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.

6. *Пряжников Н.С.* Теория и практика профессионального самоопределения. – М.: МГППИ, 1999. – 97 с.

7. *Романова М.В., Константинов В.В.* Профессиональная рефлексия и личностные характеристики студентов будущих педагогов-психологов / М.В. Романова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – Пенза.: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1330-1333.

8. *Коповой А.С.* Перспективы и динамика развития современного информационного пространства // Пензенский психологический вестник. 2014. №2. С.95-105.

ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шустова Н.Е. (г. Балашов, Россия)

В условиях интенсивно развивающегося общества, в ситуации ускорения темпов социальных процессов современная молодежь поставлена в такие условия, когда достижение личного успеха во многом обусловлено ее спо-

способностью принять заданный социумом темп взросления. По сути, успешность личности оценивается с позиции тех достижений, которых она смогла добиться в конкретный период жизнедеятельности. Соответственно каждая взрослеющая личность, с одной стороны, пытается вписаться в установленные внешней средой нормы, а, с другой стороны, фактически в тот же момент стремится превзойти уже достигнутый уровень развития. Однако не всегда установленная социумом, а затем и самой личностью планка необходимых достижений соотносится с ее возможностями, ресурсами, желаниями, знаниями и умениями. И в случае повторяющихся неудач, может возникнуть, а затем и закреплиться позиция неудачника. Человек, потерявший веру в себя, утрачивает способность континуально воспринимать причинно-следственные связи прошлого, настоящего и будущего, что, безусловно, отражается на его жизни в целом. Одним из аспектов данной проблемы является осознанное или неосознанное откладывание принятия решения на потом, которое изучается нами в рамках исследова-

тельского проекта «Психологический анализ влияния прокрастинации на процесс самоопределения молодежи», осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00228а).

Для понимания механизмов уклонения человека от своевременного принятия решения особый интерес представляют концепции, раскрывающие темпоральные факторы жизни (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, Т.Н.Березина, Л.С.Выготский, Дж. Кохен, Л.Ю.Кублицкине и др). Б.Г.Ананьев отмечает, что изучение жизненного пути человека должно осуществляться посредством анализа топологически-метрических характеристик, которые проясняют онтогенетическое развитие с учетом временной упорядоченности и последовательности [2]. Противоречивость индивидуального развития личности, с точки зрения ученого, объясняется наложением фаз жизненного пути на возрастные этапы развития, что проявляется в неравномерности и гетерохронности различных ее проявлений.

К.А. Абульханова-Славская проблему организации жизни рассматривает сквозь призму активности личности, ее субъектности, способности разрешать противоречия между объективными условиями, требованиями жизни, имеющимися возможностями и потребностями [1]. И здесь на первый план выходит соотношение жизненной позиции, жизненной линии и индивидуального смысла жизни, где во главе находится смысловое содержание, отраженное в позиции личности, реализация которой пролонгирована во времени.

К. Левин в теории психологического поля исходит из того, что становление личности осуществляется в контексте отражения субъектом воспринимаемой действительности, обладающей той или иной валентностью [6]. Акцентируя внимание на анализе ситуации, происходящей «здесь и сейчас», он подчеркивает значимость прошлых и будущих событий в детерминации поведения, определении актуальных состояний личности.

На важность осмысления связи событий во временном континууме указывает и Ф. Полак [7]. По мнению социолога, способность осознавать дистанцию между «вчера-сегодня-завтра» в контексте социальных ориентаций, личностных смыслов и индивидуальных желаний играет значимую роль в выстраивании жизненного континуума личности. В ситуации нарушения восприятия последовательности прошлого-настоящего-будущего происходит зависание в каком-то определенном временном периоде. Так, отказ от новаторства, неизвестности и неожиданности, то есть от будущего, заставляет человека сконцентрироваться на настоящем, которое он готов продлевать бессрочно. Утрата интереса к будущему и нигилистический образ будущего, по мнению ученого, парализуют человека, и делает его неспособным формулировать более позитивные и конструктивные образы. Отказываясь от будущего, человек лишает себя перспективы, поскольку именно настрой на будущее побуждает личность преодолевать границу неизвестного и превращает ее из дей-

ствующего человека в человека, рассчитывающего последствия своих действий.

По мнению Е.И. Головаха и А.А. Кроник, построение жизненного пути осуществляется в контексте таких межсобытийных связей как «причина-следствие» и «цель-средство» [3]. Именно эти связи выступают в качестве сущности психологического времени, которая может быть осознана только при определении границ, содержания и взаимосвязи психологического настоящего, прошлого и будущего. Соответственно целостность жизненного пути обеспечивается единой системой отсчета, в которую вплетены реализованные, актуальные и потенциальные межсобытийные связи. Конечно, в идеале эти связи должны осознаваться и признаваться человеком. Однако реальность гораздо сложнее и вариативнее, чем некая (даже самая желанная) модель жизни. И, следовательно, возможны деформации субъективных картин жизненного пути. А.А.Кроник с помощью специально разработанного метода каузометрии установил ряд закономерностей в по-

строении жизненного пути. Так, отрицание потенциальных связей зачастую сопровождается отсутствием и актуальных связей, что указывает на пессимистичность восприятия настоящее и будущего. Отсутствие реализованных связей приводит к обесцениванию событий прошлого. В тех случаях, когда человек констатирует отсутствие актуальных связей, он не в состоянии оценить и связь между прошлым и будущим, для него жизнь разорвана. Напротив, признание только актуальных связей сопряжено с погружением в день сегодняшний без соотнесения его другими периодами жизни человека. А обращенность исключительно только к потенциальным связям приводит к отрицанию значимости предшествующих периодов жизни.

На тесную взаимосвязь жизненного опыта, актуальной удовлетворенности и личностных экспектаций указывает и О.В. Карина [4]. Она подчеркивает важность каждого временного периода для осознания непрерывности пространственно-временного континуума жизни. М.А. Киселева отмечает, что субъективные представления лич-

ности о соотношении прошлого, настоящего и будущего взаимосвязаны с самосознанием личности и проявляются в выборе целей, средств и сроков их достижения [5].

Как видим, каждая личность воспринимает временной континуум жизни сквозь призму субъективного опыта, социального-психологического самочувствия и индивидуальных экспектаций в контексте социальных ориентиров, существующих в социуме. Субъективный характер восприятия прошлого, настоящего и будущего, с одной стороны, позволяет определить границы между различными жизненными периодами, а, с другой стороны, проясняет характер этих событийных этапов. Осознание целостности, непрерывности и преемственности жизненных периодов выступает той сущностной основой, которая помогает личности выстраивать свой жизненный путь: планировать и принимать важные решения, определять пути и сроки достижения цели. При этом не принятие (или абсолютизация) по тем или иным причинам одного из событийных периодов жизни влечет за собой разрозненность и

непоследовательность в построении всего жизненного пути личности.

Библиографический список:

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 229 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984 – 130 с.
4. *Карина О.В.* Динамика проявления экспектаций в подростковом и юношеском возрасте // Журнал «Гуманизация образования», 2015, №1. – Режим доступа: <http://www.humanization.ru>.
5. *Киселева М.А.* Теоретический анализ позитивных и негативных аспектов прокрастинации личности // Журнал «Гуманизация образования», 2014, №6. – Режим доступа: <http://www.humanization.ru>.
6. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – С-Пб.: Речь, –2000.– 368 с.

7. *Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam – London, New York. 1973. – 320 p.*

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ КИНОФИЛЬМОМ ТИПА МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КАК АСПЕКТ ПСИХО- ЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ

Яновский М.И. (г. Донецк, Украина)

Потенциальное нравственное влияние кинофильма на зрителя можно оценивать по образам героев фильма, их моральным качествам, поступкам, декларируемым ценностям. Однако фильм – это не только совокупность образов персонажей, это еще и сеть отношений между ними, жизненные коллизии, ситуации, в которых персонажи участвуют [6]. Киноискусство как бы погружает зрителя в этот мир. Но это мир искусственный, созданный авторами фильма. Отбор, построение коллизий зависят от того, какое виденье, понимание жизни воспроизводится фильмом. Важным аспектом такого виденья является моральное со-

знание, его уровень. Моральное сознание, воспроизводимое фильмом, тем более важно, что в большинстве фильмов борьба добра и зла — едва ли не главный предмет изображения. Зачастую именно структура коллизий положительных и отрицательных персонажей является важным условием интереса к фильму, восприятия и понимания его зрителем.

Фильмовый мир, как некоторая модель жизненного мира, не может быть построен произвольно. Он имеет свою определенную логику, моральную в том числе. И если говорить о логике морали, то следует учесть существование разных логик морали, разных устойчивых форм морального сознания.

Проблема морали — это проблема отношений в дилемме «я — другие» [5]. Поэтому разные логики морали — это разные типы разрешения этой дилеммы. В психологии она нашла выражение в концепции развития интеллекта Ж. Пиаже (напомним, например, такие категории из его концепции как эгоцентризм и децентрация). Поэтому под-

ход, основывающийся на его концепции, нам представляется наиболее адекватным. Таковой является теория уровней морального сознания Л. Кольберга [2]. Эта теория интересна также тем, что, благодаря опоре на идеи Ж. Пиаже, Л. Кольберг трактовал уровни морального сознания как некоторые целостные когнитивные структуры, соответствующие стадиям интеллекта по Ж. Пиаже [4]. Мы можем полагать, что фильмовые миры, если их рассматривать как когнитивные структуры, могут продуктивно описываться в языке концепции Л. Кольберга.

Л. Кольберг в целом различал три стадии развития морального сознания: преконвенциональная, конвенциональная и постконвенциональная. Далее мы дадим их краткое обобщенное описание и наметим сопоставление их с типами организации фильмовых миров.

Дооперациональному интеллекту по Ж. Пиаже соответствует преконвенциональная стадия по Л. Кольбергу. Дооперациональный интеллект ограничен непосредственным опытом, эгоцентричен, подменяет причинно-

следственные связи артифициализмом (приписыванием субъектности процессам) и «магичностью». Соответственно, представления о добре и зле на преконвенциональной стадии связаны с наивным гедонизмом, поэтому моральная регуляция осуществляется через причинение удовольствия-страдания: хорошо то, что доставляет удовольствие (например, одобрение); плохо то, что причиняет неудовольствие (например, наказание). Ограниченность непосредственным опытом и артифициализм приводят к натуралистичности представлений о добре и зле: зло – это человек, приносящий страдание, «плохой человек», добро – человек, доставляющий положительные эмоции.

Преко́нвенциональное моральное сознание находит прямые соответствия в кино. Существуют жанры, содержание которых – борьба «хороших» с «плохими», т.е. воплощений добра с воплощениями зла. При этом в силу того, что здесь нет причин зла, а есть просто «плохие люди», борьба со злом тут, как правило, носит силовой (как вариант – стимул-реактивный) характер. Таковы большинство

фильмов-боевиков, некоторые фильмы-трагедии, мелодрамы.

Стадии конкретных операций по Ж. Пиаже соответствует конвенциональное моральное сознание. На стадии конкретных операций человек выходит за рамки эгоцентризма, и, значит, привязки к своему конкретному наглядному опыту. Вследствие этого он приобретает умение оперировать (комбинировать, классифицировать и т.д.) элементами опыта – представлениями. Но он еще не может оперировать безличными, как бы ничьими, абстракциями. Как следствие он впадает в зависимость от «другого»: от авторитета или от группы. Поэтому такое моральное сознание носит группоцентрический характер: в основе его – принятие норм и оценок своей референтной группы: семьи, класса, религиозной общины и т.п. Поэтому подобное моральное сознание Л. Кольберг называет конвенциональным. Здесь господствует принцип «хорошо то, что хорошо для своих». Моральная регуляция осуществ-

ляется через порицание, вызывание чувства стыда, позор или наоборот, похвалу, прославление.

В свое время Л.С. Выготский, изучая особенности содержания понятий, используемых детьми на этой стадии развития интеллекта (7-11 лет), называл их псевдопонятиями, поскольку они лишь функционально подобны понятиям, по сути же – конкретные представления [3]. По всей видимости и мораль конвенциональной стадии мы должны оценивать по большому счету как псевдомораль: в ней отсутствуют единые для разных людей критерии добра и зла. Вместо этого добром считается то, что хорошо для группы, для «своих», то, что сохраняет целостность группы. Поэтому для конвенционального морального сознания выражением моральности является конформизм (но и нонконформизм, как особый частный случай конформизма, внешне ему противоположный [1]).

Соответствующий фильмный мир строится на коллизии личности и группы, личности и общества. Добро – это группа (общество), ее интересы и нормы. Зло – несо-

гласие с остальными, индивидуализм. И возможна нонконформистская вариация того же самого: добро – это протест против условных, например, устаревших, норм общества, ради других, тоже условных, но более прогрессивных. В таких фильмах коллизии разворачиваются вокруг противостояния: «хранители устоев» («хорошие») – «предатели» («плохие»). Или нонконформистский вариант: «ретрограды» («плохие») – «новаторы», «революционеры» («хорошие»). Подобные коллизии характерны для идеологически ангажированных фильмов, комедий, особенно сатирического характера, в некоторых случаях – трагедий. Ключевые эмоции таких фильмов – вероятно, гордость или позор, стыд.

Стадия формальных операций по Ж. Пиаже связана с владением умениями оперировать абстрактными понятиями, гипотетико-дедуктивным мышлением. Этой стадии соответствует постконвенциональное моральное сознание. Начальный вариант соответствующего морального сознания Л. Кольберг описывает как осознание равенства прав

себя и другого, что означает появление единой моральной мерки для разных людей. Развитой вариант такого типа морального сознания состоит в нахождении общечеловеческих универсальных принципов (мер) нравственности, опоре на них.

В фильмовых мирах, воплощающих данную форму морального сознания, деление персонажей на «хороших» и «плохих» теряет значение. Характерным здесь является эволюция морального сознания персонажей (например, главного героя), приводящая их к осознанию всеобщих моральных истин через свой индивидуальный жизненный путь. Добро здесь не означает быть хорошим, добрым, правильным и т.д.; добро здесь – причастность и подчинение некоему принципу добра. Так могут быть построены фильмы, изображающие эволюцию героев фильма, движение их к инсайту в духовную сферу.

Воспроизводя определенный тип (уровень) морального сознания, фильмы, мы полагаем, производят своего рода *моральное форматирование* сознания зрителя. Сле-

довательно, моральное влияние фильма мы можем прогнозировать не только по вкладываемому в образы героев фильма и их поступки заряду нравственности, но и по особенностям функциональной структуры системы персонажей. Отметим, что первые два уровня морального сознания, реализованные в построении фильмов, дают зрителю скорее форму моральности, чем ее как таковую. Борьба добра и зла в таких фильмах используется больше как инструмент извлечения эмоций у зрителя (страх, жалость, ненависть и т.д.). Лишь в последнем варианте эмоции теряют отдельное значение и подчиняются логике собственно моральной трансформации сознания.

Библиографический список:

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5-17.

3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. *Обухова Л.Ф.* Детская психология. Теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995. 352 с.
5. *Поддьяков А.Н.* Культурная психология человеческого Я // Вопросы психологии. 2001. № 5. С.113-115.
6. *Яновский М.И.* Психологическое воздействие монтажных построений в киновидеоряде // Пензенский психологический вестник. 2014. № 2. С. 58-83.

CULTURAL TRANSMISSION AND THE EVOLUTION OF HUMAN BEHAVIOR

Appannavar R.A. (Belgaum, India)

The article in this theme issue seeks to understand the evolutionary bases of cultural transmission for the evolution of human behavior. Cultural transmission in our species is a cumulative inheritance system that leads to a cultural evolution process with a great adaptive value. Our genes have promoted a social learning system very effective for the transmission of

learned behaviors. The ability to accumulate knowledge based on an efficient transmission process is what distinguishes human culture from other kinds of social learning present in non-human primates. Human behavior is a product of two different and interacting processes: genetic evolution and cultural evolution. Much variation in human behavior cannot be understood without accounting for beliefs, values and other socially acquired determinants of behavior. Thus, culture is crucial for understanding human behavior and coevolves with biology. On the one hand, the psychobiological capacities guiding cultural processes are the product of evolution. On the other hand, culture modifies the environment in which we live and therefore determine future action of natural selection.

Introduction. In the last 60,000 humans have expanded across the globe and now occupy a wider range than any other terrestrial species. Our ability to successfully adapt to such a diverse range of habitats is often explained in terms of our cognitive ability. Humans have relatively bigger brains and more computing power than other animals and this allows us

to figure out how to live in a wide range of environments. Here we argue that humans may be smarter than other creatures, but none of us is nearly smart enough to acquire all of the information necessary to survive in any single habitat. In even the simplest foraging societies, people depend on a vast array of tools, detailed bodies of local knowledge, and complex social arrangements and often do not understand why these tools, beliefs, and behaviors are adaptive. We owe our success to our uniquely developed ability to learn from others. This capacity enables humans to gradually accumulate information across generations and develop well-adapted tools, beliefs, and practices that are too complex for any single individual to invent during their lifetime.

Humans learn from other humans in a wide variety of domains. Consequently, systems of knowledge and behavior are culturally transmitted in human populations. The articles in this theme issue seek to understand the evolutionary bases and consequences of cultural transmission: how widespread is cultural transmission in the animal kingdom; how does cultural

transmission work in human populations; what products does cultural evolution deliver; and how has culture interacted with biological evolution to shape our species?

What Is Culture? The word culture has many different meanings. For some it refers to an appreciation of good literature, music, art, and food. For a biologist, it is likely to be a colony of bacteria or other microorganisms growing in a nutrient medium in a laboratory Petri dish. However, for anthropologists and other behavioral scientists, culture is the full range of learned human behavior patterns. The term was first used in this way by the pioneer English Anthropologist Edward B. Tylor in his book, *Primitive Culture*, published in 1871. Tylor said that culture is "that complex whole which includes knowledge, belief, art, law, morals, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society." Of course, it is not limited to men. Women possess and create it as well. Since Tylor's time, the concept of culture has become the central focus of anthropology.

When social scientists use the term culture, they refer to the set of values, assumptions, and customs as well as the physical objects- everything from clothing , dwelling, and cuisine to technologies and works of art that a group of people have developed over the years as a design of living to structure their life together. When we look closely at various designs of living, it becomes clear that culture guides development in a multitude of interrelated ways.

Culture has been defined as the accumulative values, rules of behavior, forms of expression, religious beliefs, and the likes for a group of people who share a common language and environment (Triandis 1994). As such, culture is an organizing and stabilizing influence. It encourages or discourages particular behaviors; it allows people to understand and anticipate the behavior of others in that culture. It is a kind of adaptation, passed by tradition and example rather than by genes from one generation to the next.

Culture is a powerful human tool for survival, but it is a delicate phenomenon. It is constantly changing and easily lost

because it exists only in our minds. Our written languages, governments, buildings, and other man-made things are merely the products of culture. They are not culture in themselves. For this reason, archaeologists cannot dig up culture directly in their excavations. The broken pots and other artifacts of ancient people that they uncover are only material remains that reflect cultural patterns they are things that were made and used through cultural knowledge and skills.

Culture and Society. Culture and society is not the same thing. While cultures are complexes of learned behavior patterns and perceptions, societies are groups of interacting organisms. People are not the only animals that have societies. In the case of humans, however, societies are groups of people who directly or indirectly interact with each other. People in human societies also generally perceive that their society is distinct from other societies in terms of shared traditions and expectations.

While human societies and cultures are not the same thing, they are inextricably connected because culture is creat-

ed and transmitted to others in a society. Cultures are not the product of lone individuals. They are the continuously evolving products of people interacting with each other. Cultural patterns such as language and politics make no sense except in terms of the interaction of people. If you were the only human on earth, there would be no need for language or government.

Is Culture Limited to Humans? There is a difference of opinion in the behavioral sciences about whether or not we are the only animal that creates and uses culture. The answer to this question depends on how narrow culture is defined. If it is used broadly to refer to a complex of learned behavior patterns, then it is clear that we are not alone in creating and using culture. Many other animal species teach their young what they themselves learned in order to survive. This is especially true of the chimpanzees and other relatively intelligent apes and monkeys. Wild chimpanzee mothers typically teach their children about several hundred food and medicinal plants. Their children also have to learn about the dominance hierarchy and the social rules within their communities. As males

become teenagers, they acquire hunting skills from adults. Females have to learn how to nurse and care for their babies. Chimpanzees even have to learn such basic skills as how to perform sexual intercourse. This knowledge is not hardwired into their brains at birth. They are all learned patterns of behavior just as they are for humans.

Cultural Learning. Cultural learning, also called cultural transmission, is the way a group of people within a society or culture tend to learn and pass on new information. Learning styles are greatly influenced by how a culture socializes with its children and young people. Cross-cultural research in the past fifty years has primarily focused on differences between Eastern and Western cultures. Some scholars believe that cultural learning differences may be responses to the physical environment in the areas in which a culture was initially founded. These environmental differences include climate, migration patterns, war, and agricultural suitability. Cultural evolution, upon which cultural learning is built, is believed to be a prod-

uct of only the past 10,000 years and to hold little connection to genetics (Chang, et al., 2010).

The key aspect of culture is that it is not passed on biologically from the parents to the offspring, but rather learned through experience and participation. The process by which a child acquires his or her own culture is referred to as enculturation. Cultural learning allows individuals to acquire skills that they would be unable to independently over the course of their lifetimes. Cultural learning is believed to be particularly important for humans. The immaturity of dentition and the digestive system, the time required for growth of the brain, the rapid skeletal growth needed for the young to reach adult height and strength means that children have special digestive needs and are dependent on adults for a long period of time .This time of dependence also allows time for cultural learning to occur before passage into adulthood.

On the basis of cultural learning, people create, remember, and deal with ideas. They understand and apply specific systems of symbolic meaning. Cultures have been compared to

sets of control mechanisms, plans, recipes, rules, or instructions. Cultural differences have been found in academic motivation, achievement, learning style, conformity, and compliance (Chang, et al., 2010). Cultural learning is dependent on innovation or the ability to create new responses to the environment and the ability to communicate or imitate the behavior of others (Lehmann, Feldman & Kaeuffer, 2010). Animals that are able to solve problems and imitate the behavior of others are therefore able to transmit information across generations.

This article describes key aspects of human society: cultural effects on human behavior, the organization and behavior of groups, the processes of social change, Cultural evolution and functionality.

Cultural Effects on Behavior. Human behavior is affected both by genetic inheritance and by experience. The ways in which people develop are shaped by social experience and circumstances within the context of their inherited genetic potential. The scientific question is just how experience and hereditary potential interact in producing human behavior. Each per-

son is born into a social and cultural settings family, community, social class, language, religion and eventually develops many social connections. The characteristics of a child's social setting affect how he or she learns to think and behave, by means of instruction, rewards and punishment, and example. This setting includes home, school, neighborhood, and also, perhaps, local religious and law enforcement agencies. Then there are also the child's mostly informal interactions with friends, other peers, relatives, and the entertainment and news media. How individuals will respond to all these influences, or even which influence will be the most potent, tends not to be predictable. There is, however, some substantial similarity in how individuals respond to the same pattern of influences that is, to being raised in the same culture. Furthermore, culturally induced behavior patterns, such as speech patterns, body language, and forms of humor, become so deeply imbedded in the human mind that they often operate without the individuals themselves being fully aware of them.

Every culture includes a somewhat different web of patterns and meanings: ways of earning a living, systems of trade and government, social roles, religions, traditions in clothing and foods and arts, expectations for behavior, attitudes toward other cultures, and beliefs and values about all of these activities. Within a large society, there may be many groups, with distinctly different subcultures associated with region, ethnic origin, or social class. If a single culture is dominant in a large region, its values may be considered correct and may be promoted not only by families and religious groups but also by schools and governments. Some of which may cross national boundaries (such as musicians and scientists).

Fair or unfair, desirable or undesirable, social distinctions are a salient part of almost every culture. The form of the distinctions varies with place and time, sometimes including rigid castes, sometimes tribal or clan hierarchies, sometimes a more flexible social class. Class distinctions are made chiefly on the basis of wealth, education, and occupation, but they are also likely to be associated with other subcultural differences, such

as dress, dialect, and attitudes toward school and work. These economic, political, and cultural distinctions are recognized by almost all members of a society and resented by some of them.

The class into which people are born affects what language, diet, tastes, and interests they will have as children, and therefore influences how they will perceive the social world. Moreover, class affects what pressures and opportunities people will experience and therefore affects what paths their lives are likely to take including schooling, occupation, marriage, and standard of living. Still, many people live lives very different from the norm for their class.

The ease with which someone can change social class varies greatly with time and place. Throughout most of human history, people have been almost certain to live and die in the class into which they were born. In some parts of the world today, increasing numbers of people are escaping from poverty through economic or educational opportunity, while in other parts, increasing numbers are being impoverished.

What is considered to be acceptable human behavior varies from culture to culture and from time period to time period. Every social group has generally accepted ranges of behavior for its members. Unusual behaviors may be considered either merely amusing, or distasteful, or punishably criminal. Some normal behavior in one culture may be considered unacceptable in another. For example, aggressively competitive behavior is considered rude in highly cooperative cultures. Although the world has a wide diversity of cultural traditions, there are some kinds of behavior (such as incest, violence against kin, theft, and rape) that are considered unacceptable in almost all of them.

Technology has long played a major role in human behavior. The high value placed on new technological invention in many parts of the world has led to increasingly rapid and inexpensive communication and travel, which in turn has led to the rapid spread of fashions and ideas in clothing, food, music, and forms of recreation. Books, magazines, radio, and television describe ways to dress, raise children, make money,

find happiness, get married, cook, and make love. They also implicitly promote values, aspirations, and priorities by the way they portray the behavior of people such as children, parents, teachers, politicians, and athletes, and the attitudes they display toward violence, sex, minorities, the roles of men and women, and lawfulness.

Group Behavior. In addition to belonging to the social and cultural settings into which they are born, people voluntarily join groups based on shared occupations, beliefs, or interests (such as unions, political parties, or clubs). Membership in these groups influences how people think of themselves and how others think of them. These groups impose expectations and rules that make the behavior of members more predictable and that enable each group to function smoothly and retain its identity. The rules may be informal and conveyed by example, such as how to behave at a social gathering, or they may be written rules that are strictly enforced. Formal groups often signal the kind of behavior they favor by means of rewards

(such as praise, prizes, or privileges) and punishments (such as threats, fines, or rejection).

Social organizations may serve many purposes beyond those for which they formally exist. Private clubs that exist ostensibly for recreation are frequently important places for engaging in business transactions; universities that formally exist to promote learning and scholarship may help to promote or to reduce class distinctions; and business and religious organizations often have political and social agendas that go beyond making a profit or ministering to people.

Social Change. Societies, like species, evolve in directions that are opened or constrained in part by internal forces such as technological developments or political traditions. The conditions of one generation limit and shape the range of possibilities open to the next. On the one hand, each new generation learns the society's cultural forms and thus does not have to reinvent strategies for producing food, handling conflict, educating young people, governing, and so forth. It also learns aspirations for how society can be maintained and improved.

On the other hand, each new generation must address unresolved problems from the generation before: tensions that may lead to war, wide-scale drug abuse, poverty and deprivation, racism, and a multitude of private and group grievances.

Convenient communication and transportation also stimulate social change. Groups previously isolated geographically or politically become ever more aware of different ways of thinking, living, and behaving, and sometimes of the existence of vastly different standards of living. Migrations and mass media lead not only to cultural mixing but also to the extinction of some cultures and the rapid evolution of others. Easy worldwide communications and transportation force confrontations of values and expectation. Sometimes deliberately as propaganda, sometimes just incidentally, as in the pursuit of commercial interests.

Cultural Evolution and Functionality. One of the main motivations for understanding the human capacity for culture is that it appears to form the basis of some of humanity's most surprising achievements. Sophisticated technologies, highly

developed sciences and elaborate social or religious rituals are products of a cumulative process of cultural evolution, whereby each generation builds on the achievements of their predecessors in a gradual, approximately monotonic increasing up of complexity and functionality. Caldwell & Millen provide an introduction to the area of cumulative cultural evolution: its taxonomic spread (its presence in non-humans is contentious); the mechanisms underpinning it (it remains unclear whether sophisticated imitation is required for cumulative cultural evolution, or whether more basic social learning mechanisms will suffice); and the types of outcomes it yields (e.g. whether cumulative cultural evolution can deliver behaviors that are universal cross-culturally). The latter is a crucial issue: cross cultural universality is often taken as a hallmark of non-cultural transmission—for example, fundamental structural similarities across diverse languages are often taken as evidence for a universal genetically specified language blueprint. Caldwell & Millen summarize their own experimental work (Caldwell & Millen 2008) which uses a diffusion chain approach to explore

the cumulative cultural evolution of technological artifacts. As well as demonstrating the phenomenon under laboratory conditions, they show convergent evolution across separate populations towards similar artifact designs, indicating that, under certain circumstances, cumulative cultural evolution can potentially offer a non-genetic explanation for cross cultural universals. The culturally transmitted patterns of behavior in populations therefore become more efficient over transmission events, in line with the notion of cumulative cultural evolution. Conclusion: Cultural learning is believed to be particularly important for humans. As the article show, understanding cultural transmission is the key to understanding human behavior. Many aspects of human behavior are influenced by social learning, including some of the features that are often taken to differentiate humans from other animals (e.g. complex technologies or language), and purely biological explanations for the evolution of such behaviors. On the basis of cultural learning, people create, remember, and deal with ideas. They understand and apply specific systems of symbolic meaning. Cul-

tures have been compared to sets of control mechanisms, plans, recipes, rules, or instructions. Cultural differences have been found in academic motivation, achievement, learning style, conformity, and compliance. Cultural learning is dependent on innovation or the ability to create new responses to the environment and the ability to communicate or imitate the behavior of others. A meme is "an idea, behavior or style that spreads from person to person within a culture." A meme acts as a unit for carrying cultural ideas, symbols or practices, which can be transmitted from one mind to another through writing, speech, gestures, rituals, or other imitable phenomena.

References:

1. Article: The cultural niche: Why social learning is essential for human adaptation by Dennis O'Neil. 2006.
2. Cultural Transmission. Boundless Sociology. Boundless, 14 Nov. 2014. Retrieved 24 Jan. 2015 from <https://www.boundless.com/sociology/textbooks/boundless-sociology-textbook/education-13/the-functionalist-perspective-100/cultural-transmission-562-9625/>

3. Introduction. Cultural transmission and the evolution of human behavior Kenny Smith^{1,*}, Michael L. Kalish², Thomas L. Thomas L. Griffiths and Stephan Lewandowsky
<http://rstb.royalsocietypublishing.org/>
4. Text book: Psychology by Bernstein, Clarke Stewart, Roy, Wickens fourth edition.
5. Text book: The developing person through the life span by Berger fourth edition.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акименко Анастасия Константиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Алимов Айдар Анварович кандидат психологических наук доцент кафедры психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Балашов, Россия)

Арпентьева Мариям Равильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета (г. Калуга, Россия)

Безносков Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Беляева Елена Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Блинова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор заведующая кафедрой общей и социальной психологии Херсонского государственного университета (г. Херсон, Украина)

Бухлина Лариса Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Бузыкина Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Вершинина Марина Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Васина Татьяна Сергеевна, ученица 11-го класса МБОУ СОШ «Классическая гимназия №1 им. В.Г. Белинского» (г. Пенза, Россия)

Викторова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Власенко Антон Сергеевич, адъюнкт кафедры педагогики Военный Университет МО РФ (г. Москва, Россия)

Галицкая Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Финансово-промышленной академии (г. Москва, Россия)

Голоюс Елена Андреевна, старший преподаватель кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Горбачева Елена Игоревна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития и образования ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им.К.Э.Циолковского» (г. Калуга, Россия)

Григорьев Дмитрий Сергеевич, стажёр-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокуль-

турных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ,
(г. Москва, Россия)

Дроздов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Елизаров Андрей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова» (г. Москва, Россия)

Елисеева Жанна Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ермекова Жадыра Керимбаевна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель декана по научной работе

физико-технического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г.Астана, Казахстан)

Ермишина Варвара, ученица 9-го класса Филиала МБОУ СОШ села Поселки – МБОУ ООШ села Комаровка (с. Комаровка, Пензенская область, Россия)

Жантемирова Мадина Балтабаевна, преподаватель кафедры «Педагогика, психология и социальная работа» Кокшетауский государственный университет им.Ш.Уалиханова (г. Кокшетау, Казахстан)

Жуина Диана Валериевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и прикладной психологии, Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия).

Зенина Вера Петровна, студентка направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ильин Алексей Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета (г. Омск, Россия)

Карина Ольга Витальевна, кандидат психологических наук доцент, заведующая кафедрой психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Балашов, Россия)

Карманова Татьяна Михайловна, аспирант кафедры «Прикладная психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кежапкина Елена Николаевна, студентка 5-го курса
специальность «Педагогика и психология» ФГБОУ ВПО
«Пензенский государственный университет» (г. Пенза,
Россия)

Кленова Милена Александровна, кандидат психологи-
ческих наук, старший преподаватель кафедры социальной
психологии образования и развития ФГБОУ ВПО «Сара-
товский государственный университет им. Н.Г. Черны-
шевского» (г. Саратов, Россия)

Константинов Всеволод Валентинович, кандидат пси-
хологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Об-
щая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государ-
ственный университет» (г. Пенза, Россия)

Коповой Андрей Сергеевич, кандидат педагогических
наук, доцент, профессор кафедры педагогики Балашовско-
го института (филиала) Саратовского государственного

университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Балашов, Россия)

Копылова Любовь Евгеньевна, аспирант кафедры психологии Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Балашов, Россия)

Косенок Алина Игоревна, соискатель кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Левит Леонид Зигфридович, кандидат психологических наук, доцент, директор Центра психологического здоровья и образования. (г. Минск, Беларусь)

Лигай Мария Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей и теоретической физики

Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

Логвинов Игорь Николаевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Логвинова Маргарита Игоревна, студентка 4-го курса факультета педагогики и психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Логвинова Татьяна Игоревна, студентка 4-го курса факультета педагогики и психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Ломакина Юлия Борисовна, студентка 2 курса специальности «Психология», Кокшетауский государственный университет им.Ш.Уалиханова, (г. Кокшетау, Казахстан)

Лупанова Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология профессионального образования» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Маликова Наиля Рамазановна, доктор социологических наук, профессор Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Мирошниченко Ольга Александровна, аспирантка кафедры психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Молдабекова Сандугаш Кайрхановна, старший преподаватель кафедры «Педагогики, психологии и социальной работы» Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова (г. Кокшетау, Казахстан)

Михайлова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия)

Мухутдинова Валентина Александровна, студентка 5 курса специальности «Педагогика и психология» Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова (г. Кокшетау, Казахстан)

Никишов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия).

Осипова Ирина Станиславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия).

Панова Татьяна Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Поспелова Тамара Григорьевна, старший научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Попович Игорь Степанович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента Херсонского государственного университета (Херсон, Украина).

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, (г. Санкт-Петербург, Россия)

Пронькина Елена Геннадьевна, студентка 4 курса направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия)

Романова Марина Владимировна, старший преподаватель кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)
(г. Пенза, Россия)

Ручкова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Савельева Надежда Александровна, магистрантка 2-го года обучения направления подготовки «Психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Савенкова Ирина Витальевна, кандидат психологических наук, доцент ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Салмин Михаил Алексеевич, начальник Управления Федеральной Миграционной Службы по Пензенской области (г. Пенза, Россия)

Сапарин Олег Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных технологий ФГБОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова» (г. Москва, Россия)

Сарычев Сергей Васильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Курского государственного университета (г. Курск, Россия)

Саяпина Наталия Николаевна, кандидат педагогиче-

ских наук, доцент кафедры методологии образования
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Синюкова Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая психология» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сохранов – Преображенский Владимир Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Педагогика и психология профессионального образования» ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Стукаленко Нина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор кафедры «Педагогика и психология» Кокшетауского государственного университета им. Ш.Уалиханова (г. Кокшетау, Казахстан)

Тугаров Тугаров Александр Борисович, доктор философских наук, профессор, декан факультета педагогики, психологии и социальных наук ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Тучина Оксана Роальдовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», (г. Краснодар, Россия)

Фадеева Татьяна Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Шанин Сергей Викторович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитар-

но-педагогические науки» ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова» (г. Саратов, Россия)

Шевцова Элина Александровна, магистрант 1-го курса, направление «Социальная работа», факультет педагогики, психологии и социальных наук ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Шустова Наталья Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (г. Балашов, Россия)

Яновский Михаил Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Донецкого национального университета, (г. Донецк, Украина)

Rashmi A. Appannavar, clinical psychologist (MS) (Belgaum, India)

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
ЛОЖЬ КАК КОМПОНЕНТ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ АДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Акименко А.К. (г. Саратов, Россия)	4
РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Алимов А.А. (г. Балашов, Россия)	18
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОЛЛАПС И ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАННИБАЛИЗМА Арпентьева М.Р. (г. Калуга, Россия).....	35
ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ Безносков Д.С. (г. Санкт-Петербург, Россия)	116
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Беляева Е.В. (г. Курск, Россия).....	125
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ Блинова Е.Е. (г. Херсон, Украина)	142
РАЗЛИЧИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ В СИТУАЦИЯХ ФРУСТРАЦИЙ У ПОДРОСТКОВ МИГРАНТОВ С КАВКАЗА И РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ Бухлина Л.Ю. (г. Пенза, Россия) Бузыкина Ю.С. (г. Пенза, Россия)	161

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ Г. ПЕНЗЫ	
Вершинина М.В. (г. Пенза, Россия) Васина Т.С. (г. Пенза, Россия).....	171
СОЦИАЛЬНЫЙ ИМПРИНТИНГ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК Викторова Е.В. (г. Пенза, Россия).....	187
РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВЕННО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ	
Галицкая Т.И. (г. Москва, Россия) Власенко А.С. (г. Москва, Россия)	200
СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НОРМАТИВОВ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ	
Горбачева Е.И. (г. Калуга, Россия).....	214
ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ Григорьев Д.С. (г. Москва, Россия)	225
ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ТУРКМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ЭЛЕМЕНТА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ	
Дроздов С.В. (г. Курск, Россия) Логвинова М.И. (г. Курск, Россия)	243
ПАТРИОТИЗМ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
Елизаров А.Н. (г. Москва, Россия).....	253
ИМИДЖ УЧИТЕЛЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УЧЕНИКОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ	
Елисеева Ж.М., Ермишина В. (г. Пенза, Россия)	267
АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУСНИКОВ, ПРИБЫВШИХ ИЗ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ ПО ПРОГРАММЕ «СЕРПІН-2050»	
Жантемирова М.Б. (г. Кокшетау, Казахстан)	
Ломакина Ю.Б. (г. Кокшетау, Казахстан)	277

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ТАТАР, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ) Жуина Д.В. (г. Саранск, Россия)	291
МАССОВАЯ СИМВОЛИЗАЦИЯ И ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ Ильин А.Н. (г. Омск, Россия)	300
ПРОБЛЕМА ПРОКРАСТИНАЦИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ Карина О.В. (г. Балашов, Россия).....	315
НАРОДНАЯ СКАЗКА КАК СРЕДСТВО РАННЕЙ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ДЕТЕЙ Карманова Т.М. (г. Пенза, Россия) Голоус Е.А. (г. Пенза, Россия)	322
ИЗУЧЕНИЕ СВЯЗИ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА Кежапкина Е.Н. (г. Пенза, Россия) Романова М.В. (г. Пенза, Россия).....	331
СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ Кленова М.А. (г. Саратов, Россия).....	342
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУПП В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ Константинов В.В. (г. Пенза, Россия) ..	350
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ Коповой А.С. (г. Балашов, Россия)	372
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИХ ШКОЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ Копылова Л.Е. (г. Балашов, Россия).....	383
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В ТРЕНИНГОВОЙ РАБОТЕ ПО СОЦИО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ Косенок А.И. (г. Пенза, Россия)	396

«МИФ О ПЕЩЕРЕ» И ЭЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ Левит Л.З. (г. Минск, Беларусь).....	404
ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ТУРКМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ.....	
Логвинов И.Н. (г. Курск, Россия) Логвинова Т.И. (г. Курск, Россия)	422
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ГЛОБАЛИЗАЦИИ. Маликова Н.Р. (г. Москва, Россия)	439
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКА Молдабекова С.К. (г. Кокшетау, Казахстан) Мухутдинова В.А. (г. Кокшетау, Казахстан).....	466
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОСТИ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ Михайлова О.Б. (г. Москва, Россия)	477
НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ Никишов С.Н. . (г. Саранск, Россия) Осипова И.С. (г. Саранск, Россия) Пронькина Е.Г.. (г. Саранск, Россия)	493
ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ Попович И.С. (г. Херсон, Украина)	501
НАКОПЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ Почебут Л.Г. (г. Санкт-Петербург, Россия)	517
МОТИВАЦИОННАЯ УСТАНОВКА ВЫБОРА ОДИНОЧЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН Панова Т.В. (г. Пенза, Россия) Савельева Н.А. (г. Пенза, Россия).....	529

СОЦИАЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС Поспелова Т.Г. (г.Санкт-Петербург, Россия)	542
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОНЯТИЙ «МЕМЕТИКА» И «ПСИХИЧЕСКИЕ ВИРУСЫ» Ручкова Н.А. (г. Пенза, Россия).....	550
ФУНКЦИИ ОБЩЕНИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОГО ВИДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ Савенкова И.В. (г.Ростов-на-Дону, Россия)..	559
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ И ПРОФИЛАКТИКЕ КОНФЛИКТОВ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ Салмин М.А. (г. Пенза, Россия)	581
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ, ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ДИАГНОСТИКИ И ПРОДВИЖЕНИЯ Сапарин О.Е. (г. Москва, Россия) ...	599
ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА АКТУАЛИЗАЦИИ МНОГОУРОВНЕВОГО ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ Сарычев С.В. (г. Курск, Россия) Мирошниченко О.А. (г. Курск, Россия)	615
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Саяпина Н.Н. (г. Саратов, Россия)	632
СВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ В ИХ ГРУППАХ Синюкова Е.М. (г. Пенза, Россия) Зенина В.П. (г. Пенза, Россия).....	643
РАЗВИТИЕ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К РЕАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРОДВИЖЕНИЯ ЕЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК Сохранов – Преображенский В.В. (г. Пенза, Россия) Лупанова Н.А. (г. Пенза, Россия)	660

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР КУЛЬТИВИРОВАНИЯ НОВОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ Стукаленко Н.М. (г. Кокшетау, Казахстан) Лигай М.А. (г. Кокшетау, Казахстан) Ермакова Ж.К. (г. Кокшетау, Казахстан)	673
ИССЛЕДОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Тугаров А.Б. (г. Пенза, Россия) Шевцова Э.А. (г. Пенза, Россия)	683
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ И ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ) Тучина О.Р. (г. Краснодар, Россия)	695
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТОЛЕРАНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ И БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ Фадеева Т.Ю. (г. Саратов, Россия)	709
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ Шанин С.В. (г. Саратов, Россия)	723
ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ Шустова Н.Е. (г. Балашов, Россия)	734
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ КИНОФИЛЬМОМ ТИПА МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ КАК АСПЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ Яновский М.И. (г. Донецк, Украина)	743
CULTURAL TRANSMISSION AND THE EVOLUTION OF HUMAN BEHAVIOR Appannavar R.A. (Belgaum, India)	752

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ**
**материалы 2-й Международной научно-практической
конференции**

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 13.01.2015.

Объем 2,77 Мбайт. Электрон. текстовые дан. Заказ 013.

